Ли Чайлд

Кровавое эхо

Неправильно думать, будто писательство – это занятие одиночки-отшельника. На самом деле это командная игра, и я счастлив иметь на своей стороне талантливых и благожелательных людей везде, где печатают мои произведения. Таким образом, если вы когда-либо рекламировали, продавали или даже просто хвалили одну из моих книг, эти слова относятся и к вам. Вас слишком много, чтобы называть каждого поименно, но вы слишком важны, чтобы не упоминать о вас вовсе.

Глава 1

Наблюдателей было трое: двое мужчин и мальчик. Из-за расстояния они пользовались не биноклями, а подзорными трубами. Они находились почти в миле от своей цели, поскольку ближе укрытия найти не удалось. Со всех сторон их окружала ровная местность с невысокими холмами, выжженная солнцем до цвета хаки, – трава, камни и песок. Самым безопасным местом, где они смогли спрятаться, было довольно широкое ущелье, появившееся миллионы лет назад, когда здесь царствовал другой климат, шли дожди, росли папоротники и несли свои воды реки.

Мужчины лежали, прижавшись к пыльной земле, и неотрывно смотрели в подзорные трубы, а утреннее солнце проливало свой жар на их спины. Мальчик ползал вокруг них на коленях, носил воду из маленького холодильника, следил за просыпающимися гремучими змеями и делал записи в блокноте. Они приехали еще затемно в пыльном пикапе, издалека, с запада, по пустынной местности. Накинув кусок брезента на грузовик, прижали его камнями, а сами осторожно подобрались к краю ущелья, где поставили подзорные трубы как раз в тот момент, когда утреннее солнце появилось на востоке за красным домом примерно в миле от них. Была пятница, пятое утро, которое они здесь проводили, и разговаривать им не особенно хотелось.

– Время? – спросил один из мужчин.

Голос его звучал гнусаво из-за того, что один глаз у него был открыт, а другой зажмурен.

Мальчик посмотрел на часы и ответил:

– Шесть пятьдесят.

– Внимание, – сказал мужчина с подзорной трубой.

Мальчик открыл блокнот и приготовился сделать те же записи, какие делал вот уже четыре раза.

– В кухне зажегся свет, – сообщил мужчина.

Мальчик записал: «6.50. В кухне зажегся свет». Кухня выходила окнами прямо на них и на запад, в нее не проникали лучи утреннего солнца, и потому в ней было темно даже после восхода.

– Одна? – спросил юноша.

– Как всегда, – прищурившись, проговорил второй мужчина.

«Кухарка готовит завтрак, – записал мальчик. – Объект еще в постели».

Солнце медленно поднималось, описывая дугу на небе, и тени начали укорачиваться. На крыше красного дома, прямо над кухней, торчала высокая труба, похожая на стрелку солнечных часов. Тень от нее сдвинулась и стала короче, а солнце принялось сильнее припекать спины наблюдателей. Семь часов утра, и уже так жарко. К восьми его лучи будут обжигающими, к девяти станет невыносимо. А им придется просидеть здесь целый день, пока не стемнеет и они не смогут незаметно покинуть свой пост.

– Открываются шторы в спальне, – сообщил второй мужчина. – Она встала.

Мальчик записал: «7.04. Открылись шторы в спальне».

– А теперь слушайте, – сказал первый мужчина.

Они услышали, как включилась колодезная помпа: едва различимый с расстояния в милю щелчок, затем ровное тихое гудение.

– Она принимает душ, – сказал мужчина.

Мальчик записал: «Объект принимает душ».

Мужчины дали отдых своим глазам. Пока она находилась в душе, ничего не могло произойти. Естественно, не могло. Они опустили подзорные трубы и заморгали, когда ослепительное солнце ударило им в глаза. Помпа выключилась через шесть минут, и тишина, наступившая после прекращения едва различимого гудения механизма, показалась им оглушительной. Мальчик написал: «7.12. Объект вышел из душа». Мужчины снова поднесли подзорные трубы к глазам.

– Думаю, она одевается, – сказал первый мужчина.

Мальчик захихикал:

– Ты видишь ее голую?

Второй мужчина, устроившийся в двадцати футах к югу, видел заднюю часть дома, где располагалась ее спальня.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты мерзкий тип? – спросил он.

Мальчик написал: «7.15. Возможно, одевается». Затем: «7.20. Возможно, находится внизу и завтракает».

– Она снова поднимется наверх, чтобы почистить зубы, – сказал он.

Мужчина слева сдвинулся, опираясь на локти.

– Ясное дело, – проговорил он. – Правильная малышка.

– Снова закрывает шторы, – сообщил мужчина справа.

Так всегда делают на западе Техаса, в особенности когда окна спальни выходят на юг, как это окно. Если только вы не хотите провести следующую ночь в комнате, где воздух горячее, чем в печи для приготовления пиццы.

– Внимание, – сказал мужчина. – Ставлю один бакс против десяти на то, что она сейчас отправится в конюшню.

Никто не принял его вызов, потому что до сих пор четыре раза из четырех она так и поступала, а наблюдателям платят именно за то, чтобы они обращали внимание на схему поведения.

– Дверь кухни открывается.

Мальчик записал: «7.27. Открылась дверь кухни».

– Она выходит.

Она появилась в голубом льняном платье до колен, с голыми плечами. Влажные после душа волосы были завязаны в хвост.

– Как называется такое платье? – спросил мальчик.

– Сарафан, – ответил мужчина слева.

«7.28. Выходит в голубом сарафане, идет к конюшне», – записал мальчик.

Она прошла по двору короткими неуверенными шажками, спотыкаясь о неровности пропеченной на солнце земли, примерно семьдесят ярдов. Открыла дверь и скрылась в полумраке внутри.

Мальчик записал: «7.29. Объект в конюшне».

– Сколько сейчас градусов? – спросил мужчина слева.

– Тридцать семь, наверное, – ответил мальчик.

– Скоро начнется буря. При такой жаре иначе и быть не может.

– За ней уже едут, – проговорил мужчина справа.

На расстоянии нескольких миль к югу дорогу окутали тучи пыли. Медленно и упрямо на север катила машина.

– Она возвращается, – доложил мужчина справа.

«7.32. Объект выходит из конюшни», – зафиксировал мальчик.

– Кухарка подошла к двери.

Та, за кем они следили, остановилась у двери на кухню и взяла из рук кухарки коробку для завтрака из ярко-голубой пластмассы с картинкой из мультфильма на боку. Она на мгновение задержалась. Ее кожа была розовой и влажной от жары. Она наклонилась поправить носки, затем быстрым шагом направилась к воротам, вышла и зашагала к повороту дороги. Школьный автобус затормозил и остановился, дверь открылась с шипением, которое четко слышали наблюдатели, несмотря на урчание мотора. Хромированные поручни блеснули в лучах солнца, в горячем неподвижном воздухе повисли облака выхлопа. Она поставила коробку с завтраком на верхнюю ступеньку, ухватилась за поручни и забралась внутрь. Дверь снова закрылась, и наблюдатели увидели на уровне окна ее светлые волосы. Затем рокот мотора стал громче и автобус, подняв клубы пыли, сорвался с места.

«7.36: Объект едет на автобусе в школу», – записал мальчик.

Дорога на север была совершенно прямой, и он наблюдал за автобусом, пока висящее на горизонте марево не превратило его в мерцающий желтый мираж. Тогда он закрыл свой блокнот и закрепил его резинкой. Кухарка вернулась в красный дом и закрыла за собой дверь кухни. Примерно в миле от него наблюдатели опустили подзорные трубы и подняли воротники, чтобы хоть как-то защититься от обжигающего солнца.

Семь тридцать семь. Утро пятницы.

Семь тридцать восемь.

В семь тридцать девять, больше чем в трехстах милях к северо-востоку, Джек Ричер вылез в окно своего номера в мотеле. Минутой раньше он находился в ванной комнате и чистил зубы. А еще за минуту до этого он открыл дверь своего номера, чтобы посмотреть, какая погода, и оставил ее открытой. В шкафу, стоящем у входа, была зеркальная дверца, а в ванне имелось зеркало для бритья, и по чистой случайности он увидел, как четверо мужчин вышли из машины и направились к стойке портье.

Ему просто повезло, но, поскольку Джек Ричер отличался наблюдательностью и всегда был настороже, ему везло чаще, чем другим.

Это была полицейская патрульная машина со значком на двери, и благодаря яркому солнцу и двойному отражению Ричеру удалось прочитать надписи на дверце. Наверху было написано: «Городская полиция», а пониже красовалась впечатляющая бляха, под которой значилось: «Лаббок, Техас». Все четверо мужчин были в форме, у всех надеты широкие ремни с пистолетами, рациями, тяжелыми дубинками и наручниками. Троих из них он никогда не видел, а вот четвертого уже встречал – высокого тяжеловеса с короткими светлыми волосами, смазанными специальным гелем и зачесанными назад, и мясистым красным лицом. Сегодня это лицо украшала сияющая алюминиевая шина, закрепленная на сломанном носу. Правую руку с повязкой на сломанном указательном пальце тоже поддерживала шина.

Вчера вечером у него ничего такого не было, а Ричер не знал, что он коп. Этот парень выглядел как обычный придурок в баре. Ричер зашел туда, потому что ему сказали, будто там хорошая музыка, но оказалось, что это не так. Ричер отошел от оркестра и уселся на табурет возле стойки бара, чтобы посмотреть И-эс-пи-эн[1] по телевизору с выключенным звуком, прикрепленному к стене. В заведении было много народа, и он втиснулся между женщиной, сидевшей справа, и крупным мужчиной с короткой стрижкой, который пристроился слева. Довольно скоро спортивная передача ему наскучила, и он повернулся, разглядывая посетителей. Тут-то он и заметил, как ест парень слева.

Парень был в белой безрукавке и ел куриные крылышки. Крылышки были очень жирные, а парень оказался жутким неряхой. Жир с подбородка и пальцев капал на рубашку, на которой расползалось громадное пятно. Однако негласные правила поведения в баре требуют не обращать внимания на такие вещи, а парень увидел, что Ричер на него смотрит.

– Ты это на кого уставился? – спросил он тихо и очень агрессивно.

Ричер его проигнорировал.

– Ты на кого уставился? – снова спросил парень.

По личному опыту Ричер знал, что, если такой вопрос задают один раз, ничего не происходит, а вот если его повторяют, жди неприятностей. Главная проблема состоит в том, что они принимают молчание за страх. И думают, что победа на их стороне. Впрочем, они все равно не дают тебе возможности ответить.

– Ты на меня пялишься? – спросил парень.

– Нет, – ответил Ричер.

– Не смей на меня пялиться, малыш, – заявил парень.

По тому, как он произнес слово «малыш», Ричер пришел к выводу, что он, скорее всего, мастер на лесопилке или на хлопкоперерабатывающем заводе. Иными словами, на любом местном производстве, требующем грубой физической силы. Что-нибудь вроде семейной профессии, которая передается из поколения в поколение. Разумеется, слово «коп» даже не пришло ему в голову. Но с другой стороны, он совсем недавно приехал в Техас.

– Не смей на меня смотреть, – повторил парень.

Ричер повернул голову и взглянул на него. Вовсе не затем, чтобы позлить. Он хотел его оценить. Жизнь способна бесконечно преподносить сюрпризы, и потому Ричер знал, что рано или поздно встретит человека, который будет обладать такой же силой, как и он. Но ему сразу стало ясно, что это произойдет не сегодня. Он улыбнулся и отвернулся.

Тогда парень ткнул в него пальцем.

– Я же сказал тебе, чтобы ты на меня не глазел, – сказал он.

Палец был толстым и очень жирным. На рубашке Ричера осталось грязное пятно.

– Не делай этого, – посоветовал ему Ричер.

Парень снова ткнул в него пальцем.

– А что будет? – спросил он. – Что ты мне сделаешь?

Ричер опустил глаза и увидел на рубашке два пятна. Парень повторил свои действия. Три пятна. Ричер сжал зубы. В конце концов, что такое три жирных пятна на рубашке? Он начал медленно считать до десяти. Но прежде чем он дошел до восьми, парень снова ткнул в него жирным пальцем.

– Ты что, глухой? – спросил Ричер. – Я же сказал тебе, чтобы ты этого не делал.

– Хочешь меня наказать?

– Нет, – ответил Ричер. – Совсем не хочу. Я только хочу, чтобы ты перестал это делать.

– В таком случае ты трусливый кусок дерьма, – с улыбкой заявил парень.

– Как скажешь, – не стал спорить с ним Ричер. – Только держи подальше от меня свои руки.

– Или что? Что ты сделаешь?

Ричер продолжил считать: «Восемь, девять…»

– Хочешь выйти поговорить? – спросил парень.

«Десять».

– Узнаешь, если еще раз ко мне прикоснешься, – ответил Ричер. – Я предупредил тебя четыре раза.

Парень замер на миг, а потом, разумеется, решил вернуться к своим развлечениям. Ричер поймал его палец на полпути и сломал около первой костяшки. Просто дернул наверх, словно ручку двери. А затем, потому что гнусный тип его разозлил, наклонился вперед и ударил его головой в лицо. Движение получилось гладким и уверенным, но примерно в половину силы. Зачем отправлять человека в кому из-за четырех жирных пятен на рубашке? Он чуть сдвинулся в сторону, освобождая место, чтобы парню было куда упасть, и невольно толкнул женщину справа.

– Извините, мэм, – сказал он.

Она едва заметно кивнула, не очень понимая, из-за чего поднялся шум, поскольку ее интересовало только содержимое ее стакана. Верзила тихонько повалился на пол, и Ричер ногой перевернул его на бок. Затем носком ботинка откинул его голову назад, чтобы в дыхательные пути поступал воздух. Парамедики называют такое положение восстановительным, поскольку так человек, потерявший сознание, не может задохнуться.

После этого Ричер заплатил за выпивку, вернулся в мотель и даже думать забыл про того парня, пока не увидел его в зеркале в ванной, да еще в форме полицейского. Он быстро обдумал ситуацию.

Первую секунду он потратил на оценку углов отражения. «Если я его вижу, значит ли это, что он может видеть меня?» Ответ: «Да, естественно, как только посмотрит в нужную сторону». Пока он еще не смотрел. Вторую секунду Ричер ругал себя. Он должен был обратить внимание на некоторые детали. Кто станет тыкать пальцем в человека его телосложения, не обладая каким-либо защитным статусом? Статусом, дающим воображаемую неприкосновенность? Ему следовало быть внимательнее.

И что теперь делать? Парень из бара оказался копом на своей территории. А Ричер из тех, кого легко заметить. Кроме всего прочего, у

него на рубашке осталось четыре жирных пятна и свежий синяк на лбу. Наверняка эксперты смогут сравнить его форму со сломанным носом типа.

Так что же теперь делать? Разъяренный коп, мечтающий о мести, может доставить кучу неприятностей. Огромную кучу неприятностей. Шумный публичный арест, возможно со стрельбой, и, вне всякого сомнения, игры «один против четверых» в какой-нибудь удаленной от остальных камере в участке, когда ты не можешь дать сдачи, чтобы не усложнить свое положение. Затем бесконечные и весьма неприятные вопросы, поскольку Ричер не носил с собой никаких документов и вообще ничего такого, если не считать зубной щетки и пары тысяч долларов в кармане брюк. Поэтому к нему отнесутся как к очень подозрительной личности. Почти наверняка предъявят обвинение в нападении на офицера полиции. В Техасе это, должно быть, серьезное обвинение. Тут же появятся свидетели, которые заявят, что нападение было умышленным и ничем не спровоцированным. И он может получить от семи до десяти в каком-нибудь заведении строгого режима, что явно не входило в его планы.

Значит, бесстрашие должно уступить место осторожности. Ричер положил зубную щетку в карман, прошел через комнату и открыл окно. Отцепил сетку и бросил на землю. Затем вылез наружу, закрыл окно, вернул сетку на место и вышел через пустую парковку на ближайшую улицу. Повернул направо и шагал вперед до тех пор, пока его не скрыло из виду невысокое здание. Он начал оглядываться по сторонам в поисках автобуса. Ничего. А как насчет такси? Тоже ничего. Тогда он поднял вверх большой палец. По его представлениям, у него было минут десять, чтобы найти кого-то, кто его подберет, прежде чем полицейские закончат с мотелем и начнут объезжать улицы. Десять минут, может быть, пятнадцать, но это максимум.

А значит, ничего не получится. Просто не может получиться. Семь тридцать девять утра, а температура воздуха уже перевалила за тридцать пять градусов. Никто его не подберет, потому что в такую жару ни один водитель на планете не откроет дверь своей машины настолько, чтобы он успел забраться внутрь, не говоря уже о вопросах насчет того, куда ему нужно попасть. Выходит, он не успеет вовремя найти путь к отступлению. Это совершенно невозможно. Ричер начал обдумывать альтернативные варианты, поскольку был уверен, что здесь тупик. Но он ошибся. Да и вообще весь этот день оказался полон сюрпризов и неожиданностей.

Убийц было трое: двое мужчин и женщина. Профессиональная команда, которая работала в других штатах, но базировалась в Лос-Анджелесе. Связаться с ними можно было через посредников в Далласе и Вегасе.

Они занимались этим ремеслом вот уже десять лет и отлично справлялись со своей работой: умели разобраться с трудными ситуациями, возникающими в разных местах на юго-западе, и остаться в живых, чтобы получить гонорар и продолжать брать заказы столько раз, сколько их попросят. Десять лет, и ни намека на проблемы. Прекрасная команда. Педантичная, изобретательная, добивающаяся во всем совершенства. Идеальная для их необычного маленького мирка. Они великолепно в него вписывались. Белые, безымянные, с незапоминающейся внешностью. Вместе они были похожи на служащих компании фотокопировальных устройств, которые спешат на очередное заседание, посвященное продажам.

Впрочем, их никто и никогда не видел вместе – кроме жертв. Они путешествовали порознь. Один всегда ездил на машине, двое других летали на самолетах, разными рейсами и маршрутами. На машине ездил мужчина, потому что они старались оставаться незаметными, а женщина, отправившаяся в одиночку на большое расстояние, может привлечь внимание. Машину всегда брали напрокат, всегда у терминала прибытия международного аэропорта Лос-Анджелеса, где собиралось больше всего в мире народа. Это всегда был семейный седан неприметного грязно-серого цвета. Права и кредитная карта всегда были настоящими, выданными по всем правилам в каком-нибудь удаленном штате несуществующему человеку.

Мужчина подождал на тротуаре, а когда пассажиры, прилетевшие очередным рейсом, устремились к багажной стойке, он присоединился к ним, став одним из сотни. Он был невысоким, смуглым, в руках держал вещмешок и дорожную сумку и выглядел таким же несчастным и затравленным, как и остальные пассажиры.

Заполнив у стойки бумаги, мужчина отправился на автобусе к станции проката машин и нашел свой автомобиль. Он бросил вещи в багажник, дождался чека и выехал на улицу. Около сорока минут он провел в пути, нарезая широкие, совершенно бессмысленные круги, чтобы убедиться в том, что за ним никто не следит. Затем он повернул в сторону Западного Голливуда и остановился возле закрытого гаража в переулке за салоном по продаже нижнего белья. Не выключая двигателя, он открыл ключом дверь гаража, потом багажник и поменял свой вещмешок и сумку на два больших чемодана из плотного черного нейлона. Один из чемоданов был очень тяжелым. Именно он являлся причиной того, что мужчина путешествовал на машине, а не летел самолетом. В нем лежали вещи, которые лучше держать подальше от систем безопасности аэропортов.

Смуглый мужчина закрыл гараж и отправился на восток по бульвару Санта-Моника, повернул на юг на 101-е шоссе, а затем снова на восток на

10-е. После чего устроился поудобнее, приготовившись к двум дням пути до Техаса. Он не курил, но зажигал бесчисленные сигареты и держал их между пальцами, стряхивая пепел на коврик, приборную доску и руль. Когда сигарета догорала, он гасил ее в пепельнице. Прокатной компании придется тщательно пропылесосить машину, обрызгать освежителем воздуха и протереть специальной жидкостью все поверхности. Таким образом будут уничтожены все его следы, включая отпечатки пальцев.

Второй мужчина тоже двинулся в путь. Он был выше, тяжелее, с более светлыми волосами и такой же непримечательной внешностью. Он встал в длинную очередь, выстроившуюся в аэропорту Лос-Анджелеса в конце рабочего дня, и купил билет до Атланты. Прилетев туда, он поменял свой бумажник на один из пяти лежавших в его дорожной сумке, и совершенно другой человек приобрел билет до Далласа/Форт-Уэрта.[2]

Женщина летела на следующий день. Она пользовалась особыми правами, потому что возглавляла команду. Примерно средних лет, среднего роста и размера, со светло-русыми волосами. В ней не было ничего особенного, за исключением того, что на жизнь она зарабатывала, убивая людей. Она оставила свою машину на долгосрочной стоянке в аэропорту Лос-Анджелеса, что не представляло для нее никакой опасности, поскольку машина была записана на младенца из Пасадины, который умер от кори тридцать лет назад. Женщина доехала на автобусе компании до терминала и воспользовалась фальшивой карточкой «Мастеркард», чтобы купить билет, и настоящими водительскими правами, выданными в Нью-Йорке, чтобы охрана у ворот могла взглянуть на ее фотографию. Она села в самолет, когда мужчина в машине начал свой второй день пути.

В первый день после второй остановки на заправку он свернул с дороги в горы Нью-Мексико и нашел пустынный пыльный уступ, где, присев на корточки в холодном разреженном воздухе, сменил на машине калифорнийские номера на аризонские, которые достал из самого тяжелого чемодана. Затем он вернулся на шоссе и ехал еще час, потом остановился около мотеля, заплатил наличными, назвав адрес в Тусоне, и позволил служащему мотеля переписать аризонские номера в регистрационную карточку.

Он проспал шесть часов, включив вентилятор на самый минимум, и рано утром снова отправился в путь. В конце второго дня он добрался до Далласа/Форт-Уэрта и поставил машину на долгосрочную стоянку в аэропорту. Забрал чемоданы и на автобусе доехал до выхода на посадку. Оттуда по эскалатору спустился в зал прибытия и встал в очередь к

стойке «Херца»,[3] потому что они давали напрокат «форды», а ему требовался «форд-краун-виктория».

Смуглый мужчина заполнил все бумаги, предъявив удостоверение личности, выданное в Иллинойсе, доехал на автобусе до стоянки и отыскал свой автомобиль. Непримечательный, стального цвета с голубым отливом, ни светлый, ни темный. Как раз то, что ему требовалось. Он забросил вещи в багажник и поехал в мотель, расположенный рядом с новым бейсбольным стадионом на дороге из Форт-Уэрта в Даллас. Показал то же самое иллинойсское удостоверение личности, поел и проспал несколько часов. Он встал рано и встретился со своими напарниками на залитой обжигающим солнцем площадке перед мотелем как раз в тот момент, когда в четырехстах милях от них, в Лаббоке, Джек Ричер выставил большой палец.

Вторым сюрпризом после того, как Ричер увидел копа около мотеля, стало то, что ему удалось остановить машину через три минуты. Он еще даже не начал потеть, и его рубашка оставалась совершенно сухой. Третьим сюрпризом явился тот факт, что за рулем сидела женщина. А четвертым, и самым большим, – направление, которое принял их разговор.

Ричер ездил автостопом большую часть двадцати пяти лет, в таком количестве самых разных стран, что все и не назвать, и промежуток в три минуты между тем мгновением, когда он поднял палец, и тем, когда он залез в машину, оказался самым коротким на его памяти. Основываясь на личном опыте, Ричер считал, что как средство передвижения автостоп умирает. Водители, которые на этом зарабатывали, имели проблемы со страховкой, а обычные граждане предпочитали не брать незнакомых людей. Кто знает, а вдруг ты псих? В случае Ричера дело обстояло совсем плохо, особенно сейчас. Он не был аккуратно одетым, безобидным мужчиной маленького роста. Как раз наоборот, он был высоким, шести футов пяти дюймов, крупным, могучего телосложения, весом около двухсот пятидесяти фунтов. При ближайшем рассмотрении выяснялось, что он к тому же еще не слишком опрятно одет, небрит и волосы торчат в разные стороны. В общем, у обычных людей он вызывал опасения, и они старались держаться от него подальше. А в настоящий момент его лоб украшал свежий синяк. Вот по какой причине его удивили три минуты.

Почему его удивила женщина за рулем? Существует негласный порядок, основанный на подсознательной оценке риска. В самом начале списка стоят молодые девушки, которые без проблем могут договориться с пожилым водителем, потому что не представляют для него угрозы. Хотя сейчас появилось множество авантюристок, требующих сто баксов за отказ от ложных обвинений в сексуальном домогательстве. В любом

случае крупный лохматый тип стоит в самом конце списка и вряд ли может рассчитывать, что ему откроет дверцу своего дорогого автомобиля хорошо одетая, стройная женщина.

Ричер шел быстрым шагом на юго-запад от мотеля, ошеломленный невероятной жарой и ослепленный ярким солнцем, выставив вверх большой палец, когда она остановилась возле него и широкие покрышки ее машины с влажным шипением заскользили по асфальту. Машина была белой, и солнце, отражавшееся от капота, ослепило Ричера. Он повернулся к женщине в тот момент, когда она открыла окно со стороны пассажирской двери. Семь сорок пять, утро пятницы.

– Куда? – спросила она, словно была водителем такси.

– Все равно, – ответил Ричер.

И тут же пожалел о своей глупости, потому что, когда тебе все равно, куда ехать, это плохо. Тогда тебя принимают за бродягу, который бессмысленно болтается по стране, и это делает людей подозрительными и вызывает у них опасения, что им не удастся от тебя избавиться. А вдруг ты захочешь доехать с ними до их дома? Но женщина за рулем лишь кивнула.

– Ладно, – сказала она. – Я еду в Пекос.

Ричер от удивления на миг замер на месте. Женщина слегка опустила голову и смотрела на него в окно.

– Отлично, – ответил он, сошел с тротуара, открыл дверцу и сел в машину.

Внутри оказалось очень холодно. Кондиционер ревел, работая на максимум своих возможностей, сиденье было кожаным, и у Ричера возникло ощущение, будто он уселся на кусок льда. Когда он захлопнул за собой дверь, женщина нажала на кнопку со своей стороны и закрыла окно.

– Спасибо, – сказал Ричер. – Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен.

Она промолчала, только отмахнулась от него и повернулась назад, чтобы посмотреть на дорогу у себя за спиной. Люди подвозят других людей по самым разным причинам. Возможно, когда они были моложе, они много ездили автостопом, а теперь, когда их жизнь устроилась и все у них в полном порядке, они хотят вернуть старые долги. Вот такой круговорот. А может быть, у них добрая душа. Или им одиноко и хочется поговорить.

Впрочем, если эта женщина хотела поговорить, она не слишком с этим спешила. Она дождалась, пока мимо проедет парочка грузовиков, и молча пристроилась за ними. Ричер огляделся по сторонам, рассматривая ее машину. «Кадиллак», двухдверный, длинный, как корабль, и невероятно роскошный. Похоже, ему было года два, но выглядел он так, словно его только что купили. Кожаная обивка цвета старой кости, тонированные стекла оттенка пустой бутылки из-под французского вина. На заднем сиденье – записная книжка и небольшой портфель. Книжка в черной обложке, кажется пластиковой. Портфель из потертой воловьей кожи, одна из тех вещей, которые выглядят старыми уже тогда, когда вы их покупаете. Портфель был открыт, и из него выглядывала пачка сложенных бумаг вроде тех, какие можно увидеть в адвокатских конторах.

– Если хотите, можете отодвинуть сиденье, – сказала женщина. – Устраивайтесь поудобнее.

– Спасибо, – повторил Ричер.

Он нашел на двери нужные кнопки в форме подушек для сиденья, принялся на них нажимать, и механизмы отодвинули его кресло назад и откинули спинку. Ричер опустил сиденье, чтобы быть не очень заметным снаружи. Механизмы негромко урчали, и у него возникло ощущение, будто он оказался в кресле дантиста.

– Ну вот, значительно лучше, – сказала женщина. – Так вам удобнее.

Ее кресло было плотно придвинуто к рулю, потому что она была маленького роста. Ричер слегка повернулся и искоса стал разглядывать ее. Невысокая, стройная, со смуглой кожей, изящная. Очень миниатюрная. Примерно сто фунтов, около тридцати лет. Длинные, вьющиеся черные волосы, карие глаза, маленькие белые зубы, напряженная полуулыбка. Похоже, мексиканка, решил Ричер, но не из тех, кто переплывает Рио-Гранде в поисках лучшей жизни. Не вызывало сомнений, что предки этой женщины наслаждались лучшей жизнью в течение сотни лет. Это было в ее генах. Она выглядела как ацтекская принцесса. На ней было простое хлопчатобумажное платье с бледным рисунком, без рукавов и до колена. Ничего особенного, но сразу видно, что из дорогих. Ее руки и ноги, гладкие и темные, казались тщательно отполированными.

– Итак, куда вы направляетесь? – спросила она. Помолчала немного и улыбнулась. – Нет, я уже об этом спрашивала, и мне не показалось, что вы знаете, куда вам нужно.

У нее был настоящий американский акцент, скорее западный, чем южный. Она вела машину двумя руками, и Ричер заметил кольца, тонкое обручальное и платиновое с большим бриллиантом.

– Все равно куда, – сказал он. – Я хочу попасть туда, где я окажусь.

Она помолчала и снова улыбнулась.

– Вы от чего-то убегаете? Неужели я подобрала опасного беглеца?

Ее улыбка означала, что вопрос несерьезный, но Ричер вдруг подумал, что она напрасно шутит. В данных обстоятельствах этот вопрос был не столь уж бессмысленным. Она рисковала. И именно такой риск убивал автостоп в качестве средства передвижения.

– Я исследую, – сказал он.

– Исследуете Техас? Его уже давно открыли.

– Как турист, – пояснил Ричер.

– Но вы совсем не похожи на туриста. Туристы приезжают к нам на автобусах, и все они одеты в синтетические спортивные костюмы.

Она снова улыбнулась, когда произнесла это, и Ричер подумал, что ей очень идет улыбка. Она выглядела уверенной, сдержанной и утонченной. Элегантная мексиканка в дорогом платье, непринужденно разговаривающая с незнакомым мужчиной. За рулем «кадиллака». Неожиданно Ричер сообразил, что отвечает на все ее вопросы коротко и немногословно, вспомнил о своих растрепанных волосах и щетине на щеках, о рубашке в жирных пятнах и о мятых брюках. А еще о большом синяке на лбу.

– Вы здесь живете? – спросил он, потому что она сказала: «Туристы приезжают к нам» и он чувствовал, что должен как-то поддержать разговор.

– Я живу к югу от Пекоса, – ответила она. – Это больше трехсот миль отсюда. Я же сказала вам, что еду туда.

– Я там никогда не был, – проговорил Ричер.

Она замолчала и подождала, пока не переключился светофор, проехала широкий перекресток и свернула на правую полосу. Ричер наблюдал за тем, как двигается ее бедро, когда она нажимает на педаль газа. Она прикусила нижнюю губу и прищурила глаза. Что-то заставило ее напрячься, но она явно контролировала ситуацию.

– Значит, вы исследовали Лаббок? – спросила она.

– Я видел памятник Бадди Холли.[4]

Ричер заметил, как она посмотрела на радиоприемник, будто подумала: «Если этот парень любит музыку, может, включить ему что-нибудь?»

– А вам нравится Бадди Холли? – спросила она.

– Не очень, – ответил Ричер. – Слишком ручной, на мой вкус.

Она кивнула, не поворачиваясь к нему.

– Согласна. Мне кажется, Ричи Вэленс[5] был лучше. Он тоже из Лаббока.

– Да, я видел его имя на Аллее Звезд в Голливуде.

– Сколько времени вы провели в Лаббоке?

– Один день.

– И снова в путь.

– Таков план.

– Все равно куда, – сказала она.

– Таков план, – повторил Ричер.

Они выехали за пределы города, миновав маленький металлический указатель на обочине. Ричер усмехнулся про себя. На патрульной машине было написано: «Городская полиция». Ричер повернул голову и проследил взглядом за тем, как опасность остается за спиной.

Мужчины сидели на переднем сиденье «форд-крауна». Светловолосый, который был повыше, – за рулем, чтобы дать тому, что пониже, отдохнуть. Женщина устроилась сзади. Они выехали с парковки мотеля и помчались из Далласа по междуштатной автостраде I-20 на запад, в сторону Форт-Уэрта. Они не разговаривали. Огромные пространства Техаса их угнетали. Готовясь к новому заданию, женщина прочитала путеводитель, где говорилось, что штат занимает семь процентов территории Америки и по своим размерам превышает большинство европейских стран. Это не произвело на нее никакого впечатления. Все знают о том, что Техас невероятно гордится своими огромными размерами. Однако в книжке утверждалось, что Техас еще и шире, чем расстояние между Нью-Йорком и Чикаго. Эта информация показалась ей интересной и объясняла, почему им приходится так долго ехать, чтобы попасть из одного места в другое.

Но в машине было тихо, прохладно и удобно – все условия для того, чтобы отдохнуть и расслабиться. Не хуже, чем в номере какого-нибудь мотеля. В конце концов, им нужно было как-то убить время.

Женщина сбросила скорость и свернула направо, в сторону Нью-Мексико, затем через милю повернула налево, к старому Мехико. Ее платье помялось на животе, как будто она надевала его второй день подряд. В холодном воздухе, дующем из кондиционера, чувствовался едва уловимый аромат ее духов.

– Как вы считаете, Пекан стоит посмотреть? – спросил Ричер у тишины.

– Пекос, – поправила она.

– Да, Пекос.

– Мне он нравится, – ответила она, пожав плечами. – В основном там живут мексиканцы. Мне там комфортно.

Ее правая рука напряглась на руле, и Ричер увидел, как под кожей зашевелились сухожилия.

– Вам нравятся мексиканцы? – спросила она.

– Не больше и не меньше остальных людей.

– Вы не любите людей?

– По-разному.

– А дыня канталупа вам нравится?

– Не больше и не меньше остальных фруктов.

– В Пекосе выращивают самые сладкие канталупы в Техасе, – сообщила она. – А следовательно, по их мнению, во всем мире. В июле у нас устраивают родео, но вы его уже пропустили. К северу от Пекоса находится «округ любви». Слышали о нем?

Ричер покачал головой.

– Я здесь никогда не бывал.

– Это самый малонаселенный округ в Америке, – пояснила женщина. – Наверное, если не считать кое-какие места на Аляске. Но зато самый богатый. Население составляет сто десять человек на четыреста двадцать действующих нефтяных скважин.

– В таком случае высадите меня в Пекосе, – кивнув, сказал Ричер. – Судя по всему, это интересное место.

– Здесь был настоящий Дикий Запад, – сказала она. – Разумеется, давным-давно. Техас и Тихоокеанская железная дорога положили этому конец. Там были салуны и все такое. Жуткое место. От названия города был даже образован глагол. Упекосить кого-то означало пристрелить и бросить тело в реку Пекос.

– Жители по-прежнему продолжают так делать?

Женщина улыбнулась, но это была совсем другая улыбка. Элегантность уступила место озорству. Напряжение ушло, и она стала еще привлекательнее.

– Теперь не слишком часто, – сказала она.

– А ваша семья из Пекоса?

– Нет, из Калифорнии, – ответила она. – Я приехала в Техас, когда вышла замуж.

«Продолжай говорить, – подумал Ричер. – Она спасла твою задницу».

– Давно вы замужем? – спросил он.

– Почти семь лет.

– А ваша семья давно живет в Калифорнии?

Женщина помолчала немного и опять улыбнулась.

– Дольше любого другого калифорнийца, это точно, – проговорила она.

Они ехали по пустынной плоской местности, и она прибавила скорость на прямой дороге. Обжигающее небо за ветровым стеклом казалось бутылочно-зеленым. Термометр на приборной доске показывал, что снаружи сорок градусов, а в машине – всего тринадцать.

– Вы адвокат?

Женщина на мгновение удивилась, потом поняла, в чем дело, и взглянула в зеркало на портфель, лежащий на заднем сиденье.

– Нет, я клиентка адвоката, – пояснила она.

Разговор снова замер. Ричеру показалось, что она нервничает, и это его смущало.

– А еще кто вы? – спросил он.

Она ответила не сразу.

– Чья-то жена и мать. А еще чья-то дочь и сестра. Я держу несколько лошадей. И все. А вы кто?

– Да так, ничего особенного, – сказал Ричер.

– Ну, вы же должны кем-то быть.

– Я много кем был, – проговорил он. – Я был чьим-то сыном и чьим-то братом, а еще чьим-то другом.

– Были?

– Мои родители умерли, брат умер, а подруга меня оставила.

«Не самая лучшая реплика», – подумал Ричер. Женщина промолчала.

– И лошадей у меня нет, – добавил он.

– Мне очень жаль, – проговорила она.

– Что у меня нет лошадей?

– Нет, что вы совсем один в мире.

– Это дело прошлое, – сказал Ричер. – Все совсем не так плохо, как кажется.

– Вы не одиноки?

– Я люблю быть один, – пожав плечами, ответил он.

– А почему вас оставила ваша подруга?

– Уехала работать в Европу.

– Вы не смогли поехать с ней?

– На самом деле она не хотела, чтобы я с ней поехал.

– Понятно, – протянула она. – А вы хотели поехать?

Ричер помолчал, обдумывая ответ.

– Думаю, не хотел, – сказал он наконец. – Пришлось бы осесть на одном месте.

– А вы этого не любите?

Он тряхнул головой.

– Две ночи в одном мотеле – и мне уже не по себе.

– Отсюда один день в Лаббоке, – сказала она.

– А следующий – в Пекосе, – добавил Ричер.

– А потом?

Он улыбнулся.

– Что будет потом, я не знаю. И потому мне это нравится.

Женщина некоторое время вела машину молча.

– Значит, вы все-таки от чего-то убегаете, – проговорила она. – Возможно, вы вели очень упорядоченную жизнь и хотите избавиться от этого чувства.

Ричер снова тряхнул головой.

– Нет, как раз наоборот. Вся моя жизнь была связана с армией, а это очень неупорядоченная жизнь, и она мне нравилась.

– Понятно. Наверное, вы привыкли к хаосу, – заметила она.

– Наверное.

Женщина помолчала немного, а потом спросила:

– А как человек может провести всю свою жизнь в армии?

– Мой отец был военным. Я вырос на военных базах, разбросанных по всему миру, а когда повзрослел, решил там остаться.

– Но теперь вы уволились.

– Отличная подготовка, а идти некуда, – подтвердил он.

Ричер видел, что она обдумывает его ответ, заметил, как снова появилось напряжение. Она сильнее нажала на газ, возможно не отдавая себе в этом отчета или чисто инстинктивно. У него возникло ощущение, что ее интерес к нему набирает скорость, совсем как машина.

Корпорация «Форд» собирает «краун-виктории» на заводе в Сент-Томасе в Канаде, десятки тысяч штук в год, и почти все эти машины покупают полицейские департаменты либо компании, содержащие такси или занимающиеся прокатом автомобилей. И лишь ничтожно малое количество приобретают обычные граждане. Подобные дорожные крейсеры больше не пользуются популярностью на рынке, а безумцам, которые желают получить такой автомобиль, компания «Форд моторс» предоставляет «меркури-гранд-маркиз» – то же самое, только в нарядной упаковке, да еще за те же деньги. Таким образом, собственные «краун-виктории» встречаются реже, чем «роллс-ройсы», поэтому, когда вы видите такой автомобиль и это не желтое такси и не бело-черная машина с надписью «Полиция» на дверцах, вы невольно приходите к выводу, что перед вами машина отдела расследований. Или она принадлежит какому-либо другому государственному ведомству, например ФБР или Секретной службе. А может, это служебная машина медэксперта или начальника пожарной охраны большого города.

Таково подсознательное впечатление, и существуют способы немного его усилить.

В безлюдной местности на полпути к Абилину высокий светловолосый мужчина свернул с шоссе и поехал по проселочной дороге через поля и густые заросли деревьев, пока не нашел пыльный поворот, находившийся, наверное, в десяти милях от ближайшего человеческого существа. Он остановился, выключил двигатель и открыл багажник. Смуглый мужчина вытащил оттуда тяжелый чемодан и положил на землю. Женщина открыла молнию и вручила виргинские номера высокому мужчине. Он достал из чемодана отвертку и сменил техасские номера на виргинские. Смуглый мужчина снял пластиковые чехлы со всех четырех колес, открыв дешевые черные стальные колеса, и убрал чехлы вместе с номерами в багажник. Женщина отыскала в чемодане четыре радиоантенны, портативные рации и антенны для мобильных телефонов, купленные по дешевке в специализированной лавке в Лос-Анджелесе. Антенны телефонов она приделала липкой пленкой к заднему стеклу. Дождавшись, когда ее напарник закроет багажник, она пристроила антенны рации на крышку. Они были на магнитах и ни с чем не соединялись. Они лишь создавали видимость.

Затем невысокий мужчина занял свое законное место за рулем, развернулся и, подняв тучи пыли, спокойно выехал на шоссе. «Краун-виктория», простые стальные колеса, лес антенн, виргинские номера. Возможно, это машина ФБР с тремя агентами внутри, выполняющими срочное задание.

– А чем вы занимались в армии? – как бы между прочим спросила женщина.

– Я был копом, – ответил Ричер.

– Разве в армии есть копы?

– Конечно есть, – сказал он. – Военная полиция. Как особый отдел внутри полицейского управления.

– Я этого не знала, – призналась женщина и замолчала.

Она что-то обдумывала, и Ричер видел, что она волнуется.

– Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? – спросила она.

– Вы меня везете.

– Я бы не хотела вас обидеть.

– Это будет довольно трудно сделать, учитывая обстоятельства: сорок градусов снаружи и тринадцать внутри.

– Скоро начнется буря. При такой жаре иначе и быть не может.

Ричер взглянул на небо, окрашенное ветровым стеклом в бутылочно-зеленый цвет, и увидел, что оно ослепительно ясное.

– Я не вижу никаких признаков приближающейся бури, – проговорил он.

По лицу женщины промелькнула улыбка.

– Могу я спросить вас, где вы живете?

– Я нигде не живу, – ответил Ричер. – Я переезжаю с места на место.

– И у вас нет дома?

Он покачал головой и ответил:

– То, что вы видите, – это все мое имущество.

– Вы путешествуете налегке, – отметила женщина.

– Насколько это возможно.

– Вы не работаете? – спросила она.

– Как правило, – кивнув, сказал он.

– Вы были хорошим полицейским? Я имею в виду, в армии?

– Думаю, неплохим. Меня сделали майором и даже дали несколько медалей.

Женщина немного помолчала, прежде чем спросить:

– Тогда почему вы уволились?

У Ричера возникло ощущение, что он пришел на собеседование по поводу работы или кредита.

– Меня сократили, – ответил он. – «Холодная война» закончилась, им не нужна была большая армия с таким количеством людей, значит, и копов требовалось меньше, чтобы за ними присматривать.

Она кивнула:

– Это как в городе. Если численность населения падает, полицейское управление становится меньше. Дело в ассигнованиях. Налоги или что-то вроде того.

Ричер промолчал.

– Я живу в очень маленьком городке, – сказала женщина. – Он называется Эхо и, как я уже говорила, находится к югу от Пекоса. Это не слишком людное место. Но его назвали Эхо не потому, что там разгуливает эхо, как в пустой комнате. Это из древнегреческой мифологии. Девушка по имени Эхо любила юношу по имени Нарцисс. Но он любил только себя, поэтому она плакала и плакала, пока не потеряла голос. Вот почему наш городок называется Эхо. Жителей в нем совсем мало. Но это еще и округ. Округ и городок. Не такой пустынный, как «округ любви», но полицейского участка у нас нет. Только шериф, и все.

В ее интонациях сквозило что-то непонятное.

– Какие-то проблемы?

– Это очень *белый* округ, – ответила женщина. – Совсем не похожий на Пекос.

– И что?

– Есть ощущение, что в определенный момент проблемы могут возникнуть.

– И этот момент приближается?

Она смущенно улыбнулась.

– Сразу видно, что вы были копом, – проговорила она. – Вы задаете много вопросов. А ведь это я собиралась вас расспросить.

Некоторое время она молча вела машину. Изящные смуглые руки свободно лежали на руле, машина ехала быстро, но женщина явно никуда не спешила. Ричер еще немного понажимал на кнопки в форме подушек и сильнее отодвинул спинку кресла назад. Краем глаза он наблюдал за ней. Она была хорошенькой, но ее что-то беспокоило. Лет через десять у нее появятся симпатичные морщинки.

– А как было в армии? – спросила она.

– Не так, как на гражданке, – ответил Ричер.

– В каком смысле?

– Другие правила, другие ситуации. Свой собственный мир. Достаточно упорядоченный, но в каком-то смысле не имеющий законов. Грубый и нецивилизованный.

– Как Дикий Запад, – проговорила она.

– Наверное, – не стал спорить Ричер. – Миллион людей обучаются в первую очередь делать то, что от них требуется. Правила появляются потом.

– Как на Диком Западе, – повторила она. – Мне кажется, вам это нравилось.

– Кое-что нравилось.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Валяйте, – сказал Ричер.

– Как вас зовут?

– Ричер.

– Это имя или фамилия?

– Меня все называют просто Ричер, – ответил он.

– Можно еще один личный вопрос?

Он кивнул.

– Вам приходилось убивать людей, Ричер? В армии?

– Приходилось.

– Армия ведь именно для этого и существует, по большому счету?

– Наверное, – согласился он. – По большому счету.

Женщина снова замолчала, словно пыталась принять решение.

– В Пекосе есть музей, – сказала она. – Настоящий музей Дикого Запада. Частично это старый салун, а частично гостиница, которая находится рядом. За музеем могила Клея Эллисона. Вы о нем слышали?

Ричер покачал головой.

– Его называли Джентльмен Стрелок, – сообщила она. – Он отошел от дел, а потом попал под колеса телеги, груженной зерном, и умер от травм. Его похоронили и сделали красивый памятник с надписью: «Роберт Клей Эллисон, 1840–1887». Я его видела. Там есть и другая надпись: «Он никогда не убивал тех, кого не следовало убивать». Что вы об этом думаете?

– Хорошая надпись, – сказал Ричер.

– А еще в музее имеется старая газета, выставленная в витрине. Газета из Канзас-Сити. Думаю, это его некролог. Там говорится: «Несомненно,

многие из его героических поступков были направлены на правое дело в том смысле, в каком он его понимал».

«Кадиллак» уверенно мчался вперед.

– Хороший некролог, – проговорил Ричер.

– Вы так считаете?

– Ну, если речь идет о некрологе, – кивнув, ответил Ричер.

– А вы бы хотели, чтобы о вас такое написали?

– Пока нет, – сказал Ричер.

Она снова улыбнулась, словно извиняясь за свои слова.

– Ну конечно. А вам хотелось бы заслужить такой некролог? Я имею в виду, когда-нибудь?

– Можно придумать вещи и похуже, – ответил Ричер.

Она замолчала.

– Может, скажете, куда это ведет? – спросил он.

– Дорога? – нервно спросила женщина.

– Нет, наш разговор.

Она еще некоторое время продолжала ехать вперед, затем убрала ногу с педали. Машина замедлила движение и вскоре остановилась на пыльной обочине. Эта обочина переходила в высохшую ирригационную канаву, из-за чего «кадиллак» накренился набок под невероятным углом. Изящным движением запястья женщина поставила машину на ручной тормоз, но не стала выключать двигатель, и кондиционер внутри продолжал реветь.

– Меня зовут Кармен Грир, – сказала она. – И мне нужна ваша помощь.

Глава 2

– Знаете, я ведь не случайно вас подобрала, – сказала Кармен Грир.

Ричер сидел, прислонившись спиной к дверце. «Кадиллак» замер на обочине, точно тонущее судно. Скользкая кожаная поверхность сиденья мешала Ричеру сесть прямо. Кармен положила одну руку на руль, а другую – на спинку пассажирского сиденья, возвышаясь над ним. Ее лицо находилось совсем близко, но прочесть его выражение было невозможно. Она смотрела мимо Ричера, куда-то в пыльную канаву.

– Вы сумеете выехать отсюда? – спросил он.

Она оглянулась на шоссе, поверхность которого мерцала от жары примерно на уровне ее окна.

– Думаю, что смогу, – ответила она. – Надеюсь, что смогу.

– Я тоже на это надеюсь, – проговорил Ричер.

Кармен молча посмотрела на него.

– Итак, почему вы меня подобрали? – поинтересовался он.

– А вы как думаете?

– Понятия не имею, – сказал он. – Я решил, что мне повезло. Подумал, что вы из тех, кто готов прийти на помощь незнакомому человеку.

Она тряхнула головой.

– Нет, я искала человека вроде вас.

– Зачем?

– Я подвозила, наверное, дюжину мужчин, – сказала она. – И видела сотни. Вот уже целый месяц я ничем другим не занимаюсь. Езжу по Западному Техасу и ищу тех, кого нужно куда-нибудь подбросить.

– Зачем?

Она отмахнулась от его вопроса.

– Поверить невозможно, сколько миль я проехала на этой машине. И сколько истратила денег на бензин.

– Зачем? – снова спросил Ричер.

Кармен молчала, не отвечая на его вопрос, просто сидела и ничего не говорила. Ручка дверцы впивалась Ричеру в почку. Он выгнул спину и сменил положение, прижавшись к ней плечом. И пожалел, что именно она его подобрала. Лучше бы это оказался самый обычный человек, который только и хочет, что добраться из пункта А в пункт Б.

– Я могу называть вас Кармен? – взглянув на нее, спросил Ричер.

– Конечно, – кивнула она.

– Хорошо, Кармен, расскажите мне, что здесь происходит.

Она открыла рот и тут же его закрыла, снова открыла и закрыла.

– Не знаю, с чего начать, – сказала она. – Теперь, когда до этого дошло.

– До чего дошло?

Она не стала отвечать.

– Скажите, чего вы от меня хотите, или я прямо сейчас и здесь выйду из машины, – заявил Ричер.

– Снаружи сорок градусов.

– Я знаю.

– Человек может умереть от такой жары.

– Я рискну.

– Вы не сможете открыть дверь, – сказала она. – Машина слишком наклонена.

– Тогда я выбью ветровое стекло.

Она вздохнула.

– Мне нужна ваша помощь, – повторила она.

– Вы меня не знаете.

– Лично не знаю, но вы подходите по всем параметрам.

– По каким параметрам?

Кармен снова замолчала, а потом едва заметно улыбнулась с иронией.

– Это так трудно, – проговорила она. – Я репетировала свою речь миллион раз, а сейчас не знаю, получится ли у меня что-нибудь.

Ричер ничего не говорил, дожидаясь продолжения.

– Вы когда-нибудь имели дело с адвокатами? – спросила Кармен. – Они никогда ничего для вас не делают. Требуют кучу денег и кучу времени, а потом говорят, что практически ничем не могут помочь.

– Так наймите другого адвоката, – посоветовал Ричер.

– У меня их было четыре, – ответила Кармен. – Четыре за месяц. Они все одинаковые. И ужасно дорогие. У меня недостаточно денег.

– Вы ездите на «кадиллаке».

– Он принадлежит моей свекрови. Я всего лишь взяла его на время.

– У вас кольцо с большим бриллиантом.

Она снова затихла, и глаза у нее потемнели.

– Мне подарил его муж.

– А он не может вам помочь? – спросил Ричер.

– Нет, он не может мне помочь, – ответила она. – Вы когда-нибудь пытались найти частного детектива?

– Мне никогда не был нужен частный детектив. Я сам детектив.

– В реальной жизни их нет, – сообщила Кармен. – Совсем не так, как в кино. Они хотят сидеть в своих конторах и разговаривать по телефону. Или работать на компьютере с базами данных. Они не горят желанием выйти из конторы и действительно что-то для вас сделать. Я добралась до самого Остина. Один человек там сказал, что сможет мне помочь, но ему потребуется шесть человек и десять тысяч долларов в неделю.

– За что?

– Я была в отчаянии, в панике. И тогда у меня появилась эта мысль. Я решила, что, если буду ездить и подбирать людей на дороге, рано или поздно я найду кого-нибудь подходящего. И он захочет мне помочь. Я старалась выбирать очень осторожно. Останавливалась, только если человек казался мне… ну, скажем, грубоватым.

– Вот уж спасибо, Кармен, – проговорил Ричер.

– Я не в плохом смысле, – пояснила она. – Не хотела вас обидеть.

– Но это могло быть опасно.

– Так и было, пару раз. Но мне пришлось рискнуть. Мне необходимо кого-нибудь найти. Я представляла, что это будет какой-нибудь ковбой, выступающий на родео, или рабочий с буровой вышки. Ну вы понимаете, такой крутой мужик, задира, возможно безработный, у которого полно свободного времени. Из тех, кто не прочь подзаработать. Только я не могу заплатить много. Для вас это проблема?

– Пока что, Кармен, тут все проблема.

– Я со всеми разговаривала, – сказала она. – Ну, понимаете, болтала о том о сем, обсуждала разные вещи, как с вами. Я пыталась понять, что они собой представляют, оценить характер. И никто из них не подошел, они ни на что не годились. А вот вы годитесь.

– Гожусь на что?

– Я думаю, вы мой лучший шанс. Бывший коп, служили в армии, никаких связей, лучше не придумаешь.

– Я не ищу работу, Кармен.

Она радостно кивнула.

– Конечно, я это уже поняла. Так даже лучше. Неужели вы не видите, как отлично все складывается? Помощь ради помощи. Вы не будете наемником. К тому же у вас замечательное прошлое. Оно накладывает на вас обязательства.

Ричер удивленно посмотрел на нее и возразил:

– Ничего оно на меня не накладывает.

– Вы были военным, – продолжала она. – И полицейским. Идеальное сочетание. Вы должны помогать людям. Таков долг всех копов.

– По большей части мы занимаемся тем, что проламываем головы. И не слишком много помогаем.

– Но так должно быть. Вот для чего нужны копы. Это их главная обязанность. А армейский коп и того лучше. Вы сами сказали, что делаете то, что требуется.

– Если вам нужен полицейский, поговорите с шерифом округа. В Пекосе или как там называется ваш город.

– Эхо, – сказала она. – Я живу в Эхо, к югу от Пекоса.

– Мне все равно, – не стал спорить Ричер. – Отправляйтесь к шерифу.

– Нет, я не могу, – тряхнув головой, ответила она.

Ричер больше ничего не стал ей говорить. Просто лежал, опираясь спиной о дверцу. Двигатель терпеливо урчал, кондиционер наполнял машину прохладным воздухом. Кармен по-прежнему возвышалась над ним. Она молчала, смотрела мимо него и моргала, словно собиралась заплакать. Словно готовилась пролить целый водопад слез. Словно она самым трагическим образом разочаровалась, то ли в нем, то ли в себе.

– Вы, наверное, думаете, что я сумасшедшая, – сказала она.

Ричер повернулся и окинул ее с головы до ног суровым взглядом. Сильные стройные ноги, сильные красивые руки, дорогое платье. Оно немного задралось, а еще он видел бретельку лифчика на плече. Ослепительно белую на фоне смуглой кожи. У нее были тщательно причесанные волосы и ухоженные ногти. Изящное, умное лицо с усталыми глазами.

– Я не сумасшедшая, – заявила она и посмотрела прямо на него.

Выражение ее лица изменилось, Ричеру показалось, что он увидел мольбу или безнадежность и отчаяние.

– Просто дело в том, что я представляла себе это мгновение целый месяц, – проговорила она. – Моя последняя надежда. Наверное, план

дурацкий, но другого у меня нет. Кроме того, существовал крошечный шанс, что он сработает, а с вашей помощью все могло бы получиться, но я все испортила, потому что веду себя как сумасшедшая.

Ричер выдержал длинную паузу. Он представил себе блинную, которую видел в Лаббоке прямо напротив мотеля. Она показалась ему симпатичной. Он мог перейти на другую сторону улицы и заказать целую кучу блинов с сиропом, а еще бекон и, может быть, яйцо. Он вышел бы оттуда через полчаса после того, как она проехала бы через город. Он мог бы сидеть сейчас рядом с улыбающимся водителем грузовика и слушать рок-н-ролл по радио. С другой стороны, он мог бы лежать весь в крови и синяках на полу камеры в полицейском участке и дожидаться приговора.

– Начинайте, – предложил он. – Расскажите то, что должны. Но сначала я хочу, чтобы вы выехали из этой проклятой ямы. И мне бы не помешала чашка кофе. Впереди есть какое-нибудь заведение, где можно выпить кофе?

– Наверное, – ответила Кармен. – Да, есть. Примерно в часе отсюда.

– В таком случае поехали туда и выпьем кофе.

– Вы собираетесь бросить меня и сбежать, – заявила она.

Такая возможность показалась ему привлекательной. Кармен смотрела на него в течение примерно пяти долгих секунд, затем кивнула, словно приняла решение. Включила зажигание и нажала на газ. У машины был привод на передние колеса, и весь вес был сосредоточен сзади, поэтому колеса начали бессмысленно проворачиваться. По дну застучали мелкие камешки, и в воздух поднялись тучи серой пыли. Но уже в следующее мгновение машина выбралась из ямы и выехала на шоссе. Кармен нажала на педаль газа, и они помчались на юг.

– Я не знаю, с чего начать, – сказала она.

– С начала, – посоветовал Ричер. – Так будет лучше всего. Сейчас подумайте, а за кофе все расскажете. У нас есть время.

Кармен покачала головой, глядя вперед сквозь ветровое стекло. Она не сводила глаз с мерцающей дороги. Машина мчалась на скорости семьдесят миль в час, и Кармен молчала почти целую милю.

– Нет у нас времени, – проговорила она. – Это очень срочно.

В пятидесяти милях к юго-западу от Абилина, на обочине тихой деревенской дороги застыл в ожидании «форд-краун». Мотор оставался невыключенным, и капот был приоткрыт, чтобы немного его охладить.

Вокруг расстилалась равнина, такая плоская, что в любом направлении было видно, как земная поверхность, покрытая высохшим пыльным кустарником, изгибается и плавно уходит за горизонт. Других машин не было, а значит, и никаких других звуков, кроме шепота работающего двигателя и тяжелого шипения земли, трескающейся под лучами обжигающего солнца.

Водитель выдвинул зеркало на дверце на максимум, чтобы видеть дорогу сзади. Пыль, поднятая «форд-крауном», осела, и на целую милю, до самого черного горизонта, сливающегося с небом и серебристым мерцающим миражом, открывался отличный вид. Водитель не сводил глаз с далекого сияния, дожидаясь, когда его разорвет приближающаяся машина.

Он знал, какой она будет. Их команду тщательно проинструктировали. Белый «мерседес-бенц», за рулем мужчина, он едет на встречу, которую не может пропустить. Он будет ехать очень быстро, поскольку боится опоздать – он всегда опаздывает. Они знали время назначенной встречи и место, куда он направляется, – в тридцати милях дальше по дороге, поэтому простой арифметический подсчет выдал им контрольное время, чтобы сверить часы. Это время быстро приближалось.

– За дело, – сказал водитель.

Он вышел из машины на жару, закрыл капот, вернулся на свое место и взял у женщины кепку, одну из трех, купленных у продавца сувениров на Голливудском бульваре за тридцать долларов девяносто пять центов каждая. Кепка была темно-синей, с вышитой белыми нитками надписью «ФБР». Водитель надел ее и надвинул на глаза козырек. Сдвинул рычаг передачи и надавил ногой на педаль газа. Затем слегка наклонился вперед, вглядываясь в зеркало.

– Точно вовремя, – сказал он.

Серебристый мираж бурлил и переливался, из него появилась белая тень и понеслась к ним, точно рыба, выскочившая из воды. Тень обрела очертания и, будто прижимаясь к дороге, помчалась в их сторону. Белый «мерседес»-седан, широкие покрышки, темные окна.

Водитель убрал ногу с тормоза, и «форд-краун» медленно пополз вперед, поднимая пыль. «Мерседес» с ревом промчался мимо, и «форд» пристроился за ним в горячем воздухе выхлопа. Водитель выровнял руль и прибавил скорость. Улыбнулся, поджав губы. Команда убийц приступила к работе.

Водитель «мерседеса» заметил в зеркале заднего вида включенные фары и, вглядевшись повнимательнее, определил, что за ним едет седан,

а еще он увидел на переднем сиденье двух человек в кепках с козырьками. Его взгляд невольно упал на спидометр, который показывал больше девяноста миль. Водитель похолодел и выругался, сбросил скорость и принялся прикидывать, на сколько он уже опоздал, как далеко еще ехать и как следует себя вести с этими парнями. Продемонстрировать скромность? Или, может, заявить: «Я слишком важная персона, чтобы позволить вам хамить мне»? А как насчет дружелюбного: «Да ладно, ребята, я тоже на работе»?

Седан догнал его, когда он сбросил скорость, и он увидел троих человек, двух мужчин и женщину. Повсюду были натыканы антенны. Значит, не простые копы. Водитель знаком показал, чтобы он остановился на обочине. Женщина прижала к стеклу своего окна бумажник с удостоверением личности. На нем крупными буквами было написано: «ФБР». На кепках тоже. Серьезные ребята в форме. Серьезная машина. Он немного расслабился. ФБР не останавливает за превышение скорости. Наверное, тут что-то другое. Какая-нибудь проверка, что вполне разумно, учитывая, какое заведение находится в тридцати милях отсюда. Он кивнул женщине, затормозил и съехал на обочину. Отпустил педаль, и машина замерла на месте, окутанная тучами пыли. Машина ФБР подъехала к нему и встала за ним. Свет ее фар приглушала густая пыль.

По собственному опыту они знали, что необходимо, чтобы жертва не шумела и оставалась живой как можно дольше. Чтобы не было никакой борьбы, которая приводит к тому, что на месте остаются улики: кровь, кусочки ткани и жидкости, вытекающие из тела. Поэтому все трое вышли из машины не спеша, изображая из себя профессионалов, занятых важным, но не слишком срочным делом.

– Мистер Юджин? – крикнула женщина. – Ал Юджин?

Водитель «мерседеса» открыл дверцу и вышел на жару и слепящее солнце. Мужчина лет тридцати, невысокий, смуглый, с землистым лицом, мягкий и полный. Он посмотрел на женщину, и она сразу поняла, что воспитанное в нем с детства уважение к женщинам поставило его в невыгодное положение.

– Чем могу быть вам полезен, мэм? – спросил он.

– Ваш мобильный телефон работает, сэр? – спросила она.

Юджин похлопал по карману пиджака.

– Должен работать, – ответил он.

– А могу я на него взглянуть, сэр?

Юджин достал телефон из кармана и протянул ей. Женщина набрала номер, и у нее сделался удивленный вид.

– Похоже, все в порядке, – сказала она. – Вы не могли бы уделить нам пять минут, сэр?

– Возможно, – ответил Юджин. – Если вы скажете зачем.

– В миле дальше по дороге находится заместитель директора ФБР, ему необходимо с вами поговорить. Что-то срочное, как мне кажется, иначе нас бы здесь не было, и что-то очень важное, иначе нам бы сказали, в чем дело.

Юджин сдвинул манжет рубашки и взглянул на часы.

– У меня назначена встреча, – сказал он.

– Мы знаем, сэр, – кивнула женщина. – И мы взяли на себя смелость позвонить и чуть-чуть ее сдвинуть. Нам нужно всего пять минут.

Юджин пожал плечами.

– Я могу взглянуть на ваши документы? – спросил он.

Женщина протянула ему бумажник из потрепанной черной кожи с мутноватым пластиковым окошком, в котором он увидел ламинированное удостоверение личности агента ФБР с фотографией и тисненой надписью, выполненной слегка старомодным шрифтом, каким могло бы пользоваться правительство. Как и большинство жителей США, Юджин никогда не видел удостоверений личности ФБР и решил, что ему наконец представилась такая возможность.

– Чуть дальше по дороге? – переспросил он. – Хорошо. Пожалуй, я поеду за вами.

– Мы вас отвезем, – сказала женщина. – Там имеется пропускной пункт, и они начинают страшно нервничать, когда видят гражданские машины. Мы вас доставим назад. Всего пять минут.

Юджин снова пожал плечами.

– Хорошо.

И все дружно направились к «форд-krауну». Водитель придержал для Юджина пассажирскую дверцу.

– Садитесь сюда, сэр, – сказал он. – Ваше имя значится в списке А, и если мы посадим вас на заднее сиденье, нашим задницам сильно не поздоровится, будьте уверены.

Они увидели, как Юджин тут же начал раздуваться от собственной значимости, кивнул и забрался на переднее сиденье. Либо он не заметил, что его мобильный телефон так и остался у них, либо ему было все равно. Водитель закрыл дверь и, обойдя машину, занял свое место. Женщина и высокий мужчина уселись сзади. Машина объехала «мерседес» слева и покатила по дороге со скоростью пятьдесят миль в час.

– Впереди, – сказала женщина.

Водитель кивнул:

– Я вижу. Мы успеем.

Примерно в трех или четырех милях дальше над дорогой показалось облако пыли. Оно поднималось вверх и медленно смещалось влево на легком ветру. Водитель «форд-крауна» сбросил скорость, чтобы не пропустить поворот, который он отыскал полчаса назад. Увидев поворот, он свернул влево, пересек противоположную обочину, съехал с дороги и направился к зарослям кустарника, достаточно высоким, чтобы скрыть в них машину. Мужчина и женщина на заднем сиденье достали пистолеты, наклонились вперед и прижали их к шее Юджина там, где благодаря строению человеческого черепа за ушами имеются очень удобные углубления.

– Не шевелитесь, – приказала женщина.

Юджин замер на месте. Через две минуты мимо них по дороге промчался большой темный грузовик или автобус, тучи пыли заволокли небо, и тихонько зашелестели листья кустов. Водитель вышел из машины и подошел к двери Юджина с пистолетом в руке. Открыл дверь, наклонился и приставил дуло пистолета к шее Юджина, спереди, где под ключицей имеется еще одно удобное углубление.

– Выходи, – сказал он. – И соблюдай осторожность.

– Что? – только и смог произнести Юджин.

– Мы скажем тебе что, – проговорила женщина. – А теперь выходи.

Под дулами трех пистолетов Юджин выбрался наружу.

– Отойди от машины, – приказала женщина. – И прогуляйся в сторону от дороги.

Это был самый сложный момент. Юджин начал быстро осматриваться, поворачивая голову, насколько осмеливался. Его глаза бегали туда-сюда. Все тело дергалось. Он отошел от машины. Один шаг, второй, третий… Глаза продолжали метаться. Женщина кивнула.

– Ал, – громко позвала она.

Ее партнеры тут же отскочили в разные стороны. Юджин резко обернулся, чтобы взглянуть на женщину, которая произнесла его имя. Она выстрелила ему в правый глаз. Звук выстрела, точно гром, разорвал тишину. Затылок Юджина превратился в кровавое месиво, и он повалился на землю, запутавшись в собственных конечностях. Женщина обошла его и наклонилась, чтобы взглянуть на свою работу, затем шагнула назад и выпрямилась, расставив ноги и разведя руки в стороны, словно приготовилась к досмотру в аэропорту.

– Проверьте, – сказала она.

Мужчины подошли к ней и внимательно изучили каждый дюйм ее кожи и одежды, потом волосы и руки.

– Чисто, – сказал маленький смуглый мужчина.

– Чисто, – повторил вслед за ним его напарник.

Женщина едва заметно улыбнулась. Никаких следов. Никаких улик. На ней не осталось ни крови, ни мелких частиц костей или мозга.

– Хорошо, – сказала она.

Мужчины снова подошли к Юджину, взяли его за руки и ноги и протащили десять футов до кустов. Чуть раньше они нашли там небольшое углубление в известняке, трещину в камне примерно восемь футов в глубину и полтора фута в ширину – достаточно широкую, чтобы засунуть туда тело боком, но слишком узкую для размаха крыльев стервятников или канюков. Юджин был совсем не худощавым человеком. Они начали осторожно опускать тело, следя, чтобы оно не цеплялось за камень, а затем сбросили его вниз. Оно застряло между каменными стенками трещины на глубине семи футов.

Пятна крови уже начали высыхать и чернеть на солнце. Убийцы присыпали их песчаной пылью и замели все следы веткой мескитового дерева. После этого они вернулись в свою машину, водитель подал немного назад, выбрался из кустарника и въехал на дорогу. Большая машина развернулась в ту сторону, откуда приехала, и не спеша, на скорости в пятьдесят пять миль, двинулась в обратный путь. Через несколько минут они миновали белый «мерседес» Юджина, стоящий там, где они его оставили. Он выглядел брошенным и уже начал покрываться пылью.

– У меня есть дочь, – сказала Кармен Грир. – Я ведь вам уже говорила?

– Вы сказали, что вы мать, – сказал Ричер.

Она кивнула, глядя на руль.

– Да, у меня дочь. Ей шесть с половиной лет. – Она помолчала немного и добавила: – Они назвали ее Мэри Эллен.

– Они?

– Семья моего мужа.

– Они дали имя вашему ребенку?

– Так получилось. Я была не в том положении, чтобы им помешать.

– А как бы вы ее назвали? – через пару мгновений спросил Ричер.

– Может быть, Глория, – пожав плечами, ответила Кармен. – Мне казалось, что она потрясающая.

Она снова замолчала.

– Но ее зовут Мэри Эллен, – проговорил Ричер.

– Они называют ее Элли, для краткости, – сказала она. – Иногда мисс Элли.

– И ей шесть с половиной лет?

– Мы женаты меньше семи лет. Это я вам тоже говорила. Надеюсь, вы умеете считать. Или у вас проблемы?

– С математикой?

– С тем, что это значит.

Ричер покачал головой, глядя в ветровое стекло.

– Никаких. А почему должны быть какие-то проблемы?

– Вот и для меня нет никаких проблем. Но это объясняет, почему я была не в том положении, чтобы дать имя собственной дочери.

Ричер ничего ей не ответил.

– С самого начала у меня с его семьей ничего не получалось, – сказала Кармен.

Она произнесла это так, как люди говорят о трагедии, случившейся в прошлом, об автомобильной катастрофе, крушении самолета или смертельном диагнозе. Так, как человек вспоминает день, когда его жизнь изменилась навсегда. Она крепко сжимала руками руль, и машина мчалась вперед словно сама по себе – кокон, внутри которого царит прохлада и тишина, а мимо проносится прожаренная на солнце местность.

– Кто они такие? – спросил Ричер.

– Гриры, – ответила она. – Старая семья из округа Эхо. Они живут там с тех самых пор, как был отвоеван Техас. Наверное, тогда-то и урвали себе кусок.

– А какие они?

– Какие и должны быть, – сказала она. – Старая техасская семья, белые. Большие деньги с незапамятных времен, часть из них уже исчезла, но многое осталось – нефть и разведение скота. Протестанты, крестятся по всем правилам. Впрочем, не могу сказать, что они часто ходят в церковь или их беспокоит, что им скажет Господь. Они охотятся на животных ради собственного удовольствия. Отец моего мужа умер некоторое время назад, мать жива, два сына, кузены по всему округу. Мой муж – старший сын. Его зовут Слуп Грир.

– Слуп?[6] – переспросил Ричер.

Кармен улыбнулась впервые с тех пор, как они выехали на дорогу из ямы.

– Слуп, – повторила она.

– И что это за имя такое?

– Старое семейное имя, – пояснила она. – Мне кажется, так звали кого-то из предков. Наверное, он был в Аламо и сражался с моими предками.

– Звучит как шлюп. А как зовут другого сына? Яхта? Буксир? Океанский лайнер? Нефтеналивной танкер?

– Роберт, – ответила Кармен. – Все называют его Бобби.

– Слуп, – повторил Ричер. – Я такого еще не слышал.

– Я тоже раньше не слышала, – сказала Кармен. – Вообще там все для меня было в новинку. Но мне нравилось его имя. Оно… выделяло его, что ли.

– Да, наверное.

– Мы познакомились в Калифорнии, – сказала Кармен. – Учились вместе в университете.

– Он оказался далеко от дома и все такое, – проговорил Ричер.

Она перестала улыбаться.

– Именно. Оглядываясь назад, я понимаю, что это единственная причина, по которой все произошло. Знаете, если бы я встретила его

здесь, включая все, что шло в придачу к нему, ничего бы не было. Никогда, уж можете мне поверить. Если предположить, конечно, что я вообще сюда приехала бы, в чем я очень сомневаюсь.

Она снова замолчала и, прищурившись, начала вглядываться вперед, в ослепительное сияние солнца. Слева от черной ленты дороги возникло какое-то строение, чьи яркие алюминиевые очертания рассыпались на движущиеся фрагменты под воздействием горячего воздуха, поднимавшегося над шоссе.

– Вот и закусочная, – сообщила Кармен. – Уверена, что здесь есть кофе.

– Довольно необычная закусочная, – заметил Ричер.

– А здесь много необычного, – проговорила Кармен.

Закусочная в полном одиночестве пристроилась на обочине дороги, на небольшом возвышении посреди утрамбованной земляной площадки, которая служила парковкой. На высоком шесте имелась вывеска, и нигде даже намека на тень. Ричер заметил два грузовика-пикапа, стоящих довольно далеко друг от друга и припаркованных кое-как.

– Ну ладно, – сбрасывая скорость, с сомнением проговорила Кармен. – Теперь вы от меня сбежите. Посчитаете, что один из водителей пикапов наверняка согласится вас подвезти.

Ричер промолчал.

– Если вы так решили, сделайте это позже, ладно? – попросила она. – Пожалуйста. Я не хочу остаться одна в таком месте.

Она еще немного сбросила скорость и покатила по неровной дороге в сторону парковки. Остановилась рядом с вывеской, словно под деревом, чьи ветви защитят машину от солнца. Тонкая тень шеста, точно палочка, легла на капот. Кармен заглушила двигатель, в неожиданно наступившей тишине громче зазвучал шепот кондиционера. Ричер открыл свою дверь, и в него ударила тугая волна жара, будто он вдруг оказался в сталелитейном цеху. Воздух был таким горячим, что ему не удавалось сделать вдох. Несколько мгновений он стоял не шевелясь, дожидаясь Кармен, а затем они вместе прошли по пропеченной солнцем земле, жесткой и сухой, точно цемент. Чуть дальше он разглядел заросли мескитовых деревьев на фоне ослепительно голубого неба, бесконечного и бездонного, раскинувшегося во все стороны, насколько хватал глаз.

Ричер шел на полшага позади Кармен, наблюдая за ней. Она опустила голову и прикрыла глаза, как будто не хотела ничего видеть вокруг себя и не хотела, чтобы ее видели другие. Подол ее платья доходил до

коленей, красиво оттеняя их. Двигалась она с изяществом танцовщицы, прямо держала спину и легко переставляла ноги.

В закусочной имелся крошечный вестибюль с автоматом по продаже сигарет и стендом, на котором были вывешены рекламные листки, сообщавшие о продаже недвижимости и выставках оружия, а также новости, касающиеся нефти и проведения родео в окрестных городках. За второй дверью было снова прохладно. Некоторое время Ричер и Кармен постояли, наслаждаясь возможностью забыть о жаре. Сразу за дверью начиналась стойка, усталая официантка сидела боком на табурете. В кухне болтался повар. В отдельных кабинках двое мужчин что-то ели. Все четверо подняли головы и замерли, словно хотели что-то сказать, но решили промолчать.

Ричер посмотрел на всех по очереди, отвернулся и провел Кармен в самую дальнюю кабинку в конце зала. Он уселся за липкий стол с виниловым покрытием и с удовольствием подставил голову струе холодного воздуха из вентилятора в потолке. Кармен устроилась напротив и подняла голову, и Ричер впервые посмотрел ей прямо в лицо.

– Моя дочь совсем на меня не похожа, – сказала она. – Иногда я думаю, что это самая жестокая ирония в том, что со мной происходит. Могучие старые гены Гриров победили мои, это точно.

У нее были невероятно красивые темные глаза, слегка раскосые, с длинными ресницами, и прямой нос, который вместе с бровями образовывал идеальную букву Y. Густые черные волосы, отливавшие синим в тусклом свете закусочной, обрамляли высокие скулы. Маленький ротик с едва заметным следом красной помады, гладкая великолепная кожа цвета слабого чая или темного меда, словно подсвеченная изнутри. На самом деле ее кожа была значительно светлее, чем загорелые руки Ричера, хотя он был белым, а Кармен – нет.

– Итак, на кого похожа Элли? – спросил он.

– На них, – ответила Кармен.

Официантка принесла холодную воду, блокнот и карандаш, задранный нос и высокомерное молчание. Кармен заказала кофе со льдом, а Ричер – горячий и как можно крепче.

– Она нисколько на меня не похожа, – сказала Кармен. – Пухленькая, с розовой кожей и светлыми волосами. Но зато у нее мои глаза.

– Счастливая, – заметил Ричер.

На ее губах промелькнула улыбка.

– Спасибо. И я хочу, чтобы она оставалась счастливой.

Кармен прижала стакан воды к щеке, а потом салфеткой вытерла влагу с лица. Официантка принесла их заказ – кофе со льдом в высоком бокале и кофе Ричера в пластмассовом кувшине. Когда она ставила бокал перед Кармен, часть его содержимого выплеснулась на стол. Она подтолкнула к Ричеру пустую фарфоровую кружку, положила посреди стола чек лицевой стороной вниз и, не произнеся ни единого слова, ушла.

– Вы должны понимать, что когда-то я любила Слупа, – сказала Кармен.

Ричер промолчал, и она посмотрела ему в глаза.

– Вы не любите, когда вам говорят подобные вещи? – спросила она.

Ричер покачал головой, хотя действительно чувствовал себя немного неловко. Одинокие бродяги далеко не всегда готовы с радостью выслушивать признания совершенно незнакомых им людей.

– Вы сказали, чтобы я начала с самого начала, – сказала она.

– Да, сказал, – не стал спорить Ричер.

– Хорошо, пусть будет с самого начала. Когда-то я его любила. Я хочу, чтобы вы это понимали. А еще, что это было совсем не трудно – полюбить его. Высокий, крупный, красивый, он много улыбался, держался легко и непринужденно, я никогда не видела его напряженным. Мы учились и были молоды. Лос-Анджелес такое особенное место, где все кажется возможным и ничто не имеет особого значения.

Она взяла соломку из коробки, стоящей на столе, и вынула ее из упаковки.

– А еще вам необходимо знать, откуда я родом, – продолжала она. – По правде говоря, мой случай нельзя назвать стандартным. Я не была простой мексиканской девушкой, которую волновало, как к ней отнесется белая семья. Меня беспокоило, примет ли моя семья парня гринго. Ужасно беспокоило. Нам принадлежит тысяча акров земли в долине Напа.[7] Мне кажется, мы там жили всегда и всегда были самыми богатыми из всех, кого я знала. И самыми образованными. Искусство, история, музыка. Мы делали пожертвования музеям. На нас работали белые люди. Поэтому я страшно переживала, что скажут мои родные, когда я объявлю им, что хочу выйти замуж за белого парня.

Ричер сделал глоток кофе. Он был несвежим и подогретым, но Ричер решил, что сойдет и так.

– И что они сказали? – спросил он.

– Пришли в ярость. Я считала, что они ведут себя глупо. Теперь понимаю, что они были правы.

– Так что же произошло?

Кармен некоторое время потягивала кофе через соломинку, потом взяла салфетку и промокнула губы. На салфетке остался красный след помады.

– Ну, я забеременела, – сказала она. – И разумеется, все стало в миллион раз хуже. Мои родители очень набожные люди, которые страстно придерживаются традиций, и они просто вычеркнули меня из своей жизни. Лишили наследства и отказались от меня. Как в сказке из викторианских времен – выгнали из дома на заснеженную улицу с жалким узелком в руках. Только, разумеется, не было никакого снега, а вместо узелка дорогой чемодан.

– И что вы сделали?

– Мы поженились. Никто не пришел на нашу свадьбу, только пара друзей, с которыми мы учились. Несколько месяцев мы прожили в Лос-Анджелесе, закончили учебу, потом поселились там, пока до появления ребенка не остался месяц. На самом деле тогда было здорово. Мы были молоды и любили друг друга.

Ричер налил себе вторую чашку кофе.

– Но? – спросил он.

– Но Слуп не мог найти работу. А вскоре я поняла, что он не особенно старался. Работа не входила в его планы. Колледж был для него четырьмя годами развлечений, а затем он собирался сменить отца в семейном бизнесе. Его отец к тому моменту уже готовился уйти на покой. Мне это совсем не нравилось, потому что я хотела, чтобы мы начали самостоятельно выстраивать нашу жизнь. Ну, вы понимаете, новое поколение с обеих сторон. Я считала, что раз я отказалась от всего, что имела, то он тоже должен. Мы начали ссориться, я не могла работать из-за беременности, поэтому у меня не было своих денег. В конце концов мы не смогли заплатить за жилье, он одержал верх в нашем споре, и мы вернулись сюда, в Техас, и поселились в большом старом доме с его родителями, братом и кучей кузенов. И я все еще здесь.

Отчаяние и тоска снова зазвучали в ее голосе при воспоминании о дне, когда ее жизнь изменилась навсегда.

– И? – подтолкнул ее Ричер.

Она взглянула ему в глаза.

– Мне казалось, будто земля разверзлась у меня под ногами и я стремительно падаю прямо в ад. Я испытала такое потрясение, что сначала даже не могла ни на что реагировать. Они очень странно со мной держались, и только на второй день я поняла, что происходит. Понимаете, всю мою жизнь со мной обращались как с принцессой, потом я была одной из тысяч студентов в Лос-Анджелесе – и вдруг превратилась в кусок дерьма с помойки. Они никогда не говорили это прямо, но я все видела и понимала. Они меня ненавидели, для них я была грязной шлюхой, подцепившей их дорогого мальчика. Они вели себя до противного вежливо, наверное, рассчитывали, что Слуп одумается и вышвырнет меня вон. В Техасе такое нередко случается. Чудные мальчики из старых семей, когда они глупы и молоды, любят темнокожих женщин. Иногда это что-то вроде обряда посвящения. Потом они умнеют и все встает на свои места. Я уверена, что они так думали. И очень на это надеялись. Поверьте мне, я испытала настоящий шок. Я никогда так о себе не думала. Никогда. Не было необходимости. И никогда ни с чем подобным не сталкивалась. В одно мгновение весь мой мир перевернулся с ног на голову. Как будто я свалилась в ледяную воду. Я не могла дышать, не могла думать, даже двигаться не могла.

– Но, судя по всему, он вас не вышвырнул.

– Нет, – не поднимая глаз, ответила Кармен. – Он начал меня бить. В первый раз он ударил меня по лицу. На следующий день родилась Элли.

«Форд-краун» свернул к офису проката машин «Херц», пристроившемуся за небольшой рощицей в восьми милях от шоссе, на полпути между Абилином и Биг-Спринг. Техасские номера были заменены на виргинские. Пластиковые покрышки вернулись на место, антенны были сняты и убраны в чемодан. Сувенирные кепки сложены и спрятаны вместе с оружием. Мобильный телефон Юджина разбит о большой камень, а осколки заброшены в густые кусты. На переднее пассажирское сиденье насыпали несколько горстей пыли с обочины дороги, чтобы служащие агентства пропылесосили его, уничтожив вместе с пылью все следы пребывания Юджина в машине, поскольку на сиденье могли остаться волоски или нитки с его одежды.

Затем большой седан вернулся на шоссе и спокойно покатил на запад, непримечательная машина с тремя непримечательными людьми внутри. Они сделали еще одну остановку около кафе, названного в честь реки Колорадо, где выпили содовой и позвонили из непримечательного телефона-автомата в Лас-Вегас, откуда их звонок отправился в Даллас, а затем в офис в маленьком городке на западе Техаса. Они доложили, что все прошло успешно, и их сообщение было принято с радостью.

– Он разбил мне губу, а еще у меня расшаталось несколько зубов, – сказала Кармен Грир.

Ричер наблюдал за ее лицом.

– Это было в первый раз, – продолжала она. – Он просто вышел из себя, но тут же раскаялся в том, что сделал, и сам повез меня в больницу. Ехать туда очень далеко, несколько часов, и всю дорогу он умолял простить его. Потом он принялся уговаривать меня не рассказывать о том, что произошло на самом деле. Мне показалось, что ему действительно стыдно, и я согласилась. Но мне все равно не пришлось ничего говорить, потому что, как только мы приехали, у меня начались схватки и меня отправили прямо в родильную палату. Элли родилась на следующий день.

– И что было потом?

– Все было хорошо, – ответила она. – По крайней мере, неделю. А потом он снова начал меня бить. Я все делала не так. Слишком много внимания уделяла ребенку, не хотела заниматься с ним сексом, потому что у меня болели швы. Он говорил, что из-за беременности я стала толстой и уродливой.

Ричер молчал.

– Ему удалось заставить меня в это поверить, – проговорила она. – И я очень долго верила. Знаете, так бывает. Нужно быть очень уверенной в себе, чтобы сопротивляться таким словам. А у меня подобной уверенности не было. Он отнял ее у меня. В течение двух или трех лет я считала, что сама во всем виновата, и пыталась исправить положение.

– А что делали его родные?

Кармен отодвинула от себя бокал с недопитым кофе.

– Они ничего не знали, – сказала она. – Потом его отец умер, и стало еще хуже. Он был самым разумным из них всех. И хорошим человеком. А теперь остались только его брат и мать. Он ужасный, а она настоящая ведьма. И они по-прежнему ничего не знают. Все происходит потихоньку. Дом большой, в действительности это громадное поместье. И мы вовсе не сидим друг у друга на голове. Все невероятно запутано. Мой муж слишком упрям и горд, чтобы согласиться с ними, что он совершил ошибку. Поэтому чем больше они на меня наскакивают, тем старательнее он делает вид, что любит меня. Он их обманывает. Покупает мне подарки. Вот и это кольцо купил он.

Она подняла правую руку, изящно повернув запястье, чтобы показать Ричеру платиновое кольцо с большим бриллиантом. Выглядело оно великолепно. Ричер никогда не покупал колец с бриллиантами и не

имел ни малейшего понятия о том, сколько оно может стоить. Он решил, что много.

– Он покупал мне лошадей, – продолжала Кармен. – Они знали, что я хотела бы иметь своих лошадей, и он покупал их мне, чтобы выглядеть хорошо в глазах своих родных. А на самом деле – чтобы объяснить, откуда берутся мои синяки. Он заставляет меня говорить, что я упала. Им известно, что я еще учусь ездить верхом. А в округе, где родео самое популярное развлечение, это объясняет все – и синяки, и сломанные кости. Считается, что так и должно быть.

– Он ломал вам кости?

Она кивнула и начала прикасаться к разным частям своего тела и поворачиваться в узкой кабинке, без слов рассказывая ему о своей боли, замирая на мгновение словно для того, чтобы получше вспомнить, как это было.

– Прежде всего, ребра, – сказала она. – Когда я оказываюсь на полу, он бьет меня ногами. Когда он в ярости, он делает это всегда. Левую руку он вывернул. Ключицу. Челюсть. Мне вставили три зуба.

Ричер удивленно посмотрел на нее.

– В больнице думают, что я самая худшая наездница в истории Запада.

– И они в это верят?

– Возможно, им так проще.

– А его мать и брат?

– То же самое, – ответила она. – Знаете, что такое презумпция невиновности?

– Почему, черт подери, вы остались? Почему не убрались оттуда после первого раза?

Кармен вздохнула, закрыла глаза и отвернулась. Положила руки на стол ладонями вниз, а потом повернула их, раскрыв ладони.

– Не знаю, – прошептала она. – Никто никогда не может этого объяснить. Нужно понимать, как это бывает. У меня не осталось уверенности в себе. Зато был новорожденный ребенок и ни гроша за душой. У меня не было друзей. За мной постоянно следили. Я даже позвонить не могла так, чтобы меня не подслушивали.

Ричер промолчал, а Кармен открыла глаза и посмотрела на него.

– И хуже всего то, что мне некуда идти, – проговорила она.

– А в родной дом? – спросил он.

Она покачала головой.

– Мне такое даже в голову не приходило, – сказала она. – Смириться с тем, что он меня бил, было легче, чем приползти к моим родным с белым светловолосым ребенком на руках.

Ричер не знал, что сказать.

– Если ты упустил свой первый шанс, ты попался, – добавила она. – Таков закон. Становится только хуже. И всякий раз, когда я думала о том, что со мной произошло, результат оказывался все тем же: у меня по-прежнему не было денег, а на руках маленький ребенок. Сначала Элли был год, потом два, три. Подходящий момент никак не наступал. Если ты не бежишь после первого раза, ты в ловушке. А я не убежала. Я жалею, что не сделала этого, но так уж получилось.

Ричер продолжал молчать, и она с мольбой взглянула на него.

– Вы должны поверить мне на слово, – сказала она. – Вы не знаете, что это такое. Вы мужчина, большой и сильный, и если вас кто-то ударит, вы дадите ему сдачи. Вы живете один, и если вам где-то не нравится, вы перебираетесь в другое место. Со мной все не так. Даже если вы не можете этого понять, вам придется мне поверить.

Ричер ничего не сказал.

– Я могла бы уехать без Элли, – продолжила Кармен. – Слуп говорил мне, что, если я оставлю с ним ребенка, он заплатит за мой проезд в любое место, которое я назову. Первым классом. Тут же вызовет из Далласа лимузин, чтобы тот отвез меня прямо в аэропорт.

Ричер молчал.

– Но я не смогла бы так поступить, – тихо проговорила она. – Это невозможно. Поэтому Слуп представляет дело так, будто это мой выбор. Будто я соглашаюсь на его условия. Будто меня все устраивает. И он продолжает меня бить. Кулаками, ногами, по лицу. Унижает меня в постели. Каждый день, даже если он на меня не злится. А если злится, то становится и вовсе безумным.

Наступила тишина, которую нарушал лишь шорох вентилятора на потолке, слабый шум из кухни и тихое дыхание Кармен. Звякнул тающий лед в ее отставленном бокале. Ричер посмотрел на нее, перевел взгляд на руки, плечи, шею, лицо. Вырез платья чуть сдвинулся в сторону, и он увидел шишку на ключице. Заживший перелом. Но она сидела совершенно прямо, вскинув голову и глядя на него с вызовом. Ее поза многое ему рассказала.

– Он бьет вас каждый день? – спросил он.

Она закрыла глаза.

– Ну, почти каждый. Не в прямом смысле, но три или четыре раза в неделю. Иногда чаще. У меня такое ощущение, будто каждый день.

Ричер довольно долго молчал, не сводя с нее глаз.

Затем покачал головой.

– Вы это придумали.

Наблюдатели упрямо оставались на своем посту, хотя смотреть было особенно не на что. В красном доме, прожаренном горячим солнцем, царила тишина. Через некоторое время появилась кухарка, села в машину и уехала, подняв клубы пыли, скорее всего, в магазин. Около конюшни пара работников занимались лошадьми, они их выводили, чистили и заводили внутрь. За конюшней стоял небольшой домик, такой же красный, построенный по тому же проекту. По большей части он выглядел пустым, потому что конюшни тоже по большей части пустовали. В них содержались всего пять лошадей, в том числе пони для ребенка. Лошади в основном оставались в стойлах из-за ужасной жары.

Вернулась кухарка и отнесла пакеты с покупками на кухню. Мальчик сделал соответствующую запись в блокноте. Пыль, поднятая ее машиной, медленно опустилась на дорогу, и мужчины проследили за ней в подзорные трубы. Они повернули свои кепки, чтобы козырьки защитили от солнца шею.

– Вы мне врете, – сказал Ричер.

Кармен отвернулась к окну, и на ее щеках появились красные пятна размером с четвертак. Ричер решил, что она рассердилась. Или смутилась. Кто знает?

– С чего вы взяли? – тихо спросила она.

– Физические доказательства, – ответил он. – У вас нигде не видно синяков. Чистая кожа. Мало косметики, слишком мало, чтобы что-нибудь прятать. Она ни капли не скрывает того факта, что вы отчаянно покраснели. Вы выглядите так, словно только что вышли из салона красоты. Кроме того, вы легко двигаетесь. Вы промчались по парковке, точно балерина. Выходит, у вас ничего не болит. Нигде. Если он бьет вас каждый день, значит, он делает это перышком.

Несколько мгновений Кармен молчала, затем кивнула:

– Я вам не все сказала.

Ричер перевел взгляд в сторону.

– Не сказала самого главного, – добавила она.

– А зачем мне вас слушать?

Она взяла из коробки еще одну соломинку и развернула ее. Расправила бумажную обертку и превратила ее в тугую спираль, накрутив между большим пальцем и указательным.

– Извините, – сказала она. – Но я хотела привлечь ваше внимание.

Ричер повернул голову и посмотрел в окно. Солнце передвинуло тонкую тень от столба на капоте «кадиллака», точно стрелку на часах. Внимание? Он вспомнил, как сегодня утром открыл дверь в свой номер в мотеле. Впереди у него был новый день, который он мог наполнить новыми впечатлениями. Он вспомнил отражение копа в зеркале и чавкающий шепот шин «кадиллака» по горячему асфальту, когда машина остановилась рядом с ним.

– Хорошо, я весь внимание, – сказал он, глядя на ее машину.

– Это тянулось пять лет, – сказала она. – Поверьте мне, было ровно так, как я вам рассказала. Почти каждый день. А полтора года назад все прекратилось. Но я должна была рассказать все с самого начала, чтобы вы меня выслушали.

Ричер ждал продолжения.

– Рассказывать о таких вещах совершенно чужому человеку совсем не просто, – проговорила она.

Он повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Слушать тоже не просто.

Она сделала глубокий вдох и спросила:

– Вы собираетесь от меня сбежать?

– Чуть не сбежал минуту назад, – пожав плечами, ответил Ричер.

– Прошу вас, не делайте этого, – взмолилась она. – По крайней мере, не здесь. Пожалуйста. Просто послушайте меня еще немного.

– Хорошо, я вас слушаю, – сказал он.

– Но вы мне поможете?

– В чем?

Она не ответила, и Ричер спросил:

– А каково это, когда тебя бьют?

– Каково? – переспросила она.

– Физически, – пояснил он.

Кармен отвернулась, обдумывая его вопрос.

– Все зависит от того, куда бьют, – сказала она наконец.

Ричер кивнул. Он знал, что в разных местах ощущения разные.

– Живот? – спросил он.

– Меня сильно рвало, – ответила она. – И я беспокоилась, потому что видела кровь.

Ричер снова кивнул. Да, она знает, что бывает, когда тебя бьют в живот.

– Клянусь вам, это правда. Целых пять лет. Зачем мне придумывать?

– Итак, что же произошло? – поинтересовался Ричер. – Почему он перестал вас бить?

Она замолчала, словно почувствовала, что на нее все смотрят. Ричер поднял голову и увидел, как повар, официантка и два типа за дальними столиками тут же отвернулись. Повар и официантка быстрее парней. На их лицах Ричер заметил враждебное выражение.

– Мы можем уехать отсюда? – спросила Кармен. – Нам нужно возвращаться. А дорога дальняя.

– Я еду с вами?

– В этом и состоит моя идея.

Ричер снова посмотрел в окно.

– Пожалуйста, Ричер, – прошептала она. – По крайней мере, выслушайте меня до конца, а потом уж решайте. Я могу высадить вас в Пекосе, если вы не захотите ехать со мной в Эхо. Сходите там в музей. Посмотрите на могилу Клея Эллисона.

Он наблюдал за тем, как тень коснулась ветрового стекла «кадиллака». Внутри сейчас, наверное, жарко, как в раскаленной печи.

– В любом случае, вам стоит там побывать. Если вы исследуете Техас.

– Ладно, – сказал Ричер.

– Спасибо.

Он не ответил.

– Подождите меня, – попросила Кармен. – Мне нужно сходить в туалет. Я уже давно за рулем и много проехала.

Она выскользнула из кабинки с изяществом человека, у которого ничего не болит, и прошла через зал, опустив голову и не глядя по сторонам. Два типа проследили за ней взглядами, пока она не скрылась из виду, и перевели ничего не выражающие глаза на Ричера. Он проигнорировал их, перевернул чек и положил на него мелочь из кармана, ровно столько, сколько там было написано, решив не оставлять чаевых. Затем встал и подошел к двери. Парни пристально за ним наблюдали. Он остановился и стал смотреть сквозь стекло вдаль, за парковку. Несколько минут он наблюдал, как прожаривается земля под лучами солнца, пока не услышал у себя за спиной шаги Кармен. Она причесалась и подкрасила губы.

– Пожалуй, я тоже схожу в туалет, – сказал он.

Ока посмотрела направо, между двумя типами за столиками.

– Подождите, пока я сяду в машину, – сказала она. – Я не хочу оставаться здесь одна. Мне вообще не следовало сюда заходить.

Она вышла, и Ричер подождал, пока она не подошла к «кадиллаку». Она забралась внутрь, и он увидел, как машина вздрогнула, когда Кармен включила двигатель, чтобы заработал кондиционер. После этого Ричер повернулся и отправился в мужской туалет, который оказался довольно большим, с двумя фарфоровыми писсуарами и одной кабинкой. А еще там имелась раковина с отбитым краем и кран с холодной водой. Толстый рулон бумажных полотенец стоял на машине, в которую его следовало заправить. Не самое чистое место из тех, что Ричеру доводилось видеть. Ричер воспользовался левым писсуаром и тут услышал шаги за дверью. Он взглянул на хромированный кран для спуска воды. Кран оказался грязным, но зато был круглым и отражал то, что находилось за спиной у Ричера, словно маленькое зеркальце безопасности.

Открылась дверь, и в туалет вошел мужчина. Один из посетителей. Скорее всего, один из водителей грузовиков. Хромированная поверхность искажала картину, но Ричер обратил внимание на то, что он почти достает головой до верхней притолоки двери. Крупный мужчина. Он что-то нащупывал у себя за спиной, а в следующее мгновение Ричер услышал щелчок замка двери. Затем парень сдвинулся в сторону и опустил руки. Он был в черной футболке с какой-то надписью, но Ричер не смог прочитать ее в отражении. Что-то вроде логотипа нефтяной компании.

– Ты не наших мест? – спросил парень.

Ричер ничего не ответил, он следил за отражением.

– Я задал тебе вопрос, – сказал парень.

Ричер его проигнорировал.

– Я с тобой разговариваю.

– Это большая ошибка, – заявил Ричер. – Откуда тебе знать, кто я такой? А вдруг я из полиции? Тогда долг вынудит меня повернуться и выслушать тебя, и струя как раз попадет на твои ботинки.

Парень, которого его слова явно застали врасплох, переступил с ноги на ногу. Очевидно, он заготовил речь заранее, на что Ричер и рассчитывал. Необходимость импровизировать должна была его озадачить – ровно настолько, чтобы Ричер успел застегнуть брюки и выглядеть пристойно. Парень топтался на месте, пытаясь решить, как реагировать на его выступление.

– Значит, мне придется тебе объяснить, – заявил он. – Кто-то должен.

На слова Ричера он не ответил – видимо, у него не было таланта к словесной перепалке.

– Что объяснить? – спросил Ричер.

– Какие у нас законы.

Ричер на мгновение замер. Единственная проблема с кофе состоит в том, что он обладает мочегонными свойствами.

– И какие у вас законы?

– Здесь не принято приводить любителей фасоли в места, куда ходят приличные люди.

– Что? – спросил Ричер.

– Ты какую часть не понял?

Ричер выдохнул. Ему требовалось еще секунд десять.

– Ничего не понял, – проговорил он.

– В места вроде этого нельзя приводить любителей фасоли.

– А кто такие любители фасоли? – поинтересовался Ричер.

Парень сделал шаг вперед, и его отражение увеличилось и стало непропорциональным.

– Латиносы, – пояснил он. – Они все время жрут фасоль.

– О женщине нужно говорить «латина», с буквой «а», – поправил его Ричер. – Род имеет огромное значение в некоторых языках. Кроме того, она пила холодный кофе. И за целый день, который я провел с ней, я ни разу не видел, чтобы она ела фасоль.

– Думаешь, ты умник, да?

Ричер наконец закончил свое дело и застегнул брюки. Воду спускать не стал. Здесь, похоже, никто этого не делал. Он повернулся к раковине и открыл кран.

– Можешь не сомневаться, поумнее тебя, – заметил он. – Впрочем, это нетрудно. Видишь рулон бумажных полотенец? Он тоже умнее тебя. Намного. А каждое отдельное полотенце по сравнению с тобой просто гениально. Они могут дружными рядами отправиться в Гарвард, и каждый получит стипендию, пока ты будешь продолжать потеть над тестами для начальной школы.

Было такое ощущение, будто он дразнит динозавра. Точнее, бронтозавра, у которого с мозгами совсем напряженно. Потребовалось некоторое время, чтобы прозвучавшие слова были восприняты и поняты. Прошло четыре или пять секунд, прежде чем на лице громилы появился проблеск мысли. Еще через четыре или пять секунд он старательно и медленно размахнулся венчавшим могучую руку огромным кулаком, который пронесся над головой Ричера. Если бы он попал в цель, это было бы неприятно. Но он не попал. Ричер левой рукой схватил парня за запястье и остановил его на полпути. Громкий влажный шлепок эхом отразился от отделанных кафелем стен туалета.

– Даже микробы на этом полу умнее тебя, – сообщил ему Ричер.

Затем он развернул бедра на девяносто градусов, чтобы защитить пах, и с силой сжал запястье грубияна. Было время, когда он мог таким образом ломать кости. Скорее благодаря слепой решимости, чем силе.

Но в тот момент у него такой решимости не было.

– Тебе сегодня повезло, – заявил Ричер. – Кто знает, а вдруг ты коп. Так что я тебя отпускаю.

Парень в отчаянии уставился на свое запястье, которое начало распухать и покраснело.

– После того, как ты извинишься, – добавил Ричер.

Парень еще четыре или пять секунд не сводил глаз со своей несчастной руки. Совсем как динозавр.

– Извини, – пробормотал он. – Прошу прощения.

– Не передо мной, задница, – сказал Ричер. – Перед дамой.

Парень молчал. Ричер сжал его запястье еще сильнее и почувствовал, как большой палец стал скользким от пота и съехал к безымянному. А еще он почувствовал, как щелкнули и сдвинулись кости в запястье грубияна. Лучевая и локтевая оказались совсем рядом, ближе друг к другу, чем задумано природой.

– Ладно, – прохрипел парень. – Хватит.

Ричер выпустил его запястье, и верзила тут же прижал его к себе, тяжело дыша и переводя взгляд с Ричера на свою руку.

– Дай мне ключи от твоего грузовика, – приказал ему Ричер.

Парень неуклюже развернулся, чтобы забраться в правый карман левой рукой, и достал из него большую связку ключей.

– А теперь иди и подожди меня на парковке, – велел Ричер.

Громила отпер дверь левой рукой и вывалился наружу. Ричер бросил ключи в писсуар и вымыл руки. Старательно вытер их бумажным полотенцем и вышел из туалета. Он нашел парня на парковке, на полпути между дверью в закусочную и «кадиллаком».

– А теперь постарайся вести себя очень хорошо, – обратился он к парню. – Можешь предложить даме помыть машину или еще что-нибудь такое же полезное. Она откажется, но ведь важно намерение, верно? Если тебе хватит воображения, получишь назад свои ключи. В противном случае пойдешь домой пешком.

Сквозь затемненное стекло Ричер видел, что Кармен наблюдает за их приближением и явно не понимает, что происходит. Он махнул рукой, показывая, чтобы она открыла окно. Сделал круговое движение, словно опуская стекло. Она послушно открыла окно, но всего на два дюйма, так что были видны только глаза. Они были широко открыты, и в них застыло беспокойство.

– Этот человек хочет вам что-то сказать, – проговорил Ричер и отошел на шаг назад.

Парень выступил вперед, посмотрел себе под ноги, потом на Ричера глазами побитой собаки. Ричер кивнул, чтобы его подбодрить. Парень положил руку на грудь, словно оперный тенор или метрдотель, и слегка наклонился, обращаясь к двухдюймовой щели.

– Мэм, – проговорил он, – я хотел сказать, что мы все будем по-настоящему рады, если вы снова заедете к нам в ближайшее время. Может быть, вы хотите, чтобы я помыл вам машину, раз уж вы здесь?

– Что? – удивленно спросила Кармен.

Оба одновременно повернулись к Ричеру: Кармен – с изумлением, парень – с мольбой в глазах.

– Ладно, хватит. Я оставил твои ключи в туалете, – сказал он.

Четыре или пять секунд спустя парень повернулся и направился назад, в закусочную. Ричер обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

– Я подумала, что вы решили от меня сбежать, – сказала Кармен. – И попросили этого типа, чтобы он вас подвез.

– Пожалуй, я лучше поеду с вами, – ответил Ричер.

«Форд-краун» ехал на юг к одинокой деревушке, стоящей на пересечении дорог. Справа находилось старое кафе, слева – пустая площадка. Обтрепанный знак «Стоп» на дороге. Дальше обветшалая заправочная станция и школа с одной комнатой. Пыль и жара повсюду. Большая машина притормозила, проползла через перекресток и мимо школы, а затем неожиданно набрала скорость и умчалась прочь.

Маленькая Элли Грир проследила за ней взглядом. Она сидела на деревянном стуле у окна и открывала крышку большой голубой коробки с завтраком, когда услышала короткий визг шин и мимо промчалась машина. Элли повернула голову и посмотрела ей вслед. Она была серьезным ребенком и проводила много времени в размышлениях и наблюдениях. Она не сводила своих больших темных глаз с дороги, пока не осела пыль. Затем вернулась к прерванному занятию и принялась изучать содержимое коробки. Она пожалела, что мамы не было дома, чтобы собрать ей завтрак вместо кухарки, которая принадлежала Грирам и была жадной.

Глава 3

– Так что же произошло полтора года назад? – спросил Ричер.

Кармен ответила не сразу. Они ехали по прямой пустынной дороге, и солнце стояло у них над головами. Дорога была из щебенки и асфальта, достаточно ровная, но обочины оставляли желать лучшего. На случайных расстояниях друг от друга встречались рекламные щиты, сообщавшие о заправочных станциях, гостиницах и магазинах, находящихся далеко впереди. По обе стороны дороги местность была

плоской, выжженной и бесцветной, лишь время от времени вдалеке виднелись замершие ветряные мельницы. Ближе к дороге на бетонных подушках стояли двигатели от машин. Большие «V-8», какие можно увидеть под капотом древнего «шевроле» или «крайслера», выкрашенные в желтую краску, покрытые ржавчиной, с торчащими вертикально толстыми выхлопными трубами.

– Водяные помпы, – пояснила Кармен. – Для орошения полей. В прежние времена здесь было сельское хозяйство. Тогда бензин стоил дешевле воды, поэтому эти штуки работали целый день и всю ночь. Теперь воды не осталось, а бензин стал слишком дорогим.

По обе стороны дороги тянулись земли, заросшие сухим кустарником. Далеко на горизонте, к юго-западу от дороги, вроде бы высились горы, но, возможно, это была иллюзия, рожденная жарой.

– Вы проголодались? – спросила Кармен. – Если мы не будем останавливаться, то сможем забрать Элли из школы. Я не видела ее со вчерашнего дня и очень соскучилась.

– Как пожелаете, – ответил Ричер.

Она прибавила скорость, и огромный «кадиллак» помчался вперед по неровной дороге, делая восемьдесят миль в час. Ричер выпрямился на своем сиденье и потуже затянул ремень безопасности.

– Вы мне верите? – взглянув на него, спросила Кармен.

Ричер посмотрел на нее и подумал, что за тринадцать лет работы следователем научился ничему не верить.

– Что произошло полтора года назад? – спросил он.

Кармен поудобнее передвинула руки на руле, потом раскрыла ладони, растопырив пальцы, и снова сжала их, удерживая руль.

– Его посадили в тюрьму, – ответила она.

– За то, что он вас избивал?

– В Техасе? – проговорила она и коротко рассмеялась, но ее смех был похож на стон боли. – Теперь я точно знаю, что вы здесь впервые.

Ричер ничего ей не сказал, молча наблюдая за тем, как мимо его окна проносится Техас, прожаренный на солнце, наглый, желтый.

– Такого просто не может быть, – сказала она. – В Техасе все знают, что джентльмен никогда не поднимет руку на женщину. В особенности белый джентльмен из семьи, которая живет здесь уже сто лет. Поэтому

если его жена – грязная шлюха – посмеет сказать про него что-нибудь подобное, они, скорее всего, запрут ее, причем в психушке.

День, когда ее жизнь изменилась навсегда.

– Так что же он сделал?

– Уклонялся от уплаты федеральных налогов, – ответила она. – Он много заработал на операциях с нефтяными участками и продаже горнодобывающего оборудования в Мексике, но не стал сообщать об этом в налоговое управление. На самом деле он не сообщал им ни о каких своих доходах. И в конце концов его поймали.

– За это сажают в тюрьму?

Кармен поморщилась и ответила:

– Вообще-то они изо всех сил стараются этого не делать. Он попался в первый раз, и они были готовы позволить ему выплатить долг, выступить со встречными предложениями и все такое. Их бы устроило чистосердечное признание и план погашения задолженности. Но Слуп слишком упрям, и потому он предоставил им самим все раскапывать и до суда не желал ни в чем признаваться. Отказался платить. Даже заявил, будто он им ничего не должен, что было довольно глупо. Но они не могли просто забрать деньги, потому что он спрятал их в семейных фондах. Думаю, это привело их в ярость.

– И ему предъявили обвинение?

Кармен кивнула, не поворачиваясь.

– Они решили ему отомстить, – сказала она. – Дело федеральной юрисдикции. Слышали такое выражение? Передать дело в федеральную юрисдикцию. Теперь я знаю, почему так говорят. Поднимается страшный шум. Настоящее состязание, местные мальчики из добрых старых семей против Министерства финансов. Адвокат Слупа – его лучший друг, они вместе учились в школе, а другой его лучший друг – окружной прокурор округа Пекос, и он объяснял им, какую стратегию они должны выбрать и все такое. Но налоговое управление разбило их наголову, устроив настоящее побоище. Ему грозило от трех до пяти лет. Однако судья назначил минимум – тридцать месяцев тюрьмы. А я получила передышку.

Ричер молчал. Они промчались мимо грузовика, первой машины, которую встретили, проехав больше двадцати миль.

– Никогда не забуду, как я была счастлива, – продолжала Кармен. – Таким аристократам, как Слуп, не надевают наручников в зале суда. После вынесения приговора ему приказали на следующее утро явиться в

федеральную тюрьму. Он вернулся домой и собрал чемодан. Был устроен большой семейный обед, затянувшийся допоздна. Затем Слуп поднялся наверх и в последний раз меня избил. На следующее утро друзья отвезли его в тюрьму где-то в Абилине. «Федеральный клуб» – так ее называют. Минимум охраны. Говорят, там имеются все удобства. Я слышала, что заключенным даже разрешено играть в теннис.

– Вы его навещали?

Она покачала головой.

– Я делаю вид, что он умер, – ответила она.

В машине, которая мчалась в сторону дымки на горизонте, воцарилась тишина. На юго-западе действительно высились горы, казавшиеся невероятно далекими.

– Транс-Пекос, – сказала Кармен. – Посмотрите, как меняется цвет. Это очень красиво.

Ричер принялся вглядываться вперед, но солнце светило так ярко, что лишало все вокруг каких бы то ни было красок.

– Тридцать месяцев – это два с половиной года, – проговорила Кармен. – Я решила, что правильнее рассчитывать на меньший срок. Вполне возможно, что он постарается вести себя там хорошо.

– Возможно, – согласился Ричер.

– Итого два с половиной года, – повторила Кармен. – Я потратила впустую первые полтора из них.

– У вас еще осталось двенадцать месяцев. Это много времени.

– Давайте об этом поговорим, – попросила она. – Мы должны придумать, что необходимо сделать. Это важно. Тогда вы сможете увидеть мою ситуацию так, как я ее вижу.

Ричер промолчал.

– Помогите мне. Пожалуйста. Хотя бы теоретически – пока, если вам так хочется.

Ричер пожал плечами и начал обдумывать услышанное с ее точки зрения. Для него самого все было очевидно. Исчезнуть и затаиться – это давно стало его второй натурой.

– Вы должны уехать. Когда речь идет о браке, в котором применяется насилие, мне кажется, другого выхода нет. Вам нужно найти место, где вы будете жить, и какой-нибудь доход.

– Вы так говорите, будто это совсем просто.

– Любой большой город, – сказал Ричер. – У них есть приюты. Самые разные организации.

– А как же Элли?

– В приютах есть няньки, – ответил он. – Они будут о ней заботиться, пока вы работаете. В таких местах много детей. У нее появятся друзья. А через некоторое время вы сможете найти собственное жилье.

– И какую же работу я смогу найти?

– Любую, – сказал Ричер. – Вы умеете читать и писать. Вы учились в колледже.

– И как же я попаду в большой город?

– На самолете, поезде или автобусе. Два билета в одну сторону.

– У меня совсем нет денег.

– Никаких?

– То немногое, что у меня было, закончилось неделю назад.

Ричер отвернулся от нее.

– Что?

– Вы совсем неплохо одеты для человека, у которого нет денег.

– Заказы по почте, – сказала Кармен. – Я должна сначала заручиться согласием адвоката Слупа. Он подписывает чеки. Так я получаю одежду. Наличных у меня нет.

– Вы можете продать кольцо.

– Я пыталась. Бриллиант фальшивый. Слуп сказал мне, что он настоящий, но это сталь и цирконий. Ювелир страшно развеселился, когда я ему показала кольцо, и сказал, что оно стоит долларов тридцать.

– В доме должны быть деньги, – сказал Ричер. – Вы могли бы украсть немного.

Кармен молчала еще целую милю.

– Тогда меня смогут обвинить сразу в двух преступлениях, – сказала она. – Вы забываете о юридическом статусе Элли. И в этом заключена главная проблема. Она ведь еще и дочь Слупа. Если я перевезу ее через границу штата без его согласия, меня обвинят в том, что я ее украла. Ее портреты появятся везде, даже на коробках с молоком, к примеру. Меня

обязательно найдут, отнимут ее, а я отправлюсь в тюрьму. Закон в данном вопросе очень суров. Сегодня разваливающиеся браки являются одной из самых часто встречающихся причин похищения детей. Все адвокаты, с которыми я имела дело, меня об этом предупреждали. Они говорят, что я должна получить согласие Слупа, а это невозможно. Разве он согласится позволить мне навсегда исчезнуть с его ребенком? Уехать в такое место, где он никогда нас не найдет?

– В таком случае не пересекайте границу штата. Останьтесь в Техасе. Поезжайте в Даллас.

– Я не останусь в Техасе, – сказала Кармен так, словно давно приняла это решение и никогда его не изменит. – Кроме того, я оказалась в очень непростом положении, – продолжала она. – Мать Слупа следит за мной, пока его нет. Вот почему я не продала кольцо, хотя даже тридцать долларов мне бы пригодились. Она бы непременно заметила, что оно пропало, и сразу насторожилась бы. Она поняла бы, что я задумала. Она совсем не дура. Так что если она обнаружит, что исчезли деньги и Элли, у меня будет всего несколько часов форы, прежде чем она позвонит шерифу, а тот свяжется с ФБР. Несколько часов мне ничего не дадут, потому что Техас большой штат, автобусы здесь ходят медленно и мне не удастся сбежать.

– Но ведь должен же быть какой-то выход, – сказал Ричер.

Кармен оглянулась на заднее сиденье, где лежал ее портфель. Юридические бумаги.

– Выходов много, – сказала она. – Судебные процессы, постановления, опека суда и все такое прочее. Но адвокаты делают все очень медленно и стоят дорого, а у меня нет денег. Есть адвокаты, которые работают на общественных началах, но они всегда заняты. В общем, все ужасно, невероятно запутано.

– Похоже на то, – проговорил Ричер.

– Но за год многое можно сделать, – сказала она. – Год – это куча времени, верно?

– И что?

– Я хочу, чтобы вы простили меня за то, что я зря потратила первые полтора года. Хочу, чтобы вы поняли, почему так произошло. Это так сложно, и я постоянно откладывала решение своих проблем. Я чувствовала себя в безопасности и говорила себе, что у меня еще полно времени. Вы же сами сказали, что двенадцать месяцев – это много. Значит, даже если я начну сейчас, меня можно простить, верно? Никто не скажет, что уже слишком поздно, правда?

Откуда-то из глубины приборной доски прозвучал деликатный сигнал, и тут же рядом со спидометром начал мигать оранжевый огонек в форме заправки.

– Бензин заканчивается, – сказала она.

– Впереди «Эксон», – сообщил ей Ричер. – Я видел рекламный щит. Примерно в пятнадцати милях.

– Мне нужен «Мобил», – ответила она. – В бардачке карточка «Мобила». Заплатить на «Эксоне» я не смогу.

– У вас даже на бензин нет денег?

– Ничего. Сейчас я заправляюсь по карточке свекрови. Она получит счет от «Мобила» только через месяц.

Продолжая держать руль одной рукой, Кармен нашла на заднем сиденье свою сумочку, вытащила ее и бросила на колени Ричера.

– Проверьте, – сказала она.

Он сидел, не шевелясь и не дотрагиваясь до ее сумки.

– Я не могу рыться в женской сумочке, – проговорил он.

– Я хочу, чтобы вы это сделали, – сказала она. – Мне нужно, чтобы вы понимали.

Ричер собрался с духом, раскрыл сумочку, и его тут же окутал мягкий аромат духов и косметики. Внутри лежала щетка для волос с несколькими длинными черными волосинками, щипчики для ногтей и тонкий бумажник.

– Посмотрите внутрь, – сказала Кармен.

В отделении для денег лежала потрепанная купюра в один доллар. И все. Один-единственный доллар. Никаких кредитных карт. Водительские права, выданные в штате Техас, с фотографией, на которой у Кармен был испуганный вид, и в пластиковом окошке фотография маленькой девочки, пухленькой, с розовой гладкой кожей. Блестящие светлые волосы и яркие живые глаза. Сияющая улыбка, крошечные зубки.

– Элли, – сказала Кармен.

– Очень славная.

– Правда? Я тоже так думаю.

– Где вы провели прошлую ночь?

– В машине, – ответила она. – Номер в мотеле стоит сорок баксов.

– В том, где остановился я, чуть меньше двадцати, – сказал Ричер.

– Мне не по карману все, что стоит больше одного доллара, – пожала плечами Кармен. – Так что приходится ночевать в машине. Здесь довольно удобно. Потом я дожидаюсь, когда наступает время завтрака, и моюсь в туалете какой-нибудь закусочной, куда набивается много посетителей и где на меня никто не обращает внимания.

– А что вы едите?

– Я не ем.

Она сбросила скорость, видимо пытаясь сэкономить остатки бензина.

– Я заплачу, – сказал Ричер. – Вы же меня везете.

На правой обочине появился очередной щит, сообщавший о том, что в десяти милях находится заправка «Эксон».

– Хорошо, я позволю вам заплатить, но только потому, что хочу побыстрее добраться до Элли, – сказала Кармен.

Она снова прибавила газ, уверенная в том, что на десять миль ей бензина хватит. Ричер решил, что потребуется меньше галлона даже такому большому старому двигателю. Даже на такой скорости. Он откинулся на спинку и начал наблюдать за приближающимся горизонтом. И тут он неожиданно понял, что должен сделать.

– Остановите машину, – велел он.

– Зачем?

– Делайте, что я говорю, ладно?

Она удивленно посмотрела на него, но съехала на неровную обочину, остановившись так, что два колеса остались на дороге. Двигатель она выключать не стала, и кондиционер продолжал работать.

– А теперь подождем, – сказал Ричер.

Они подождали, пока мимо проедет грузовик, который она обогнала.

– Не двигайтесь, – приказал ей Ричер.

Он отстегнул свой ремень безопасности, прищурившись, оглядел себя и оторвал карман от своей рубашки. Дешевый материал, плохие швы – карман оторвался без особых усилий с его стороны.

– Что на вас надето? – спросил он.

– Что? Что вы делаете?

– Скажите мне, что на вас надето.

Она покраснела и принялась смущенно ерзать на месте.

– Платье, – сказала она. – Нижнее белье. И туфли.

– Покажите мне туфли.

Она на мгновение замерла, потом наклонилась, сняла туфли и передала по одной Ричеру. Он тщательно их проверил. Ничего. Тогда он вернул ей туфли, расстегнул свою рубашку, наклонился вперед и снял ее. Протянул Кармен.

– Я сейчас выйду из машины, – сказал он. – И повернусь к вам спиной. Снимите всю вашу одежду и наденьте мою рубашку. Оставьте вашу одежду на сиденье, а сами вылезайте наружу.

– Зачем?

– Если вы хотите, чтобы я вам помог, делайте как я говорю. Всю одежду, вы меня поняли?

Он вылез из машины и отошел в сторону. Затем отвернулся и зашагал назад по дороге, по которой они приехали. Было очень жарко, и Ричер чувствовал, как солнце обжигает кожу на плечах. Потом он услышал, как открылась дверца машины, повернулся и увидел, как Кармен выбирается наружу, босиком и в его рубашке, которая казалась на ней огромной. Она переступала с ноги на ногу, потому что асфальт был очень горячим.

– Можете надеть туфли, – крикнул он.

Она наклонилась, достала туфли и надела их.

– А теперь отойдите и подождите немного.

Она снова замерла на мгновение, а потом отошла на десять футов. Ричер вернулся к машине. Ее одежда была аккуратно сложена на сиденье. Не обращая на нее внимания, он снова проверил сумочку, затем портфель. Ничего. Тогда он занялся одеждой, встряхнул ее – она еще сохранила тепло тела Кармен. Платье, лифчик, трусики. В них тоже ничего не оказалось. Он положил все на крышу машины и обыскал остальное.

Это заняло двадцать минут. Ричер тщательно проверил под капотом, внутри салона, под ковриками, под сиденьями, в багажнике, под крыльями автомобиля, везде. Он ничего не нашел и был готов поставить на кон свою жизнь, что ни один гражданский человек не способен спрятать от него что-то в этой машине.

– Ладно, – крикнул он, – одевайтесь.

Ричер стоял, повернувшись к ней спиной, пока не услышал, что она к нему подошла. Она держала в руках его рубашку. Он взял ее и снова надел.

– Что это было? – спросила Кармен.

– Теперь я вам помогу, – ответил Ричер. – Потому что теперь я вам верю.

– Почему?

– Потому что у вас действительно нет ни денег, ни кредитных карт, – сказал он. – Ни в вашей сумочке, ни где-либо еще. Никто не уедет за триста миль от дома на целый день, да еще с ночевкой, совсем без денег. Только тот, у кого действительно серьезные проблемы. А человек с серьезными проблемами заслуживает, чтобы ему помогли.

Кармен лишь молча кивнула, словно приняла комплимент. Или сделала комплимент ему. Они снова сели в машину и закрыли двери. Посидели около минуты, наслаждаясь прохладой, а затем она выехала на дорогу.

– Значит, у вас есть год, – сказал Ричер. – Это много времени. Через год вы можете оказаться в миллионе миль отсюда. Новая жизнь, все сначала. Я для этого вам нужен? Я должен помочь вам выбраться отсюда?

Несколько минут и несколько миль Кармен молчала. Дорога спустилась вниз по пологому холму, затем снова начала подниматься. Вдалеке, на следующем холме, виднелись какие-то строения. Скорее всего, заправочная станция, а рядом с ней станция техпомощи.

– Пока вы должны просто согласиться со мной, что год – это достаточно. И в том, что я столько ждала, нет ничего ужасного.

– Конечно, – не стал спорить Ричер. – Год – это много. И нет ничего страшного в том, что вы ждали.

Она больше ничего не сказала, лишь целеустремленно направилась к заправочной станции, словно от этого зависела ее жизнь.

Сначала они миновали кладбище старых автомобилей – длинный низкий сарай из рифленого железа, передняя стена которого была целиком покрыта колпаками от колес. Позади него простирался целый акр разбитых машин, сваленных в кучи в пять или шесть футов высотой, причем более старые модели оказались в самом низу, словно геологические пласты. За сараем они заметили поворот на заправочную станцию, довольно старую, где вместо цифр на счетчике были стрелки и

имелись четыре туалета вместо двух. Настолько старую, что неразговорчивый служащий вышел на жару и сам наполнил бак.

В бак «кадиллака» помещалось больше двадцати галлонов, и это стоило Ричеру столько же, сколько он заплатил за комнату в мотеле. Он протянул деньги в свое окно и отмахнулся от сдачи – доллара мелочью. Он решил, что будет справедливо, если эти монеты получит служащий: термометр на приборной доске показывал, что на улице сорок с лишним градусов. Неудивительно, что служащий старается помалкивать. Но уже в следующее мгновение Ричер подумал: возможно, ему просто не нравится, что любительница фасоли сидит за рулем «кадиллака», а рядом с ней белый мужчина.

– Gracias, señor, – сказала Кармен. – Спасибо.

– Не за что, – ответил он. – De nada, señorita.

– Вы говорите по-испански?

– Вообще-то нет, – ответил Ричер. – Я служил в самых разных местах и запомнил по нескольку слов из многих языков. Но не больше того. Кроме французского. Его я знаю довольно прилично. Моя мать была француженкой.

– Из Луизианы или Канады?

– Из Парижа.

– Значит, вы наполовину иностранец, – заметила Кармен.

– Иногда мне кажется, что намного больше, чем наполовину.

Она улыбнулась, словно не поверила ему, и покатила в сторону дороги. Стрелка на счетчике показывала, что бак полный, и это, похоже, ее успокоило. Она быстро выехала на свою полосу и прибавила скорость.

– Вам следует называть меня señora, а не señorita, поскольку я замужем, – сказала она.

– Да, наверное, – согласился Ричер.

Кармен целую милю ехала молча, положив обе руки на нижнюю часть руля, затем сделала глубокий вдох.

– Проблема в том, что у меня нет года.

– Почему?

– Потому что месяц назад его приятель адвокат приходил к нам и сказал, что они пытаются заключить какую-то сделку.

– Какую?

– Я не знаю наверняка, никто мне ничего не сказал, но, по-моему, Слуп собирается продать кое-кого из своих деловых партнеров в обмен на сокращение срока. Мне кажется, другой его приятель хочет протащить эту сделку через офис окружного прокурора.

– Дерьмо, – выругался Ричер.

– Точно, дерьмо, – подтвердила Кармен. – Они стараются изо всех сил, чтобы его выпустили пораньше. Мне пришлось улыбаться и делать вид, что я счастлива, ведь Слуп вернется домой. Но в душе я вою от отчаяния. Я слишком все затянула. Я ничего не делала целых полтора года. Думала, что я в безопасности, и ошиблась. Какая же я дура! Сама того не зная, я сидела в ловушке, а теперь она захлопнулась, и я осталась внутри.

Ричер медленно кивнул. «Надейся на лучшее, но ожидай худшего» – таков был его руководящий принцип.

– Как продвигаются переговоры о сделке? – спросил он.

– Ее уже заключили, – едва слышно ответила Кармен.

– И когда он выходит?

– Сегодня пятница, – сказала она. – Вряд ли его выпустят на выходных. Думаю, в понедельник. У нас всего пара дней.

– Понятно, – проговорил Ричер.

– Слуп возвращается домой, – сказала она. – И я очень боюсь.

– Понятно, – повторил Ричер.

– Правда?

Он промолчал.

– В понедельник вечером все начнется сначала. И я уверена, что будет еще хуже, чем раньше, – сказала она.

– Может быть, он изменился, – предположил Ричер. – Тюрьма меняет людей.

Бессмысленные слова, он увидел это по ее лицу. Кроме того, по собственному опыту он знал, что тюрьма не меняет людей к лучшему.

– Нет, все будет только хуже. Я знаю, – сказала она. – Знаю совершенно точно. Можете не сомневаться, у меня очень серьезные проблемы, Ричер.

Он услышал какую-то новую интонацию в ее голосе.

– Почему?

Кармен сдвинула руки на руле и крепко зажмурила глаза, хотя они мчались на скорости семьдесят миль в час.

– Потому что это я сообщила о нем налоговикам, – призналась она.

«Форд-краун» ехал на юг, потом на запад, затем, сделав большой круг, свернул на север. Они объехали шоссе, чтобы заправиться на станции самообслуживания, где всегда много народа. Водитель воспользовался украденной карточкой «Амекс», стер с нее свои отпечатки пальцев и выбросил в контейнер для мусора, стоящий рядом с насосом и заполненный пустыми канистрами из-под бензина, банками из-под воды и использованными бумажными полотенцами. Женщина занялась картой, выбирая, куда они направятся дальше. Она держала палец на точке на карте, пока водитель не забрался на свое место и, обернувшись, не посмотрел на карту.

– Сейчас? – спросил он.

– Просто проверим, – ответила она. – На будущее.

– Мне казалось, я придумала отличный план, – сказала Кармен. – Совершенно беспроигрышный. Я знала, какой он упрямый и какой жадный, поэтому не сомневалась, что он не станет сотрудничать с ними, а значит, отправится в тюрьму, по крайней мере на время. Но даже если по какой-либо случайности ему удалось бы избежать заключения, процесс отвлек бы его от меня. А еще я рассчитывала, что смогу получить какие-то деньги, раз он столько скрыл. Все вышло просто замечательно – кроме денег. Но тогда я считала, что это мелочи.

– Как вы это сделали?

– Просто позвонила. Телефон есть в справочнике. У них там целый отдел, который принимает информацию от супругов. Это один из главных способов, которым они пользуются, чтобы добраться до тех, кто утаивает свои доходы. Как правило, такое происходит во время разводов, когда люди злятся друг на друга. Но я и без того была на него очень зла.

– А почему вы не подали на развод? – спросил Ричер. – Муж в тюрьме – это достаточное основание.

Кармен посмотрела в зеркало на портфель, лежащий на заднем сиденье.

– Это не решило бы проблему с Элли, – ответила она. – На самом деле было бы только хуже, поскольку все понимали бы, что я уеду из штата.

По закону Слуп может потребовать, чтобы я официально сообщила ему о ее местонахождении, и он бы непременно это сделал.

– Вы могли бы остаться в Техасе, – снова сказал Ричер.

Она кивнула.

– Я знаю, знаю, – проговорила она. – Но я не могу. Не могу, и все. Да, это звучит не слишком разумно, но я просто не могу остаться. Техас красивый штат, и тут попадаются хорошие люди, кроме того, он большой и я могла бы уехать куда-нибудь далеко, но для меня он является *символом*. Здесь со мной происходили вещи, от которых я должна оказаться как можно дальше. И дело не только в Слупе.

Ричер пожал плечами и сказал:

– Это ваше решение.

Кармен сосредоточилась на дороге, которая начала спускаться вниз с плоского широкого холма размером с Род-Айленд.

– Покрывающая порода, известняк или что-то вроде того, – сказала она. – Вода испарилась миллион лет назад, и остался только камень. Геологические отложения.

Она произнесла это не слишком уверенно, видимо, сама не очень разбиралась в том, о чем говорила.

– И что же вы хотите, чтобы я сделал? – спросил Ричер.

– Я не знаю, – ответила она, хотя Ричер не сомневался, что она отлично это знает.

– Помочь вам убежать? Наверное, с такой задачей я смогу справиться.

Кармен молчала.

– Вы наверняка имели что-то в виду, когда меня подобрали, – сказал он.

Она ничего не ответила, и Ричер представил себе потенциальных помощников, которых она ему описала. Безработные наездники родео и подсобные рабочие на нефтепромысле. Люди самых разных талантов, но он сомневался, что среди них найдутся такие, кто сможет помочь ей скрыться от федерального розыска. Она сделала правильный выбор. Или ей просто повезло.

– Вам нельзя терять время, – сказал он. – У вас всего два дня, значит, нужно действовать немедленно. Мы заберем Элли, развернем машину – и в путь. Думаю, Вегас будет первой остановкой.

– И что я там буду делать?

– Выправите себе документы, – ответил он. – В Вегасе мы непременно сможем это сделать, пусть и временно. У меня есть деньги. Если понадобится, я смогу получить еще.

– Я не могу брать у вас деньги. Это будет нечестно, – ответила Кармен.

– Честно или нет, но вам понадобятся деньги. Отдадите мне потом. Затем, возможно, вам следует вернуться в Лос-Анджелес. Там вы сможете сделать себе новые документы.

Кармен едва заметно улыбнулась.

– Нет, я не могу бежать. Не могу стать человеком вне закона. Кем бы я ни была, я никогда не нарушала закон. И не собираюсь это делать сейчас, да еще впутывать Элли. Она заслуживает лучшего.

– Вы обе заслуживаете лучшего, – сказал Ричер.

– Я гражданка своей страны. Подумайте, что это значит для человека вроде меня. Я не собираюсь от этого отказываться. Не собираюсь делать вид, что я другой человек.

– И каков же ваш план?

– Вы мой план, – ответила она.

Ковбои, подсобные рабочие, бывший военный коп ростом в шесть футов пять дюймов и весом в двести пятьдесят фунтов.

– Вы хотите, чтобы я стал вашим телохранителем? – спросил Ричер.

Она молчала.

– Кармен, мне очень жаль, что вы оказались в таком положении, поверьте, я вам очень сочувствую.

Никакого ответа.

– Но я не могу быть вашим телохранителем.

Никакого ответа.

– Я не могу, – повторил он. – Это же смешно. Как вы себе это представляете? Вы думаете, что я смогу находиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки? Семь дней в неделю? Следить за тем, чтобы он вас не бил?

Никакого ответа.

В нескольких милях впереди в жарком мареве появилась громадная транспортная развязка.

– Это смешно, – снова сказал Ричер. – Наверное, я могу его предупредить. И напугать. Могу слегка отделать, чтобы он лучше меня понял. Но что будет, когда я уеду? Рано или поздно я все равно уеду, Кармен. Я не собираюсь здесь оставаться, потому что не люблю подолгу жить в одном месте. И дело не только во мне. Никто не сможет остаться рядом с вами так надолго. На десять лет. Или двадцать. Или сколько там пройдет, прежде чем он умрет от старости.

Никакого ответа. И никакой реакции. Словно его слова стали для нее огромным разочарованием. Она слушала и продолжала ехать вперед быстро и уверенно – и молча, словно оттягивала время. Перед ними появилась развязка, Кармен объехала ее и направилась на запад, миновав указатель, сообщавший, что Пекос находится в семидесяти пяти милях.

– Мне не нужен телохранитель, – сказала она наконец. – Конечно же, это смешно.

– В таком случае зачем я вам?

Она выбрала центральную полосу и прибавила скорость. Ричер наблюдал за ее лицом, которое совершенно ничего не выражало.

– Зачем я вам нужен? – повторил он свой вопрос.

Она поколебалась несколько мгновений, а затем проговорила:

– Я не могу это произнести.

– Что?

Кармен открыла рот, снова его закрыла, с трудом сглотнула и промолчала. Ричер не сводил с нее глаз. *Ковбои, подсобные рабочие, бывший военный коп. Могила Клея Эллисона, красивая надпись, некролог в канзасской газете.*

– Вы спятили, – сказал он.

– Правда?

На ее скулах появились ярко-красные пятна размером с четвертак.

– Совершенно не в своем уме, – подтвердил Ричер. – Можете об этом забыть.

– Я не могу забыть. Я хочу, чтобы он умер, Ричер, – сказала она. – Очень хочу. Это для меня единственный выход. Кроме того, он заслуживает смерти.

– Скажите мне, что вы шутите.

– Я не шучу. И хочу, чтобы его убили.

Он покачал головой и стал смотреть в окно.

– Забудьте про это. Чушь какая-то. Здесь больше не Дикий Запад.

– Да? Разве не правильно убить человека, который это заслужил?

И она снова замолчала, словно ждала от него ответа. Ричер смотрел на проносившийся за окнами пейзаж. Машина приближалась к далеким горам. Ослепительное солнце окрашивало их в пурпурные и красные тона. И цвет воздуха тоже изменился. Кармен сказала, что это Транс-Пекос.

– Пожалуйста, Ричер, – взмолилась она. – Прошу вас. По крайней мере, подумайте об этом.

Он молчал. «Пожалуйста»? «По крайней мере, подумайте об этом»? Он не знал, как реагировать на ее слова. Перевел глаза с гор на дорогу, заполненную машинами, – река легковых автомобилей и грузовиков, текущая по огромному плоскому пространству. «Кадиллак» обгонял машины одну за другой на огромной скорости.

– Я не сумасшедшая, – сказала Кармен. – Я пыталась устроить все как полагается. Правда пыталась. Как только его адвокат сообщил нам о сделке, я встретилась со своим адвокатом, потом еще с тремя, но ни один из них ничего не может для меня сделать быстрее, чем за месяц. Все, что они мне сказали, сводится к тому, что из-за Элли я оказалась в том положении, в котором нахожусь сейчас. И я стала искать способ защититься. Разговаривала с частными детективами, но они отказались мне помочь. Я съездила в охранное агентство в Остине, и они сказали, что смогут охранять меня круглые сутки, но на это потребуется шесть человек и десять тысяч долларов в неделю. Для меня это все равно что услышать «нет». Я пыталась, Ричер. Пыталась следовать закону. Но у меня ничего не вышло.

Ричер продолжал молчать.

– Поэтому я купила пистолет.

– Замечательно, – сказал он.

– И пули, – добавила она. – На это ушли все деньги, что у меня были.

– Вы выбрали не того парня, – проговорил Ричер.

– Почему? Вам же приходилось убивать людей. В армии. Вы мне сами говорили.

– Это другое.

– В каком смысле?

– Это будет убийство. Хладнокровное убийство.

– Нет, это будет то же самое. Совсем как в армии.

Ричер покачал головой.

– Кармен, это не то же самое.

– Разве вы не давали клятву или что-то вроде того? Не давали слово защищать людей?

– Это не то же самое, – повторил он.

Они промчались мимо восемнадцатиколесного грузовика, направлявшегося на побережье, и «кадиллак» обдало горячим воздухом из его двигателя.

– Сбросьте скорость, – сказал Ричер.

– Я не могу. Я хочу видеть Элли, – ответила Кармен.

Ричер дотронулся до приборной доски, чтобы восстановить равновесие, и на него повеяло холодным воздухом из кондиционера.

– Не волнуйтесь, – сказала Кармен. – Я не разобьюсь. Я нужна Элли. Если бы не она, поверьте мне, я бы уже давно покончила с собой.

Однако она немного сбросила скорость, и грузовик их догнал.

– Я понимаю, это непростой разговор, – сказала она.

– В самом деле?

– Но вы должны посмотреть на ситуацию с моей точки зрения. Прошу вас, Ричер. Я уже миллион раз все обдумала. С самого начала и до конца. И снова с начала. Я рассмотрела все возможности. Такой выход кажется мне логичным и единственным. Я знаю это. Но мне трудно обсуждать его с вами, потому что вы не думали раньше о подобных вещах. Для вас моя просьба – неожиданность. Вот почему вам кажется, что я сошла с ума и у меня нет сердца. Я знаю. И ценю вашу реакцию. Но я не сумасшедшая и не хладнокровный убийца. Просто у меня было время, чтобы принять решение, а у вас – нет. Поверьте мне, другого пути нет.

– Как бы там ни было, я не стану убивать человека, которого никогда не видел.

– Он бьет меня, Ричер, – сказала она. – Очень сильно. Кулаками, ногами, причиняет мне боль. Ему это нравится. Он всегда смеется, когда избивает меня. А я живу в постоянном страхе.

– Обратитесь к копам.

– У нас только один коп, и он мне никогда не поверит. А если и поверит, не станет ничего делать. Они все там закадычные друзья. Вы не знаете, какие у нас законы.

Ричер молчал.

– Он возвращается домой, – продолжала Кармен. – Вы можете себе представить, что он со мной сделает?

Ричер продолжал молчать.

– Я в ловушке, Ричер. Из-за Элли. Вы понимаете это?

Ричер молчал.

– Почему вы не хотите мне помочь? Дело в деньгах? В том, что я не могу вам заплатить?

Ричер молчал.

– Я в отчаянии, – сказала она. – Вы мой единственный шанс. Я вас умоляю. Почему вы отказываетесь это сделать? Из-за того, что я мексиканка?

Ричер молчал.

– Все потому, что я грязная любительница фасоли, да? Вы бы не отказались, если бы вас попросила белая женщина вроде вашей подружки? Не сомневаюсь, что она белая. Наверное, блондинка?

– Да, она блондинка, – сказал Ричер.

– Если бы ее избивал какой-нибудь мужчина, вы бы его убили.

«Конечно убил бы», – подумал Ричер.

– А она сбежала без вас в Европу. Разве вы не хотели с ней поехать? Вы бы сделали это для нее, а мне отказываете.

– Это не то же самое, – в третий раз повторил Ричер.

– Я знаю, – проговорила она. – Потому что я грязь у вас под ногами. Я не стою ваших усилий.

Ричер молчал.

– Как ее зовут, вашу подружку? – спросила Кармен.

– Джоди, – ответил он.

– Хорошо, представьте, что в Европе Джоди попала в ситуацию, когда какой-то маньяк-садист избивает ее каждый день. Она вам об этом рассказала. Выложила все, что накопилось у нее в душе. Все, до мельчайших унизительных подробностей. Что бы вы стали делать?

«Убил бы его», – подумал Ричер.

Кармен кивнула, словно сумела прочитать его мысли.

– Но для меня вы не хотите этого сделать. Для белой женщины – пожалуйста, а для меня – нет.

Ричер открыл было рот, чтобы ей ответить, но вдруг понял, что для Джоди Гарбер он бы это сделал, а вот для Кармен Грир – нет. Почему? Потому что такие вещи делаются не хладнокровно, а в порыве охвативших тебя чувств, которые нельзя вызвать искусственно. Если ничего такого нет, то ничего и не будет. Все очень просто. Он уже много раз убеждался в этой истине. Если кто-то с ним связывался, он получал по полной программе. Обидеть Джоди – это все равно что выступить против него, потому что Джоди – все равно что он сам. По крайней мере, так было. В отличие от Кармен, которая никогда не будет значить для него столько, сколько значила Джоди, поэтому никакого порыва чувств нет и не будет.

– Дело тут вовсе не в белых или мексиканцах, – тихо проговорил он.

Когда она ничего не ответила, он продолжал:

– Прошу вас, Кармен, поймите же, наконец.

– Тогда в чем дело?

– В том, что я знаю ее и не знаю вас.

– И это имеет значение?

– Разумеется, имеет.

– Ну так узнайте меня, – сказала она. – У нас есть два дня. Скоро вы познакомитесь с моей дочерью. Узнайте нас.

Ричер молчал, они продолжали ехать вперед. До Пекоса осталось пятьдесят пять миль.

– Вы были полицейским, – продолжала Кармен. – Вы должны помогать людям. Или вы боитесь? Вы трус?

Ричер молчал.

– Вы же можете это сделать. Делали раньше. Значит, знаете как. Вы сможете его убить и не попасться. Спрятать тело так, что его никто не

найдет. Например, в пустыне. Никто ничего не узнает. Если вы будете соблюдать осторожность, на вас никто не подумает. Вас не поймают. Вам хватит ума.

Ричер молчал.

– Ведь вам хватит ума? Вы знаете, как делаются такие вещи? Знаете?

– Естественно, знаю, – ответил Ричер. – Но я не стану этого делать.

– Почему?

– Я уже сказал почему. Потому что я не убийца.

– Но я в отчаянии, – повторила Кармен. – Мне необходимо, чтобы вы это сделали. Я вас умоляю. Я готова на все, если вы мне поможете.

Ричер молчал.

– Чего вы хотите, Ричер? Секса? Пожалуйста, я согласна.

– Остановите машину, – сказал он.

– Зачем?

– Затем, что с меня достаточно.

Кармен вдавила педаль газа в пол, и машина рванулась вперед. Ричер оглянулся назад, потом наклонился к ней и резким движением поставил передачу на нейтраль. Двигатель взвыл, и машина сбросила скорость. Левой рукой Ричер схватил руль, вырвал из рук Кармен и направил машину на обочину. Она дернулась, гравий ударил в шины, и «кадиллак» остановился. Ричер выбрался наружу и попытался успокоиться. Горячий воздух ударил в него, словно могучий молот, но он закрыл дверь и пошел в противоположную сторону.

Глава 4

Через двадцать ярдов Ричер отчаянно вспотел и пожалел о своем решении. Он находился посреди огромного пустого пространства, шел пешком по большому шоссе, по которому самые медленные машины ехали со скоростью шестьдесят миль в час. Вряд ли кто-нибудь захочет остановиться, чтобы его подобрать. Но даже если и захочет, им потребуется время, чтобы среагировать, потом посмотреть в зеркало и притормозить, – короче говоря, они успеют оказаться от него на целую милю. Они пожмут плечами, снова прибавят газа и поедут дальше. «Только дурак может рассчитывать, что его подберут в таком месте», – подумают они.

Хуже чем дурак. Настоящий самоубийца. Солнце палило нещадно, и Ричер решил, что температура воздуха не меньше сорока двух градусов.

Воздушный поток от проезжающих машин был похож на порывы штормового ветра, громадные грузовики проносились мимо с такой скоростью, что ему чудом удавалось удержаться на ногах. У него не было воды. Он едва мог сделать вдох. Примерно в пяти ярдах от него по шоссе мчался нескончаемый поток людей, но он был один, как в пустыне. Если не появится полицейский и не арестует его за нарушение правил уличного движения, он вполне может здесь умереть.

Ричер повернулся и увидел «кадиллак», который по-прежнему неподвижно стоял на обочине. Однако он продолжал уходить от него, прошел пятьдесят ярдов и остановился. Повернулся лицом на восток и поднял большой палец. Впрочем, как он и предполагал, никто не остановился. Через пять минут и примерно сотню машин единственный ответ, который он получил, был гудок громадного грузовика, который промчался мимо с пронзительным визгом шин, подняв тучи пыли и мелких камешков. Ричер задыхался и чувствовал, как кожа горит под лучами безжалостного солнца.

Он снова обернулся и увидел, что «кадиллак» дернулся назад и поехал к нему по обочине. Кармен никак не удавалось выровнять машину, и она виляла, чудом избегая столкновения с проезжающими машинами. Ричер зашагал назад, и Кармен прибавила скорость. Тогда Ричер побежал и остановился около «кадиллака», когда тот резко затормозил. Машина даже слегка присела назад. Кармен открыла окно со стороны пассажирского сиденья.

– Извините меня, – сказала она.

Он не услышал ее слов за шумом, но прочитал их по ее губам.

– Садитесь, – сказала она.

Рубашка уже прилипла к спине Ричера, в глаза набилась пыль, шум проезжающих машин оглушал.

– Садитесь, – одними губами произнесла Кармен. – И извините меня.

Он забрался в машину и почувствовал то же самое, что в первый раз: шум кондиционера, холодная кожа сиденья, маленькая испуганная женщина за рулем.

– Простите меня, пожалуйста, – повторила она. – Мне очень жаль. Я говорила глупости.

Ричер захлопнул дверцу, и вокруг него мгновенно воцарилась тишина. Он поднес руки к потоку холодного воздуха, льющегося из кондиционера.

– И я ничего такого не имела в виду, – сказала она.

– Как скажете, – ответил он.

– Честное слово. Просто я в отчаянии и уже перестала отличать добро от зла. А еще я сожалею, что заговорила про секс. Это было отвратительно. – Неожиданно у нее сделался несчастный голос, и она добавила: – Понимаете, некоторые парни из тех, что я подбирала… ну, мне казалось, что это единственная плата, которая их устроит.

– И вы бы согласились переспать с ними в обмен на обещание убить вашего мужа?

Кармен кивнула.

– Я же вам говорила, что я в отчаянии, я напугана и чувствую себя в ловушке. Кроме этого, мне больше нечего предложить.

Ричер ничего не ответил.

– Ну и… я видела, как это бывает в кино.

– Я тоже видел такие фильмы, – сказал Ричер. – Убийце никогда не удается уйти от правосудия.

Кармен довольно долго молчала.

– Значит, вы не станете его убивать, – произнесла она с утвердительной интонацией.

– Не стану, – кивнул Ричер.

Она снова погрузилась в молчание.

– Ладно. Я высажу вас в Пекосе, – сказала она наконец. – Пешком вы туда не доберетесь. Просто умрете от жары.

Ричер задумался, а потом тряхнул головой. Ему все равно нужно было где-то находиться. А когда ты постоянно в пути, ты довольно быстро начинаешь понимать, что все места похожи друг на друга.

– Нет, я поеду с вами, – сказал он. – На несколько дней. Мне очень жаль, что вы попали в такое положение. Мне правда жаль. То, что я не собираюсь хладнокровно убивать вашего мужа, еще не значит, что я не хочу помочь вам как-нибудь иначе. Если смогу, конечно. И если вам это все еще нужно.

– Да, мне это нужно, – сказала она.

– И я хочу познакомиться с Элли. Судя по фотографии, она славная девчушка.

– Она действительно славная.

– Но я не стану убивать ее отца.

Кармен молчала.

– Вы меня поняли?

– Я поняла, – сказала она. – Мне очень жаль, что я вас об этом попросила.

– Дело не во мне, Кармен, – проговорил Ричер. – На такое никто не согласится. Вы себя обманывали. Вы придумали плохой план.

У нее был несчастный, потерянный вид.

– Мне казалось, что никто не сможет отказаться, когда все узнает, – сказала она.

Она повернулась, чтобы посмотреть на поток автомобилей у себя за спиной. Через шесть машин она выехала на шоссе, и уже через минуту они мчались вперед на скорости восемьдесят миль в час, обгоняя одну машину за другой. Грузовик, который посигналил Ричеру, обдав его пылью, продержался целых семь минут, прежде чем они вырвались вперед.

«Форд-краун» добрался до места, выбранного женщиной, за восемьдесят минут. Это было пустое коричневое пятно размером с дюйм на карте и пустое коричневое пятно шириной в сорок миль в реальности. По нему проходила дорога, которая направлялась примерно на северо-восток, в сторону далеких гор. Безлюдное, бросовое, пропитанное жарким солнцем место. Оно было именно таким, как и предсказывала женщина. И оно отлично подойдет для их целей. Женщина улыбнулась. Она обладала удивительной интуицией в том, что касалось выбора местности.

– Хорошо, – сказала она. – Завтра первым делом. Прямо здесь.

Большая машина развернулась и направилась назад, на юг. Пыль, поднятая ее колесами, еще долго висела в воздухе, а потом начала медленно оседать на землю.

Кармен съехала с шоссе перед Пекосом и помчалась на юг по маленькой сельской дороге, ведущей в пустоту. Через пять миль они вполне могли оказаться на поверхности Луны.

– Расскажите про Эхо, – попросил Ричер.

– А что тут рассказывать? – пожала плечами Кармен. – Нечего. Когда сто лет назад впервые составляли карту Техаса, Бюро по переписи

населения считало место населенным, если там жили шесть человек на одну квадратную милю, но мы до сих пор не отвечаем этому требованию. Мы по-прежнему остаемся границей.

– Но здесь очень красиво, – сказал Ричер.

И он не кривил душой. Дорога змеилась, то опускаясь, то поднимаясь, следуя за контурами земли. По обе стороны располагались каньоны из красного камня, глубокие и величественные на востоке и неровные на западе, где древние реки стремились добраться до Рио-Гранде. За ними высились стройные горы, застывшие под ослепительно голубым, бездонным небом. Даже в мчащейся на огромной скорости машине Ричер чувствовал поразительную тишину, царящую на тысячах квадратных миль абсолютной пустоты.

– Я ненавижу это место, – сказала Кармен.

– Где я буду находиться? – спросил Ричер.

– В поместье. Скорее всего, в доме для слуг. Вас наймут ухаживать за лошадьми. Нам всегда не хватает работников. Если вы поведете себя правильно, они вас возьмут. Можете сказать, что вы ковбой и работали на ранчо. Это будет хорошим прикрытием. Так вы сможете быть поблизости.

– Я ничего не знаю о лошадях.

– Может, они этого и не заметят, – хмыкнула Кармен. – Они мало что замечают. Например, как меня избивает до полусмерти мой собственный муж.

Через час выяснилось, что они опаздывают. Кармен вела машину на такой скорости, что визг шин стал постоянным сопровождением и почти не стихал. Они поднялись по длинному крутому склону, затем повернули между двумя скалистыми столбами наверху, и неожиданно глазам Ричера предстала бесконечная плоская равнина. Дорога походила на извивающуюся коричневую ленту, в двадцати милях дальше ее пересекала другая дорога, казавшаяся в жарком мареве тонкой линией на карте. На пересечении виднелось несколько крошечных строений, но, если не считать их и двух дорог, нигде не наблюдалось каких-либо свидетельств того, что на этой планете живут люди.

– Округ Эхо, – сообщила Кармен. – Все, что вы видите, и много еще чего. Тысяча квадратных миль, сто пятьдесят жителей. Точнее, сто сорок восемь, потому что один из них сидит в тюрьме, а другая рядом с вами.

Она произнесла это с кривой улыбкой, и Ричер решил, что настроение у нее немного улучшилось. Она смотрела на крошечное облако пыли, видневшееся на дороге далеко внизу, примерно в четверти пути до развилки. Оно напоминало хвост белки и медленно ползло на юг.

– Это, наверное, школьный автобус, – сказала она. – Мы должны обогнать его до города. Иначе Элли сядет в него и мы ее упустим.

– До города? – спросил Ричер.

Кармен снова мимолетно улыбнулась.

– Вы на него смотрите. Это центр Эха.

Она еще прибавила скорость, и за «кадиллаком» поднялось новое облако пыли. Местность вокруг была такой безграничной, что казалось, будто машина ползет абсурдно медленно. Ричер прикинул, что автобус находится примерно в получасе от пересечения дорог, а «кадиллак» едет в два раза быстрее. Значит, они должны догнать его минут через пятнадцать, хотя возвышенность и чистый воздух пустыни создавали иллюзию, что автобус совсем близко и к нему можно прикоснуться рукой, как к детской игрушке, лежащей на полу.

– Хорошо, что вы едете со мной, – сказала она. – Я искренне вам благодарна.

– No hay de que, señorita, – ответил Ричер.

– Значит, вы знаете больше чем несколько слов.

– В армии было много людей, которые говорили по-испански, – пожав плечами, ответил он. – На самом деле большая часть молодого поколения. Лучшие из них.

– Как в бейсболе, – заметила Кармен.

– Точно, как в бейсболе, – подтвердил Ричер.

– Но вам следует называть меня señora. Señorita слишком приятно слышать.

Она снова прибавила скорость и примерно за милю до того, как они нагнали автобус, выехала на встречную полосу, чтобы его объехать. Ричер решил, что это совершенно безопасно: шансы на то, что им попадется встречный транспорт, были ниже, чем на выигрыш в лотерею. Кармен промчалась мимо автобуса, окутанного клубами пыли, и еще милю ехала по левой полосе. Затем сдвинулась вправо и через пять минут сбросила скорость, потому что они приближались к перекрестку.

Отсюда деревушка выглядела потрепанной и жалкой, как бывает с маленькими городками, слишком долго простоявшими под лучами палящего солнца. Тут и там попадались участки, заросшие сухими колючими сорняками и обнесенные низкими кирпичными стенами, – коммерческие зоны, которые так и не получили развития. Справа, на северо-западном углу, Ричер заметил закусочную – длинный низкий деревянный сарай, покрытый облупившейся краской. По диагонали от него располагалась школа, крошечное строение с одним классом – совсем как в книжках по истории, в разделе «Начало деревенского образования». Напротив школы устроилась заправочная станция с двумя насосами и маленьким двориком, где на стоянке стояли машины. По диагонали от заправки и на противоположной стороне от школы Ричер успел увидеть пустой участок с разбросанными повсюду бетонными блоками, словно кто-то, исполненный оптимизма, приступил к строительству, пытаясь реализовать свой план, но забросил его на полпути, возможно, еще во времена Линдона Джонсона.[8] Кроме того, здесь имелось четыре одноэтажных здания из простого бетона, с узкими подъездными дорогами, ведущими от шоссе. Жилые дома, догадался Ричер. Во дворах валялся разнообразный мусор, старая мебель, детские велосипеды, стояли машины. Их окружали низкие проволочные ограды, наверное чтобы помешать крупным змеям пробраться внутрь. Земля пропеклась на солнце.

На перекрестке не было никаких знаков, только широкие линии на асфальте, выгоревшие на солнце. Кармен проехала прямо, миновала школу и развернулась посреди дороги, не обращая внимания на неглубокие дренажные канавы, расположенные по обеим сторонам. Затем она вернулась назад и остановилась так, что ворота школы оказались прямо у окна Ричера. Школьный двор был обнесен толстой проволокой, совсем как площадка для выгула собак, а ворота представляли собой не слишком ровный прямоугольник из металлических трубок, обтянутых такой же проволокой.

Кармен смотрела мимо Ричера на школьную дверь. С севера с натужным ревом подъехал автобус и остановился на своей стороне дороги, параллельно «кадиллаку», носом в противоположном направлении. В следующее мгновение открылась дверь школы, и на пороге появилась женщина. Она двигалась медленно, и у нее был усталый вид. Учительница в конце рабочего дня, подумал Ричер. Увидев автобус, она помахала детям рукой, и они начали выходить наружу. Семнадцать человек, девять девочек и восемь мальчиков. Элли Грир оказалась в строю седьмой. Она была в голубом платье, и Ричер заметил, что она вспотела. Он узнал ее по фотографии и по тому, как Кармен зашевелилась рядом с ним. Она вздохнула и потянулась к ручке двери.

Обежав машину, она встретила дочь на утоптанном участке земли, служившем тротуаром, крепко обняла ее и прижала к себе, а потом начала с ней кружиться. Девочка весело болтала маленькими ножками, а ее синяя коробка для завтрака колотила Кармен по спине. Ричер видел, что девочка смеется, а на глазах ее матери выступили слезы. Не выпуская друг друга из объятий, они вместе подошли к машине. Кармен открыла дверь, Элли забралась на водительское сиденье и застыла, увидев Ричера. Она тут же замолчала, и глаза у нее широко раскрылись.

– Это мистер Ричер, – представила его Кармен.

Элли повернулась и посмотрела на нее.

– Он мой друг. Поздоровайся с ним, – сказала Кармен.

Элли снова повернулась к Ричеру.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Привет, Элли, – ответил Ричер. – Как дела в школе?

– Все в порядке, – сказала девчушка.

– Научилась чему-нибудь?

– Писать некоторые слова.

Она помолчала немного и высоко подняла голову.

– Трудные, – добавила она. – «Балл» и «холл».

Ричер кивнул с серьезным видом.

– Четыре буквы, – сказал он. – Это круто.

– Я уверена, что вы умеете их писать.

– Б-а-л-л, – произнес по буквам Ричер. – Х-о-л-л. Правильно?

– Вы взрослый, – сказала Элли так, словно он сдал экзамен. – Но знаете, что сказала учительница? Что букв четыре, а на самом деле их три, потому что «л» повторяется два раза. В самом конце.

– Ты умная девочка, – сказал Ричер. – А теперь садись назад, чтобы твоя мама не стояла на жаре.

Элли пробралась мимо его левого плеча, и он уловил запах начальной школы. Ричер посещал, наверное, пятнадцать разных школ, большинство из них в разных странах и на разных континентах, но все они пахли одинаково. Прошло лет тридцать с тех пор, как он заходил в школу, но он по-прежнему ее помнил.

– Мама! – позвала Элли.

Кармен села в машину и закрыла дверь. Она раскраснелась, то ли от жары, то ли от быстрого движения, то ли от коротких мгновений счастья.

– Мама, очень жарко, – сказала Элли. – Давай купим в кафе мороженое с содовой.

Ричер видел, что Кармен улыбнулась и хотела согласиться, но в следующее мгновение бросила взгляд на свою сумочку и вспомнила про лежащий там одинокий доллар.

– В кафе, мама, – повторила Элли. – Мороженое с содовой. Очень помогает, когда жарко. И поедем домой.

Кармен заметно погрустнела, особенно когда до нее дошел смысл последнего слова – «домой». Ричер решил, что пришла пора вмешаться.

– Отличная мысль, – сказал он. – Мороженое и содовая. Я угощаю.

Кармен бросила на него взгляд, она зависела от него, и ей это не нравилось. Однако она все равно развернула машину, проехала через перекресток и свернула на парковку перед закусочной. Она остановила «кадиллак» в тени у северной стены, рядом с единственной машиной, новеньким и блестящим «форд-крауном» цвета синий металлик. Ричер подумал, что это полицейская машина без опознавательных знаков или же взятая напрокат.

Внутри закусочной оказалось прохладно благодаря старому кондиционеру, работавшему под потолком. А еще там было пусто, если не считать сидевших у окна трех пассажиров «форда», самых обычных, непримечательных людей, скорее всего живущих в городе. Женщина была симпатичная, со светлыми волосами, один мужчина – невысокий и смуглый, а другой – высокий и светловолосый. Значит, они не копы, машину взяли напрокат. Наверное, представители какой-нибудь торговой компании, направляются куда-то между Сан-Антонио и Эль-Пасо. Может быть, в чемоданах у них тяжелые образцы и потому они не смогли воспользоваться самолетом. Он отвернулся от них и прошел за Элли в кабинку в противоположном конце зала.

– Это самый лучший столик, – сказала она. – У остальных рваные сиденья, их зашили, но толстыми нитками, и можно поцарапать попку или ногу.

– Ты, наверное, здесь уже бывала, – сказал Ричер.

– Конечно бывала. – Она захихикала, словно он сказал глупость, и Ричер увидел два ряда ровных маленьких зубов. – Много раз.

Затем она подпрыгнула и заскользила по виниловому покрытию сиденья.

– Мама, садись рядом со мной, – позвала она.

Кармен улыбнулась.

– Я сначала схожу в туалет. Я быстро. А ты оставайся с мистером Ричером.

Девочка с серьезным видом кивнула. Мистер Ричер уселся напротив нее, и они принялись откровенно разглядывать друг друга. Ричер не знал, что увидела она, а он смотрел на живой оригинал фотографии из бумажника Кармен. Густые, пшеничного цвета волосы, завязанные в хвостик; совсем не подходящие к волосам широко раскрытые темные глаза, глядящие сейчас на него, а не в объектив фотоаппарата; маленький носик, неулыбчивый рот. И великолепная кожа, похожая на влажный розовый бархат.

– А вы где ходили в школу? – спросила она. – Тоже здесь?

– Нет, я ходил в разные школы, – ответил Ричер. – Я много переезжал с места на место.

– Значит, вы не ходили все время в одну и ту же школу?

Ричер покачал головой.

– Я учился в одной и той же школе по несколько месяцев.

Элли сосредоточенно задумалась. Не стала спрашивать почему. Просто изучала его слова с точки зрения недостатков и достоинств.

– Как же вы запоминали, где что находится? Например, туалет. Вы и учительницу могли забыть и назвать ее другим именем.

– Когда ты молодой, ты все прекрасно запоминаешь. А когда становишься взрослым, начинаешь многое забывать.

– Я тоже забываю, – сказала она. – Вот, например, как выглядит мой папа. Он в тюрьме. Но по-моему, он скоро вернется домой.

– Да, вернется.

– А где вы ходили в школу, когда вам было шесть с половиной лет, как мне?

Школа была центром ее вселенной. Ричер стал вспоминать. Когда ему было шесть с половиной, война во Вьетнаме еще не достигла своего пика, но уже шла вовсю, и его отец наверняка в то время находился где-то там. Значит, тот год разделился между Гуамом и Манилой. По

большей части Ричер жил в Маниле, судя по его воспоминаниям о домах и растительности, местах, где он играл и прятался.

– На Филиппинах, – ответил он.

– Это тоже в Техасе? – спросила Элли.

– Нет, это острова, которые находятся между Тихим океаном и Южно-Китайским морем. Прямо в океане. Далеко отсюда.

– Океан, – проговорила она с сомнением. – А он в Америке?

– В твоей школе на стене висит карта?

– Висит. Карта всего мира.

– Так вот, океаны – это все, что закрашено голубым.

– Там много голубого.

– Точно, – подтвердил Ричер.

– Моя мама ходила в школу в Калифорнии.

– Калифорния тоже есть на карте. Найди Техас и посмотри налево.

Он заметил, что она смотрит на свои руки, пытаясь вспомнить, которая из них правая, а которая левая. Затем она подняла голову и взглянула ему через плечо. Ричер обернулся и обнаружил, что Кармен возвращается, но ей пришлось задержаться из-за компании торговых агентов, которые как раз в этот момент начали подниматься, выбираясь из своей кабинки. Она подождала, когда они дойдут до двери и освободят проход, затем быстро подошла к столику и села одним грациозным движением. Она прижалась к Элли, обняла ее одной рукой, а другой принялась щекотать, получив в награду радостный визг. Официантка рассчиталась с тремя посетителями и подошла к ним с блокнотом и карандашом в руках.

– Три кока-колы с мороженым, пожалуйста, – громко и четко проговорила Элли.

Официантка записала заказ, сказала:

– Сейчас принесу, дорогая, – и ушла.

– Нормально? – спросила Кармен.

Ричер кивнул. Как и запах начальной школы, он помнил вкус этого напитка. Впервые он попробовал кока-колу в Берлине, в гарнизонной столовой, низком куонсетском[9] ангаре, оставшемся после оккупации города четырьмя странами. Стоял теплый летний день, никаких

кондиционеров не было, и Ричер помнил ощущение горячей кожи и пузырьков, щекочущих нос.

– Вообще-то это глупо, – заявила Элли. – Мороженое плавает в кока-коле, значит, оно должно называться «мороженое с кока-колой».

Ричер улыбнулся, вспомнив, что в ее возрасте думал примерно так же и был возмущен и удивлен нелогичностью мира, в котором он должен жить.

– Совсем как начальная школа, – сказал он. – Начальная – значит легкая, так считается. Но я помню, что мне было совсем не легко, и я тогда думал, что школа должна называться «трудная школа».

Элли с серьезным видом посмотрела на него и сказала:

– А мне она не кажется трудной. Но может, в океане учиться сложнее.

– Или ты умнее меня.

Она задумалась над его словами.

– Я умнее некоторых ребят, – сказала она. – Например, умнее Пегги. Она застряла на словах из трех букв, а еще она думает, что слово «зоопарк» пишется с большой буквы.

У Ричера не нашлось подходящего ответа, и он надеялся, что Кармен ему поможет, но тут появилась официантка с оловянным подносом, на котором стояли три высоких бокала. Она с церемонным видом поставила их на стол, прошептала Элли: «Наслаждайся» – и ушла. Но бокалы оказались примерно в фут высотой, да еще соломка добавляла шесть дюймов, а подбородок Элли едва доставал до стола, так что ее рот был далеко от того места, где ему хотелось быть.

– Хочешь, я подержу? – спросила Кармен. – Или встанешь на колени?

Элли задумалась, и Ричер понял, что эта малышка не принимает легких поспешных решений. В этом она была чем-то похожа на него. Он всегда слишком серьезно относился к окружающему миру. Дети в каждой новой школе потешались над ним, правда, как правило, всего один раз.

– Я встану на колени, – сказала она наконец.

Получилось не совсем на колени. Элли встала на виниловую скамейку и наклонилась над столом, опершись ладонями возле основания бокала и наклонив над ним голову. Отличный способ, не хуже любого другого, подумал Ричер. Она начала втягивать в себя кока-колу, и он посмотрел на свой бокал, где плавал круглый жирный шарик мороженого. Кола оказалась слишком сладкой, словно ее сделали из разведенного в неправильной пропорции сиропа. Пузырьки были огромными и

какими-то искусственными. Вкус у всего этого был ужасающий. Ничего общего с детскими воспоминаниями о летнем дне в Германии.

– Вам не нравится? – спросила Элли.

У нее был полный рот, и она слегка забрызгала его рукав.

– Я ничего не сказал.

– Вы сделали смешное лицо.

– Слишком сладко, – ответил Ричер. – Я боюсь за свои зубы. Да и твоим тоже не поздоровится.

Элли скорчила гримасу, словно показывала зубы дантисту.

– Не имеет значения, – заявила она. – Они все равно выпадут. У Пегги уже два выпало.

Затем она снова наклонилась к своему бокалу и допила кока-колу, а потом принялась тыкать в дно соломкой, пока мороженое не растаяло, и тогда она его тоже высосала.

– Если хотите, я могу и ваше допить, – предложила она.

– Нет, тебя вытошнит в машине, – сказала ее мать.

– Не вытошнит, честное слово.

– Нет, – повторила Кармен. – А теперь сходи в туалет, ладно? До дома далеко.

– Я уже ходила, – возразила Элли. – Мы всегда ходим в школе, перед тем как выйти на улицу. Строем. Нам приходится. Водителю автобуса не нравится, когда мы писаем на сиденья.

Она с довольным видом рассмеялась.

– Элли! – возмутилась Кармен.

– Извини, мама. Но так делают только мальчики. Я бы никогда не стала.

– Все равно сходи еще раз, ладно?

Элли театрально закатила глаза, перебралась через колени матери и помчалась в заднюю часть кафе. Ричер положил пять долларов на счет.

– Замечательная девочка, – сказал он.

– Я тоже так думаю, – проговорила Кармен. – Ну, по большей части.

– Очень умная.

– Умнее меня, это точно, – кивнув, сказала она.

Он не стал ничего отвечать, просто сидел и наблюдал за тем, как погрустнели ее глаза.

– Спасибо вам за угощение, – поблагодарила его Кармен.

– Я получил удовольствие. И новые впечатления, – ответил он, пожав плечами. – По-моему, я еще никогда не покупал кока-колу ребенку.

– Значит, у вас нет своих детей.

– Как-то не получилось.

– Ни племянников, ни племянниц? Ни маленьких кузенов?

Он покачал головой.

– Я сам был ребенком, – сказал он. – Когда-то очень давно. Если не считать моих собственных воспоминаний, я об этом почти ничего не знаю.

– Через пару дней с нами Элли научит вас такому количеству самых разных вещей, что вы удивитесь. Да вы и сами, наверное, это поняли.

Она посмотрела мимо него, и он услышал шаги Элли. Пол был старым, под вспучившимся линолеумом завелись воздушные карманы, и ее башмачки издавали чавкающие звуки.

– Мама, поехали, – позвала она.

– Мистер Ричер тоже поедет с нами, – сказала Кармен. – Он будет ухаживать за лошадьми.

Он встал и увидел, что девочка внимательно смотрит на него.

– Ладно, – сказала она, – Ну давай, поедем уже.

Они вышли наружу, где по-прежнему царило палящее солнце. День близился к вечеру, но стало только еще жарче. «Форд-краун» уехал. Они обошли машину, и Элли забралась на заднее сиденье. Кармен несколько минут сидела, положив руку на ключ зажигания и закрыв глаза, потом открыла их и завела двигатель.

Она проехала назад через перекресток, мимо школы и еще миль шестьдесят прямо на юг. Очень медленно, примерно в два раза медленнее, чем раньше. Элли не возмущалась. Ричер решил, что, по ее представлениям, это было нормально. Он уже понял, что Кармен никогда не возвращалась домой на большой скорости.

По дороге им почти ничего особенного не встретилось. Слева ритмично подрагивали на ветру провода линии электропередач между обожженными солнцем столбами. Тут и там попадались ветряные мельницы и нефтяные насосы, часть из них работала, но большинство замерло в неподвижности. На западной стороне дороги, на краю старого поля стояли устройства для ирригации, безмолвные и покрытые ржавчиной, потому что ветры сделали эти земли бесплодными. Кое-где осталась только селитра, так что поливать было особенно нечего. Восточная сторона дороги выглядела лучше: мескитовые деревья занимали обширные пространства, а временами попадались участки настоящей травы, принимавшие самые неожиданные очертания, словно там под землей имелась вода.

Примерно каждые десять или двенадцать миль они проезжали мимо ворот ранчо, одиноко стоящих у обочины. Все ворота были простой прямоугольной формы, около пятнадцати футов в ширину и столько же в высоту, а за ними уходили вдаль разбитые колеи. На некоторых воротах Ричер замечал названия ранчо, составленные из букв, вырезанных из дерева и прибитых гвоздями. На других названия были выкованы из железа и представляли собой затейливую вязь. Кое-где ему удалось разглядеть по центру выгоревшие головы животных с длинными рогами, выставленными вперед, точно крылья стервятников. В некоторых местах виднелась старая колючая проволока, которая бесцельно тянулась вдаль, отмечая прежние границы. Проволока крепилась к покосившимся деревянным столбикам, выглядевшим так, словно они превратятся в пыль, стоит до них дотронуться.

Некоторые ранчо удавалось разглядеть, если позволял рисунок местности. Там, где земля была плоской, вдали виднелось скопление строений. Двухэтажные, в основном выкрашенные белой краской дома в окружении низких сараев и пристроек. Позади них стояли ветряные мельницы, на крышах торчали спутниковые антенны, а сами дома казались тихими и оглушенными жарой. Солнце клонилось к западу, но температура воздуха на улице оставалась сорок градусов.

– Думаю, дело в дороге, – проговорила Кармен. – Она целый день впитывает солнце, а потом отдает его жар.

Элли заснула, устроившись на заднем сиденье. Голову она положила на портфель, касаясь щекой края бумаг, в которых говорилось, как ее матери сбежать от отца.

– Здесь начинаются владения Гриров, – сказала Кармен. – Слева. Следующий поворот наш, примерно через восемь миль.

Плоская равнина справа полого поднималась, превращаясь в невысокие холмы, расположенные примерно в миле на западе. Слева Гриры обнесли свою собственность колючей проволокой гораздо более

высокого качества, чем у большинства местных жителей. Выглядела она так, словно ее перетянули лет пятнадцать назад. Линия довольно прямо уходила на восток, отгораживая заросший зеленой и коричневой травой луг. Далеко впереди виднелся лес нефтяных вышек, которые четко вырисовывались на фоне ясного неба. Их окружали металлические хижины и брошенное оборудование.

– Грир Третий, – сообщила Ричеру Кармен. – Большое поле. Дед Слупа заработал на нем огромные деньги. Примерно сорок лет назад месторождение истощилось. Но в семье любят рассказывать историю о том, как здесь обнаружили скважину и из нее забила нефть. Это самое волнующее приключение, какое им когда-либо довелось пережить.

Кармен немного сбросила скорость, и Ричер понял, что она оттягивает необходимость проехать последние мили. Вдалеке дорога уходила в сияющую дымку, и Ричер увидел, что колючая проволока уступила место нелепому частоколу. Он стоял у самой дороги, совсем как в Новой Англии, только его выкрасили в тускло-красный цвет. Примерно через полмили находились ворота ранчо, тоже красные, а дорога продолжала бежать дальше и исчезала из виду. За воротами начинались строения, гораздо ближе, чем на других увиденных Ричером ранчо. Там стоял большой старый двухэтажный дом с высокой трубой и одноэтажными пристройками, а вокруг него расположились сараи и скотные дворы. Отдельные участки территории были обнесены заборами. И все выкрашено в тускло-красный цвет, все строения и заборы. Низко висящее оранжевое солнце обливало их своими лучами, и они сияли и мерцали, превращаясь в миражи.

Когда начался красный забор, Кармен поехала еще медленнее. На последних ста ярдах она вообще убрала ногу с педали газа, а затем свернула по наезженной дороге к воротам. Высоко у них над головами к воротам была прикреплена красная деревянная табличка с красными деревянными буквами. Она гласила: «Красный дом». Кармен посмотрела на нее и сказала:

– Добро пожаловать в ад.

Красный дом занимал главенствующее место среди четырех внушительных строений. Широкое дощатое крыльцо украшали деревянные колонны, на которых висел на цепях гамак. Примерно в восьмидесяти ярдах за домом расположился гараж, но Кармен не смогла подъехать, потому что полицейская машина припарковалась поперек подъездной дорожки, преградив ей путь. Это был старый «шевроле-каприс», черно-белый, с эмблемой шерифа округа Эхо на двери, где прежде было написано что-то другое. Видимо, власти округа купили его у прежних владельцев где-нибудь в Далласе или Хьюстоне,

перекрасили и отправили служить сюда. Внутри никого не было, дверь со стороны водителя осталась распахнутой. На крыше пульсировал красно-голубой свет, метавшийся по крыльцу и передней части дома.

– Что случилось? – удивленно спросила Кармен и в ужасе поднесла руку к губам. – Боже мой, неужели он уже вернулся? Господи, только не это!

– Копы не станут привозить его домой, – сказал Ричер. – Они не занимаются пассажирскими перевозками.

У них за спиной проснулась Элли. Мотор больше не урчал, машина замерла и не двигалась. Девочка села и с интересом выглянула наружу.

– Что это? – спросила она.

– Шериф приехал, – ответила Кармен.

– Зачем он приехал? – спросила Элли.

– Я не знаю.

– А почему огоньки мигают?

– Я не знаю.

– Кто-то позвонил в «девять-один-один»? А вдруг в дом забрался грабитель? Он, наверное, был в маске и что-то украл.

Она проползла вперед и уселась на мягкую ручку между передними сиденьями. Ричер снова почувствовал запах школы и увидел на лице девчушки восторженное любопытство, которое тут же сменилось страхом.

– А вдруг он украл лошадь? – вскричала Элли. – Моего пони, мама!

Она перебралась через колени Кармен, повозилась с ручкой, выскочила из машины и помчалась через двор, прижимая локти к бокам и быстро перебирая маленькими ножками. Ее хвостик смешно подпрыгивал на бегу.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь украл лошадь, – сказала Кармен. – Наверное, Слуп вернулся домой.

– С включенными сигнальными огнями? – спросил Ричер.

Кармен отстегнула ремень безопасности, повернулась и поставила ноги на землю. Затем встала и посмотрела в сторону дома, положив руки на дверь, словно эта дверь могла ее от чего-то защитить. Ричер последовал ее примеру и тоже выбрался из машины. Его тут же обдало волной горячего воздуха. Из полицейской машины доносились щелчки и голоса из рации.

– Может быть, они ищут вас, – предположил он. – Вы не ночевали дома. Они могли сообщить в полицию, что вы пропали.

Кармен покачала головой.

– Элли была здесь, а до тех пор, пока они знают, где она находится, им плевать, где буду находиться я.

Она несколько мгновений постояла, затем сделала шаг в сторону и закрыла за собой дверь. Ричер сделал то же самое. Примерно в двадцати футах от них открылась дверь, и на крыльце появился мужчина в форме. Судя по всему, шериф. Лет шестидесяти, явно страдающий избыточным весом, с черной от загара кожей и облепившими голову жидкими седыми волосами. Он был в черных брюках и белой форменной рубашке с погонами и вышивкой на плечах. Картину дополнял широкий поясной ремень с кожаной кобурой, из которой выглядывала деревянная ручка револьвера. Шериф вышел из полумрака дома, слегка повернувшись назад, а когда дверь за ним закрылась, шагнул было к своей машине, но замер на месте, увидев Кармен, и прикоснулся указательным пальцем ко лбу, не слишком старательно изобразив салют.

– Миссис Грир, – сказал он так, словно она в чем-то провинилась.

– Что случилось? – спросила она.

– Вам скажут те, кто внутри, – ответил шериф. – Слишком жарко, чтобы повторять всю историю дважды.

Он перевел взгляд на «кадиллак» и увидел Ричера.

– А вы кто такой? – спросил он.

Ричер ничего не ответил.

– Вы кто? – повторил шериф.

– Я скажу тем, кто внутри, – проговорил Ричер. – Слишком жарко, чтобы повторять всю историю дважды.

Шериф окинул его спокойным внимательным взглядом и кивнул, словно все это уже видел. Затем забрался в свою подержанную машину, завел двигатель и задом выехал на дорогу. Когда поднятая им пыль опустилась, в том числе и на ботинки Ричера, тот увидел, что Кармен выехала на дорожку, ведущую к гаражу – длинному низкому сараю без передней стены, выкрашенному в красный цвет, как и все остальное. Внутри стояли два пикапа и джип «чероки». Один из пикапов был новым, а другой сидел на спущенных шинах и выглядел так, словно его не сдвигали с места лет десять. За гаражом узкая земляная дорога уходила в бесконечную пустыню. Кармен поставила «кадиллак» рядом с

джипом и вышла на солнце. Она казалась в этом дворе маленькой и чужой, как орхидея в куче мусора.

– Итак, где находится дом для наемных работников? – спросил Ричер.

– Идите за мной, – сказала она. – Вам все равно придется с ними встретиться. Они ведь должны нанять вас на работу. Вы не можете просто пойти и устроиться в доме для работников.

– Ладно, – не стал спорить Ричер.

Она не спеша повела его к крыльцу, медленно поднялась по ступеням, остановилась перед дверью и постучала.

– Вы что, должны стучать? – спросил Ричер.

– Мне не дают ключа, – кивнув, сказала она.

Они стали ждать, Ричер позади Кармен, как и полагается наемному работнику. Вскоре он услышал внутри шаги, и дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет двадцати пяти, не снимая руки с внутренней ручки двери. У него было крупное квадратное лицо, покрытое красными и белыми пятнами, и неуклюжее тело, какое бывает, когда юношеские мускулы превращаются в жир. Он был в полотняных джинсах, грязной футболке с закатанными рукавами, обтягивающими то, что раньше было бицепсами, и бейсбольной кепке, повернутой козырьком назад. Над пластиковой застежкой виднелся полукруг лба, сзади из-под козырька торчали волосы, точно такие же, как у Элли. От него пахло по́том и пивом.

– Это ты, – сказал он, взглянув на Кармен, и сразу отвернулся.

– Бобби, – проговорила она.

И тут он увидел Ричера.

– А кто твой дружок?

– Его зовут Ричер. Он ищет работу.

– Ладно, заходите, – сказал он, немного подумав. – Оба. И дверь закройте. Жарко.

Он повернулся в сумрак дома, и Ричер увидел букву «Т» на кепке. «„Техасские рейнджеры“, – подумал он. – Хороший клуб, но не слишком». Кармен следовала за Бобби в трех шагах, словно гостья войдя в дом, где она прожила семь лет. Ричер шел за ней.

– Брат Слупа, – прошептала она.

Ричер кивнул. В коридоре было темно, но он сумел разглядеть, что и внутри все выкрашено в красный цвет – деревянные стены, полы и потолок. В большинстве мест краска почти стерлась или вовсе исчезла, остались лишь ее следы, похожие на пятна. Где-то в доме медленно, с тихим гудением и скрежетом работал древний кондиционер, освежая воздух всего на пару градусов. Его мирное жужжание напоминало тиканье часов. Коридор был размером с номер мотеля и заставлен дорогой, но старой мебелью, словно в семье несколько десятилетий назад закончились деньги. Или их было так много, что удовольствие, которое получаешь, когда их тратишь, давным-давно потеряло свою остроту. На одной стене Ричер успел заметить громадное зеркало в роскошной раме, выкрашенной красной краской. Напротив него имелась стойка с шестью охотничьими ружьями. Она отражалась в зеркале, создавая впечатление, будто весь коридор заполнен ружьями.

– Чего хотел шериф? – спросила Кармен.

– Зайди сначала внутрь, – ответил Бобби.

«Мы уже внутри», – подумал Ричер, но вскоре понял, что тот имел в виду гостиную, большую красную комнату в задней части дома. Когда-то здесь, судя по всему, была кухня, впоследствии переделанная. Через проем в старой стене дома гостиная соединялась с новой кухней, пристроенной лет пятьдесят назад. Здесь, как и везде, виднелись пятна старой, облезшей краски на стенах и мебели. Вокруг большого стола, какие нередко увидишь в фермерских домах, стояло восемь стульев из простой сосны, когда-то выкрашенных в красный цвет, но побелевших в тех местах, где их касались тела людей.

На одном из них сидела женщина за пятьдесят. Из тех, что продолжают одеваться так, как одевались прежде, забыв о своем возрасте. Она была в обтягивающих джинсах с ремнем и блузке с бахромой. Волосы ярко-рыжего цвета убраны в молодежную прическу, открывающую лицо. Она выглядела как двадцатилетняя девушка, слишком рано постаревшая из-за какой-то редкой болезни. Или потрясения. Наверное, шериф усадил ее за стол и сообщил неприятную новость. Женщина показалась Ричеру рассеянной и немного смущенной, но еще он увидел в ней властность и былую силу. Она была похожа на Техас, частью которого владела, могучий и просторный, переживающий трудности, но знававший лучшие времена.

– Чего хотел шериф? – снова спросила Кармен.

– Кое-что случилось, – сказала женщина, и по ее тону Ричер понял, что новости не слишком хорошие.

Он увидел, как в глазах Кармен вспыхнула и тут же погасла надежда. В комнате воцарилась тишина, и женщина повернулась к нему.

– Его зовут Ричер, – сказала Кармен. – Он ищет работу.

– Откуда он?

Ее голос прозвучал резко и повелительно. «Я здесь главная», – говорил ее тон.

– Я подобрала его на дороге, – ответила Кармен.

– Что он умеет?

– Он работал с лошадьми. Может быть кузнецом.

Ричер смотрел в окно, пока Кармен врала насчет его умений. За всю свою жизнь он ни разу не подходил близко к лошадям, разве что видел конюшни на старых военных базах, где держали лошадей для торжественных церемоний. В принципе он знал, что кузнец делает подковы, такие железные штуки, которые прибивают гвоздями к ногам лошадей. (Или к копытам?) Еще ему было известно, что для данного процесса нужна угольная жаровня и кузнечные мехи и что требуется долго и ритмично колотить молотом по наковальне, а потом опустить то, что у тебя получилось, в воду. Но он никогда в жизни не держал в руках подкову. Время от времени он замечал их над дверями домов, в одних странах вверх концами, в других – вниз. Но больше ничего про них не знал.

– Хорошо, поговорим об этом позже, – сказала женщина. – Есть вопросы поважнее.

Но тут она, видимо, вспомнила о правилах приличия и представилась:

– Я – Расти Грир.

– Как знаменитый игрок? – спросил Ричер.

– Я была Расти Грир еще до того, как он появился на свет, – заявила женщина и показала на Бобби. – С моим сыном Робертом вы уже познакомились. Добро пожаловать на ранчо «Красный дом», мистер Ричер. Может быть, мы сумеем найти вам работу. Если вы честный человек и не лентяй.

– Чего хотел шериф? – в очередной раз спросила Кармен.

Расти Грир повернулась и посмотрела на нее.

– Пропал адвокат Слупа, – сказала она.

– Что-о?

– Он ехал в федеральную тюрьму, чтобы встретиться со Слупом, но так туда и не добрался. Полиция штата нашла его машину брошенной на

дороге к югу от Абилина. Она стояла пустая, в многих милях от чего бы то ни было, ключи в зажигании. Ситуация выглядит не слишком приятно.

– Ал Юджин?

– А как ты думаешь, сколько у Слупа адвокатов?

Она не произнесла этого вслух, но Ричер услышал в ее интонации: «Идиотка». В комнате воцарилась тишина. Кармен побледнела и прижала руку ко рту, напряженные, растопыренные пальцы прикрыли губы.

– Может быть, машина сломалась, – предположила она.

– Копы ее проверили, – сказала Расти. – Она в отличном состоянии.

– Тогда где он?

– Я же тебе только что сказала: он исчез.

– Его искали?

– Естественно, искали. И не смогли найти.

Кармен сделала глубокий вдох, потом еще один.

– Это что-нибудь меняет?

– В смысле, вернется ли Слуп домой?

Кармен едва заметно кивнула, словно отчаянно боялась услышать ответ.

– Можешь не волноваться, – успокоила ее Расти. – Слуп будет дома в понедельник, как и планировалось. То, что Ал пропал, ничего не меняет. Шериф ясно дал нам это понять. Сделка заключена.

Кармен довольно долго молчала, закрыв глаза и прижимая пальцы к дрожащим губам. Затем заставила себя опустить руку и натянуто улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она.

– Да, хорошо, – проговорила ее свекровь.

Кармен кивнула, но Ричеру показалось, что она вот-вот потеряет сознание.

– Как вы думаете, что с ним могло произойти? – спросила она.

– А мне откуда знать? Думаю, какие-то неприятности.

– Но кто станет устраивать Алу неприятности?

Улыбка Расти превратилась в насмешливую гримасу.

– Попытайся сама догадаться, дорогуша, – ответила она.

– Что это значит? – широко раскрыв глаза, спросила Кармен.

– То и значит. Кому придет в голову устраивать неприятности своему адвокату?

– Я не знаю.

– А я знаю, – заявила Расти. – Тому, кто покупает большой подержанный «мерседес-бенц» и по какой-то причине попадает в тюрьму. Вот кому.

– И кто же это мог быть?

– Да кто угодно. Ал Юджин неразборчив в выборе клиентов. У него нет принципов. Да и вообще он не слишком честный человек. А может, и вовсе не честный, судя по тому, что я знаю. Три четверти его клиентов – люди не того сорта.

Кармен побледнела еще сильнее.

– Не того сорта?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Вы имеете в виду мексиканцев? Так почему бы не сказать прямо?

Расти продолжала улыбаться.

– Хочешь сказать, я не права? Какой-нибудь мексиканский мальчишка угодил в тюрьму, но он не хочет честно принять заслуженное наказание. Нет, он винит во всем своего адвоката, а потом начинает настраивать против него своих братьев и кузенов, и, разумеется, их у него тут великое множество, они притащились за ним, все до единого нелегальные эмигранты. Они сколачивают банды, и видишь, что из этого получается? Совсем как в Мексике. Впрочем, тебе лучше других известно, как все происходит.

– Да почему мне лучше других? Я даже никогда не была в Мексике!

Никто не ответил на это. Ричер наблюдал за Кармен, оскорбленной, гордой и одинокой, пленницей во вражеском лагере. В комнате царила тишина, которую нарушал лишь тихий треск и шелест кондиционера, находившегося где-то в доме.

– А у вас есть какое-то мнение, мистер Ричер? – спросила Расти Грир.

У Ричера возникло ощущение, будто ему задали хитроумный вопрос на собеседовании по поводу принятия на работу. Он хотел бы придумать

какой-нибудь умный ответ. Своего рода отвлекающий маневр. Но было не слишком разумно вступать с ними в сражение в первые десять минут знакомства, чтобы его тут же вышвырнули вон.

– Я просто ищу работу, мэм, – сказал он.

– Но меня все же интересует ваше мнение.

Точно, собеседование. Оценка качеств личности. Видимо, она хочет, чтобы навоз за ее лошадьми убирал человек того сорта.

– Мистер Ричер был копом, – сказала Кармен. – В армии.

– Итак, – подхватила Расти, – что вы думаете по этому поводу, бывший армейский коп?

Ричер пожал плечами.

– Возможно, этому есть самое невинное объяснение. Например, у него случился нервный срыв и он отправился погулять.

– Звучит не слишком правдоподобно. Теперь я понимаю, почему вы бывший коп.

В комнате повисло молчание.

– Ну, если у него возникли проблемы, возможно, их устроили белые ребятишки, – сказал Ричер.

– Такое мнение не будет здесь самым популярным, сынок.

– Проблема не в популярности, а в том, что правильно, а что нет. Население Техаса на три четверти составляют белые, поэтому я делаю вывод, что три шанса из четырех указывают на работу белых, если допустить, что люди везде одинаковые.

– Слишком большое допущение.

– Нет, если верить моему опыту.

Расти перевела глаза с поверхности стола на Кармен.

– Вне всякого сомнения, ты согласна со своим новым другом, – сказала она.

Кармен сделала вдох.

– Я никогда не утверждала, что я лучше других, – проговорила она. – И не понимаю, почему должна соглашаться с тем, что я хуже.

– Думаю, время покажет, – отрезала Расти. – Кому-то из нас придется признаться в ошибке.

Она растянула последнее слово, и оно повисло в тишине.

– Ну, и где же малышка Слупа? – спросила она с деланным энтузиазмом в голосе, словно предыдущего разговора вовсе не было. – Ты привезла ее из школы?

Кармен с трудом сглотнула и повернулась к ней лицом.

– Наверное, она на конюшне. Увидела шерифа и решила, что кто-то украл ее пони.

– Какая глупость! Кому нужно красть ее дурацкого пони?

– Она же ребенок, – сказала Кармен.

– Кухарка готова накормить ребенка ужином, поэтому отведи ее на кухню, а по дороге покажи мистеру Ричеру дом для наших работников.

Кармен лишь кивнула в ответ, точно служанка, получившая новые указания. Ричер последовал за ней из гостиной в коридор, и вскоре они вышли на крыльцо, залитое лучами солнца.

– Элли ест на кухне? – спросил Ричер.

– Расти ее ненавидит, – ответила Кармен.

– Почему? Она же ее внучка.

Кармен отвернулась.

– У нее нечистая кровь, – сказала она. – И не просите меня объяснить, что это значит. Здравый смысл тут даже рядом не лежал. Я только знаю, что она ее ненавидит.

– В таком случае зачем им поднимать шум, если вы ее увезете?

– Потому что Слуп хочет, чтобы она жила здесь. Она – его оружие против меня. Инструмент пытки. А его мать делает все, что он хочет.

– Она и вас заставляет есть на кухне?

– Нет, она заставляет меня есть вместе с ней, – ответила она. – Потому что знает, что я бы с радостью этого не делала.

Ричер остановился на границе тени.

– Вам следовало отсюда уехать, – сказал он. – Сейчас мы бы уже были в Вегасе.

– На мгновение у меня появилась надежда, – призналась Кармен. – Когда она сказала об Але Юджине. Я подумала, а вдруг Слуп задержится в тюрьме.

– Я тоже. Это бы нам пригодилось, – проговорил Ричер.

Она кивнула, и Ричер увидел у нее на глазах слезы.

– Я знаю, – сказала она. – Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Вам все-таки следует подумать о том, чтобы сбежать отсюда.

Кармен вытерла глаза тыльной стороной ладони и покачала головой.

– Я не побегу. Не хочу.

Ричер ничего не ответил.

– И вам следовало с ней согласиться, – добавила она. – Насчет мексиканцев. Я бы поняла, что вы это не всерьез. Мне очень нужно, чтобы вы были рядом.

– Я не мог с ней согласиться.

– Вы рисковали.

Она провела его вниз по ступеням на палящее солнце и дальше через двор. За гаражом находились конюшни, тоже красные, как и все остальное, большие, точно ангар для самолета, с воздушными вентиляторами на крыше. Громадная дверь была открыта на фут, изнутри доносился сильный запах.

– Вообще-то я человек не деревенский, – сказал Ричер.

– Вы привыкнете, – ответила Кармен.

За конюшнями имелось четыре загона, обнесенных красными заборами. В двух росла жесткая трава, а в двух других на землю примерно на фут был насыпан песок. На жировальных барабанах лежали полосатые шесты, превращавшиеся в препятствия, через которые лошадей учили перепрыгивать. За загонами Ричер увидел еще одно красное здание, длинное и низкое, с маленькими окнами под крышей.

– Дом для наемных работников, – сказала Кармен.

Она замерла на месте, задумавшись о чем-то, потом неожиданно вздрогнула, несмотря на жару, и заговорила деловым тоном:

– Дверь с другой стороны. Там вы найдете двух парней, Джошуа и Билли. Не доверяйте ни тому ни другому. Они здесь уже целую вечность и преданы Грирам душой и телом. Кухарка принесет вам ужин примерно через час после того, как Элли поест, и до нашего ужина.

– Хорошо, – сказал Ричер.

– Бобби непременно придет вас проверить. Будьте с ним осторожны, Ричер, потому что он настоящая змея.

– Хорошо, – повторил он.

– Увидимся позже, – сказала она.

– С вами все будет в порядке?

Она кивнула и пошла прочь. Ричер смотрел ей вслед, пока она не скрылась за конюшней. Тогда он обошел свой новый дом и отыскал ведущую в него дверь.

Глава 5

Мальчик заполнил целую страницу в своем блокноте. Мужчины с подзорными трубами сообщали ему точную последовательность событий и описание людей. Появление шерифа, возвращение мексиканской девки с ребенком и каким-то новым типом. Ребенок побежал в конюшню, шериф уехал, девка с новым типом вошли в дом, довольно долго ничего не происходило, потом девка с типом появились на крыльце, вместе дошли почти до самого дома для наемных работников, вернулась она одна.

– А это кто такой? – спросил мальчик.

– А мы откуда знаем, черт подери? – ответил один из мужчин.

«Очень высокий, не слишком аккуратно одетый, рубашка и брюки. Сколько лет, определить невозможно, – записал мальчик, а затем добавил: – Не ковбой, неправильная обувь. Проблемы?»

Перед домом для наемных работников земля уходила вниз, и он превращался в двухэтажный. На нижний этаж вела огромная раздвижная дверь, открытая навсегда из-за сломанного устройства. Внутри стояли еще один пикап и пара зеленых тракторов. В дальнем конце справа имелась деревянная лестница без перил, которая уходила вверх, к прямоугольному отверстию в потолке. Ричер провел на первом этаже целую минуту, разглядывая машины, и заметил у заднего окна пикапа стойку для оружия. В тяжелом горячем воздухе пахло бензином и моторным маслом.

Он поднялся по лестнице на второй этаж. Внутри все было выкрашено в красный цвет – стены, пол, даже балки. Воздух здесь был еще жарче и показался ему каким-то застоявшимся. Никаких кондиционеров, да и вентиляции тоже. В дальнем конце он увидел огороженное пространство – судя по всему, ванную комнату. В остальном весь этаж представлял собой огромное открытое пространство, у каждой стены по восемь

простых железных кроватей с тонкими полосатыми матрасами, прикроватными тумбочками и солдатскими сундучками.

Две кровати рядом с ванной были заняты. На каждой прямо в одежде лежали тощие, жилистые мужчины. Оба в голубых джинсах и ковбойских сапогах, без рубашек. Оба заложили руки за головы, и оба повернулись в сторону лестницы, когда Ричер вошел в комнату. Оба убрали ближнюю к нему руку, чтобы лучше его рассмотреть.

Ричер провел четыре года в Уэст-Пойнте и еще тринадцать на службе в армии, так что за семнадцать лет научился входить в новую спальню и спокойно относиться к любопытным взглядам тех, кто там находится. Его вовсе не беспокоили неприятные ощущения, потому что существовал определенный этикет, которому нужно было следовать. Ты должен войти, выбрать незанятую кровать и совершенно ничего не говорить. Заставить заговорить кого-то другого. Такой способ позволит тебе понять, как они к тебе относятся, прежде чем тебе придется продемонстрировать им свое отношение.

Миновав две пустые кровати, он подошел к той, что стояла у северной стены, где, как он решил, будет прохладнее, чем у южной. В прошлом, в армии, у него была бы тяжелая полотняная сумка, которую он бросил бы на кровать, показывая, что она теперь занята. На сумке было бы написано его имя и звание, а зачеркнутые надписи рассказали бы – в общих чертах – о его биографии. Такие сумки экономили массу времени на разговорах. Но в этой новой для него ситуации Ричеру оставалось только достать из кармана складную зубную щетку и положить ее на тумбочку. В качестве заменителя этому жесту не хватало физической убедительности. Но он все равно показывал: «Я теперь живу здесь, так же как и вы. Хотите по этому поводу высказаться?»

Оба мужчины продолжали молча на него смотреть. Поскольку они лежали, Ричеру было трудно определить, каковы они в физическом отношении, но он видел, что оба маленького роста, примерно пять футов и шесть или семь дюймов, около ста пятидесяти фунтов. Но с другой стороны, они были жилистыми и мускулистыми, похожими на боксеров в полусреднем весе. Оба загорели, как настоящие фермеры: темно-коричневые лица, шеи и руки и белая кожа под футболками. На ребрах, ключицах и руках Ричер заметил старые шишки, он много раз видел такие прежде. У Кармен была такая. Да и у него самого парочка штук. Старые переломы, вправленные и зажившие.

Ричер прошел мимо парней в ванную комнату. В ней имелась дверь, но внутри она была общественной, по четыре штуки всего, без перегородок. Четыре унитаза, четыре раковины, четыре душа – все на одной стене. Внутри оказалось относительно чисто, пахло теплой водой и дешевым мылом, как будто его новые соседи недавно принимали душ. Может,

готовились выйти куда-нибудь, чтобы провести вечер пятницы. Под потолком окно без стекла с забитой трупиками насекомых сеткой. Вытянувшись в полный рост, Ричер мог разглядеть дорожку, ведущую к большому дому, половину крыльца и часть входной двери.

Он вернулся в комнату. Один из мужчин сидел, повернув голову и наблюдая за дверью в ванную. Спина у него была такой же белой, как и живот, и на ней Ричер заметил больше заживших переломов, чем спереди. Ребра, правая лопатка. Либо много времени проводит под колесами грузовиков, либо он – ушедший на покой наездник родео, вынужденный заниматься другими, более приземленными вещами.

– Буря приближается, – сказал он.

– Да, я слышал, – ответил Ричер.

– И неудивительно, при такой-то температуре.

Ричер промолчал.

– Тебя наняли на работу? – спросил его собеседник.

– Наверное, – сказал Ричер.

– Значит, будешь у нас работать.

Ричер ничего не ответил.

– Я Билли, – сказал мужчина.

Другой приподнялся, опираясь на локти.

– Джош, – сказал он.

Ричер кивнул в ответ обоим.

– Я Ричер, – представился он. – Рад с вами познакомиться.

– Будешь у нас на подхвате, – сказал Билли. – Убирать навоз и носить корм.

– Как скажете.

– Потому что ты явно не тянешь на наездника.

– Не тяну?

Билли покачал головой.

– Слишком высокий. Слишком тяжелый. Центр тяжести слишком высоко. Нет, думаю, наездник из тебя никакой.

– Тебя привезла мексиканка? – спросил Джош.

– Миссис Грир, – ответил Ричер.

– Миссис Грир – это Расти, – заявил Билли. – Она тебя не привозила.

– Миссис Кармен Грир, – сказал Ричер.

Билли промолчал, а Джош улыбнулся.

– Мы собираемся развлечься после ужина, – сказал Билли. – В баре, в паре часов к югу отсюда. Можешь поехать с нами. Ну, чтобы получше познакомиться.

Ричер покачал головой.

– Может, в другой раз, когда я что-нибудь заработаю. В подобных случаях я предпочитаю сам за себя платить.

Билли обдумал его слова и кивнул.

– Очень правильные принципы, – заявил он. – Может, ты нам и подойдешь.

Тип по имени Джош снова улыбнулся.

Ричер вернулся к своей кровати, лег и вытянулся на ней, стараясь не шевелиться и не обращать внимания на жару. Он целую минуту смотрел на красные балки, а потом закрыл глаза.

Кухарка, белая женщина средних лет, принесла ужин через сорок минут. Судя по тому, как она поздоровалась с Билли, она вполне могла быть его родственницей. Может, двоюродная сестра. Она была немного на него похожа и разговаривала как он. Видимо, здесь повсюду одни и те же гены. Кухарка приветливо кивнула Джошу и холодно – Ричеру. Ужин – свинину с бобами – она принесла в ведерке и разложила в металлические миски поварешкой, которую достала из кармана передника. Затем она вручила им вилки, ложки и пустые железные кружки, сказав Ричеру:

– Вода в кране в ванной.

Выполнив свой долг, она спустилась вниз по лестнице, а Ричер занялся едой, первой за весь этот длинный день. Он сел на кровать, поставил миску на колени и принялся есть ложкой. Бобы были темные, сочные и щедро сдобренные патокой. Свинина – нежная, с поджаристыми кусочками жира. Скорее всего, ее приготовили отдельно, а потом положили в бобы.

– Эй, Ричер, – позвал его Билли. – Ну как тебе еда?

– Мне подходит, – ответил он.

– Дерьмо, – заявил Джош. – Целый день на улице больше тридцати пяти градусов, а она принесла нам горячую еду? Я уже принял душ и вот теперь снова вспотел, как свинья.

– Зато бесплатно, – заметил Билли.

– Как же, бесплатно! – возмутился Джош. – Еда входит в то, что они нам платят за работу.

Ричер не обращал на них внимания. Возмущаться по поводу еды – один из законов коллективной жизни. А то, что им принесли, было вполне съедобно. Лучше некоторых ужинов, которые ему приходилось есть. И уж точно лучше, чем то, что готовили на большинстве военных кухонь. Он поставил пустую миску на тумбочку, рядом с зубной щеткой, снова лег и почувствовал, как его желудок занялся перевариванием сахара и жиров. В другом конце комнаты Билли и Джош тоже покончили с ужином и вытерли рты руками. Затем достали из сундучков чистые рубашки, натянули их, застегнули и расчесали волосы растопыренными пальцами.

– Пока, – сказал Билли.

Они протопали вниз по лестнице, и через пару минут Ричер услышал, как внизу заработал двигатель машины, которая выехала в дверь и укатила прочь. Он пошел в ванную и увидел, как машина завернула за угол, проехала мимо конюшен и промчалась по двору, объезжая дом.

Ричер вернулся в комнату, сложил друг на друга пустые миски, пристроил в самую верхнюю вилки и ложки, нацепил на палец три кружки и спустился по лестнице. Солнце почти скрылось за горизонтом, но жара нисколько не уменьшилась. Воздух показался невероятно горячим, но постепенно в него прокрадывалась сырость. Откуда-то дул теплый, влажный ветерок. Ричер прошел мимо трех загонов и сарая и оказался во дворе. Обойдя крыльцо, он принялся искать дверь кухни, нашел ее и постучал. Ему открыла кухарка.

– Я принес посуду, – сказал Ричер и протянул ей миски и кружки.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказала она. – Но я бы сама за ними пришла.

– Идти довольно далеко, а на улице жарко, – сказал Ричер.

Она кивнула:

– Спасибо. Вы наелись?

– Даже больше, чем следовало, – ответил он. – Было вкусно.

Кухарка пожала плечами слегка смущенно.

– Обычная ковбойская еда.

Она забрала у него посуду и отнесла внутрь.

– Еще раз спасибо, – крикнула она, словно хотела сказать, что он свободен.

Ричер повернулся и вышел на дорогу, где вечернее солнце светило ему прямо в лицо. Остановился под деревянной аркой. Впереди, на западе, вообще ничего не было, только пустая, изъеденная эрозией земля, которую он видел, когда они сюда ехали. Справа, на север, уходила дорога примерно в шестьдесят миль в длину, с какими-то строениями в конце. Видимо, принадлежащими соседу, живущему в пятнадцати милях отсюда. Что находилось слева, к югу, Ричер не понял. Билли сказал, что до бара два часа езды, значит, миль сто. Ричер повернулся кругом. На восток тянулись земли Гриров, дальше чьи-то еще. Сухие ямы, пыльная селитра и больше ничего до самого Остина, а это четыреста миль.

«Новый работник подходит к воротам и смотрит прямо на нас, – написал мальчик. – Затем оглядывается по сторонам. Знает, что мы здесь? Проблемы?»

Он снова закрыл блокнот и прижался к земле.

– Ричер, – позвал его кто-то.

Ричер прищурился и обнаружил в тени на крыльце Бобби Грира. Тот сидел в гамаке. Те же джинсы и та же грязная футболка. Та же кепка, надетая задом наперед.

– Иди сюда, – позвал Бобби.

Ричер немного помедлил, затем прошел мимо кухни и остановился у первой ступеньки, ведущей на крыльцо.

– Мне нужна лошадь. Большая кобыла. Оседлай ее и приведи.

Ричер замер на месте.

– Сейчас?

– А когда? Я хочу покататься.

Ричер молчал.

– А еще мы должны посмотреть, – заявил Бобби.

– На что?

– Если хочешь, чтобы мы взяли тебя на работу, покажи нам, на что ты способен.

Ричер еще немного помолчал, а потом сказал:

– Хорошо.

– Пять минут, – велел Бобби, встал и направился назад, в дом, закрыв за собой дверь.

Ричер постоял несколько мгновений, чувствуя, как солнце жарит спину, и направился в конюшню. К большой двери. Той самой, из которой отвратительно воняло. Они должны посмотреть?! «Ты в глубокой заднице, приятель, – подумал он. – По-крупному».

За дверью он нашел выключатель, нажал на кнопку, и слабая желтая лампочка осветила огромное пространство конюшни. Пол здесь был из утрамбованной земли, повсюду валялась грязная солома. В центре имелись стойла для лошадей с прилегающими друг к другу задними стенками, а по периметру вдоль внутренних стен и до самого потолка было сложено сено. Ричер обошел стойла, обнаружив, что занято всего пять. Пять лошадей. Все привязаны к стенам сложной конструкцией из веревок, которая крепилась у них над головами.

Ричер присмотрелся к лошадям внимательнее. Одна была очень маленькой. Видимо, пони, который принадлежит Элли. Отлично, одного можно вычеркнуть. Осталось четыре. Две лошади показались ему немного крупнее двух других. Он наклонился как можно ниже и принялся их по очереди разглядывать. В принципе, он знал, как должна выглядеть кобыла снизу. И решил, что найти нужную лошадь будет несложно. Но на практике все оказалось совсем не так просто. В конюшне было темно, а хвосты скрывали детали. В конце концов он пришел к выводу, что первая лошадь, которую он изучал, не кобыла. Но и не конь. У него не хватало кое-каких частей. «Попробуй следующего». Ричер прошел вперед и начал разглядывать стоящую рядом с первой лошадь. Так, это кобыла. Хорошо. Следующей тоже оказалась кобыла. Последним в ряду был мерин.

Ричер отошел на пару шагов, так чтобы видеть обеих кобыл, огромных коричневых животных с блестящей шкурой, которые тихонько фыркали и переступали с ноги на ногу, с глухим стуком опуская ноги на солому. Нет, это копыта. Точно копыта? Лошади повернули головы, наблюдая за ним одним глазом. Какая из них больше? Похоже, та, что слева, решил Ричер. Она немного выше и немного тяжелее, чуть-чуть шире в груди. Ладно, это большая кобыла. Пока все шло хорошо.

Теперь седло. В каждом стойле из внешней стены горизонтально торчала широкая полка, на которой было сложено самое разное

снаряжение. Естественно, там лежало седло, но еще и целая куча каких-то непонятных ремней, одеял и металлических предметов. Ремни – это, наверное, вожжи. Металлические штуки – удила. Их, кажется, засовывают в рот? Ричер снял седло с полки и обнаружил, что оно очень тяжелое. Он пристроил его на согнутую левую руку. Приятно. Как настоящий ковбой. Прямо Рой Роджерс,[10] да и только.

Ричер остановился перед воротами стойла. Большая кобыла наблюдала за ним одним глазом. Из-под толстых, похожих на куски резины губ выглядывали впечатляющие прямоугольные зубы. Желтые. «Так, давай думать». Первый принцип. Такие зубы не могут быть у хищника. Значит, это животное не кусается. Ну, она может попытаться тебя слегка прикусить, но это же не лев и не тигр. Она ест траву. Она травоядная. Травоядные обычно отличаются мирным нравом. Например, антилопы гну на равнинах Африки. Таким образом, чтобы спастись от опасности, она будет убегать и не станет атаковать врага. Но с другой стороны, это стадное животное. Значит, требуется вожак. И кобыла должна подчиниться, если продемонстрировать ей силу. «Итак, будь тверд, как скала, но не напугай ее».

Ричер открыл ворота. Кобыла пошевелилась, прижала уши и подняла голову. Потом опустила ее. Снова подняла и снова опустила. Задвигала задними ногами и развернула в сторону Ричера свой огромный зад.

– Эй, – сказал Ричер громко, твердо и четко.

Кобыла приближалась. Ричер дотронулся до ее бока. Кобыла приближалась. «Постарайся не оказаться сзади. Чтобы она не смогла тебя лягнуть». Это Ричер знал. Как там говорят? «Как будто тебя лягнула лошадь»? Наверное, не зря так говорят.

– Стой спокойно, – приказал кобыле Ричер, но та бочком подбиралась все ближе к нему.

Ричер толкнул ее правым плечом, довольно сильно, словно собирался высадить дверь. Кобыла успокоилась и замерла на месте, тихонько пофыркивая. Ричер улыбнулся. «Я здесь главный, поняла?» Затем он положил на нос лошади ладонь, тыльной стороной. Совсем как в кино. «Потри ему нос тыльной стороной ладони, и он будет тебя знать. Запахи и все такое». Кожа на носу кобылы показалась ему мягкой и сухой, дыхание – сильным и горячим. Она снова растянула губы и высунула громадный, влажный язык.

– Так, хорошая девочка, – прошептал Ричер.

Он поднял седло двумя руками и положил на спину кобыле, а затем принялся его прилаживать, пока ему не показалось, что все в порядке. Это оказалось непросто. «Интересно, а той ли стороной я его положил?»

Наверное. Седло до некоторой степени имело форму стула, с вполне определенным передом и задом. С обеих сторон свисали широкие ремни. Два длинных, два коротких. На двух застежки, на двух других дырочки. Ну и зачем они нужны? Видимо, чтобы закрепить седло. Нужно протянуть дальние ремни и застегнуть их сбоку, под тем местом, где будут находиться бедра всадника. Ричер присел и попытался ухватиться за ремни под животом лошади, но с трудом до них дотянулся. Да, очень большое животное. Он поймал конец одного ремня кончиками пальцев, и седло тут же соскользнуло набок.

– Дерьмо, – выдохнул Ричер.

Он выпрямился и поправил седло. Подлез под лошадь и попытался поймать ремень. Лошадь пошевелилась, и у него ничего не вышло.

– Дерьмо, – снова выругался он.

Подошел поближе к лошади, заставив ее отступить к стене. Ей это не понравилось, и она прислонилась к нему. Ричер весил двести пятьдесят фунтов, кобыла, наверное, полтонны, и он невольно сделал шаг назад. Седло снова соскользнуло с ее спины. Лошадь остановилась, Ричер в очередной раз поправил седло и, придерживая его правой рукой, потянулся за ремнями левой.

– Не так, – послышался голос откуда-то сверху.

Ричер резко развернулся и поднял голову. Элли лежала на большой куче сена, почти под самой крышей, положив подбородок на руки и глядя на него.

– Сначала одеяло, – сказала она.

– Какое одеяло?

– Для седла, – пояснила она.

Лошадь снова прижалась к нему, и он ее оттолкнул. Она повернула голову и посмотрела на него. У нее были громадные карие глаза с длинными ресницами. Ричер наградил кобылу сердитым взглядом. «Я тебя не боюсь, подружка. Стой спокойно, или я снова тебя толкну».

– Элли, кто-нибудь знает, что ты здесь? – спросил он.

Она с серьезным видом тряхнула головой.

– Я прячусь, – призналась она. – Я хорошо это умею.

– А кто-нибудь знает, что ты прячешься здесь?

– Думаю, мама знает, что я здесь иногда прячусь, а Гриры – нет.

– Ты умеешь обращаться с лошадьми?

– Конечно умею. Я могу сама оседлать своего пони.

– Тогда помоги мне, пожалуйста. Спускайся и оседлай эту за меня.

– Это легко, – сказала она.

– Покажи мне как.

Девочка замерла на мгновение, в очередной раз принимая решение, потом соскользнула вниз, спрыгнула на землю и вошла в стойло.

– Снимите седло, – сказала она.

Взяв кусок ткани с полки, Элли встряхнула его и набросила на спину кобылы. Она была слишком маленького роста, и Ричеру пришлось расправлять одеяло одной рукой.

– Теперь кладите седло, – велела ему Элли.

Он положил седло поверх одеяла, Элли подлезла под кобылу и поймала ремни. Ей даже особенно не пришлось наклоняться. Она соединила концы и потянула.

– Теперь вы, – сказала она. – Они очень тугие.

Ричер поправил застежку и затянул ремни.

– Не так сильно, – сказала Элли. – Еще рано. Подождите, пока она раздуется.

– Она собирается раздуться?!

Элли с важным видом кивнула:

– Им это не нравится, и они раздувают животы, чтобы вам помешать. Но они не могут долго так оставаться и выпускают воздух.

Ричер принялся наблюдать за животом лошади. Он уже и сейчас был размером с громадный барабан. Но в следующее мгновение он начал раздуваться, становясь все больше и больше, ремни натянулись, и тут кобыла громко выдохнула и сдалась.

– А теперь затягивайте, – сказала Элли.

Ричер изо всех сил затянул ремни. Кобыла перебирала ногами, Элли держала поводья в руке, пытаясь их расправить, чтобы они приняли нормальный вид.

– Снимите с нее веревку. Просто стащите, и все, – наставляла его девочка.

Ричер снял веревку. Кобыла выставила вперед уши, и веревка скользнула через них, потом через нос и упала на пол.

– Теперь держите это. – Элли вручила ему моток ремней. – Это называется уздечка.

Ричер принялся вертеть уздечку в руке, пока не понял, как она устроена. Приложил к голове лошади, как ему показалось, правильно. Прижал металлическую часть к губам кобылы. Она держала рот плотно закрытым. Ричер попытался еще раз. Никакого результата.

– Как, Элли? – спросил он.

– Засуньте большой палец.

– Большой палец? Куда?

– Туда, где заканчиваются зубы. Сбоку. Там есть дырочка.

Ричер провел пальцем вдоль губ кобылы, ощущая под ними зубы, один за другим, словно считал их. Затем они закончились, и он почувствовал десну.

– Засуньте его внутрь, – сказала Элли.

– Мой палец?

Она кивнула. Ричер надавил, кобыла раздвинула губы, и его палец скользнул в теплое, клейкое, жирное отверстие. Кобыла тут же открыла рот.

– Быстро засовывайте удила, – велела Элли.

Ричер засунул металлическую штуку лошади в рот, и та с помощью своего громадного языка пристроила ее поудобнее, словно тоже ему помогала.

– Теперь потяните уздечку наверх и застегните.

Ричер протянул кожаные ремни через уши кобылы и нашел застежки. Их оказалось три штуки. Одна застегивалась на щеке, другая над носом, третья висела под шеей.

– Не слишком туго, – сказала Элли. – Ей же нужно дышать.

Ричер увидел на ремне потертость и решил, что она обозначает место, где следует его закрепить.

– Перекиньте поводья через луку.

Ричер взглянул на длинный ремень, свисающий с морды лошади в форме петли, и решил, что это и есть поводья. А лука – наверное,

торчащая впереди седла штука. Вроде ручки, чтобы за нее держаться. Элли с деловым видом поправляла стремена, переходя под животом лошади с одного места на другое.

– Поднимите меня, я хочу все проверить, – сказала она.

Ричер подхватил ее под мышки и поднял на седло. Она казалась крошечной и почти ничего не весила. Спина лошади была для нее слишком широкой, и ноги девчушки смешно торчали по бокам. Она легла, вытянувшись вперед, и проверила все застежки. Кое-какие из них перестегнула заново. Убрала концы, которые висели. Аккуратно вытащила гриву из-под ремней. Сжала седло ногами и принялась раскачиваться из стороны в сторону, проверяя, хорошо ли оно закреплено.

– Все в порядке, – сказала она наконец. – Вы здорово все сделали.

Элли протянула к нему руки, и Ричер спустил ее на землю. Она вспотела и раскраснелась.

– А теперь выводите ее, – велела она. – Держитесь сбоку, у рта. Если не захочет идти, дерните хорошенько.

– Огромное тебе спасибо, крошка, – сказал Ричер. – Ты можешь снова спрятаться.

Элли забралась назад, на кучу сена, а он потянул за ремень, прикрепленный к металлическому кольцу сбоку, у рта кобылы. Она не пошевелилась. Ричер пощелкал языком и снова потянул. Кобыла рванулась с места, Ричер бросился вперед, и она потрусила за ним. Цок-цок-цок. Ричер вывел ее из стойла, обогнул угол и направился к двери. Позволил ей идти рядом с собой и направился в сторону двора. Она шла легко и уверенно, и Ричер подстроился под ее шаг. Его рука была удобно согнута в локте, кобыла покачивала головой и время от времени едва касалась его плеча. Он провел ее через двор так, словно делал это всю жизнь. Сам Рой Роджерс умер бы от зависти.

Бобби Грир снова сидел на крыльце и поджидал его. Кобыла подошла прямо к нему и остановилась. Ричер держал маленький кожаный ремешок, пока Бобби проверял все, что до него уже проверила Элли. В конце концов он сказал:

– Неплохо. Но дольше, чем я рассчитывал.

Ричер пожал плечами.

– Они меня не знают. Я уже давно понял, что в первый раз нельзя спешить. Пока они не познакомятся с тобой как следует.

Бобби кивнул:

– Ты меня удивил. Я был готов поставить на кон ферму, что с лошадьми ты знаком только по «Прикнессу», который показывают по кабельному.

– Почему?

– По «Прикнессу». Это скачки.

– Я знаю, что это скачки. Я пошутил.

– Получился двойной сюрприз, – заявил Бобби. – Моя дорогая золовка для разнообразия сказала правду.

– А зачем ей врать? – взглянув на него, спросил Ричер.

– Не знаю зачем. Но она редко говорит правду. И ты должен это помнить.

Ричер молчал, просто ждал продолжения.

– Можешь идти, – отпустил его Бобби. – Я сам ее поставлю назад, когда покатаюсь.

Ричер кивнул и пошел прочь, услышал у себя за спиной скрип кожи и решил, что Бобби сел в седло, но не стал оборачиваться. Просто шагал по двору, мимо гаража, мимо загонов, завернул за угол дома для работников и начал подниматься по лестнице. Он собирался сразу принять душ, чтобы смыть с себя ужасный запах животных, которым весь пропитался. Но обнаружил, что на его кровати сидит Кармен и держит на коленях сложенные простыни. Она была все в том же легком платье, и простыни выделялись ярким белым пятном на фоне смуглой кожи обнаженных ног.

– Я принесла вам это, – сказала она. – Из бельевого шкафа в ванной. Они вам понадобятся, а я не знала, догадаетесь ли вы, где они лежат.

Ричер остановился наверху лестницы, одна нога в комнате, другая – все еще на ступеньке.

– Кармен, это безумие, – сказал он. – Вам нужно уехать отсюда прямо сейчас. Они быстро поймут, что я не тот, за кого себя выдаю. Мне и дня не продержаться. В понедельник меня вполне может здесь уже не быть.

– Я думала, – сказала она. – Весь ужин.

– О чем?

– Об Але Юджине. Предположим, в этом замешаны те, кого Слуп решил выдать. Предположим, они наконец проснулись и поняли, что пришла пора действовать. Предположим, они схватили Ала, чтобы помешать сделке.

– Вряд ли. Зачем они столько ждали? Они могли провернуть все это месяц назад.

– Да, но предположим, что все будут думать именно так.

Ричер шагнул в комнату.

– Я не понимаю, – сказал он, хотя все прекрасно понял.

– Предположим, вы сделаете так, что Слуп исчезнет, – проговорила она. – Точно так же, как кто-то позаботился о том, чтобы исчез Ал. Они будут думать, что все это как-то связано. Они не станут подозревать вас. С какой стати?

Ричер покачал головой.

– Мы это уже обсуждали. Я не убийца.

Она затихла, посмотрела на простыни, лежащие на коленях, и начала теребить шов. Простыни были старыми и обтрепанными. Их наверняка выбросили из большого дома. Может быть, на них спали Расти и ее умерший муж. Или Бобби. Или Слуп. Или Слуп с Кармен.

– Вам нужно уехать прямо сейчас, – повторил Ричер.

– Я не могу.

– Вам следует остаться где-нибудь на территории Техаса, временно. Сражаться за свои права, привлечь закон на свою сторону. В данных обстоятельствах вы получите опеку над ребенком.

– У меня нет денег. Это может стоить сотни тысяч долларов.

– Кармен, вы должны что-то делать.

Она кивнула.

– Я знаю, что я сделаю, – сказала она. – Я позволю ему меня избить в понедельник вечером. Потом утром во вторник я найду вас, где бы вы ни были. Вы увидите меня и, возможно, примете другое решение.

Ричер ничего ей не ответил. Она подняла голову, подставив лицо падающему из окна тускнеющему свету, и волосы окутали ее плечи.

– Посмотрите хорошенько, – сказала она. – Подойдите ближе.

Ричер сделал шаг к ней.

– Я буду в синяках. Возможно, у меня будет сломан нос или разбиты губы. Возможно, он выбьет мне несколько зубов.

Ричер молчал.

– Потрогайте мою кожу, – сказала она. – Почувствуйте ее.

Ричер дотронулся указательным пальцем до ее щеки. Кожа была мягкой и гладкой, точно теплый шелк. Он провел пальцем до скулы.

– Запомните это, – сказала она. – И сравните с тем, что почувствуете во вторник утром. Может быть, это поможет вам передумать.

Ричер убрал палец. Может быть, это действительно заставит его передумать. Она рассчитывала, что так и будет, а он боялся. Разница между хладнокровием и яростью – огромная разница. Для него принципиальная.

– Обнимите меня. Я уже успела забыть это ощущение.

Ричер сел рядом с ней и крепко ее обнял, она обхватила его руками за пояс и спрятала лицо у него на груди.

– Я боюсь, – прошептала она.

Они просидели так минут двадцать. Может, полчаса. Ричер потерял счет времени. Кармен была теплой, от нее приятно пахло, она ровно дышала. Затем она отодвинулась и встала, и на лице у нее появилось печальное выражение.

– Мне нужно найти Элли, – сказала она. – Ей пора спать.

– Она в конюшне. Она показала мне, как седлать лошадь.

– Элли хорошая девочка, – кивнула Кармен.

– Это точно, – подтвердил Ричер. – Она спасла мою задницу.

Кармен протянула ему простыни.

– Хотите завтра покататься верхом? – спросила она.

– Я не умею.

– Я вас научу.

– Это может занять много времени.

– Не может. Нам нужно будет подняться на холмы.

– Зачем?

Она отвернулась.

– Вам придется научить меня кое-чему, – сказала она. – На случай, если вы во вторник не передумаете. Я должна знать, как следует обращаться с пистолетом.

Ричер ничего ей не ответил, и тогда она сказала:

– Вы не можете отнять у меня право защитить себя.

Ричер продолжал молчать, и она спустилась вниз по лестнице, оставив его сидящим на кровати со сложенными простынями на коленях, точно в такой же позе, в какой он увидел ее, когда вошел.

Ричер застелил кровать, радуясь тому, что простыни тонкие и выношенные. Температура воздуха по-прежнему оставалась около тридцати градусов. К середине ночи она, скорее всего, опустится до двадцати пяти, так что дополнительное тепло Ричеру не понадобится.

Он снова спустился по лестнице и вышел наружу. На востоке горизонт был угольно-черным, но, завернув за угол дома, Ричер увидел на западе закатное солнце, ослепительно полыхающее на фоне красного дома. Он стоял, наблюдая за тем, как оно садится. Здесь, на юге, оно опустится за горизонт очень быстро, точно гигантский красный мяч. Солнце на мгновение вспыхнуло у края столовой горы и исчезло, оставив за собой озаренное алыми сполохами небо.

Ричер услышал приближающиеся шаги, прищурился в слепящем свете заката и увидел, что к нему идет Элли. Маленькие, короткие шажки, напряженные руки, голубое платье с прилипшими к нему соломинками. Солнце падало на нее сзади, и ее голову окутывало красно-золотое сияние волос, совсем как у ангела.

– Я пришла пожелать вам спокойной ночи, – проговорила она.

Ричер вспомнил времена из своего прошлого, когда он жил в семейных общежитиях на военных базах: слабый стук в дверь, вежливые армейские дети, пришедшие официально попрощаться с собратьями-офицерами своих отцов. Он ничего не забыл. Нужно пожать малышу руку, и он уйдет. Он улыбнулся Элли.

– Отлично. Спокойной ночи, Элли.

– Вы мне нравитесь, – сказала девочка.

– Ты мне тоже нравишься, – ответил он.

– Вам жарко?

– Очень.

– Скоро будет буря.

– Мне все это говорят.

– Я рада, что вы друг моей мамы.

Ричер ничего не сказал, просто протянул ей руку, на которую она посмотрела с удивлением.

– Вы должны поцеловать меня, чтобы мне хорошо спалось, – сказала она.

– Правда?

– Конечно.

– Хорошо, – не стал спорить Ричер.

Ее лицо находилось примерно на одном уровне с его бедром, и он хотел наклониться.

– Нет, возьмите меня на руки, – сказала она и протянула к нему руки.

Ричер подхватил ее и устроил на согнутом локте, потом нежно поцеловал в щеку.

– Спокойной ночи, – повторил он.

– Отнесите меня, я устала, – попросила она.

Ричер пронес ее мимо загонов, мимо конюшни, через двор к дому. Кармен стояла на крыльце, прислонившись к колонне, и наблюдала за их приближением.

– Вот ты где, – сказала она.

– Мама, я хочу, чтобы мистер Ричер вошел и пожелал мне спокойной ночи, – сказала Элли.

– Ну, я не знаю, можно ли ему.

– Я здесь только работаю, Элли, – проговорил Ричер. – Я тут не живу.

– Никто не узнает, – сказала Элли. – Зайдите через кухню. Там только кухарка. Она тоже здесь работает. А ей можно находиться в доме.

Кармен с сомнением смотрела на нее, не зная, на что решиться.

– Мама, ну пожалуйста! – сказала Элли.

– Может быть, если мы войдем все вместе… – сказала Кармен.

– Через кухню, – добавила Элли, потом вдруг заговорила театральным шепотом, который был громче нормального голоса: – Мы же не хотим, чтобы Гриры нас увидели!

Она затряслась от смеха на руках у Ричера, прижавшись лицом к его шее. Кармен вопросительно посмотрела на него, и он пожал плечами. Ну что ужасного может произойти? Он опустил Элли на землю, и она

взяла мать за руку. Потом они втроем направились к двери кухни, и Кармен ее толкнула.

«Закат», – записал мальчик и отметил время. Мужчины отползли от края ямы, встали на колени и потянулись. «Конец наблюдений», – написал мальчик и отметил время. Затем все трое проползли на коленях и убрали камни, которые удерживали углы брезента, скрывавшего их пикап. Аккуратно сложили брезент, насколько это было возможно, не выпрямляясь в полный рост, и убрали в багажник. За ним последовал портативный холодильник. Они прихватили подзорные трубы и по очереди забрались в машину. Выехали из ущелья и помчались на запад, в сторону алого горизонта.

Кухарка загружала громадную посудомоечную машину, которая была покрыта зеленой эмалью и, наверное, являлась последним словом техники, когда человек впервые ступил на Луну. Она подняла голову, но ничего не сказала. Просто продолжала складывать тарелки. Ричер заметил три принесенные им миски. Их уже сполоснули и приготовили, чтобы положить в машину.

– Сюда, – прошептала Элли.

Она провела их в дверь, открывавшуюся в коридор без окна, где было очень душно. Сбоку Ричер заметил простую деревянную лестницу, выкрашенную в красный цвет, но краска стерлась в тех местах, где ступеней касались ноги людей. Элли начала подниматься наверх. Ступеньки жалобно скрипели под весом Ричера.

Вскоре они оказались на втором этаже, в крошечном помещении, похожем на шкаф. Элли толкнула дверь, пересекла площадку и повернула направо в узкий коридорчик. Все здесь было деревянным, стены, потолок и пол, и все выкрашено в красный цвет. Комната Элли, примерно двенадцать квадратных футов, находилась в конце коридора и тоже была красной. Здесь царила ужасающая жара. Комната выходила на юг, и, видимо, солнце заливало ее целый день. Шторы оставляли закрытыми, чтобы хоть как-то защититься от жары.

– Мы пойдем помоемся, – сказала Кармен. – А мистер Ричер подождет, хорошо?

Элли оставалась в комнате ровно столько, сколько ей потребовалось, чтобы убедиться, что он не уйдет. Ричер сел на край кровати, чтобы показать, что останется, и помочь девочке принять очередное решение. Она медленно повернулась и пошла за матерью в ванную комнату.

Кровать была узкой, может, всего тридцать дюймов шириной, и короткой, предназначенной для ребенка. На хлопчатобумажных простынях были нарисованы животные неизвестного происхождения. Кроме того, в комнате имелся ночной столик, книжный шкаф и маленький гардероб. Мебель выглядела относительно новой, из светлого дерева, выбеленного, а потом раскрашенного веселыми картинками. Ричеру она понравилась. Наверное, ее купили в Остине, в маленькой симпатичной лавочке, и доставили сюда. А может, она приехала из самого Санта-Фе. На некоторых полках стояли книги, на других – чучела животных, сваленные в кучу.

Ричер слышал голос старого кондиционера, который терпеливо стучал и скрипел. Здесь он звучал громче. Видимо, его установили на чердаке. Его размеренный шелест успокаивал, но на втором этаже проку от него было немного, и Ричер решил, что температура тут все сорок пять градусов.

Вскоре вернулись Элли и Кармен. Элли неожиданно стала тихой и немного смущалась, видимо из-за того, что надела пижаму – обычные хлопчатобумажные шорты и футболку с какими-то животными, вроде бы кроликами. У нее были влажные волосы и розовая кожа. Одной рукой она прикрывала рот. Она забралась в постель и свернулась калачиком около подушки, использовав примерно половину пространства рядом с Ричером, но стараясь к нему не прикасаться.

– Ну хорошо, спокойной ночи, малышка, – сказал Ричер. – Приятных тебе снов.

– Поцелуйте меня, – попросила Элли.

Ричер помедлил секунду, потом наклонился и поцеловал ее в лоб. Он был теплым, влажным и пах мылом. Элли устроилась поудобнее и взбила подушку.

– Спасибо вам за то, что вы наш друг, – сказала она.

Ричер выпрямился и, шагнув к двери, посмотрел на Кармен. «Это ты ее научила так сказать? Или все по-настоящему?»

– Вы найдете дорогу назад? – спросила она.

Ричер кивнул.

– Увидимся завтра, – проговорила она.

Она осталась в спальне Элли, а он нашел комнатушку, из которой вниз вела задняя лестница. Ричер спустился в коридор и прошел через кухню. Кухарка куда-то ушла. Старая посудомоечная машина что-то тихонько ворчала себе под нос.

Он вышел в ночь и помедлил в тихом, окутанном сумраком дворе. Было страшно жарко. Ричер направился к воротам и взглянул на черный горизонт. Парило. Примерно в ста милях к юго-западу полыхали зарницы. Тонкие ослепительные полосы сухого электричества вспыхивали и гасли, словно гигантская небесная камера вела ночную съемку. Ричер поднял голову. Ни дождя, ни туч. Он повернулся и заметил в темноте справа белые пятна. Футболка. Лицо. Полукруг лба под бейсбольной кепкой. Снова Бобби Грир.

– Бобби, – сказал он. – Хорошо покатался?

– Я жду тебя, – не ответив на его вопрос, заявил Бобби.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что ты вышел из дома.

– А что мне там делать?

– А это ты мне скажи. Интересно, зачем тебя вообще туда понесло? Вы неплохо смотрелись все трое, точно маленькая семья.

– Ты нас видел?

– Я все вижу, – кивнув, ответил Бобби.

– Все? – переспросил Ричер.

– Все, что мне нужно.

Ричер пожал плечами.

– Я поцеловал малышку и пожелал ей спокойной ночи, – проговорил он. – Какие-то проблемы?

– Давай-ка я провожу тебя до дома для рабочих, – сказал Бобби. – Я хочу с тобой поговорить.

Пока они шли по двору, он не произнес ни слова, просто шел и молчал. Ричер не отставал, поглядывая на ночное небо на востоке. Оно было огромным, угольно-черным, расцвеченным яркими звездами. Если не считать тусклых окон в некоторых из строений, принадлежащих Грирам, вокруг царил мрак. И на его фоне звезды казались крошечными точками света, разбросанными в миллиардах кубических миль космоса. Ричеру нравилось смотреть на бездонное небо и думать о нем, осознавая, что сам он всего лишь маленькое, слабое существо, родившееся посреди пустоты. Может, он вовсе ничто. В таком случае почему бы ему не прикончить Слупа Грира? Почему бы и нет? В контексте целой Вселенной какое значение имеет одна жизнь?

– У моего брата неприятности, – неловко проговорил Бобби. – Думаю, ты про это знаешь.

– Я слышал, что он скрывал свои доходы и не платил налогов, – сказал Ричер.

Бобби кивнул в темноте.

– У налоговой инспекции повсюду шпионы.

– И эти шпионы на него донесли?

– А кто же еще? – спросил Бобби. Он прошел несколько шагов и добавил: – Короче говоря, Слуп в тюрьме.

– Кажется, он выходит в понедельник, – сказал Ричер.

– Выходит. И не слишком обрадуется, когда увидит тебя здесь и узнает, что ты целуешь перед сном его ребенка и дружишь с женой.

– Я собираюсь здесь работать, и все, – пожав плечами, ответил Ричер.

– Именно, с лошадьми. А не как нянька.

– Мне ведь полагается свободное время.

– Но ты должен проводить его с умом.

– Ты хочешь сказать, что мне следует знать свое место? – улыбнулся Ричер.

– Точно, – подтвердил Бобби. – И оно не рядом с женой и дочерью моего брата.

– Человек не имеет права выбирать себе друзей?

– Слуп не обрадуется, когда вернется домой и обнаружит, что его жена выбрала какого-то чужого мужика в друзья себе и их ребенку.

Ричер остановился.

– Проблема в том, Бобби, что я не понимаю, почему меня должно волновать, обрадуется твой брат или нет.

Бобби тоже остановился.

– Потому что мы одна семья. И все про всех известно. Тебе придется это запомнить. Или ты здесь долго не продержишься. Тебя просто вышвырнут вон.

– Ты так думаешь?

– Да, я так думаю.

Ричер снова улыбнулся.

– И кого же ты позовешь? Шерифа на его подержанной машине? Да у него сделается сердечный приступ, если он только подумает об этом!

– Мы, в Западном Техасе, сами решаем свои проблемы. Такова традиция. Здесь никогда не было особенно серьезных представителей закона, и мы к этому привыкли.

Ричер сделал шаг к нему.

– И что, ты хочешь решить свои проблемы? Прямо сейчас?

Бобби молчал, и Ричер выдвинул предложение:

– Может, напустишь на меня кухарку? И она сразится со мной сковородкой?

– Джош и Билли сделают все, что им прикажут.

– Эти козявки? Уж лучше кухарка. Или даже ты.

– Джош и Билли спокойно входят в загон к быкам, которые весят полторы тонны. Ты для них не проблема.

Ричер зашагал к дому для наемных работников.

– Как скажешь, Бобби. Я всего лишь пожелал спокойной ночи ребенку. Зачем начинать из-за этого третью мировую войну? Ей не хватает общения. И ее матери тоже. И я в этом не виноват.

– Используй свои мозги по назначению, вот что тебе следует сделать, – заявил Бобби. – Я уже говорил тебе, что она врет почти про все на свете. Так что если она тебе что-то там нарассказывала, все это вранье. Не будь дураком, не верь ей. Кроме того, ты не первый.

Они завернули за угол и направились к двери дома.

– В каком смысле? – спросил Ричер.

– Ты думаешь, я совсем тупой? Вот уже месяц ее целыми днями не бывает дома, она не ночует каждый раз, когда ей это удается, и бросает на нас ребенка, чтобы мы о нем заботились. И куда же она ездит? В какой-нибудь мотель в Пекосе, вот куда, где морочит голову парню, который верит в ее идиотские истории о том, как муж ее не понимает. Что целиком и полностью ее личное дело. А мое дело начинается тогда, когда она окончательно теряет совесть и привозит этого парня сюда. За два дня до того, как должен вернуться домой ее муж. Да еще выдает его за абсолютно незнакомого ей человека, ищущего работу. Что за чушь собачья?

– Что ты имел в виду, когда сказал, что я не первый?

– То, что сказал. Поговори с Джошем и Билли. Они его выставили вон.

Ричер ничего не ответил, и Бобби улыбнулся.

– Не верь ей, – сказал он. – Она многого тебе не говорит, а то, что говорит, по большей части вранье.

– Почему у нее нет ключа от двери дома?

– У нее был ключ к проклятой двери. Она его потеряла. Да и вообще дверь никогда не закрывается. Зачем? Мы находимся в шестидесяти милях от ближайшего пересечения дорог.

– Тогда почему она должна стучать?

– Она не должна стучать. Она может войти, когда захочет. Но ей нравится показывать всем, как мы стараемся исключить ее из нашей жизни. Это все дерьмо. Как мы можем ее исключить? Слуп на ней женился, разве нет?

Ричер промолчал.

– Так что можешь у нас работать, если хочешь, – сказал Бобби. – Но держись подальше от нее и ребенка. Я это для твоей же пользы говорю, понял?

– А я могу тебя кое о чем спросить?

– О чем?

– Ты знаешь, что у тебя шляпа надета задом наперед?

– Что у меня надето?

– Кепка, – пояснил Ричер. – Задом наперед. Мне интересно, знаешь ли ты это. Или, может, она случайно перевернулась.

Бобби уставился на него.

– Мне так нравится, – сказал он.

Ричер снова кивнул.

– Да, наверное, защищает шею от солнца, – сказал он. – Чтобы она не стала еще краснее.

– Думай, о чем говоришь, – заявил Бобби. – Держись подальше от семьи моего брата и думай, о чем говоришь.

Затем он развернулся в темноте и зашагал назад, к большому дому. Ричер стоял и смотрел ему вслед. На далеком юго-западном горизонте

продолжали резвиться зарницы. Затем Бобби скрылся за конюшней, и Ричер слышал лишь шорох его шагов по пыльной земле, а потом и они стихли.

Глава 6

Ричер сразу лег спать, хотя было еще рано. «Спи, когда можно, чтобы не хотеть, когда нельзя». Этому правилу он всегда следовал. Он никогда не работал в обычном режиме. Для него вторник ничем не отличался от воскресенья, понедельник от пятницы, а день от ночи. Он мог с удовольствием проспать двенадцать часов, а потом работать следующие тридцать шесть. Если же не приходилось работать тридцать шесть часов, он снова спал двенадцать часов, потом снова и снова, пока что-нибудь не случалось.

Кровать оказалась короткой, а матрас комковатым. Тяжелый воздух опустился на простыню, точно горячий густой суп. С улицы доносились голоса насекомых, которые громко щелкали и пищали. Их, наверное, был целый миллиард, и Ричер мог бы услышать каждого в отдельности, если бы сосредоточился, а так их вопли слились в единый пронзительный звон. Звуки ночи, далеко от населенных мест. Где-то кричали кугуары и койоты. Лошади тоже это слышали, и Ричер уловил их беспокойство. Они затихали ненадолго, но после очередного жалобного, призрачного стона начинали снова волноваться. Потом раздался громкий шорох, и Ричеру показалось, что он уловил движение воздуха, когда целая колония летучих мышей поднялась в воздух. Он представил себе, как рассекают воздух кожистые крылья, и заснул, глядя на звезды в маленькое окно под потолком.

На дороге из Пекоса в Эль-Пасо (а это более двухсот миль) время от времени встречаются мотели, заправочные станции и закусочные. Команда убийц ехала примерно час на запад, проделав семьдесят миль, затем остановилась во втором месте, которое им встретилось на пути. Это правило установила женщина. Никогда не задерживаться на первой возможной остановке. Всегда на второй. И непременно приезжать очень поздно. Для нее это было чем-то вроде предрассудка, но она утверждала, что так нужно ради их безопасности.

Они притормозили около заправочной станции для больших грузовиков, где неподалеку имелись двухэтажный мотель и закусочная, работавшая круглосуточно. Высокий мужчина отправился в мотель и заплатил наличными за два номера: один – на первом этаже, в дальнем конце от стойки регистратора, а другой – на втором, примерно посередине коридора. Женщина выбрала себе номер наверху.

– Постарайтесь выспаться, – сказала она своим партнерам. – Нам предстоит работа.

Ричер слышал, как Джош и Билли вернулись в два часа ночи. На улице было по-прежнему жарко, насекомые по-прежнему голосили во дворе. Шум мотора стал слышен примерно в паре миль к югу, он постепенно приближался. Машина сбросила скорость, сворачивая в ворота, потом покатила по двору, въехала в гараж внизу, и двигатель замолчал. После этого до Ричера доносились лишь щелчки и постукивание, когда мотор начал остывать. Джош и Билли шумели и топали. Ричер старался не обращать на них внимания и не просыпаться, но определил, что сначала они по очереди отправились в ванную, затем к своим кроватям. Пронзительно заскрипели пружины – и все, больше никаких звуков, только неумолчный звон насекомых и влажное ритмичное дыхание мужчин, которые тяжело трудились весь день и от души пили весь вечер. Эти звуки были Ричеру хорошо знакомы. Он провел в таких спальнях семнадцать лет.

Когда он проснулся, насекомые молчали, а звезды исчезли. Вместо них в окно заглядывал рассвет. «Наверное, шесть часов утра», – подумал Ричер. Было уже жарко. Он поднял руку и взглянул на часы. Десять минут седьмого, суббота. Он подумал о Джоди, которая была в Лондоне. Там сейчас десять минут первого. На шесть часов больше. Она уже давно встала. Может быть, ходит по музею, рассматривает картины. Может, собирается на ланч в какое-нибудь английское кафе, где подают чай. А потом Ричер вспомнил про Кармен Грир, которая спит в большом доме и которую от возвращения мужа из тюрьмы отделяет сорок восемь часов. И про Элли: ей, наверное, жарко, она беспокойно ворочается на своей маленькой кроватке и, сама того не зная, приближается к дню, когда ее жизнь снова изменится.

Ричер отбросил в сторону смятую простыню и, прихватив с собой одежду, голышом отправился в ванную. Джош и Билли крепко спали, оба не потрудились раздеться, а Джош даже не снял сапоги. Оба похрапывали, растянувшись на своих кроватях. В воздухе едва уловимо пахло пивным перегаром. Запах похмелья.

Ричер пустил горячую воду и долго смывал с тела пот, потом переключил на холодную, чтобы окончательно проснуться, но она оказалась почти такой же теплой, как горячая. Он представил себе, как насос выкачивает ее из земли и она по дороге забирает часть земного жара. Ричер наполнил раковину водой и замочил в ней одежду. Он научился этому трюку еще в детстве, когда жил на тихоокеанских островах, от часовых, которым выпадало стоять дневную вахту. Если надеть мокрую одежду, получается что-то вроде кондиционера, сохраняющего прохладу, пока одежда не высохнет. Принцип испарения. Или резервуар для охлаждения. Ричер натянул мокрую одежду, тут же

прилипшую к телу, и поспешил вниз по лестнице, чтобы встретить рассвет. Солнце висело над горизонтом прямо перед ним, небо над головой полыхало пурпурными красками, пыль под ногами оставалась горячей со вчерашнего дня.

Наблюдатели уже собрались на свой пост, как пять раз до этого. Они проделывали все автоматически. Один из мужчин заехал на пикапе за мальчиком, который уже ждал его перед домом. Затем они вместе отправились к дому второго мужчины, где обнаружили, что все изменилось.

– Он только что мне звонил, – объяснил второй мужчина. – Новый план. Мы должны поехать в какое-то место около Койаносы, чтобы получить новые инструкции. Лично.

– Лично от кого? – спросил первый мужчина. – Не от него, так ведь?

– Нет, от каких-то других людей, с которыми мы будем работать.

Мальчик молчал. Первый мужчина пожал плечами.

– Мне все равно, – сказал он.

– Кроме того, нам заплатят, – сообщил второй мужчина.

– Еще лучше, – сказал первый мужчина.

Второй втиснулся на сиденье, закрыл свою дверь, пикап развернулся и покатил на север.

Ричер завернул за угол и прошел мимо загонов к конюшне. Вокруг царила звенящая тишина, и казалось, будто все замерло от жары. Неожиданно ему стало интересно, ложатся ли лошади, когда засыпают. Он вошел в огромную дверь и обнаружил, что не ложатся. Они спали стоя, опустив головы, колени напряжены, чтобы удержать вес могучего тела. Большая старая кобыла, которую он оседлал накануне, почувствовала его запах, открыла один глаз, равнодушно посмотрела на него, пошевелила правой ногой и снова закрыла глаз.

Ричер огляделся по сторонам, пытаясь понять, что ему придется делать. Лошадей нужно кормить, значит, где-то должна быть сложена еда. Что они едят? Сено, кажется. Оно лежало повсюду. Или это солома для пола? Вскоре он обнаружил отдельную комнатку в углу с запасами какого-то корма. Большие пакеты из вощеной бумаги от поставщика в Сан-Анджело. Итак, получается, что лошади по большей части едят сено с витаминными добавками. Еще им нужна вода. В одном углу Ричер

заметил кран с прикрепленным к нему длинным шлангом. И корыто в каждом стойле.

Он вышел из конюшни и направился по дорожке к дому. Заглянул в окно кухни. Там никого не было. Все тихо, никакой деятельности. Кухня выглядела точно так же, какой он ее видел, когда уходил из дома. Тогда Ричер зашагал к дороге, услышал, как открылась передняя дверь, повернулся и увидел, что на крыльцо вышел Бобби Грир. В той же футболке и кепке, только теперь она была надета правильно и козырек прикрывал глаза. В правой руке Бобби держал ружье, взятое из стойки в коридоре. Двадцать второго калибра, с затвором, современное, в хорошем состоянии. Он положил его на плечо и замер на месте.

– А я шел тебя будить, – сказал он. – Мне нужен шофер.

– Зачем? – спросил Ричер. – Куда ты собрался?

– На охоту, – ответил Бобби. – В пикапе.

– Ты не умеешь водить машину?

– Конечно умею. Но для охоты нужны двое. Ты ведешь машину, а я стреляю.

– Из пикапа?

– Я тебе покажу, – сказал Бобби.

Он направился к гаражу и остановился возле более нового пикапа. К его багажнику была приделана защитная дуга.

– Ты поведешь машину, – принялся объяснять Бобби. – Выедешь на поле. Я буду сидеть сзади и опираться на дугу. Таким образом, я имею обстрел в триста шестьдесят градусов.

– На ходу?

– В этом главная хитрость. Классное развлечение. Его придумал Слуп. Он настоящий мастер.

– А на кого ты собираешься охотиться?

– На броненосцев, – ответил Бобби, шагнул в сторону и показал на узкую тропинку в пустыне, извивающуюся между нагромождениями камней. – Охотничьи угодья, – сказал он. – К югу отсюда их целая туча, и они такие жирненькие. Нет ничего лучше броненосца в соусе чили на ланч.

Ричер промолчал.

– Ты ел когда-нибудь броненосца? – спросил Бобби.

Ричер покачал головой.

– Замечательная еда, – заявил Бобби. – Во времена, когда мой дед был мальчишкой и наступила Великая депрессия, они только броненосцами и питались. Называли их техасскими индейками. А еще боровами Гувера. Благодаря им многие смогли выжить. Теперь любители деревьев добились того, что броненосцы находятся под защитой государства. Но если они живут на нашей земле, мы имеем полное право их отстреливать. По крайней мере, я так считаю.

– А я нет, – сказал Ричер. – Я не люблю охоту.

– Почему? Это же состязание.

– Для тебя – возможно. Но я уже давно знаю, что я умнее броненосца.

– Ты здесь работаешь, Ричер. И будешь делать то, что тебе говорят.

– Прежде чем я начну здесь работать, нам придется обсудить кое-какие формальности.

– Например?

– Например, мою зарплату.

– Две сотни в неделю, – сказал Бобби. – Крыша над головой и трехразовое питание.

Ричер молчал.

– Подходит? – спросил Бобби. – Ты ведь хотел получить работу, верно? Или Кармен?

Ричер пожал плечами. Две сотни в неделю. Прошло довольно много времени с тех пор, как он работал за такие деньги. Но с другой стороны, он здесь не ради денег.

– Подходит, – ответил он.

– И ты будешь делать все, что тебе скажут Джош и Билли.

– Подходит, – повторил Ричер. – Но я не повезу тебя на охоту. Ни сейчас и ни в какое другое время. Считай, что мне не позволяют мои убеждения.

Бобби довольно долго обдумывал его слова.

– Знаешь, я в состоянии сделать так, что ты не сможешь даже близко к ней подойти. Я каждый день буду находить все новые и новые способы.

– Я буду в конюшне, – сказал Ричер и пошел прочь.

Элли принесла ему завтрак туда. Она была в голубом холщовом комбинезоне, еще влажные после душа волосы распущены. Она держала в руках тарелку с яичницей. В нагрудном кармашке лежали вилка и нож, точно две ручки. Ричер видел, что она изо всех сил старается не забыть то, что ей велели передать.

– Мама просила напомнить вам про урок верховой езды, – произнесла она. – Она встретится с вами здесь после ланча.

И, не говоря больше ни слова, умчалась в дом. Ричер сел на солому и принялся за еду, потом отнес тарелку на кухню и направился к дому для рабочих. Джоша и Билли не было, значит, они не могли сказать ему, что он должен делать. «Отлично», – подумал он. Он не стал их искать, а вместо этого лег на свою кровать и задремал.

Река Койаноса достаточно широка, чтобы нести талую воду с гор Дейвис в реку Пекос и дальше в Рио-Гранде, до самой границы с Мексикой. Но талая вода – явление сезонное и ненадежное, и потому этот район был мало населен. Около сухого устья реки стояло несколько заброшенных ферм, далеко друг от друга и от чего бы то ни было. На одной из них имелся старый покосившийся дом, посеревший под лучами солнца. Перед ним пустой сарай. В нем не было дверей, лишь открытая стена, выходящая на запад, в сторону дома. Здания выстроили с учетом местности, и то, что находилось внутри сарая, было видно только из двора перед ним.

«Форд-краун» ждал в сарае с включенным двигателем, чтобы работал кондиционер. Внутренняя лестница вела на сеновал с маленькой наружной площадкой над дверью. Женщина стояла на ней, не обращая внимания на жару, и наблюдала за дорогой. Она увидела пикап за две мили, подождала, чтобы убедиться, что за ним никто не следит, затем повернулась и, спустившись вниз, подала сигнал своим партнерам.

Они вышли из машины и стали ждать приближения пикапа на жаре. Они услышали, как машина съехала с дороги, завернула за угол сарая и сбросила скорость во дворе. Размахивая руками, точно дорожные копы, они показали наблюдателям, что они должны делать. Один из них, словно служащий аэропорта, не переставая жестикулировать, шагал перед пикапом, подвел к задней стене сарая и поднял вверх большие пальцы, подав сигнал, чтобы машина остановилась. Он подошел к окну водителя, а его партнер – к пассажирской двери.

Водитель выключил двигатель и расслабился. Такова природа человека. Конец быстрой поездки на тайную встречу, любопытство по поводу новых инструкций, ожидание денег. Он опустил окно. Его напарник на пассажирском месте сделал то же самое. И оба умерли, получив по девятимиллиметровой пуле в висок. Мальчик, сидевший между ними,

прожил на одну секунду дольше, его лицо с обеих сторон забрызгали кровь и мозг его товарищей, в руках он продолжал сжимать свой блокнот. Маленький смуглый мужчина дважды выстрелил ему в грудь. Женщина оттолкнула его в сторону и подняла стекла на окнах, оставив щель в дюйм шириной. Дюйма хватит, чтобы внутрь попали насекомые, но этого недостаточно для проникновения хищников. Насекомые помогут телам быстрее разложиться, а вот хищники могут растащить их по частям, и есть риск, что останки кто-нибудь заметит.

Ричер проспал пару часов, когда вернулись Джош и Билли. Они не стали давать ему никаких указаний, а отправились мыться перед ланчем. Они сказали, что их пригласили в дом, а его – нет, потому что он отказался отвезти Бобби на охоту.

– Бобби сказал мне, что вы прогнали какого-то парня, – проговорил Ричер.

Джошуа только улыбнулся.

– Какого парня? – спросил Билли.

– Какого-то парня, который приехал с Кармен.

– С мексиканкой?

– Какого-то ее друга.

Билли покачал головой.

– Ничего такого не знаю. Мы никого не прогоняли. Что мы, копы, что ли?

– Ты у нас коп, – заявил Джошуа.

– Правда?

Джошуа кивнул:

– Бобби так сказал. Ты был копом в армии.

– Вы меня обсуждали?

Джошуа пожал плечами и замолчал.

– Нам пора идти, – сказал Билли.

Через двадцать минут Кармен принесла ему ланч из броненосца. Он был в тарелке, накрытой крышкой, и сильно пах чили. Она быстро ушла, не сказав ни слова. Ричер попробовал мясо. Оно оказалось сладковатым, но в остальном самым обычным. Его измельчили и смешали с бобами и соусом из бутылки. И передержали в духовке. Ричеру приходилось есть

вещи и похуже, к тому же он проголодался, и это помогло. Он съел все не спеша, а затем понес тарелку на кухню. Бобби стоял на ступеньках крыльца, точно грозный страж.

– Лошадям требуются добавки к корму, – крикнул он. – Поедешь с Джошем и Билли. После сиесты. Постарайтесь загрузить как можно больше мешков.

Ричер кивнул и направился на кухню, отдал грязную тарелку кухарке и поблагодарил ее за еду. Затем он зашел в конюшню и сел на кучу соломы в ожидании Кармен. Лошади поворачивали головы в своих стойлах, чтобы посмотреть, что он делает. Они были вялыми и апатичными от жары. Одна из них медленно жевала, и стебельки сухой травы прилипли к ее губам.

Через десять минут пришла Кармен. Она переоделась в выцветшие голубые джинсы и простую клетчатую рубашку без рукавов. В руке она держала соломенную шляпу и свою крошечную сумочку. Она показалась Ричеру маленькой и испуганной.

– Бобби не знает, что вы звонили в налоговое управление, – сказал он. – Он считает, что это случайный донос кого-то, кто следил за вашим мужем. Может, Слуп тоже так думает?

Она покачала головой.

– Слуп все знает.

– Откуда?

– На самом деле он не знает, – пожав плечами, сказала она. – Но он убедил себя, что это я. Он искал человека, на которого мог бы свалить вину за случившееся, а кто подходит лучше всего? Нет никаких доказательств, ничего такого нет, но по иронии судьбы он оказался прав.

– Но он ничего не сказал Бобби.

– Он и не скажет. Он слишком упрям, чтобы признать, что они были правы. Они меня ненавидят, и он меня ненавидит, но хранит это от них в тайне, а они тоже. От него, я имею в виду. Но делают все, чтобы я знала.

– Вам следует отсюда уехать, и как можно быстрее. У вас есть сорок восемь часов.

– Да, думаю, ровно сорок восемь часов, – кивнув, сказала она. – Его выпустят в семь утра. Они будут ехать всю ночь, чтобы его встретить. Дорога сюда займет семь часов. Так что он будет здесь в понедельник, примерно в это время.

– В таком случае уезжайте прямо сейчас.

– Я не могу.

– Вы должны, – сказал он. – Это ужасное место. Здесь живут так, словно внешнего мира не существует.

Кармен с горечью улыбнулась.

– Это вы мне говорите? Я прожила здесь почти семь лет. Почти всю свою взрослую жизнь.

Она повесила сумочку и шляпу на гвоздь в стене и сама оседлала лошадей, быстро и ловко. Она была стройной и изящной, мышцы на руках напрягались и расслаблялись, когда она поднимала седла, пальцы умело управлялись с замками и застежками. Она оседлала двух лошадей за четверть времени, которое у Ричера ушло на то, чтобы оседлать одну.

– Вы здорово с этим управляетесь, – сказал он.

– Gracias, señor, – сказала она. – У меня хорошая практика.

– Тогда как они могут верить в то, что вы регулярно, точно по расписанию, падаете с лошади?

– Они считают, что я неуклюжая.

Он наблюдал за тем, как Кармен вывела лошадь из стойла. Это был один из меринов. В своих джинсах она казалась такой крошечной рядом с ним, что Ричер мог бы обхватить ее талию одной рукой.

– Вы не выглядите неуклюжей, – сказал он.

– Люди верят в то, во что хотят верить, – пожала плечами она.

Ричер взял у нее поводья, лошадь фыркнула и переступила с ноги на ногу. Опустила и подняла голову, потом еще раз, потащив за собой его руку.

– Выведите его, – сказала Кармен.

– А разве мне не полагается надеть кожаные штаны? И специальные перчатки?

– Вы шутите? Мы тут ничего такого не надеваем. Слишком жарко.

Он подождал, когда она выведет кобылу поменьше. Кармен надела на голову шляпу, сняла с гвоздя сумочку и положила ее в седельную сумку. Затем последовала за Ричером, уверенно направляя свою лошадь во двор, на жару и солнце.

– Делайте вот так.

Она встала слева от кобылы и поставила ногу в стремя. Затем ухватилась левой рукой за луку седла, дважды подпрыгнула на правой ноге и ловко уселась в седло. Ричер попытался повторить этот трюк: поставил левую ногу в стремя, схватился рукой за луку, перенес вес тела на ногу в стремени, выпрямил ногу и подтянулся вперед и вправо – и вдруг оказался в седле. Спина лошади показалась ему очень широкой, а сам он сидел невероятно высоко. Ощущения почти такие же, как когда едешь на бронетранспортере.

– Поставьте правую ногу в стремя, – сказала Кармен.

Он выполнил ее указание и поерзал в седле, устраиваясь поудобнее. Лошадь терпеливо ждала, когда он наконец успокоится.

– Теперь зацепите поводья за луку, левой рукой.

Это оказалось легко. Совсем как в кино. Ричер опустил правую руку, будто держал в ней винчестер или моток веревки.

– Так, а теперь расслабьтесь и тихонько толкните его пятками.

Он ударил лошадь пятками один раз, и она медленно пошла вперед. Ричер держался левой рукой за луку седла, чтобы сохранить равновесие, и довольно скоро уловил ритм. Лошадь толкала его влево и вправо, вперед и назад с каждым новым шагом.

– Хорошо, – сказала Кармен. – Я поеду впереди, а он пойдет за мной. Он очень мирный и послушный.

«Я бы тоже был мирным и послушным, – подумал Ричер, – если бы на улице было сорок градусов, а на спине у меня сидело двести пятьдесят фунтов». Кармен прищелкнула языком, ударила свою кобылу пятками, и та легко обогнала его лошадь и пошла по двору мимо большого дома. Кармен уверенно покачивалась в седле, мышцы на ее бедрах напрягались и расслаблялись, когда она старалась сохранить равновесие. Шляпу она натянула на самые глаза, в левой руке держала поводья, а правая свободно висела вдоль тела. Фальшивый бриллиант то и дело вспыхивал голубыми искорками в лучах солнца.

Она проехала в ворота и на дорогу, затем пересекла ее, не глядя и не останавливаясь. Ричер посматривал направо и налево, на юг и на север, и не видел ничего, кроме жаркого марева и далеких серебристых миражей. На противоположной стороне дороги была ступенька в фут высотой, ведущая на известняковый уступ. Ричер наклонился вперед, и лошадь уверенно взобралась наверх. Дальше скала плавно поднималась вверх и примерно в миле от дороги достигала пятидесяти футов. Повсюду виднелись глубокие трещины, идущие с востока на запад, и ямы размером с воронку от снаряда, выдолбленные в далекие времена водой. Лошади выбирали дорогу между ними, и Ричеру показалось, что

они знают, как следует себя вести. Пока ему не приходилось ничего делать, чтобы управлять своим мерином, и его это вполне устраивало, потому что он не очень понимал, что от него требуется.

– Следите за гремучими змеями, – крикнула Кармен.

– Хорошо, – крикнул в ответ Ричер.

– Лошади пугаются всего, что двигается. Они могут понести. Если это случится, старайтесь удержаться в седле и не выпускайте поводья.

– Хорошо, – повторил Ричер.

В расщелинах камней росли жалкие кустики, тут и там попадались маленькие ямки примерно в два-три фута в диаметре, некоторые из них с неровными краями. «То, что нужно змее», – подумал Ричер. Сначала он внимательно смотрел на землю, но потом сдался, потому что тени были слишком резкими и он ничего не видел. Да еще и седло начало причинять ему некоторые неудобства.

– Мы далеко едем? – крикнул он.

Кармен повернулась, словно ждала этого вопроса.

– Нужно перевалить через гряду, – сказала она. – А потом спуститься в ущелье.

Вскоре они выбрались на плоские известняковые уступы, и Кармен придержала свою лошадь, чтобы Ричер смог ее догнать. Однако она все равно ехала немного впереди, и он не видел ее лица.

– Бобби сказал мне, что у вас был ключ, – проговорил Ричер.

– Он так сказал?

– И что вы его потеряли.

– Нет, это неправда. Они не давали мне ключа от дома.

Ричер промолчал.

– Причем устроили из этого целое представление, словно ключ – это какой-то символ, – добавила она.

– Значит, он наврал?

Она кивнула, не глядя на него.

– Я же вам говорила, чтобы вы ему не верили.

– А еще он сказал, что дверь никогда не закрывается.

– Иногда – да, иногда – нет.

– Он сказал, что вы не должны стучать.

– Это тоже ложь, – ответила Кармен. – С тех пор как Слупа забрали, если я не стучу, они тут же хватаются за ружья. А потом говорят: «О, извини, но мы ужасно нервничаем, когда по нашему дому разгуливают чужие».

Ричер ничего не ответил.

– Бобби страшный лжец, Ричер, – сказала она. – Я же вас предупреждала.

– Наверное. Потому что он еще сказал мне, что вы привезли сюда кого-то и он велел Джошу и Билли его прогнать. Но Джош и Билли утверждают, что ничего про это не знают.

Кармен довольно долго молчала.

– Нет, это правда, – сказала дна наконец. – В Пекосе около года назад я познакомилась с одним мужчиной. У нас возникли отношения. Сначала мы встречались у него. Но ему хотелось большего.

– И вы привезли его сюда?

– Это была его идея. Он думал, что сможет получить здесь работу и быть рядом со мной. Я считала, что он сошел с ума, но в конце концов согласилась. Вот почему я решилась попросить вас поехать со мной. Потому что некоторое время все было хорошо. Две или три недели. А потом Бобби нас поймал.

– И что произошло?

– Все закончилось, а мой друг уехал.

– Тогда почему Джош и Билли все отрицают?

– Может быть, не они заставили его уехать. Может, они ничего не знают. Вполне возможно, что Бобби сам его выгнал. Мой друг был не таким крупным мужчиной, как вы. Он был безработным учителем.

– И он просто исчез?

– Я видела его еще один раз в Пекосе. Но он был страшно напуган и даже не захотел со мной разговаривать.

– Бобби рассказал Слупу?

– Он обещал ничего ему не рассказывать. Мы заключили сделку.

– Какую?

Она снова замолчала. Просто ехала вперед, расслабленно сидя на спине лошади.

– Обычную сделку, – сказала она. – Если я кое-что для него сделаю, он будет помалкивать.

– Что?

– То, о чем мне совсем не хочется вам рассказывать, – проговорила она.

– Понятно.

– Конечно понятно.

– И он молчал?

– Не знаю. Он заставил меня сделать это два раза. Я испытала настоящее омерзение. Он отвратителен. Но он поклялся, что ничего не скажет. Только я знаю, что он обманщик и наверняка все рассказал Слупу во время посещения тюрьмы. Я понимала, что это бессмысленная сделка и я ничего не выиграю, но что я могла сделать? Разве у меня был выбор?

– Бобби думает, что я здесь по той же причине. Он считает, что у нас с вами интрижка.

Кармен кивнула:

– Да. Он не знает, что Слуп меня бьет. Но даже если бы и знал, по его представлениям, я должна все терпеть и не имею права ничего предпринимать.

Ричер задумался над ее словами, и они проехали еще двадцать, потом тридцать ярдов, медленно покачиваясь в седлах.

– Вы должны уехать, – сказал он. – Сколько раз это нужно повторять?

– Я не стану убегать, – ответила она.

Они добрались до вершины холма. Кармен прищелкнула языком, и ее лошадь остановилась. Мерин Ричера тоже, рядом с ней. Они находились примерно в пятидесяти футах над равниной. Впереди, к западу, столовая гора полого уходила вниз, покрытая, точно оспинами, ущельями размером с небольшой стадион. У них за спиной примерно в миле на восток виднелось поместье Гриров – красный дом со всеми строениями, – стоящее на пропеченной плоской земле. Выглядело очень похоже на игрушечную модель фермы. Дорога серой лентой убегала на север и на юг. За крошечным гаражом начиналась другая дорога, которая вела на юг и восток через пустыню, будто шрам, выжженный на теле земли. Воздух был сухим и неестественно прозрачным до самого горизонта, где он превращался в призрачную дымку. Жара стояла кошмарная. Солнце нещадно палило, и Ричер чувствовал, как обгорает его кожа.

– Когда мы будем спускаться, поосторожнее, – предупредила его Кармен. – Старайтесь держать равновесие.

Она сдвинулась с места, показывая дорогу и позволяя лошади самой выбрать наиболее удобное место для спуска. Ричер ударил своего коня пятками и последовал за ней. Он потерял ритм, когда лошадь стала делать более короткие шаги и его начало неприятно трясти в седле.

– Следуйте за мной, – крикнула Кармен.

Она свернула вправо, в сторону сухого ущелья с плоским дном из песка и камня. Ричер попытался решить, как следует натянуть поводья, но его лошадь, похоже, сама знала, что нужно делать. Она время от времени спотыкалась и поскальзывалась, но вскоре вышла в ущелье, и Ричера отчаянно дернуло сначала вперед, а потом назад. Впереди него Кармен соскочила на землю и потянулась, дожидаясь его. Мерин остановился рядом с ее кобылой. Ричер вынул ногу из правого стремени и выбрался из седла, проделав в обратном порядке действия, которые помогли ему сесть в седло полчаса назад.

– И как вам? – спросила Кармен.

– Ну, теперь я знаю, почему Джон Уэйн[11] так странно ходил.

Она слабо улыбнулась, отвела обеих лошадей к краю ущелья и придавила их поводья тяжелым камнем. Ричера окутала звенящая тишина, которую нарушали лишь шорох и мерцание жары. Кармен открыла седельную сумку и достала свою крошечную сумочку, раскрыла молнию, сунула внутрь руку и вытащила маленький хромированный пистолет.

– Вы обещали меня научить, – сказала она.

– Подождите, – проговорил Ричер.

– Что такое?

Ричер ей не ответил. Он сделал шаг влево, потом вправо, присел на корточки, затем выпрямился. Принялся внимательно разглядывать землю, двигаясь по кругу, используя тень от солнца, чтобы лучше видеть то, что его заинтересовало.

– Что такое? – снова спросила Кармен.

– Кто-то здесь был, – сказал Ричер. – Тут следы. Три человека и машина, которая приехала с запада.

– Следы? – удивилась Кармен. – Где?

Ричер показал.

– Следы шин. Какой-то грузовик. Остановился здесь. Три человека проползли на коленях к краю.

Он остановился там, где следы заканчивались у края уступа, лег в горячую пыль и пополз вперед, опираясь на локти. Потом поднял голову.

– Кто-то наблюдал за домом, – сказал он.

– С чего вы взяли?

– А отсюда больше не на что смотреть.

Кармен опустилась на колени рядом с ним, не выпуская из руки пистолета.

– Слишком далеко, – сказала она.

– У них, наверное, были полевые бинокли. Или подзорные трубы.

– Вы уверены?

– Вы видели блики? Отражение солнца от стекла? По утрам, когда солнце еще на востоке?

– Нет, – ответила она, и ее передернуло. – Ни разу.

– Следы свежие, – сказал Ричер. – Не больше дня или двух.

– Слуп, – сказала Кармен. – Он думает, что я собираюсь забрать Элли. Теперь я точно знаю, что он выходит из тюрьмы. Он организовал за мной слежку.

Ричер встал и направился к центру большой чаши.

– Посмотрите на следы шин, – сказал он. – Они побывали здесь четыре или пять раз.

Он показал на землю, на сложное пересечение следов, наезжающих друг на друга. По меньшей мере, четыре или пять раз. Следы шин четко отпечатались на поверхности, засыпанной мелким песком, и Ричер сумел увидеть много интересного. Например, резина на правой передней шине сбоку почти облысела.

– Но сегодня их здесь нет, – заметила Кармен. – Почему?

– Я не знаю, – ответил Ричер.

Кармен отвернулась, а потом протянула ему пистолет.

– Пожалуйста, покажите мне, как нужно им пользоваться.

Ричер отвел глаза от следов на песке и посмотрел на пистолет. «Лорсин L-22», автоматический, дуло два с половиной дюйма, хромированный корпус, с пластмассовыми розовыми с жемчужным отливом пластинами на рукояти. Сделан в Мира-Лома, Калифорния, не так давно, и, возможно, им ни разу не пользовались с тех пор, как он покинул завод.

– Хороший? – спросила Кармен.

– Сколько вы за него заплатили?

– Чуть больше восьмидесяти долларов.

– Где?

– В магазине оружия в Пекосе.

– Разрешение есть?

Кармен кивнула.

– Я заполнила все бумаги. Так он хороший? – еще раз спросила она.

– Наверное. Для восьмидесяти баксов.

– Продавец в магазине сказал, что он подходит идеально.

– Для чего?

– Для леди. Я не сказала ему, зачем он мне нужен.

Ричер взвесил пистолет в руке. Он был крошечным, но вполне надежным. Не легкий, но и не тяжелый. Во всяком случае, недостаточно тяжелый, чтобы быть заряженным.

– А где пули? – спросил он.

Кармен подошла к лошади, достала из сумки маленькую коробочку и протянула Ричеру. Он открыл ее и обнаружил аккуратно сложенные пули двадцать второго калибра. Около пятидесяти штук.

– Покажите мне, как его заряжать, – попросила Кармен.

Ричер покачал головой.

– Вы должны оставить его прямо здесь, – сказал он. – Просто выбросить и забыть.

– Почему?

– Потому что это настоящее безумие. Пистолеты – опасная штука, Кармен. И вам не следует держать его там, где Элли может до него добраться. Вдруг произойдет несчастный случай?

– Я буду очень осторожна. Кроме того, в нашем доме полно ружей.

– Ружья – это другое. Элли слишком мала, чтобы одновременно дотянуться до спускового крючка и наставить дуло на себя.

– Я его прячу. До сих пор она его не нашла.

– Дело времени.

Кармен тряхнула головой.

– Это мое решение, а Элли моя дочь, – сказала она.

Ричер промолчал.

– Она его не найдет, – повторила Кармен. – Я держу его около кровати, а она туда не заходит.

– А что произойдет с ней, если вы решите воспользоваться пистолетом?

– Да, конечно. Я все время об этом думаю. Но она еще слишком мала, чтобы осознать значение того, что случится. А со временем, став взрослее, возможно, она поймет, что это меньшее из двух зол.

– Нет, что произойдет с ней? Потом, когда вы окажетесь в тюрьме?

– За самооборону в тюрьму не сажают.

– А кто скажет, что это самооборона?

– Вы это знаете.

– Что я знаю, не имеет ни малейшего значения. Я не шериф, не окружной прокурор, я не судья и не присяжные.

Кармен притихла.

– Подумайте об этом, Кармен, – сказал Ричер. – Вас арестуют и предъявят обвинение в убийстве первой степени. У вас нет денег, чтобы выйти под залог. На адвоката у вас тоже денег нет, значит, вам выделят общественного защитника. Вас привлекут к суду и будут судить. Это будет тянуться месяцев шесть или девять, может, год. Предположим, что все пойдет так, как вы задумали, и защитник сумеет доказать, что это была самооборона, присяжные с ним согласятся, судья принесет вам свои извинения и выразит сожаления по поводу того, что женщине, которая и без того страдала, пришлось пройти через суд. Но к тому моменту пройдет целый год. Что будет делать Элли все это время?

Кармен молчала.

– Она проведет целый год с Расти, – сказал он. – Одна, без поддержки с вашей стороны. Потому что суд примет именно такое решение. Ведь Расти ей бабушка. Это же идеально.

– Но лишь до тех пор, пока они не поймут, что представляют собой Гриры.

– Отлично. Где-нибудь в середине года к ним приедут представители органов опеки и отправят ее к каким-нибудь приемным родителям. Вы этого для нее хотите?

Кармен поморщилась.

– Расти в любом случае не станет держать ее у себя. Если Слупа больше не будет.

– В таком случае оставьте пистолет здесь, в пустыне. Это плохая идея.

Ричер протянул ей пистолет, она взяла его и обхватила обеими ладонями, словно ей в руки попала драгоценность, потом начала перекладывать из одной руки в другую, как будто играла в какую-то детскую игру. Фальшивый перламутр вспыхивал на солнце.

– Нет, – сказала она. – Я хочу научиться из него стрелять. Для того, чтобы защитить себя. И это мое решение. Вы не можете принять его за меня.

Ричер помолчал немного, затем пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он. – Ваша жизнь, ваш ребенок, ваше решение. Но оружие – штука серьезная, поэтому будьте внимательны.

Она протянула ему пистолет, уместившийся на его левой ладони от основания большого пальца до среднего.

– Два предупреждения, – сказал Ричер. – У этого пистолета очень короткое дуло. Видите? – Он провел правым указательным пальцем от магазина до дульного среза. – Два с половиной дюйма. Вам об этом сказали в магазине?

– Продавец сказал, что он легко поместится в мою сумочку.

– Короткое дуло делает его очень неточным оружием, – сказал он. – Чем длиннее дуло, тем прямее стреляет пистолет. Вот почему длина ружья три фута. Если вы собираетесь воспользоваться этой штукой, вам придется подойти очень, очень близко. Понятно? Лучше всего, чтобы дуло находилось в нескольких дюймах от мишени. Если удастся, оно должно ее касаться. Если вы попытаетесь стрелять через всю комнату, пуля уйдет на несколько миль в сторону.

– Понятно, – сказала Кармен.

– Второе предупреждение. – Ричер достал из коробки пулю и показал ей. – Эта штука очень маленькая и медленная. Острый кончик – это пуля, остальное – порох в оболочке. Не слишком большая пуля, и довольно мало пороха. Таким образом, она не обязательно причинит серьезный вред. Хуже, конечно, чем укус пчелы, но одного выстрела недостаточно. Таким образом, вам придется подойти как можно ближе и нажимать на курок до тех пор, пока магазин не опустеет.

– Понятно, – повторила она.

– А теперь смотрите.

Ричер открыл магазин и засунул в него пули, снова закрыл его и отправил первую пулю в казенник. Снова открыл магазин и заполнил освободившееся место внизу. Вернул все в первоначальное состояние и защелкнул предохранитель.

– Готово, – сказал он. – Вам нужно сделать две вещи. Снять пистолет с предохранителя и нажать на курок десять раз. Одна пуля в стволе, и еще девять в магазине.

Он протянул ей пистолет.

– Не наставляйте его на меня, – сказал он. – Наводите заряженный пистолет только на то, во что вы твердо решили выстрелить.

Кармен осторожно взяла у него из рук пистолет и сдвинула дуло в сторону.

– Давайте, попробуйте, – сказал Ричер. – Предохранитель и курок.

Кармен левой рукой сняла пистолет с предохранителя, подняла его, закрыла глаза и нажала на курок.

Рука у нее дрожала, и дуло уставилось в землю. Выстрел прозвучал в окружающей их пустоте на удивление тихо. В десяти футах от них в воздух поднялись клубы пыли и во все стороны полетели осколки камней. Затем раздался металлический «бумс» рикошета и приглушенный звон, когда выскочил патрон. Лошади зашевелились, но тут же снова затихли.

– Работает, – сказала Кармен.

– Поставьте на предохранитель.

Она выполнила его указание, а Ричер повернулся, чтобы посмотреть на лошадей. Ему совсем не хотелось, чтобы они сбежали и ему пришлось гоняться за ними по жаре. Но они были совершенно счастливы, стояли

спокойно и наблюдали за людьми. Ричер снова повернулся к Кармен, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и снял ее через голову. Затем прошел пятнадцать футов к югу и положил рубашку на край уступа так, что она стала похожа на торс мужчины. Вернувшись назад, он встал рядом с Кармен.

– А теперь стреляйте в мою рубашку, – велел он ей. – Целиться нужно в тело, потому что это самая большая мишень и самая уязвимая.

Кармен подняла пистолет, но в следующее мгновение опустила его.

– Я не могу, – сказала она. – Не хочу, чтобы в вашей рубашке были дырки.

– Думаю, я не слишком рискую, – проговорил Ричер. – Давайте.

Она забыла снять пистолет с предохранителя и несколько раз нажала на курок, не понимая, почему у нее ничего не получается. Затем вспомнила указания Ричера, навела пистолет на рубашку и закрыла глаза. По прикидкам Ричера, она промахнулась на двадцать футов, пуля ушла выше и в сторону от мишени.

– Не закрывайте глаза, – сказал он. – Представьте себе, что вы ненавидите мою рубашку и стоите, наставив на нее палец так, словно выкрикиваете в ее адрес возмущенные слова.

Кармен не стала закрывать глаза, расправила плечи и, подняв руку, выстрелила, но снова промахнулась. На этот раз пуля ушла на шесть футов влево и чуть ниже.

– Дайте мне, – попросил Ричер.

Она протянула ему пистолет, который казался крошечным в его руке, а курок был слишком маленьким для пальца. Ричер закрыл один глаз и прицелился.

– Я хочу попасть туда, где был карман.

Он выстрелил два раза подряд правой рукой, твердой, как скала. Первая пуля попала в область подмышки, противоположной оторванному карману. Вторая – по центральной линии рубашки, но ниже кармана. Ричер расслабился и вернул Кармен пистолет.

– Ваша очередь, – сказал он.

Она выстрелила еще три раза, но опять безнадежно промахнулась. Слишком высоко справа, слишком далеко влево. Последняя пуля ударила в землю примерно в семи футах от цели. Кармен посмотрела на рубашку и с расстроенным видом опустила пистолет.

– Итак, что вы узнали? – спросил Ричер.

– Я должна подойти ближе, – ответила она.

– Именно, – подтвердил он. – И тут не только ваша вина. Пистолет с коротким дулом – это оружие для стрельбы с близкого расстояния. Вы видели, что я сделал? Я промахнулся на двенадцать дюймов с пятнадцати футов. Одна пуля ушла влево, а другая – вниз. Иными словами, они летят в разные места. А я хорошо стреляю. В армии я выигрывал соревнования по стрельбе. И пару лет был самым лучшим.

– Я поняла, – сказала она.

Ричер взял у нее пистолет, присел на корточки и перезарядил его. Одну пулю отправил в казенник и девять в магазин. Закончив, он положил пистолет на землю.

– Оставьте его здесь, – сказал он. – Возьмите только в том случае, если вы очень, очень уверены в себе, уверены в том, что сможете это сделать. Вы сможете?

– Думаю, да, – ответила Кармен.

– Вы должны это знать наверняка. Должны быть готовы подойти очень близко, приставить пистолет к животу своего мужа и нажать на курок десять раз. Если вы этого не сделаете, если будете колебаться, он отберет у вас оружие, может направить его против вас, начнет в ярости стрелять и попадет в Элли, которая прибежит из своей комнаты.

– Последняя надежда на спасение, – тихо проговорила она.

– Поверьте мне, если вы достали оружие, с этого момента – все или ничего.

Она кивнула.

– Ваше решение, – повторил Ричер. – Но я предлагаю вам оставить пистолет здесь.

Кармен довольно долго стояла не шевелясь, потом наклонилась, подняла пистолет с земли и убрала в сумочку. Ричер забрал свою рубашку и натянул ее через голову. Дырок было не видно. Одна осталась под мышкой, другая – в самом низу, под поясом брюк. Затем он обошел ущелье и подобрал все восемь гильз. Старая добрая привычка. Он позвенел ими в руке, словно мелочью, и положил в карман брюк.

По дороге назад они говорили о страхе. Кармен замолчала, когда они начали подниматься по склону, и снова остановилась на вершине. Поместье «Красный дом» раскинулось внизу, окутанное дымкой, а она

просто сидела и смотрела на него, ухватившись обеими руками за луку седла. Она ничего не говорила, но в глазах у нее застыло задумчивое выражение. Лошадь Ричера снова замерла чуть позади ее кобылы, поэтому он видел то же, что и Кармен, но в обрамлении ее шеи и плеча.

– Вам когда-нибудь бывает страшно? – спросила она.

– Нет, – ответил Ричер.

Она снова немного помолчала.

– Как такое может быть? – спросила она.

Ричер поднял голову и посмотрел на небо.

– Я научился этому в детстве.

– Как?

Он опустил глаза на землю.

– У меня был брат, старший. Поэтому он всегда был впереди меня. Но я хотел быть похожим на него, делать все, что делал он. Он обожал страшные мультики, и всюду, где у нас имелось американское телевидение, он их смотрел. Так что я смотрел те же мультики и те же передачи. Я запомнил один сериал – про космические приключения. Не помню, как он назывался. Мы видели его по черно-белому телевизору. Может, в Европе. У героев был корабль, похожий на подводную лодку с паучьими ногами. Они садились в самых разных местах и отправлялись их исследовать. Как-то раз за ними погналось жуткое существо – волосатое, вроде обезьяны или снежного человека. Длинные лохматые лапы и ужасная пасть. Это существо гнало их до самого корабля, но они успели забраться внутрь и захлопнуть крышку люка, когда оно уже почти их поймало.

– И вам было страшно?

Ричер кивнул, хотя стоял у нее за спиной.

– Думаю, тогда мне было года четыре. Той ночью я не сомневался, что страшилище спряталось у меня под кроватью. Я спал на такой старой высокой кровати и твердо знал, что мерзкая тварь поселилась под ней и что она выберется оттуда, чтобы меня схватить. Мне даже казалось, что я чувствую, как она держит меня своими лапами. Я не мог заснуть. Я думал, что, если усну, чудовище вылезет и сожрет меня. Поэтому я не засыпал несколько часов. Даже позвал отца, но, когда он пришел, постыдился признаться в своих страхах. Так продолжалось пару дней.

– И что случилось потом?

– Я разозлился. Не на себя за то, что боялся, потому что, по моим представлениям, чудовище было настоящим, а значит, мне следовало его бояться. Я разозлился на него за то, что оно заставило меня бояться. За то, что оно мне угрожало. И как-то ночью ярость достигла такой точки, что я чуть не лопнул от нее. Я заорал: «Ну давай, выходи и попытайся меня схватить! Давай, только попробуй! Я из тебя отбивную сделаю!»

– И что, помогло?

– С тех пор я никогда и ничего не боялся. Это привычка. Те космические исследователи не должны были спасаться бегством, Кармен. Им следовало остаться и встретиться с чудовищем лицом к лицу. И сразиться с ним. Если видишь что-то страшное, Кармен, нужно сделать шаг ему навстречу, а не бежать от него прочь. Это должно быть инстинктивно, подсознательно и в ярости.

– И вы так поступаете?

– Всегда.

– И я должна так себя вести? Со Слупом?

– Я считаю, что все должны так себя вести.

Она стояла и смотрела на дом, а потом перевела глаза на горизонт за ним. Пощелкала языком, и обе лошади вместе начали спускаться по длинному пологому склону в сторону дороги. Кармен равномерно двигалась в седле, чтобы сохранять равновесие, и Ричер повторял ее движения. Он сидел надежно, но ему было не слишком удобно, и он решил, что езда верхом – из тех вещей, которые он попробует один раз и не станет повторять.

– А что Бобби сказал про нас? – спросила она.

– Он сказал, что вы уезжали почти каждый день в течение месяца, что вас не было несколько ночей и он решил, что мы провели их вместе в каком-нибудь мотеле в Пекосе. Он в ярости оттого, что вы привезли меня сюда, несмотря на то, что Слуп скоро возвращается домой.

– Я бы хотела, чтобы так было, – сказала она. – Чтобы мы с вами занимались любовью в каком-нибудь мотеле. Жаль, что дело вовсе не в этом.

Ричер ничего не ответил, и Кармен тоже замолчала.

– А вы бы этого хотели? – спросила она после паузы.

Он посмотрел на то, как она сидит в седле. Ловкая, стройная, бедра едва заметно покачиваются в такт шагу лошади. Темно-медовая кожа рук блестит на солнце, волосы мягкой волной окутывают спину.

– Я мог бы придумать вещи и похуже, – ответил он.

День уже клонился к вечеру, когда они вернулись. Джош и Билли поджидали Ричера, прислонившись рядышком к стене конюшни, в глубокой тени от крыши. Их пикап был готов отправиться за кормом для лошадей и стоял во дворе.

– Для этого нужны все трое? – шепотом спросила Кармен.

– Идея Бобби, – ответил Ричер. – Он пытается держать меня подальше от вас. Пытается испортить нам удовольствие, которое мы, по его мнению, получаем.

Кармен закатила глаза.

– Я отведу лошадей, – сказала она. – Нужно их сначала почистить.

Они дружно слезли на землю у двери конюшни, Джош и Билли отлепились от стены, всем своим видом демонстрируя нетерпение.

– Ты готов? – крикнул Билли.

– Он должен был быть готов полчаса назад, – ответил Джош.

Услышав это, Ричер заставил их подождать еще. Он отправился в дом для работников, потому что не собирался позволять им командовать собой и потому, что все тело у него затекло от сидения в седле. Он воспользовался туалетом, потом смыл с лица пыль. Побрызгал холодной воды на рубашку и медленно вернулся во двор. Пикап развернулся носом к воротам, двигатель работал. Кармен чистила его лошадь, и легкие облачка пыли поднимались над каштановой шерстью. Или волосами? А может быть, шкурой? Джош сидел боком на водительском месте, Билли стоял рядом с пассажирской дверью.

– Ну поехали, – крикнул он.

Он посадил Ричера посередине. Джош засунул ноги внутрь и захлопнул свою дверцу. Билли уселся по другую сторону от Ричера, и они двинулись к воротам. Остановились на дороге, затем свернули налево, и Ричер понял, что ситуация значительно хуже, чем он думал.

Глава 7

Он видел мешки с кормом на складе в конюшне. Много, около сорока штук. Они были сложены высокими штабелями. Большие мешки из

вощеной бумаги, каждый фунтов тридцать весом. Всего тысяча двести фунтов лошадиного корма. Около полутонны. Как быстро четыре лошади и один пони могут столько съесть?

Впрочем, Ричер с самого начала понимал, что Бобби придумал эту поездку, чтобы его занять. Покупка корма для лошадей, когда в этом нет острой необходимости, – хороший способ, не хуже многих других, хотя бы на время убрать его из жизни Кармен. Только они не собирались ехать ни за каким кормом. Потому что они повернули налево. Ричер обратил внимание, что на мешках стояло название корма, всякие рекламные штуки, а также адрес поставщика в Сан-Анджело. Он видел этот адрес сорок раз, на сорока мешках. «Сан-Анджело». «Сан-Анджело». «Сан-Анджело». А Сан-Анджело расположен на северо-востоке от округа Эхо. Далеко на северо-востоке, а вовсе не на юго-западе. Им следовало повернуть направо.

Значит, Бобби планировал убрать его из жизни Кармен навсегда. Джошу и Билли приказали от него избавиться. «Джош и Билли сделают все, что им прикажут», – сказал Бобби. Ричер улыбнулся ветровому стеклу. Предупрежден – значит вооружен. Они не знают, что он видел мешки с кормом, что прочитал надписи на них и что изучал карту Техаса в течение последней недели. Они понятия не имеют, что левый поворот вместо правого многое ему скажет.

Что они попытаются сделать? Кармен сказала, что ее безработный учитель был напуган, причем так сильно, что не захотел с ней разговаривать даже в относительной безопасности Пекоса. Значит, они попробуют напугать его. Но это же смешно! Ричер почувствовал, как в нем закипает злость, и взял ее под контроль, как научился много лет назад. Он использовал поток адреналина, чтобы снять напряжение в ногах, позволил ему наполнить себя до краев и расправил плечи, касаясь ими с одной стороны Джоша, с другой – Билли.

– Это далеко? – с самым невинным видом спросил он.

– Часа два, – ответил Билли.

Они ехали со скоростью примерно шестьдесят миль в час, направляясь на юг по совершенно прямой дороге. Слева росла сухая жесткая трава, справа то и дело попадались пятна голого известняка. Пустынная дорога выглядела так, будто в день по ней проезжала всего пара машин. Может, им только и нужно, что отъехать подальше, остановиться и вышвырнуть его, и он умрет мучительной смертью от жажды, прежде чем кто-нибудь его найдет. Или от укуса гремучей змеи. Или просто не дойдет назад, потому что у него закончатся силы.

– Нет, меньше двух часов, – сказал Джош. – Всего сто миль.

Наверное, они направляются в бар, о котором говорили вчера. Должно быть, у них там друзья. «Хотелось бы, – подумал Ричер, – потому что паре жалких ковбоев меня не сделать». Он выдохнул, расслабился, принял решение. Проблема с всепоглощающей яростью, о которой он рассказал Кармен, состояла в том, что, возникнув, она требовала всего или ничего. Ричер вспомнил первый день в средней школе.

В то лето, когда он завершил свое начальное образование, семья перебралась на шесть месяцев назад в Штаты. Его записали в большую школу, находящуюся за пределами базы, где-то в Нью-Джерси, около Форт-Дикса. Ричер был к этому готов. Как всегда тщательно все продумав, он пришел к выводу, что средняя школа будет больше и лучше, чем начальная, во всех отношениях, включая потасовки в раздевалке. Поэтому он принял решение хорошенько отделать первого, кто попытается его обидеть. Этот план всегда срабатывал – бей сильно и сразу, чтобы враг понял, с кем имеет дело. Такая тактика производила впечатление. В тот раз Ричер хотел произвести сильное впечатление, значит, нужно было бить сильнее, потому что средняя школа совсем не то же самое, что начальная.

Поэтому когда какой-то мальчишка, считавший себя крутым, пихнул его в самое первое утро, через десять минут он уже ехал в машине «скорой помощи» в больницу, где провел три недели. А Ричер обнаружил, что попал в очень приличную школу в очень приличном районе, что его реакция была избыточной и теперь все смотрели на него как на дикаря. Он и чувствовал себя дикарем. Ему было стыдно. С тех пор он стал спокойнее и научился оценивать ситуацию, прежде чем предпринимать какие-то меры, чтобы ее изменить. А еще он научился предупреждать своих врагов – иногда и в определенных обстоятельствах.

– Мы сразу вернемся назад? – спросил он.

Это был умный тактический вопрос. Они не могли сказать «нет», не вызвав у него подозрений. Но и «да» сказать не могли, если не собирались сначала заехать в лавку.

– Мы сначала заедем пропустить пару кружечек пива, – ответил Билли.

– Куда?

– Туда, куда ездили вчера.

– У меня с деньгами туговато, – сказал Ричер. – Мне еще не заплатили.

– Мы угощаем, – заявил Джош.

– А что, лавка работает допоздна? В субботу?

– Большой заказ, они нас обслужат, – сказал Билли.

Может, у них новый поставщик? Может, они решили покупать другой корм?

– Вы у них постоянно покупаете? – спросил он.

– Все годы, что мы тут работаем, – ответил Джош.

– А потом мы сразу поедем назад?

– Ясное дело, – сказал Билли. – Ты успеешь вернуться назад, чтобы как следует выспаться.

– Хорошо, – сказал Ричер и, помолчав немного, добавил: – Это мне нравится.

«Попробуйте только со мной связаться, и получите по полной программе».

Билли ничего не сказал, Джош улыбался и крутил руль.

Местность по мере того, как они ехали на юг, постепенно становилась все более плоской. Из карт, которые Ричер изучил, он знал, что Рио-Гранде по большому кругу направляется к ним с запада. Они въехали в бассейн реки, где в доисторические времена проложил свой путь широкий водный поток. Джош продолжал удерживать скорость на шестидесяти милях в час. Билли равнодушно смотрел в окно. Дорога оставалась прямой и скучной. Ричер откинул голову на стойку для оружия и стал ждать. Он привык к ожиданию и умел это делать. Множество раз во время службы активным действиям предшествовала длинная поездка куда-нибудь. Так бывало почти всегда. Терпеливый сбор улик, принятие решения, идентификация подозреваемого, поездка на встречу с ним. Военная служба быстро учит терпению и умению ждать.

Чем дальше они продвигались на юг, тем хуже становилась дорога, но грузовик упрямо катил вперед. Багажник был пустым, задние колеса то и дело скользили, и машина подпрыгивала на ухабах. На некоторых телефонных столбах сидели стервятники, солнце низко висело на западе. На обочине Ричер заметил указатель, который сообщал, что до Эха осталось пять миль. Он был изрешечен пулями.

– А я думал, что Эхо на севере, – сказал он. – Там, где Элли ходит в школу.

– Он разделен, – сказал Билли. – Половина находится здесь, а другая – там. Между ними сто шестьдесят миль пустого пространства.

– Самый большой в мире город, больше Лос-Анджелеса, – выдал информацию Джош.

Он сбросил скорость на повороте, и вдалеке появилось несколько строений, все до одного прижимающиеся к земле, все подсвеченные сзади солнцем, собравшимся на покой. На обочине, примерно в трех милях, стояли железные рекламные щиты, заранее сообщавшие, что представляют собой строения вдалеке. Еще одна заправочная станция и магазин. И бар под названием «Пивная Лонгхорн», принадлежащая какому-то Харли. Реклама пивной была последней в ряду, но сама пивная оказалась первым заведением на их пути. Она стояла, скособочившись, посреди двух акров выжженной земли в сотне миль к востоку от обочины дороги и была выстроена из просмоленных досок с железной крышей. Носом к зданию, словно самолеты в аэропорту, замерли десять или двенадцать грузовиков-пикапов, а рядом с дверью – подержанная полицейская машина, у которой был такой вид, будто ее тут давно бросили и забыли.

Подпрыгивая на ухабах, пикап проехал через парковку, и Джош поставил его рядом с остальными. В окнах бара вспыхивала неоновая реклама пива, застрявшая между грязным стеклом и выцветшими льняными шторами. Джош выключил двигатель и убрал ключи в карман. В наступившей тишине Ричер услышал шум, доносящийся из бара, рев вентиляторов и кондиционеров, глухой стук давно отработавшего свое усилителя музыкального автомата, гул голосов, звон бутылок и стаканов, щелчки киев для пула. Судя по всему, внутри было довольно много народа.

Джош и Билли одновременно открыли свои двери и выбрались наружу. Ричер вышел через пассажирскую дверцу и встал спиной к солнцу. Было еще очень жарко, и он чувствовал, как волны горячего воздуха окатывают его с ног до головы.

– Ладно, – сказал Билли. – Мы угощаем.

Дверь открывалась в старомодный вестибюль с телефоном-автоматом, стена вокруг него была исписана номерами телефонов и старыми записками. Дальше шла еще одна дверь с желтым стеклянным окошком, которая вела в сам бар. Билли толкнул ее ногой.

Военный коп входит в бар точно так же, как отбивающий в бейсболе выходит на линию удара. Здесь ему чаще всего приходится выполнять свою работу. Наверное, девяносто процентов всех мелких неприятностей и проблем на службе происходит в барах. Возьмите группу молодых людей, обучаемых агрессивному поведению, и поставьте их в ситуацию, где имеется безграничный запас алкоголя, добавьте сюда соперничество между подразделениями, присутствие гражданских женщин с их гражданскими мужьями и дружками – и столкновение становится неизбежным. Подобно отбивающему, который покидает зону для разминки, наблюдая за инфилдом и аутфилдом,[12] рассчитывая углы и

расстояния, военный коп, входя в бар, включает свое внимание на максимум. Первым делом он считает выходы. Как правило, их три. Передняя дверь, задняя дверь за туалетами и та, что ведет в офис за стойкой. Ричер сразу определил, что в «Пивной Лонгхорн» имеются все три двери. Окна были слишком маленькими, чтобы в них смог кто-нибудь пролезть.

Затем военный коп смотрит на посетителей, чтобы определить, где могут возникнуть проблемы. Кто замолкает и не сводит с него взгляда? Кто бросает ему вызов? Таких здесь не оказалось. В длинном низком помещении находилось человек двадцать или двадцать пять, только мужчины, все дочерна загорелые, все в одежде из простой грубой ткани, но никто особенно ими не заинтересовался, если не считать мимолетных взглядов и приветствий в адрес Джоша и Билли. Шерифа нигде не было видно. Но около стойки Ричер заметил пустой табурет, а перед ним полную бутылку на грязной подставке. «Наверное, почетное место», – подумал он.

Затем военный коп старается оценить, у кого имеется оружие и какое. На стене за стойкой висел древний револьвер, прикрепленный проволокой к деревянной табличке, на которой было выжжено горячей кочергой: «Мы не звоним в 911». В комнате наверняка найдется пара современных пистолетов. Всюду стояли бутылки с длинными горлышками, но они Ричера не беспокоили. Бутылка в качестве оружия практически бесполезна. Разве что в кино, где их делают из сахара, а этикетки печатают на папиросной бумаге. Настоящая бутылка ни за что не разобьется о край стола, потому что она из толстого стекла. Максимум, что получится, это громкий стук. Впрочем, в случае крайней необходимости ее можно использовать как дубинку, а вот стол для пула беспокоил Ричера всерьез. Стол стоял посреди комнаты с кучей жестких целлулоидных шаров, вокруг него ходили четыре парня с киями, и примерно дюжина запасных киев стояла в стойке у ближней к столу стене. В отсутствие пистолета кий для пула – это лучшее оружие из тех, что когда-либо придумали люди. В меру короткий, чтобы быть удобным, но и достаточно длинный, чтобы оказаться очень полезным, сделанный из отличного твердого дерева и утяжеленный свинцом.

Воздух в баре оказался неестественно холодным и пропитанным пивными парами, дымом и шумом. Музыкальный автомат стоял рядом со столом для пула, а за ним было небольшое пространство, заполненное круглыми столами, окруженными табуретками с виниловыми сиденьями красного цвета. Билли показал бармену три пальца и получил три бутылки. Он захватил их между пальцами и понес к столам. Ричер обогнал его и подошел к ним первым. Он хотел иметь возможность выбрать место.

Спиной к стене – таково было его правило. И если удастся, нужно сесть так, чтобы видеть все три выхода. Он сел, Джош устроился справа и сбоку от него, а Билли – слева и сбоку. Билли подтолкнул к нему бутылку по видавшей виды деревянной столешнице, о которую посетители бара тушили сигареты. Откуда-то из задней части бара, со стороны туалетов, появился шериф, на ходу проверяя, застегнуты ли у него брюки. Он на мгновение замер, увидев Ричера, но на его лице ничего не отразилось, он дошел до стойки и сел на табурет, сгорбившись и повернувшись спиной к остальным посетителям.

Билли приподнял свою бутылку, словно решил произнести тост.

– Удачи, – сказал он.

«Тебе она понадобится, дружище», – подумал Ричер и сделал большой глоток из бутылки. Пиво оказалось холодным и сильно газированным, с привкусом хмеля.

– Мне нужно позвонить, – сказал Билли, оттолкнулся от стола и встал.

Джош наклонился вправо, пытаясь заполнить пустое пространство перед Ричером. Билли пробрался сквозь толпу посетителей и вышел в вестибюль. Ричер сделал еще один глоток и засек время. И пересчитал людей в баре – за вычетом его самого их оказалось двадцать три человека, включая бармена, который и был Харли. Билли вернулся через две минуты сорок секунд, наклонился и что-то прошептал шерифу на ухо. Тот кивнул. Билли еще что-то ему сказал, шериф снова кивнул. Допил свою бутылку, отодвинулся от стойки и встал. Повернулся лицом к залу, бросил на Ричера мимолетный взгляд и вышел в дверь. Билли стоял и смотрел ему вслед, а потом вернулся к столу.

– Шериф уходит, – сказал он. – Он вспомнил, что у него срочное дело в другом месте.

Ричер никак не прокомментировал его слова.

– Ты позвонил? – спросил Джош так, словно эта реплика была отрепетирована заранее.

– Да, позвонил, – ответил Билли.

Он сел за стол и взял свою бутылку.

– Не хочешь спросить, кому я звонил? – спросил он, взглянув на Ричера.

– А мне какое дело, кому ты звонил? – поинтересовался тот.

– Я звонил в «скорую помощь», – сказал Билли. – Нужно все организовать заранее, потому что они едут аж от самого Пресидио и могут добраться сюда только через несколько часов.

– Понимаешь, мы должны сделать признание, – заявил Джош. – Мы тебе наврали. Мы действительно прогнали из поместья одного типа. Он спутался с мексиканкой. Бобби посчитал, что в данных обстоятельствах, когда Слуп в тюрьме и все такое, это неправильно. Поэтому он попросил нас разобраться с ним. И мы привезли его сюда.

– Хочешь знать, что мы сделали? – спросил Билли.

– Я думал, мы едем в лавку за кормом, – сказал Ричер.

– Лавка находится в Сан-Анджело.

– Тогда что мы здесь делаем?

– Мы тебе сейчас скажем что. Мы привезли того, другого парня сюда.

– А какое он имеет ко мне отношение?

– Бобби считает, что ты относишься к той же категории, что и он.

– Он думает, что я тоже с ней спутался?

– Именно так он и думает, – кивнул Джош.

– А вы как думаете?

– Так же, как и он. Зачем бы еще тебе заявляться в поместье? Ты не ковбой и ничего не смыслишь в лошадях, это любому ясно.

– Предположим, я скажу вам, что мы с ней хорошие друзья.

– Бобби говорит, что вы больше чем друзья.

– И вы ему верите?

– Ясное дело, верим, – сказал Билли. – Она и с ним этим занимается, он сам нам сказал. Чем ты хуже? И знаешь, мы тебя не виним. Она симпатичная штучка. Я бы и сам с ней поиграл, если бы она не была женой Слупа. Семью нужно уважать, даже когда дело касается мексов. Такие у нас правила.

Ричер промолчал.

– Тот, другой парень был школьным учителем, – продолжал Билли. – Он плохо себя вел, и мы привезли его сюда, потом вывели во двор, взяли большой мясницкий нож, попросили двух ребятишек его подержать, сняли с него штаны и сказали, что сейчас мы отрежем все его богатство. Он кричал и рыдал и даже обделался. Умолял нас не трогать его, обещал, что исчезнет навсегда, но мы все равно немного его порезали, так, для развлечения. Знаешь, было столько крови! А потом мы его отпустили, но сказали, что если еще раз его увидим, то отрежем ему яйца по-настоящему. И знаешь что? Мы больше его не видели.

– Понимаешь, у нас получилось, – сказал Джош. – Просто классно получилось. Одна проблема: он чуть не умер от потери крови. Нам следовало заранее вызвать «скорую». Тогда мы договорились, что в следующий раз так и сделаем. Живи и учись – вот наше правило. Поэтому сегодня мы вызвали докторов прямо сейчас. Специально для тебя, так что ты должен быть благодарен.

– Вы порезали того парня? – спросил Ричер.

– А как же!

– Похоже, вы очень собой гордитесь.

– Мы делаем то, что нужно. Заботимся о семье.

– И вы признаетесь мне, что сделали это?

– А почему бы и нет? – ухмыльнулся Джош. – Кто ты такой, черт побери?

Ричер пожал плечами.

– Я не школьный учитель.

– Это в каком смысле?

– В том смысле, что, если вы попытаетесь порезать меня, «скорая» увезет вас.

– Ты так думаешь?

Ричер кивнул:

– Та лошадь, на которой я сегодня катался верхом, доставила мне больше неприятностей, чем удастся вам двоим.

Ричер посмотрел на каждого из них по очереди, открыто и спокойно. Уверенность в себе творит чудеса в подобных ситуациях, а он чувствовал себя уверенно. У него был опыт, и он уже очень, очень давно не терпел поражения в драке в баре против двоих противников.

– Вам выбирать, – сказал он. – Успокойтесь, или отправитесь в больницу.

– Знаешь что? – проговорил, улыбаясь, Джош. – Думаю, мы не станем менять программу. Что бы ты о себе ни думал, у нас тут полно друзей, а у тебя их нет.

– Я тебя не спрашивал про твое социальное положение, – сказал Ричер.

Но он понимал, что Джош прав. У них тут было полно друзей. Неожиданно какие-то скрытые вибрации заставили многих замолчать, в

зале стало заметно тише, люди почувствовали беспокойство, начали оглядываться, потом смотрели друг на друга. Напряжение росло, игра в пул тоже замедлилась, и Ричер почувствовал, как атмосфера накаляется. Тут и там смолкали разговоры, и Ричер заметил вызывающие взгляды. Может быть, ему придется сражаться не с двумя противниками. Может, их будет больше и ему будет не так легко, как он думал.

Билли улыбнулся.

– Нас не так просто испугать, – сказал он. – Это профессиональное.

«Джош и Билли спокойно входят в загон к быкам, которые весят полторы тонны. Ты для них не проблема», – сказал Бобби. Ричер никогда не был на родео и ничего про это не знал, если не считать мимолетных впечатлений от кино и телевидения. Ему казалось, что ковбой сидит на каком-то заборе рядом с загоном и запрыгивает на быка, когда того выпускают. Его задача – удержаться у быка на спине. Сколько? Кажется, восемь секунд. А если ему это не удается, бык может сильно его лягнуть. Или затоптать. Или подцепить на рога. Так что эти ребятишки наделены тупой отвагой, силой и выносливостью. А еще они привыкли к боли и ранам. И к определенной схеме. Их поведение четко спланировано, и настоящему веселью предшествует ряд заранее отработанных действий. Ричер не знал наверняка, как это бывает. Может быть, «три, два, один, старт». Или «десять, девять, восемь». В любом случае они привыкли ждать, отсчитывать секунды, потом напряжение, глубокий вдох, состояние готовности.

– Ну так давайте займемся делом, – предложил Ричер. – Прямо сейчас, во дворе.

Он встал из-за стола и обошел Джоша, прежде чем тот успел отреагировать. Двинулся вперед, мимо музыкального автомата, к правому краю стола для пула, в сторону туалета и заднего выхода. Какие-то люди вставали у него на пути, но тут же расступались, пропуская дальше. Он слышал у себя за спиной Джоша и Билли, чувствовал, что они начали отсчет, напрягаются, готовятся к бою. До выхода было около двадцати шагов, и, наверное, тридцать секунд до двора. «Двадцать девять, двадцать восемь». Руки свободно висят вдоль тела. «Двадцать пять, двадцать четыре».

Ричер схватил последний в стойке кий, развернул его на сто восемьдесят градусов и изо всех сил врезал Билли сбоку по голове. «Один». Послышался громкий треск кости, заглушивший даже вой музыкального автомата, брызнула кровь, и Билли рухнул на пол, словно в него выпустили автоматную очередь. Затем Ричер снова размахнулся, призвав на помощь всю свою силу, точно отбивающий игрок на поле. «Два». Джош выставил руку, чтобы остановить кий, и рука переломилась пополам. Он завопил, и Ричер снова замахнулся, метя в

голову. «Три». Удар отбросил Джоша в сторону. Ричер прицелился в лицо и выбил пару зубов. «Четыре». Врезал кием по плечу и раздробил кость. «Пять». Джош повалился на пол, ногами к голове Билли. Ричер встал над ними и нанес еще четыре удара, быстрых и мощных. «Шесть, семь, восемь, девять»: ребра, ключицы, колени и головы. Всего девять ударов, шесть или семь секунд яростной взрывной силы. «Бей сильно, бей прежде врага, воздай свое первым. Пока они еще ждут звонка».

Остальные посетители бара постарались держаться как можно дальше от места боевых действий, но теперь начали возвращаться, медленно и с опаской. Ричер, с угрожающим видом держа наготове кий, сделал круг по залу. Затем наклонился и взял из кармана Джоша ключи от пикапа. Бросил на пол кий, который со стуком откатился в сторону, и промчался сквозь толпу к двери, расталкивая тех, кто оказывался у него на дороге. Никто не попытался его остановить. Судя по всему, здесь, в округе Эхо, дружба имеет свои границы. Все еще тяжело дыша, он вышел на парковку. На него тут же набросилась страшная жара, и он весь покрылся потом. Ричер сел в пикап, завел двигатель, отъехал задом от бара и направился на север. Дверь у него за спиной оставалась плотно закрытой. Никто не вышел вслед за ним.

Через час солнце село далеко на западе, и, когда Ричер въехал в ворота ранчо, совсем стемнело. Однако во всех окнах красного дома горел свет, а во дворе стояли две машины: подержанный автомобиль шерифа и ярко-зеленый, как лайм, «линкольн». На машине шерифа мигал красно-голубой фонарь. Желтый свет с крыльца заливал «линкольн» и делал его похожим по цвету на кожу мертвеца. Повсюду летали тучи мошек; мотыльки, словно вырезанные из бумаги, кружили около лампочек над крыльцом, будто крошечные снежные вихри. Голоса ночных насекомых уже звучали, ритмично и настойчиво.

Передняя дверь дома была открыта, и из прихожей доносился какой-то шум. Громкие, возбужденные голоса нескольких человек. Ричер поднялся по ступеням и, заглянув внутрь, увидел шерифа, Расти Грир, Бобби и Кармен, стоящую в одиночестве возле стойки с оружием. Она сняла джинсы и рубашку и надела вместо них красно-черное платье до колена и без рукавов. Вид у нее был потрясенный. Самые разные эмоции так быстро сменяли друг друга, что казалось, будто ее лицо вообще ничего не выражает.

В противоположном конце комнаты, около зеркала в красной раме, благодаря чему Ричер видел его спереди и сзади одновременно, стоял мужчина в костюме. Очевидно, хозяин «линкольна». Холеный, довольно полный, не высокий, но и не коротышка, в костюме из жатой ткани. Лет тридцати, со светлыми редеющими волосами, аккуратно причесанными. У него было бледное лицо человека, который много времени проводит в

помещении, расцвеченное красными пятнами загара на носу и щеках, словно утром он играл в гольф. Это лицо украшала широкая улыбка политика. Мужчина выглядел так, будто ему приходится выслушивать льстивые хвалебные речи, хотя в них нет никакой необходимости.

Ричер остановился на крыльце и решил не входить. Но под его весом доски громко заскрипели, и Бобби это услышал. Он посмотрел в ночь, замер на месте, а потом бросился к двери. Схватив Ричера за локоть, он потащил его к стене у входа, так чтобы их не увидели из прихожей.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Ты забыл, что я здесь работаю, – ответил Ричер.

– А где Джош и Билли?

– Они уволились.

Бобби в изумлении уставился на него.

– Что они сделали?

– Уволились, – повторил Ричер.

– Это что значит?

– Они сказали, что больше не хотят у вас работать.

– С какой такой стати?

– А мне откуда знать? – пожав плечами, заявил Ричер. – Может, решили выйти из профсоюза.

– Что?

Ричер ничего ему не ответил. Отсутствие Бобби и голоса на крыльце привлекли остальных к двери. Расти Грир оказалась первой, за ней появились шериф и тип в костюме. Кармен с тем же озадаченным видом продолжала стоять возле стойки с ружьями. Все одновременно замолчали, увидев Ричера: Расти – так, словно столкнулась с социальной проблемой, которая ей не по силам, шериф – удивленно, а незнакомец в костюме – пытаясь понять, что это за чужак стоит на крыльце.

– Что происходит? – спросила Расти.

– Он говорит, что Джош и Билли решили уволиться, – объяснил Бобби.

– Они никогда этого не сделают, – заявила Расти. – С какой стати?

Тип в костюме шагнул вперед, как будто рассчитывал, что его представят.

– А они объяснили причину? – спросила Расти.

Шериф не сводил с Ричера глаз, но его лицо ничего не выражало. Ричер не ответил, просто стоял и ждал.

– Я Хэк Уокер, – представился тип в костюме громким искренним голосом и протянул руку. – Окружной прокурор Пекоса и друг семьи.

– Старый друг Слупа, – рассеянно проговорила Расти.

Ричер кивнул и пожал Уокеру руку.

– Джек Ричер, – сказал он. – Я здесь работаю.

Уокер взял его руку в обе свои и наградил Ричера ослепительной улыбкой, частично искренней, а частично ироничной, говорившей: «Ну, ты знаешь, как это устроено». Идеальная улыбка идеального политика.

– Вы уже зарегистрировались для голосования? – спросил он. – Потому что, если зарегистрировались, хочу вам сообщить, что я выставил свою кандидатуру на пост судьи на выборах в ноябре и хотел бы рассчитывать на вашу поддержку.

И стыдливо хихикнул, как человек в кругу друзей, смущенный тем, что требования демократии заставили его забыть о хороших манерах. «Ты знаешь, как это устроено». Ричер молча пожал ему руку.

– Хэк столько для нас сделал, – сказала Расти. – А сегодня он приехал к нам с потрясающей новостью.

– Объявился Ал Юджин? – спросил Ричер.

– Нет, пока нет, – ответила Расти. – Произошло кое-что другое.

– Не имеющее никакого отношения к выборам, – заявил Хэк. – Надеюсь, вы все это понимаете. Согласен, выборы в ноябре заставляют нас стараться делать для людей добрые дела, но вы же знаете, что я все равно стал бы вам помогать.

– А ты знаешь, что мы все равно стали бы за тебя голосовать, Хэк, – сказала Расти.

И тут все начали всем лучезарно улыбаться. Ричер заглянул им за спину, на Кармен, которая одиноко стояла в прихожей. Она не улыбалась.

– Вам удалось добиться, чтобы Слупа выпустили раньше, – сказал он. – Завтра?

Хэк Уокер опустил голову, словно Ричер сделал ему комплимент.

– Именно, – проговорил он. – Они твердили, что не могут оформить все бумаги на выходных, но мне удалось их переубедить. Они сказали, что в

истории системы это будет первый случай, когда человека выпустят из тюрьмы в воскресенье. Но я им возразил, что когда-нибудь все бывает в первый раз.

– Хэк отвезет нас туда, – сообщила Расти. – Мы скоро уезжаем. Нам придется провести в пути всю ночь.

– Мы будем ждать его у выхода, – сказал Хэк. – Прямо у ворот тюрьмы, в семь утра. Устроим старине Слупу теплую встречу.

– Вы все поедете? – спросил Ричер.

– Я не поеду, – прошелестела Кармен.

Она вышла на крыльцо тихо, точно призрак, и остановилась, положив руки на ограду. Она наклонилась вперед, прижав локти к телу и глядя на север, на черный горизонт.

– Я должна остаться, чтобы присмотреть за Элли, – добавила она.

– В машине полно места, – сказал Хэк. – Элли тоже может с нами поехать.

Кармен покачала головой.

– Я не хочу, чтобы она видела, как ее отец выходит из ворот тюрьмы.

– Поступай как хочешь, – вмешалась Расти. – В конце концов, он всего лишь твой муж.

Кармен ничего ей не ответила, только вздрогнула, словно температура воздуха вместо тридцати градусов была всего три.

– В таком случае, думаю, я тоже останусь, – сказал Бобби. – Чтобы проследить за порядком. Слуп меня поймет.

Ричер взглянул на него, а Кармен резко повернулась и ушла в дом. Расти и Хэк Уокер последовали за ней. Шериф и Бобби остались на крыльце и подошли друг к другу, превратившись в живую преграду между Ричером и дверью.

– Так почему же они решили уволиться? – спросил Бобби.

Ричер посмотрел на обоих и пожал плечами.

– Ну, они не совсем уволились, – сказал он. – Просто я хотел подсластить пилюлю – для остальных. По правде говоря, мы заехали в бар, и они ввязались в драку, но выбрали неподходящего парня. Вы же нас видели в баре, шериф?

Шериф опасливо кивнул.

– Все произошло после того, как вы уехали, – продолжал Ричер. – Они устроили драку и проиграли.

– С кем? – спросил Бобби. – С каким парнем?

– С неподходящим.

– А кто он?

– Очень большой, – сказал Ричер. – Он отмолотил их за пару минут. Мне кажется, кто-то вызвал «скорую помощь». Скорее всего, сейчас они в больнице. Если живы. Я не знаю. Они потерпели поражение, причем сокрушительное.

– С каким парнем они устроили драку? – снова спросил Бобби.

– С тем, который их не трогал.

– Кто он?

– Думаю, он не из этих мест.

– Это ты? – помолчав, спросил Бобби.

– Я? – удивленно спросил Ричер. – А зачем им со мной драться?

Бобби ничего не ответил.

– Зачем им со мной драться, Бобби? – снова спросил Ричер. – Какая у них для этого могла быть причина?

Бобби долго смотрел на него, потом повернулся и вошел в дом, с грохотом захлопнув за собой дверь. Шериф остался на крыльце.

– Они сильно пострадали? – спросил он.

– Похоже, да, – ответил Ричер. – Вам следует позвонить в больницу и проверить, как они. А потом сообщить всем в округе о том, что случается с теми, кто решает устроить драку с неподходящим парнем не из этих мест.

Шериф снова кивнул, снова с опаской.

– Думаю, вам тоже следует это помнить, – проговорил Ричер. – Бобби сказал мне, что здесь привыкли сами разбираться со своими проблемами. И что они неохотно привлекают к этому служителей закона. Он намекнул мне, что копы стараются не встревать в разногласия между людьми. Что таков закон в Западном Техасе. Древний закон.

Шериф замер, а потом пробормотал:

– Наверное.

– Бобби сказал, что это определенно так. Старая традиция.

– Можно сказать и так, – отвернувшись, проговорил шериф. – А я уважаю традиции.

– Рад это слышать, – кивнул Ричер.

Шериф еще немного постоял на крыльце, потом, не оглядываясь, начал спускаться по ступенькам, сел в свою машину, выключил фонарь и завел двигатель. Осторожно проехал мимо зеленого «линкольна», направился к воротам и выехал на дорогу. Мотор громко ревел. Ричер уловил в воздухе запах бензина и услышал стук глушителя. Потом машина набрала скорость, и вскоре тишину ночи нарушали лишь голоса кузнечиков, переговаривающихся между собой.

Ричер спустился с крыльца и направился к двери на кухню. Она была открыта, то ли для проветривания, то ли кухарка хотела подслушать, о чем говорят в доме. Женщина стояла внутри, сразу за занавеской от насекомых, сделанной из пластиковых полосок, висящих на двери.

– Привет, – сказал Ричер, который уже давно понял, что нужно дружить с теми, кто работает на кухне: в этом случае ты гораздо лучше питаешься.

Но она ему не ответила, лишь молча стояла и опасливо поглядывала на него.

– Давайте я угадаю, – проговорил Ричер. – Вы приготовили ужин только для двоих работников.

Она не ответила, что означало «да».

– Вас неверно информировали, – сообщил Ричер. – Это был Бобби?

Она кивнула:

– Он сказал, что вы не вернетесь.

– Он ошибся, – заявил Ричер. – Не вернулись Джош и Билли. Так что, думаю, я съем их порции. Обе. Я ужасно проголодался.

– Я вам принесу через пару минут, – пожав плечами, ответила она.

Ричер покачал головой.

– Я поем здесь, – сказал он. – И вам не придется нести еду в дом.

Он раздвинул пластиковые полоски и вошел на кухню. Там пахло чили, видимо после того, как она готовила ланч.

– Что у нас на ужин? – спросил он.

– Стейки, – ответила кухарка.

– Хорошо, – обрадовался Ричер. – Жвачных я люблю больше, чем неполнозубых.

– Что?

– Говядина мне нравится больше, чем мясо броненосца.

– Мне тоже, – сказала кухарка.

Она взяла прихватки и достала из духовки две тарелки. На каждой лежал среднего размера стейк, большая порция картофельного пюре и горка поменьше жареного лука. Кухарка поставила тарелки рядышком на кухонный стол, вилку положила слева от левой тарелки, а нож – справа от правой. Было похоже на двойную порцию.

– Билли был моим кузеном, – сказала она.

– Возможно, он по-прежнему ваш кузен, – сказал Ричер. – Джошу досталось больше.

– Джош тоже был моим кузеном.

– Мне очень жаль это слышать.

– Другая ветвь семьи, – пояснила она. – Дальняя. И оба они были дураками.

Ричер кивнул:

– Да уж, это точно.

– Но у Гриров с мозгами все в порядке. Я не знаю, чем вы занимаетесь с мексиканкой, но вам следует иметь это в виду.

И она ушла, оставив его ужинать в одиночестве.

Ричер ополоснул обе опустошенные им тарелки и оставил их в раковине. Затем отправился на конюшню, где решил подождать, несмотря на жуткую, пропитанную вонью жару, потому что хотел оставаться как можно ближе к дому. Он уселся на куче сена спиной к лошадям. Они некоторое время беспокойно переступали в своих стойлах, но вскоре привыкли к его присутствию, и Ричер услышал, как они по очереди начали засыпать. Перестали шевелиться и задышали ровно и лениво.

Затем он услышал шаги на крыльце, на ступеньках, шорох пыли под ногами. Открылись двери «линкольна», снова закрылись, заработал мотор. Ричер встал, подошел к двери конюшни и увидел, как

«линкольн» разворачивается перед домом. Сзади его освещали фонари над крыльцом. За рулем сидел Хэк Уокер, Расти устроилась рядом с ним. В тусклом свете ее волосы приобрели цвет сахарной ваты, и можно даже было различить очертания черепа под ними.

Большая машина проехала под аркой ворот, свернула вправо, не сбавляя скорости, и помчалась по дороге. Ричер еще некоторое время наблюдал за мельканием фар в темноте. Затем они исчезли. Снова зазвучали голоса ночных насекомых, и весь мир погрузился в неподвижность, только мотыльки продолжали кружить около лампочек.

Ричер ждал в дверях конюшни, гадая, кто придет к нему первым. Он думал, что Кармен, но это оказался Бобби, который вышел на крыльцо через пять минут после того, как его мать уехала, чтобы привезти его брата домой. Бобби быстро спустился по ступеням и зашагал через двор в сторону дома для работников. На голове у него снова красовалась бейсбольная кепка, надетая задом наперед. Ричер появился на пороге конюшни и остановил его.

– Лошадей нужно напоить, – сказал Бобби. – Кроме того, пора почистить стойла.

– Вот ты и сделай это, – ответил Ричер.

– Что?

– Ты меня слышал.

Бобби застыл на месте.

– Я этим не занимаюсь, – сказал он.

– Тогда я заставлю тебя этим заняться.

– Какого черта?

– Перемены, – объяснил Ричер. – Для тебя все изменилось, Бобби, поверь мне, и очень серьезно изменилось. В тот момент, когда ты решил напустить на меня Джоша и Билли, ты переступил черту. И поставил себя в совершенно другое положение. Теперь ты будешь делать то, что я тебе скажу.

Бобби онемел от удивления, а Ричер посмотрел ему в глаза и проговорил:

– Я прикажу тебе «прыгай», и ты даже не станешь спрашивать, как высоко ты должен прыгнуть. Ты сразу начнешь прыгать. Ты меня понял? Теперь ты мой.

Бобби не шевелился. Ричер размахнулся правой рукой, собираясь влепить ему пощечину, Бобби дернулся в сторону и налетел на удар левой, после которого с головы у него слетела кепка.

– Так что пойди и займись лошадьми, – велел ему Ричер. – А потом можешь лечь спать, рядом с ними. Если я тебя увижу до завтрака, я переломаю тебе ноги.

Бобби продолжал неподвижно стоять на месте.

– Ну, кого позовешь на помощь, братишка? – спросил Ричер. – Кухарку или шерифа?

Бобби продолжал молчать. Их окружала пустота черной ночи. Сто пятьдесят душ населения округа Эхо находились по большей части в шестидесяти или ста милях за темным горизонтом. Полная изоляция.

– Хорошо, – тихо проговорил Бобби и медленно направился к конюшне.

Ричер бросил его кепку в пыль и зашагал в сторону дома, где над крыльцом горели фонари, над которыми кружили мотыльки.

Две трети команды убийц видели, как он шел к дому. Они действовали умнее, чем наблюдатели. Женщина проверила карту и сказала, что они не станут подъезжать с запада. Во-первых, «форд-краун» не сможет преодолеть пустыню, а во-вторых, прятаться на расстоянии в милю бессмысленно. Особенно ночью, когда становится совсем темно. Лучше они проедут прямо по дороге и остановятся в ста ярдах от дома ровно на столько, чтобы два члена команды – мужчины – вышли наружу, потом машина развернется и поедет обратно на север, а двое вышедших, прячась за ближайшей каменной грядой, двинутся на юг, к красным воротам, и затаятся в небольшой яме в десяти ярдах от дороги.

У этих двоих имелись при себе приборы ночного видения. Отнюдь не военного образца, самые обычные, купленные по каталогу спортивных товаров и привезенные вместе со всем остальным в черном нейлоновом чемодане. Они представляли собой бинокли с какими-то электронными усилителями внутри. Что-то инфракрасное. Это приспособление улавливало тепло, поднимающееся от земли, и в нем Ричер, шагавший к дому, выглядел так, словно он мерцал и дрожал.

Глава 8

Ричер нашел Кармен в гостиной. Там горел тусклый свет, было душно и жарко. Кармен в полном одиночестве сидела за выкрашенным красной краской столом, держась очень прямо, положив руки на деревянную поверхность и уставившись пустыми глазами в какую-то точку на стене, где абсолютно не на что было смотреть.

– Дважды, – сказала она. – Меня обманули дважды. Сначала был год, потом – ничего. Затем сорок восемь часов, которые превратились в двадцать четыре.

– Вы все еще можете уехать, – сказал Ричер.

– Осталось меньше двадцати четырех часов, – возразила она. – Наверное, не больше шестнадцати. Я позавтракаю одна, а к ланчу он вернется.

– Шестнадцати часов хватит. За шестнадцать часов вы сможете уехать очень далеко.

– Элли крепко спит, – проговорила она. – Я не могу разбудить ее, засунуть в машину и сбежать, чтобы меня до конца жизни искали копы.

Ричер ничего не сказал.

– Я собираюсь попытаться начать все сначала, – продолжала она. – Я скажу ему, что с меня хватит, что, если он еще раз поднимет на меня руку, я подам на развод. И мне плевать на трудности и на то, сколько времени это все займет.

– Это займет много времени, – сказал Ричер.

– Вы верите в то, что я смогу это сделать? – спросила она.

– Я верю в то, что любой человек может сделать то, что он очень сильно захочет сделать, – ответил Ричер.

– Я очень хочу, – сказала Кармен. – Поверьте мне, я хочу.

Она замолчала. Ричер окинул взглядом комнату, в которой воцарилась тишина.

– Почему все выкрашено в красный цвет? – спросил он.

– Потому что так было дешевле всего, – ответила Кармен. – В пятидесятые годы здесь никто не хотел иметь дело с красным цветом – из-за коммунистов. Поэтому красная краска стоила в магазине дешевле остальных.

– Я думал, тогда они были богаты. Нефть и все такое.

– Они и были богатыми. И сейчас тоже. Богаче, чем вы можете себе представить. Но еще они невероятно жадные.

Ричер посмотрел на места, где краска пятидесятилетней давности стерлась и проглядывало дерево.

– Похоже на то, – сказал он.

Кармен молча кивнула.

– Последний шанс, – проговорил Ричер. – Мы можем уехать прямо сейчас. Здесь некому вызывать полицию. К тому времени, когда они вернутся, мы будем в любом месте, где вы только захотите.

– Здесь Бобби, – напомнила она.

– Он не выйдет из конюшни.

– Он услышит машину.

– Мы оторвем телефонные провода.

– Он погонится за нами. За два часа он сможет добраться до шерифа.

– Мы испортим другие машины.

– Бобби услышит, как мы это делаем.

– Я свяжу его. Утоплю в поилке для лошадей.

Кармен с горечью улыбнулась.

– Но Слупа вы утопить отказываетесь.

Ричер кивнул.

– Это было просто преувеличение.

Она задумалась на мгновение, затем отодвинула стул и встала.

– Идемте со мной, я покажу вам Элли, – сказала Кармен. – Она такая хорошенькая, когда спит.

Она взяла Ричера за руку и провела через кухню в заднюю прихожую, в сторону, откуда доносился шорох медленно вращающегося вентилятора. Потом они прошли по душному коридору к комнате Элли. Кармен осторожно открыла ее ногой и поставила Ричера так, чтобы он смог заглянуть внутрь.

В нижней части стены был прикреплен ночник, и в его оранжевом сиянии Ричер увидел девочку, которая лежала на спине, закинув руки вверх. Она сбросила простыню, футболка задралась, открыв полоску пухлого розового живота, волосы разметались по подушке, длинные темные ресницы веером украшали щеки. Рот был немного приоткрыт.

– Ей шесть с половиной лет, – прошептала Кармен. – Ей все это необходимо. Своя кровать и свой дом. Я не могу заставить ее жить в бегах, постоянно в дороге.

Ричер ничего не сказал.

– Вы меня понимаете?

Ричер пожал плечами. По правде сказать, он ее не понимал. Сам он в возрасте шести с половиной лет как раз и жил в дороге. Он всегда так жил, с самого рождения и до вчерашнего дня. Он переезжал с одной военной базы на другую, зачастую без всякого предупреждения. Он помнил дни, когда вставал утром, чтобы отправиться в школу, а вместо этого его везли в аэропорт и через тридцать часов он оказывался на другом конце планеты. Помнил, как, измученный и сбитый с толку, входил в сырое бунгало и спал на незастеленной кровати. На следующее утро мать говорила ему, в какой стране они находятся. И на каком континенте. Если она к тому моменту это знала. Иногда она не знала. И вреда ему от такой жизни не было никакого.

Или все-таки был?

– Что ж, это ваше решение, – сказал Ричер.

Кармен потянула его назад, в коридор, и закрыла дверь в комнату Элли.

– А теперь я покажу вам, где спрятала пистолет, – проговорила она. – Я хочу, чтобы вы сказали, правильное ли место я выбрала.

Она зашагала впереди него по коридору, в котором громко ворчал кондиционер. Ричер остановился под ним, и его окатила волна воздуха. Воздух был теплым. Платье Кармен, словно наделенное собственной жизнью, трепетало при каждом ее шаге. Она была на высоких каблуках, и мышцы у нее на ногах напрягались, Ричер видел сухожилия под коленями. Волосы окутывали спину, сливаясь с черным рисунком на красной ткани. Кармен свернула налево, потом направо и прошла под аркой, где оказалась еще одна лестница, ведущая вниз.

– Куда мы идем? – спросил Ричер.

– В отдельное крыло, – ответила она. – Его пристроили, кажется, во времена деда Слупа.

Лестница закончилась на первом этаже, в узком длинном коридоре, который вел из главного дома в хозяйскую квартиру размером с маленький дом. Там имелись гардеробная, огромная ванная комната и гостиная с диваном и двумя креслами. За гостиной была широкая арка, а за ней – спальня.

– Сюда, – сказала Кармен.

Она прошла через гостиную и провела его в спальню.

– Теперь вы понимаете, что я имела в виду? – спросила она. – Мы далеко от всего остального дома. Никто ничего не слышит. А я стараюсь не шуметь, потому что, если я кричу, он бьет меня еще сильнее.

Ричер кивнул и огляделся по сторонам. Окно выходило на восток, и насекомые с громким жужжанием бились в москитную сетку. Рядом с окном стояла громадная кровать с маленькими тумбочками у изголовья и высокий комод с множеством ящиков. Выглядел он так, словно его сделали сто лет назад из какого-то сорта дуба.

– Техасское железное дерево, – сказала Кармен. – Получается, когда мескитовые деревья вырастают высокими.

– Вам следовало стать учительницей, – заметил Ричер. – Вы постоянно все объясняете.

Кармен слабо улыбнулась.

– Я думала об этом, когда училась в колледже. Тогда у меня была такая возможность. В другой жизни.

Она открыла верхний правый ящик комода.

– Я послушалась вашего совета и переложила пистолет. Тумбочка у кровати слишком низкая. Элли могла его найти. А здесь для нее высоко.

Ричер снова кивнул и подошел ближе. Ящик был два фута в ширину и, наверное, восемнадцать дюймов в глубину. В нем лежало нижнее белье Кармен. Пистолет она положила поверх него. Белье было аккуратно сложено – шелковое, невесомое, источающее тонкий аромат. Перламутровая ручка выглядела здесь очень к месту.

– Вы могли сказать мне, где он лежит, – проговорил Ричер. – Показывать было не обязательно.

Она замерла на мгновение, а потом сказала:

– Он ведь захочет секса, верно?

Ричер ничего не ответил.

– Он просидел в тюрьме полтора года, – продолжала Кармен. – Но я собираюсь ему отказать.

Ричер хранил молчание.

– Разве женщина не имеет права сказать «нет»? – спросила она.

– Разумеется, имеет, – согласился Ричер.

– Даже мужу?

– В большинстве мест мира, – ответил Ричер.

– А еще у нее есть право сказать «да», верно?

– Естественно.

– Я бы сказала вам «да».

– Я вас об этом не прошу.

Кармен немного помолчала.

– В таком случае будет нормально, если я попрошу вас?

Ричер посмотрел ей в глаза.

– Все зависит от причины.

– Причина в том, что я этого хочу, – ответила она. – Я хочу с вами переспать.

– Почему?

– Честно? – спросила она. – Потому что мне так хочется.

– Только поэтому?

Кармен пожала плечами.

– И еще мне хочется заставить Слупа немного пострадать. Даже если он об этом не узнает. Но я-то буду знать.

Ричер ничего не сказал.

– До того, как он вернется домой, – пояснила Кармен.

Ричер продолжал молчать.

– А еще потому, что Бобби все равно уверен, что мы с вами этим занимаемся, – добавила она. – Вот я и подумала, почему бы не получить удовольствие, раз уж меня обвиняют во всех смертных грехах.

Ричер молчал.

– Я всего лишь хочу немного развлечься, – сказала она. – Прежде чем этот ужас начнется снова.

Ричер молчал.

– Никакого давления, – сказала Кармен. – Я не надеюсь таким способом что-то изменить. В смысле, ваше решение насчет Слупа.

Ричер кивнул и сказал:

– Это все равно ничего не изменило бы.

– И что же вы мне ответите? – отвернувшись, спросила Кармен.

Ричер несколько мгновений разглядывал ее профиль. Ее лицо превратилось в застывшую маску. Было похоже, что она исчерпала все другие возможности и у нее остался лишь инстинкт. В начале военной карьеры Ричера, когда угроза ядерного нападения все еще оставалась вполне правдоподобной, его товарищи говорили о том, что бы они стали делать, если бы вражеские ракеты поднялись в воздух и устремились в их сторону. В списке этих дел секс всегда занимал первое место с большим отрывом. Такой вот всеобщий инстинкт. И именно это Ричер наблюдал сейчас у Кармен. Она услышала четырехминутное предупреждение, и в мозгу у нее завыли сирены.

– Нет, – сказал Ричер.

Кармен довольно долго ничего не говорила, а потом спросила:

– По крайней мере, вы останетесь со мной?

В середине ночи команда убийц проехала пятьдесят миль по направлению к Пекосу. Они сделали это тайно, через несколько часов после того, как зарегистрировались на вторую ночь в первом мотеле на дороге. Этот способ придумала женщина. Шесть фальшивых имен, две частично совпадающие записи в регистрационных книгах мотелей – путаница, которая помогала им избежать опасности.

Они поехали на восток по междуштатной автостраде I-10, миновали перекресток с I-20, затем направились в сторону Форт-Стоктона, пока не увидели рекламные щиты, сообщавшие о первой группе мотелей, обслуживающих зону отдыха в Балмореа. Эти мотели находились достаточно далеко от туристических дорог и потому были дешевыми и неизвестными. Здесь не приходилось рассчитывать на роскошные интерьеры и какое-то особое обслуживание. Зато эти мотели обещали быть чистыми и вполне приличными. А еще в них будет полно людей вроде них самих. Как раз то, что нужно, – таково было мнение женщины. Она была хамелеоном. И обладала инстинктом, позволявшим ей выбирать правильные места. Она выбрала второй мотель, мимо которого они проезжали, и отправила невысокого смуглого мужчину снять два номера и заплатить за них наличными.

В воскресенье на рассвете Ричер проснулся на диване в гостиной Слупа Грира. У него за спиной окно спальни выходило на восток, ночные насекомые исчезли, и в комнату вливался яркий свет. Простыня на кровати была смята и выглядела влажной. Кармен под ней не оказалось. Ричер услышал шум воды в ванной комнате и почувствовал запах кофе.

Он встал с дивана и потянулся, затем прошел под аркой в спальню. Платье Кармен валялось на полу. Ричер выглянул в окно посмотреть,

какая будет погода, и понял, что перемен ждать не приходится. Небо затянуло жаркое марево. Он вернулся в гостиную и обнаружил в углу столик, на котором стояла маленькая кофеварка, а рядом с ней две перевернутые вверх дном кружки и две ложки, совсем как в отеле. Дверь в ванную была закрыта, за ней громко шумела вода. Ричер налил в одну кружку кофе и отправился в гардеробную, где увидел два больших шкафа с двух сторон параллельно друг другу – длинные глубокие ниши, закрытые раздвигающимися дверями из зеркального стекла.

Он открыл левый шкаф и обнаружил в нем одежду Кармен – огромное количество платьев, блузок и брюк на вешалках, а еще стойку с обувью. Ричер закрыл его, повернулся и открыл второй шкаф. Здесь висела одежда Слупа. Дюжина костюмов и бесконечные ряды брюк из твила и джинсов. На полках из кедра – футболки и рубашки в пластиковых пакетах. Галстуки. Ремни с самыми разными пряжками. Длинный ряд запыленных ботинок на полу. Прикинув на глаз, Ричер решил, что они одиннадцатого размера. Он взял кружку в другую руку и распахнул один пиджак в поисках этикетки. Сорок четвертый размер, большой рост, подойдет тому, у кого рост примерно шесть футов и два-три дюйма, а вес сто девяносто или двести фунтов. Значит, Слуп не особенно крупный мужчина. Не великан. Но он на фут выше своей жены и весит в два раза больше. Не самое честное противоборство.

На стопке рубашек лежала фотография в рамке лицом вниз, и Ричер перевернул ее. Это оказался цветной снимок пять на семь дюймов на паспарту кремового цвета, в лакированной деревянной рамке под стеклом. На нем были изображены три молодых человека, лет семнадцати или восемнадцати – уже не мальчики, но еще не мужчины. Они стояли рядом, прислонившись к выступающему крылу старого пикапа, и с нетерпением смотрели в камеру, видимо установленную на каком-нибудь камне, ожидая, когда сработает таймер. Их переполняли юношеская энергия и возбуждение. Впереди целая жизнь и бесконечное море возможностей. Одним из них был Хэк Уокер, немного более стройный, чем сейчас, немного более мускулистый, и на голове намного больше волос. Ричер решил, что двое других – это Ал Юджин и Слуп Грир. Друзья с детства. Юджин на голову ниже и полнее Слупа. Слуп выглядел как более молодая копия Бобби.

Услышав, что вода в душе перестала литься, Ричер положил фотографию на место, закрыл дверь шкафа и вернулся в гостиную. Через несколько мгновений открылась дверь ванной, и появилась Кармен, окруженная облаком пара. Она завернулась в два белых полотенца: одно вокруг тела, другое, словно тюрбан, на голове. Ричер молча смотрел на нее, не зная, что сказать.

– Доброе утро, – сказала Кармен, нарушая тишину.

– И вам тоже, – ответил Ричер.

Она сняла тюрбан и тряхнула волосами, которые повисли прямыми влажными прядями.

– Только оно совсем не доброе, – добавила она. – Это утро. Оно плохое.

– Наверное, – не стал спорить Ричер.

– Может, в эту минуту он выходит из ворот тюрьмы.

Ричер посмотрел на часы. Было почти семь.

– Да, время подошло, – сказал он.

– Если хотите, можете принять душ, – предложила Кармен. – Мне нужно взглянуть на Элли.

– Хорошо.

Ричер вошел в ванную и обнаружил, что она огромная и отделана искусственным мрамором с золотыми прожилками. Было ужасно похоже на отель в Вегасе, в котором он как-то останавливался. Ричер воспользовался туалетом, прополоскал у раковины рот, снял грязную одежду и вошел в душевую кабину. Она была очень большой, со стенками из стекла под цвет бронзы. Головка душа размером с крышку колеса была приделана к потолку, а в каждом углу имелись еще специальные трубы, направлявшие струи воды на того, кто стоял под душем. Ричер повернул кран и услышал оглушительный рев, а в следующее мгновение со всех сторон на него обрушились потоки теплой воды. Ощущение было такое, словно стоишь в Ниагарском водопаде. Боковые трубы начали метать в него холодную и горячую воду, и Ричер понял, что не слышит собственных мыслей. Он постарался как можно быстрее вымыться, потом намылил голову, прополоскал волосы и закрыл воду.

Он взял чистое полотенце из стопки и вытерся, насколько это было возможно в таком влажном помещении. Обернувшись полотенцем, вышел в гардеробную. Кармен застегивала белую блузку. Она надела белые брюки и золотые украшения. Ее кожа казалась темной на фоне белой одежды, а волосы были блестящими и уже начали завиваться в жарком воздухе.

– Быстро вы, – сказала она.

– Ну и душ у вас, – не то пожаловался, не то похвалил Ричер.

– Это Слуп такой выбрал. Я его ненавижу. Слишком много воды, мне даже трудно там дышать.

Она закрыла свой шкаф и стала поворачиваться перед зеркальной дверцей, проверяя, все ли в порядке.

– Вы отлично выглядите, – сказал Ричер.

– Я в достаточной степени похожа на мексиканку? – спросила она. – В белом?

Ричер не ответил.

– Сегодня никаких джинсов, – добавила она. – Меня тошнит от попыток выглядеть так, будто я родилась в семье ковбоев из Амарилло.

– Вы отлично выглядите, – повторил Ричер.

– Еще семь часов, – сказала она. – Шесть с половиной, если Хэк будет ехать быстро.

– Пойду поищу Бобби, – кивнув, сказал Ричер.

Она потянулась к нему и поцеловала в щеку.

– Спасибо, что остались, – сказала она. – Мне это очень помогло. Позавтракайте с нами, – предложила Кармен. – Через двадцать минут.

И она медленно вышла из комнаты, чтобы проверить, как дела у дочери.

Ричер оделся и обнаружил другой путь назад. Этот дом напоминал муравейник. Ричер вышел через гостиную, которой не видел раньше, в прихожую с зеркалом и стойкой с оружием, открыл входную дверь и шагнул на крыльцо. На улице было жарко. Солнце висело справа, еще достаточно низко, но уже отбрасывало резкие тени, в которых двор казался неровным и словно испещренным оспинами.

Ричер направился к конюшне и вошел в дверь. Здесь было так же душно и так же омерзительно воняло. Лошади проснулись и беспокойно переступали с ноги на ногу в своих стойлах. Но они были вычищены. В поилках налита вода, насыпан корм. Бобби спал в пустом стойле на постели из чистой соломы.

– Подъем, братишка, – окликнул его Ричер.

Бобби пошевелился и сел, спросонья пытаясь понять, где он находится и почему. Потом он все вспомнил, напрягся и всем своим видом выразил возмущение. Одежда его испачкалась, к ней прилипли стебельки соломы.

– Хорошо спал? – спросил Ричер.

– Они скоро вернутся, – заявил Бобби. – Как ты думаешь, что тогда произойдет?

– Тебя интересует, скажу ли я им, что заставил тебя вычистить конюшню и провести ночь на соломе? – улыбнувшись, поинтересовался Ричер.

– Ты не сможешь им это сказать.

– Да, наверное, не смогу, – проговорил Ричер. – А ты скажешь?

Бобби промолчал, и Ричер снова улыбнулся.

– Нет, наверное, не скажешь. Так что оставайся здесь до полудня, а потом я позволю тебе пойти в дом и вымыться – все-таки у вас праздник.

– А как насчет завтрака?

– Не получишь.

– Но я хочу есть!

– Так поешь лошадиного корма. Оказывается, тут его полно, целая куча мешков.

Ричер вернулся на кухню и обнаружил, что кухарка варит кофе и греет сковородку.

– Блины, – доложила она. – И больше ничего. Они захотят большой ланч, так что все мое утро уйдет на его приготовление.

– Блины – это хорошо, – ответил Ричер.

Он вошел в тихую гостиную и прислушался, пытаясь понять, что происходит наверху. Элли и Кармен должны были где-то ходить и шуметь, но он ничего не слышал. Тогда Ричер попытался мысленно представить расположение помещений в доме, однако его планировка была весьма причудливой. Очевидно, сначала это был самый обычный фермерский дом, а потом по мере надобности к нему сделали несколько самых разных пристроек, и в результате получилась невероятная путаница.

Появилась кухарка с тарелками в руках – четыре тарелки, четыре набора вилок с ножами и бумажные салфетки сверху.

– Насколько я понимаю, вы будете завтракать здесь, – сказала она.

Ричер кивнул и сообщил:

– А вот Бобби не будет. Он останется в конюшне.

– Почему?

– Кажется, какая-то лошадь заболела.

Кухарка поставила тарелки и вынула из стопки одну, оставив на столе три прибора.

– Значит, мне придется отнести ему завтрак туда, – с раздражением проговорила она.

– Я сам отнесу, – сказал Ричер. – У вас и без того дел по горло.

Он прошел за ней на кухню, и она положила на тарелку первые четыре блина со сковородки. Добавила немного масла и кленового сиропа. Ричер завернул в салфетку вилку и нож, взял тарелку и снова вышел на жару. Он обнаружил Бобби на том же месте, где и прежде. Тот сидел на соломе и ничего не делал.

– Что это? – спросил он.

– Завтрак, – ответил Ричер. – Я передумал. Потому что ты для меня кое-что сделаешь.

– И что же?

– По случаю возвращения Слупа будет грандиозный ланч.

– Уж это точно, – подтвердил Бобби.

– Ты меня на него пригласишь. Как своего гостя. Как будто я твой лучший друг.

– Правда?

– Ясное дело. Если хочешь получить блины и не хочешь до конца жизни ходить с палочкой.

Бобби молча смотрел на него.

– И на обед тоже, – добавил Ричер. – Ты меня понял?

– Боже праведный, ее муж возвращается домой, – сказал Бобби. – Все кончено, понимаешь?

– Ты делаешь неправильные выводы, Бобби. Кармен не слишком меня интересует. Я хочу познакомиться со Слупом. Мне необходимо с ним поговорить.

– О чем?

– Просто сделай то, что я говорю, ладно?

Бобби пожал плечами.

– Как скажешь.

Ричер протянул ему тарелку с блинами и направился назад, в дом.

Кармен и Элли сидели рядышком за столом. Волосы Элли были еще влажными после душа, и сегодня она надела желтое ситцевое платье.

– Мой папа возвращается домой, – сообщила она Ричеру. – Он уже едет, прямо сейчас.

– Я слышал, – кивнул Ричер.

– Я думала, он приедет завтра, а он приедет уже сегодня.

Кармен смотрела на стену и молчала. Кухарка принесла блины и начала раскладывать их на тарелки – два Элли, три Кармен и четыре Ричеру. Остатки она унесла на кухню.

– Я собиралась завтра пропустить школу, – сказала Элли. – Можно?

Кармен ничего ей не ответила.

– Мама, можно мне не ходить завтра в школу?

Кармен повернулась и посмотрела на Ричера, словно это он что-то сказал. Лицо у нее застыло, точно маска. Оно напомнило Ричеру об одном его знакомом, который пошел к окулисту, потому что не мог читать мелкий шрифт. А доктор обнаружил у него опухоль на сетчатке и сразу же договорился, что он ляжет в больницу, где ему удалят один глаз. И вот этот человек сидел в приемной, зная, что завтра отправится в больницу с двумя глазами, а выйдет с одним. Это знание его сжигало. И ожидание. А еще страх. Все это гораздо хуже, чем несчастный случай, происшедший в долю секунды и имеющий тот же результат.

– Мама, можно? – снова спросила Элли.

– Наверное, – ответила Кармен. – Ты о чем?

– Мама, ты меня не слушаешь. Ты тоже волнуешься?

– Да, – ответила Кармен.

– Так мне можно?

– Да, – повторила Кармен.

Элли тут же занялась блинами, которые ела так, словно голодала несколько дней. Ричер ковырял вилкой свои и наблюдал за Кармен. Она не притронулась к завтраку.

– Пойду проверю, как там мой пони, – сказала Элли, сползла со стула и, словно ураган, вылетела из комнаты.

Ричер услышал, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь, потом раздался топот башмачков по деревянным ступеням крыльца. Он доел свой завтрак. Кармен держала вилку в воздухе, как будто не знала, что с ней делать, и вообще никогда ничего подобного в своей жизни не видела.

– Вы с ним поговорите? – спросила она.

– Конечно, – ответил Ричер.

– Мне кажется, он должен знать, что это больше не секрет.

– Согласен.

– Вы будете на него смотреть во время разговора?

– Думаю, да.

– Это хорошо. Вы должны на него смотреть. У вас глаза очень жесткого человека. Может, такие были у Клея Эллисона. Я хочу, чтобы он их увидел и понял, что его ждет.

– Мы уже это обсуждали, – сказал Ричер.

– Да, я знаю, – ответила Кармен.

Она ушла, и Ричер принялся убивать время. Ощущение было такое же, как перед воздушным налетом. Он вышел на крыльцо и через двор посмотрел на север, на дорогу, до того самого места, где она упиралась в красную ограду из штакетника, а потом дальше, туда, где она исчезала за поворотом. Было утро, воздух оставался чистым и ясным, и над асфальтом не висела дымка. Дорога походила на пыльную ленту, обрамленную с запада известняковыми пластами, а с востока – линиями электропередач.

Ричер отвернулся от дороги и уселся на качели, висящие на крыльце. Цепи жалобно застонали под его весом. Он устроился боком, так, чтобы видеть ворота: положил одну ногу на качели, а другую опустил на пол. А потом сделал то, что делает большинство солдат во время ожидания. Он уснул.

Кармен разбудила его примерно через час. Она прикоснулась к его плечу, Ричер открыл глаза и увидел, что она стоит около него. Она переоделась в отглаженные голубые джинсы, клетчатую рубашку и сапоги из кожи ящерицы. И надела такой же ремень. Волосы она убрала

назад, в хвост, лицо припудрила светлой пудрой и подвела глаза голубыми тенями.

– Я передумала, – сказала она. – Я не хочу, чтобы вы с ним разговаривали. Пока не хочу.

– Почему?

– Это может вывести его из равновесия. Ну, если он узнает, что еще кому-то известно о том, что он со мной делает.

– Раньше вы так не считали.

– Я снова все обдумала. Мне кажется, если мы так сделаем, может быть только хуже. Пусть это исходит от меня. По крайней мере, сначала.

– Вы уверены?

– Я хочу первая поговорить с ним, – кивнула она.

– Когда?

– Сегодня вечером. А завтра я вам расскажу, как все прошло.

Ричер сел, опустив обе ноги на пол.

– Вы были совершенно уверены, что завтра утром у вас будет сломан нос, – напомнил он ей.

– Я думаю, так будет лучше, – сказала Кармен.

– Почему вы переоделись?

– Так будет лучше, – повторила она. – Я не хочу его провоцировать.

– Вы выглядите так, словно родились в семье ковбоев из Амарилло.

– Ему нравится, когда я так одета.

– А если вы оденетесь иначе, в одежду, которая вам нравится, вы его спровоцируете?

Она поморщилась, и Ричер подумал, что видит перед собой человека, потерпевшего поражение.

– Не отступайте, Кармен, – сказал он. – Сражайтесь.

– Я буду, – пообещала она. – Сегодня вечером. Я скажу ему, что больше не намерена это терпеть.

Ричер ничего не ответил.

– Поэтому не нужно с ним сегодня разговаривать, ладно? – попросила она.

Ричер отвернулся.

– Это ваше решение.

– Так будет лучше.

Она вернулась в дом, а Ричер снова посмотрел на дорогу, идущую с севера. Сидя, он видел на целую милю меньше. Началась жара, и над асфальтом повисло марево.

Кармен разбудила его еще через час. Одежда была той же самой, но она смыла косметику.

– Вы считаете, что я неправильно поступаю, – сказала она.

Ричер сел и потер руками лицо.

– Я считаю, что лучше действовать открыто, – ответил он. – Он должен знать, что кому-то еще известно о его безобразиях. Если не мне, тогда, возможно, его семье.

– Я не могу им сказать.

– Да, наверное, не можете.

– И что же мне делать?

– Вы должны позволить мне поговорить с ним.

– Не сейчас. Будет только хуже. Пообещайте мне, что не станете этого делать.

Ричер кивнул.

– Это ваше решение, – повторил он. – Но вы тоже должны пообещать мне кое-что. Поговорите с ним сами сегодня вечером. Но если он возьмется за старое, вы должны выбежать из комнаты и орать до тех пор, пока мы все не прибежим на ваши крики. Вопите изо всех сил. Требуйте вызвать копов. Умоляйте о помощи. Он окажется в трудном положении, и это изменит ситуацию.

– Вы так думаете?

– Когда все в доме услышат ваши крики, он уже не сможет делать вид, что ничего не происходит.

– Он будет все отрицать, скажет, что мне приснился кошмар.

– Но в глубине души он будет знать, что нам все известно.

Она молчала.

– Обещайте мне, Кармен, – сказал он. – Или я сам с ним поговорю, первым.

– Хорошо, я вам обещаю, – после короткого раздумья ответила она.

Ричер снова устроился в гамаке и попытался поспать еще час, но внутренние часы подсказывали ему, что время истекает. По картам Техаса получалось, что Абилин находится менее чем в семи часах езды от округа Эхо. Скорее шесть, если за рулем сидит окружной прокурор, который является представителем закона, а следовательно, не слишком беспокоится насчет штрафа за превышение скорости. Если предположить, что Слуп без всяких задержек вышел в семь, он может быть дома к часу дня. А он наверняка выйдет без задержек, потому что в тюрьме, где он сидел, весьма гуманные условия содержания преступников и вряд ли принято заполнять множество бумаг. Они поставят галочку в списке заключенных и откроют перед ним ворота.

По представлениям Ричера, было уже около двенадцати, и он посмотрел на часы, чтобы убедиться в том, что не ошибся. Он увидел, что Бобби вышел из конюшни и зашагал по дорожке мимо гаража. Бобби нес в руках пустую тарелку, моргал на ярком солнце и шел так, словно у него затекли все конечности. Он пересек двор и начал подниматься на крыльцо. Молча. Вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Примерно в половине первого Элли пришла со стороны загонов для лошадей. Ее желтое платье было перепачкано в земле и песке, волосы спутались, лицо раскраснелось от жары.

– Я прыгала, – доложила она Ричеру. – Я делаю вид, будто я лошадка и прыгаю через барьеры, очень быстро, как только могу.

– Иди сюда, – позвал ее Ричер.

Она встала рядом с ним, и он ладонью стряхнул с ее платья песок и землю.

– Мне кажется, тебе следует снова принять душ, – сказал он. – И голову вымыть.

– Зачем?

– Чтобы быть красивой, когда твой папа вернется домой.

Она задумалась над его словами, напряженно и сосредоточенно принимая решение.

– Ладно, – сказала она наконец.

– И побыстрее.

Она пристально посмотрела на него, затем повернулась и умчалась в дом.

Без четверти час Бобби вышел из дома. Он помылся и надел чистые джинсы и футболку и сапоги из кожи аллигатора с серебряными пластинами на носах. На голове у него красовалась другая бейсбольная кепка, надетая задом наперед. На боку у нее было написано: «Квалификационная серия 1999».

– Они ведь проиграли? – сказал Ричер.

– Кто?

– «Техасские рейнджеры». В квалификационной серии тысяча девятьсот девяносто девятого года. А выиграли «Янки».

– И что?

– И ничего, Бобби.

Дверь снова открылась, и из дома вышли Кармен и Элли. Кармен по-прежнему была в ковбойском костюме, она снова накрасилась. Элли осталась в своем желтом ситцевом платье, но влажные волосы были завязаны в хвост лентой. Кармен держала ее за руку и шла, неуверенно переставляя ноги, словно у нее подгибались колени.

Ричер встал и показал ей, чтобы она села. Элли тут же устроилась рядом с ней. Все молчали. Ричер подошел к ограде крыльца и принялся наблюдать за дорогой. Он видел ее до того самого места, где исчезали линии электропередач. Может, на пять миль на север. Или на десять. Наверняка он не знал.

Он стоял в глубокой тени на крыльце, а мир перед ним раскалился добела. Наконец на границе обзора стало различимо облако пыли, оно смешивалось с маревом и ползло на восток, словно легкий ветерок из пустыни подхватил его и толкал вперед, в сторону владений Гриров. Облако росло, и вскоре Ричер уже смог разглядеть его очертания: длинная желтая капля, сотканная из пыли, поднимающейся и снова опускающейся на дорогу, мечущаяся то вправо, то влево в зависимости от того, куда вела ее дорога. Вскоре она стала в милю длиной, распухла и снова рассыпалась, прежде чем подобралась настолько близко, что Ричер сумел разглядеть светло-зеленый «линкольн», мчавшийся перед

ней. «Линкольн» свернул, следуя за поворотом дороги, замерцал в жарком мареве и притормозил там, где колючая проволока уступала место красному забору из штакетника. Он выглядел пыльным и уставшим после долгой дороги, резко притормозил рядом с воротами, затем развернулся, и туча пыли, следующая за ним, отправилась дальше на юг, словно обманутая внезапной сменой направления движения.

Послышался скрип гравия и шорох земли под шинами. Солнце вспыхнуло на ветровом стекле, и Ричер сумел разглядеть внутри трех человек. Расти Грир сидела сзади. А на переднем сиденье устроился крупный бледный мужчина. У него были короткие волосы и простая голубая рубашка. Он вертел головой и вытягивал шею, оглядываясь по сторонам и широко улыбаясь. Слуп Грир вернулся домой.

Глава 9

«Линкольн» остановился рядом с крыльцом, подвеска перестала дребезжать, и двигатель замолчал. Несколько мгновений никто в машине не двигался. Затем сразу три двери распахнулись, и три человека вышли наружу. Бобби и Элли тут же сбежали с крыльца и устремились к ним. Ричер отошел от перил. Кармен поднялась на ноги и встала на то место, которое занимал Ричер.

Слуп Грир оставил свою дверцу открытой и потянулся на солнце, как положено всякому, кто провел полтора года в камере и шесть часов в машине. Его лицо и руки были бледными, он заметно прибавил в весе от пищи с избытком крахмала, но это был брат Бобби. Тут не могло быть ни малейших сомнений. Те же волосы, то же лицо, такая же фигура и осанка. Бобби шагнул к нему, широко раскинул руки в стороны и крепко обнял. Слуп ответил ему тем же, и они принялись хлопать друг друга по спине и радостно вопить, как будто только что вернулись в кампус после победного футбольного матча.

Элли застыла на месте, словно ее напугали шум и крики. Слуп выпустил Бобби, присел на корточки и протянул к ней руки. Ричер повернулся, чтобы посмотреть на выражение лица Кармен. Оно превратилось в маску. Оробевшая Элли стояла, засунув костяшки пальцев в рот, но потом что-то щелкнуло в ее сознании, и она побежала в объятия Слупа. Он поднял ее в воздух и прижал к груди. Потом поцеловал в щеку и закружился с девочкой на руках. Кармен тихонько застонала и отвернулась.

Слуп поставил Элли на землю, посмотрел на крыльцо, и на его лице появилась торжествующая улыбка. У него за спиной Бобби о чем-то говорил с матерью и Хэком Уокером. Они стояли рядом за машиной. Слуп протянул руку и поманил жену. Она отступила от перил крыльца в тень.

– Может быть, вам следует с ним поговорить, – прошептала она.

– Вы должны принять решение сейчас, – шепнул в ответ Ричер.

– Давайте посмотрим, как все пойдет, – сказала Кармен.

Она сделала глубокий вдох, вымученно улыбнулась и быстро спустилась по ступенькам. Взяла Слупа за руки и прижалась к нему, потом они поцеловались, чтобы никто не подумал, будто они брат и сестра, но было хорошо видно, что их не связывает страсть. Между тем Бобби и его мать закончили беседовать с Хэком, обошли машину и двинулись к крыльцу. У Бобби было встревоженное лицо, а Расти обмахивалась рукой и не сводила мрачного взгляда с Ричера.

– Я слышала, что Бобби пригласил тебя на ланч, – негромко сказала Расти, поднявшись на крыльцо.

– Очень мило с его стороны, – ответил Ричер.

– Так и есть. Очень мило. Но сегодня у нас будет семейная трапеза.

– В самом деле? – спросил Ричер.

– Даже Хэк не останется, – добавила она, словно это что-то доказывало.

Ричер ничего не ответил.

– Так что сожалею, – продолжала она, – но кухарка принесет тебе еду в пристройку, как обычно. Вы, мальчики, сможете позавтракать вместе завтра.

Ричер немного помолчал.

– Хорошо, мне бы не хотелось вам мешать.

Расти улыбнулась, Бобби избегал смотреть в сторону Ричера. Они вошли в дом, а Ричер спустился по ступенькам и оказался во дворе. Было жарко, как в пекле. Хэк Уокер стоял возле «линкольна» и собирался уезжать.

– Жарко? – спросил он, вежливо улыбнувшись.

– Я выживу, – ответил Ричер.

– Будет буря.

– Так все говорят.

Уокер кивнул.

– Значит, вас зовут Ричер?

Ричер кивнул и спросил:

– Насколько я понял, в Абилине все прошло хорошо?

– Как часы, – ответил Хэк. – Но я ужасно устал, уж поверьте мне. Иногда забываешь, что Техас очень большой. Можно ехать целую вечность. Так что я оставляю этих ребят, чтобы они спокойно отпраздновали возвращение Слупа. С благодарностью, должен добавить.

Ричер снова кивнул:

– Значит, мы еще увидимся.

– Не забудьте пойти на выборы в ноябре, – сказал Хэк. – Хотелось бы, чтобы вы проголосовали за меня.

И улыбнулся все той же застенчивой улыбкой. У двери «линкольна» он остановился и помахал рукой Слупу. Слуп сложил из пальцев пистолет, навел его на Хэка и сымитировал звук выстрела. Хэк скользнул в машину, завел двигатель, развернулся и поехал к воротам. Вскоре Ричер видел только клубы пыли, поднимающиеся над дорогой.

Он обернулся. Слуп шел по двору, держа ладошку Элли в левой руке и руку Кармен в правой. Он щурился на солнце. Кармен молчала, а Элли что-то оживленно рассказывала. Они прошли мимо него и поднялись по ступенькам. У двери они остановились, и Слуп развернул правое плечо, чтобы пропустить Элли вперед. Он провел ее через порог, а затем потянул за собой Кармен. Дверь за ними захлопнулась, подняв на крыльце маленькое облачко пыли.

В течение трех часов Ричер не видел никого, кроме кухарки. Он оставался в пристройке, она принесла ему ланч, а через час вернулась, чтобы забрать посуду. Время от времени он наблюдал за домом из высокого окна ванной, но ему не удалось ничего разглядеть. Ближе к вечеру он услышал голоса, доносящиеся из-за конюшни: Слуп, Кармен и Элли вышли прогуляться. Было все еще очень жарко. Возможно, даже жарче, чем прежде. Слуп выглядел встревоженным. Он заметно вспотел. У него была шаркающая походка. Кармен нервничала. Ее лицо слегка покраснело. Может быть, сказывалось напряжение. Однако Слуп мог успеть отвесить ей пару пощечин.

– Элли, пойдем со мной, посмотрим, как твой пони, – сказала она.

– Я уже проверяла его сегодня утром, мамочка, – ответила Элли.

Кармен взяла ее за руку.

– Но я его еще не видела. Давай зайдем сюда вместе.

Элли немного удивилась, но потом взяла протянутую руку. Они обошли Слупа и направились к конюшне. Кармен повернула голову к Ричеру и

на ходу произнесла одними губами: «Поговори с ним». Слуп остановился и смотрел им вслед. Потом взглянул на Ричера, словно впервые его увидел.

– Слуп Грир, – представился он, протягивая руку.

Вблизи он казался более старой и умудренной опытом копией Бобби. Немного более старой и заметно более мудрой. В его глазах светился ум. Нет, Ричер не стал бы утверждать, что этот человек ему нравится. Он без труда мог представить себе, что Слуп Грир жесток. Ричер пожал ему руку. Ладонь оказалась широкой, но мягкой. Рука обидчика, но не бойца.

– Джек Ричер, – сказал он. – Как было в тюрьме?

В глазах Слупа метнулось удивление, тут же сменившееся спокойствием. «Хороший самоконтроль», – отметил Ричер.

– Отвратительно, – ответил Слуп. – Ты там бывал?

«И соображает быстро».

– Только по другую сторону решетки, – отозвался Ричер.

Слуп кивнул.

– Бобби рассказал, что ты был полицейским. А теперь странствуешь в поисках работы.

– У меня нет выбора. Мой отец не был богат.

Слуп немного помолчал.

– Ты служил в армии, верно?

– Да, в армии.

– Мне никогда не нравилась военная служба.

– Я это понял.

– Да? И каким же образом?

– Ну, я слышал, что ты избавился от службы в армии, заплатив кое-кому.

И вновь вспышка в глазах, которая тут же исчезла.

«Его совсем не просто вывести из равновесия, – подумал Ричер. – Впрочем, в тюрьме учат сдержанности».

– Как жаль, что ты попросил пощады и так рано вышел.

– Ты думаешь?

Ричер кивнул:

– Если не способен отсидеть полагающийся тебе срок, не совершай преступлений.

– Однако ты вышел в отставку. Может быть, ты тоже не можешь отбыть срок до конца.

Ричер улыбнулся: «Спасибо за то, что представил удобный случай».

– У меня не было выбора, – сказал он. – В сущности, меня вышвырнули вон.

– Да? И почему же?

– Я тоже нарушил закон.

– В самом деле? И как?

– Один подонок полковник избивал свою жену. Очень милую молодую женщину. Он был хитрым парнем и все делал втайне. Я ничего не мог доказать. Однако я решил, что ему так просто от меня не отделаться. Я не люблю, когда мужчины бьют женщин. Однажды я отловил его ночью, когда рядом не было свидетелей. Сейчас он ездит в инвалидной коляске. Пьет через соломинку. И носит нагрудник – у него все время текут слюни.

Слуп молчал. Молчание было таким напряженным, что уголки его глаз приобрели фиолетовый оттенок.

«Если сейчас ты уйдешь, – подумал Ричер, – это будет равносильно признанию».

Однако Слуп остался стоять на прежнем месте, глядя в пространство, но ничего не видя. Потом он пришел в себя. Взгляд сфокусировался. Не слишком быстро, но и не слишком медленно. Неглупый парень.

– Что ж, теперь я чувствую себя гораздо лучше, – заявил он. – Я правильно делал, когда не платил налоги, ведь они могли оказаться в твоем кармане.

– Ты не одобряешь?

– Не одобряю, – сказал Слуп.

– Кого?

– Вас обоих. Тебя и того парня.

Потом он повернулся на каблуках и ушел.

Ричер вернулся в пристройку. Кухарка принесла ему обед, а потом вернулась за грязной посудой. За окном стемнело, и ночные насекомые затянули свою безумную песню. Ричер лежал на кровати и потел. Температура не менялась, оставаясь на уровне тридцати пяти градусов. Он вновь услышал далекий вой койотов и рев пумы, хлопанье невидимых крыльев летучей мыши.

Потом на лестнице раздались легкие шаги. Ричер успел сесть, прежде чем Кармен вошла в его комнату. Одну руку она прижимала к груди, словно задыхалась или была охвачена паникой.

– Слуп говорил с Бобби, – сказала она. – Очень долго.

– Он тебя ударил? – спросил Ричер.

Ее рука метнулась к щеке.

– Нет.

– Ударил?

Она отвернулась.

– Ну, только один раз, не слишком сильно.

– Я сломаю ему руки.

– Он позвонил шерифу.

– Кто?

– Слуп.

– Когда?

– Только что. Поговорил с Бобби, а потом позвонил.

– Насчет меня?

Она кивнула.

– Он хочет, чтобы ты убрался отсюда.

– Все в порядке, – сказал Ричер. – Шериф ничего не станет делать.

– Ты так думаешь?

– Я с ним договорился, – пояснил Ричер.

Кармен немного помолчала.

– Мне нужно возвращаться. Он думает, что я с Элли.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– Пока нет. Разреши мне сначала с ним поговорить.

– Не позволяй больше себя бить, Кармен. Позови меня, как только тебе понадобится помощь. Или подними шум, ладно? Просто закричи.

Она начала спускаться по лестнице.

– Хорошо, я обещаю. Ты уверен насчет шерифа?

– Не беспокойся, шериф и пальцем не пошевелит.

Однако шериф поступил иначе. Он обратился в полицию штата. Ричер узнал об этом через девяносто минут, когда патрульная машина подъехала к воротам. Кто-то показал полицейским, как проехать к пристройке. Ричер услышал шорох шин по дорожке. Он успел встать с постели и спуститься по лестнице – и сразу оказался в свете мощного фонаря, направленного сквозь ветровое стекло. Ричер стоял в конусе света, когда двери патрульной машины распахнулись и двое полицейских выскочили наружу.

Они совсем не походили на шерифа – другой уровень. Молодые, подтянутые и профессиональные. Среднего роста, стройные и мускулистые. У обоих короткая военная стрижка и чистая выглаженная форма. Один из них оказался сержантом. Рядовой полицейский был латиноамериканцем, в руках он держал дробовик.

– Что такое? – спросил Ричер.

– Подойди к машине, – сказал сержант.

Держа руки так, чтобы они оставались на виду, Ричер подошел к машине.

– Встань в стойку, – сказал сержант.

Ричер положил руки на крыло и наклонился вперед. Металл нагрелся от работы двигателя. Рядовой полицейский держал его под прицелом дробовика, пока сержант обыскивал.

– Ладно, а теперь садись в машину, – приказал сержант.

– В чем дело? – спросил Ричер.

– Владелец дома обратился к нам с просьбой убрать человека, вторгшегося в его владения.

– Я сюда не вторгался. Меня наняли на работу.

– Ну, теперь ты уволен. И стал нарушителем закона. Мы намерены увезти тебя отсюда.

– Разве такими вопросами ведает полиция штата?

– В маленьких городках местные власти иногда обращаются к нам за помощью, если возникают серьезные проблемы.

– Неужели вторжение в чужие владения является серьезной проблемой?

– Нет. Однако у местного шерифа в воскресенье выходной.

Мошки кружили в луче мощного фонаря. Некоторые садились на горячее стекло, но тут же взлетали, не выдерживая жара. Другие бились в правое плечо Ричера. Мошки оказались сухими и удивительно тяжелыми.

– Хорошо, я уйду по дороге, – сказал Ричер.

– Тогда станешь бродягой на автостраде штата. Здесь это является нарушением закона, в особенности после наступления темноты.

– И куда же мы двинемся?

– Ты должен покинуть территорию округа. Мы высадим тебя в Пекосе.

– Мне должны деньги. Со мной не расплатились.

– Садись в машину. Мы остановимся возле дома.

Ричер посмотрел на второго полицейского и его дробовик. Оба выглядели вполне серьезными. Он перевел взгляд на сержанта. Тот положил руку на рукоять пистолета. Перед мысленным взором Ричера возникли двое Гриров, оба торжествующе ухмылялись. Но слова «шах и мат» в его сознании произнесла Расти.

– Тут есть проблема, – сказал Ричер. – Муж регулярно бьет жену. Это началось довольно давно. А сегодня он вышел из тюрьмы.

– Она обращалась в полицию?

– Нет, она боится. Шериф – уроженец здешних мест, а она латиноамериканка из Калифорнии.

– Мы ничего не можем сделать, пока она не подаст жалобу.

Ричер посмотрел на второго полицейского, но тот лишь пожал плечами.

– Мы ничего не можем сделать, пока не подана официальная жалоба.

– Я подаю официальную жалобу, – сказал Ричер.

Полицейский покачал головой.

– Жалобу должна подать жертва.

– Садись в машину, – сказал сержант.

– Вы не обязаны так поступать.

– Нет, нас обязывает закон.

– Я должен остаться здесь. Ради женщины.

– Послушай, приятель, нам сообщили, что ты вторгся на чужую территорию. Здесь важен только один вопрос – хотят они тебя здесь видеть или нет. Очевидно, ответ – нет.

– Женщина хочет, чтобы я здесь оставался. В качестве ее телохранителя.

– Она является собственницей дома?

– Нет.

– Она тебя наняла?

Ричер пожал плечами.

– В принципе да.

– Она тебе платит? У тебя есть контракт, который ты можешь показать?

Ричер ничего не ответил.

– Тогда садись в машину.

– Ей грозит опасность.

– Если мы получим вызов, то сразу же приедем.

– Она не сможет позвонить. А если она обратится к шерифу, он не вызовет вас.

– Тогда мы ничего не сможем сделать. Садись в машину.

Ричер ничего не сказал. Сержант распахнул заднюю дверь и немного помолчал.

– Ты можешь вернуться сюда завтра, – негромко сказал он. – Нет такого закона, который запрещал бы тебе вновь наняться на работу.

Ричер еще раз посмотрел на дробовик. Новенькое красивое оружие, в дуло которого можно легко засунуть большой палец. Потом перевел взгляд на пистолет сержанта. «Глок» в кожаной кобуре – чтобы его достать, сержанту потребуется всего несколько мгновений.

– Но сейчас садись в машину.

Шах и мат.

– Ладно, – вздохнул Ричер. – Но меня это очень огорчает.

– Большинство наших пассажиров испытывают аналогичные чувства, – ответил сержант.

Он придержал рукой голову Ричера, когда тот садился на заднее сиденье. В машине было холодно. Перед Ричером высился тяжелый проволочный барьер. С обеих дверей ручки и устройства для опускания стекол были сняты. На их месте стояли алюминиевые квадратики. Сиденье было виниловым. Сильно пахло дезинфицирующими средствами и освежителем воздуха – над ветровым стеклом болтался баллончик в форме сосны. Над приборной доской стоял радар, что-то бубнило переговорное устройство.

Полицейские уселись на два передних сиденья, и машина подкатила к дому. На крыльце собрались все Гриры, кроме Элли. Они выстроились вдоль перил – Расти, Бобби, Слуп и Кармен. Все улыбались. Кроме Кармен. Сержант остановил машину перед крыльцом и опустил стекло.

– Этот парень говорит, что вы должны ему за работу, – сказал сержант.

Секунду все молчали. Слышался только стрекот насекомых.

– Ну так пусть подаст на нас в суд, – сказал Бобби.

Ричер наклонился вперед.

– ¡Carmen! – закричал он. – ¡Si hay un problema, llama directamente a estos hombres!

Сержант повернул голову к Ричеру.

– Что?

– Ничего.

– Что ты намерен предпринять насчет зарплаты? – спросил сержант.

– Забудем об этом, – ответил Ричер.

Сержант поднял стекло, и машина покатила к воротам. Ричер повернулся назад и увидел, что все Гриры смотрят ему вслед, за исключением Кармен, которая стояла совершенно неподвижно, уставившись в точку, где только что находилась машина. Сержант выехал на дорогу, и Ричер увидел, что все возвращаются в дом. Потом сержант нажал на газ и дом скрылся из виду.

– Что ты сказал? – спросил сержант.

Ричер промолчал. За него ответил второй полицейский:

– Он говорил по-испански. Обращался к женщине. Он сказал: «Кармен, если у тебя возникнут проблемы, свяжись с этими парнями напрямую». У него ужасный акцент.

Ричер молчал.

Они проехали шестьдесят миль, которые он уже проезжал (только в другую сторону) на белом «кадиллаке», к тому же перекрестку, где находились школа Элли, бензоколонка и старая закусочная. Всю дорогу стрелка спидометра стояла на неторопливых пятидесяти пяти милях, так что поездка заняла час и пять минут. Когда они оказались на перекрестке, все уже было закрыто. Лишь в двух домах горел свет. Потом они проехали участок дороги, где Кармен преследовала школьный автобус. Все молчали. Ричер откинулся на спинку заднего сиденья и смотрел в темноту. Они еще двадцать минут двигались на север и миновали поворот, где свернула Кармен. Патрульная машина продолжала катить все дальше, к главному шоссе и Пекосу.

Однако им не удалось до него добраться. За милю до границы округа они получили радиовызов. Разговор получился коротким и скучным, статические помехи несколько раз мешали расслышать слова диспетчера.

– Синий-пять, Синий-пять.

Полицейский взял микрофон и включил рацию.

– Синий-пять слушает, – сказал он.

– Вы должны немедленно прибыть на ранчо «Красный дом» в шестидесяти милях к северу от перекрестка дорог Эхо. Нам поступило сообщение о каких-то проблемах. Конец связи.

– В чем суть проблемы? Конец связи.

– Полной ясности нет. Возможно, применение насилия. Конец связи.

– А, дерьмо, – пробормотал сержант.

– Все понял, мы уже в пути, конец связи, – сказал полицейский, отключил рацию и повернулся к Ричеру. – Похоже, она поняла твой испанский. Значит, не такой уж сильный у тебя акцент.

Ричер ничего не сказал. Сержант повернул голову.

– Нужно видеть и хорошую сторону, приятель. Теперь мы сможем вмешаться, – сказал он.

– Я вас предупреждал, – сказал Ричер. – И вам следовало меня послушать. Если она пострадала, вина ляжет на тебя, приятель.

Сержант ударил по тормозам и развернул автомобиль от одной обочины до другой. Теперь они ехали на юг. Сержант сразу же вдавил педаль газа в пол. Стрелка спидометра поползла вверх – на прямой они мчались со скоростью сто миль в час, и лишь на поворотах сержант снижал скорость до девяноста. Он не стал включать мигалку или сирену. И даже не притормаживал на перекрестках. В этом не было никакой необходимости. Шансов встретить другую машину было гораздо меньше, чем выиграть в лотерею.

Они вернулись обратно ровно через два часа и тридцать минут после отъезда. Девяносто пять минут на север и пятьдесят пять минут на юг. Они сразу увидели подержанную машину шерифа, брошенную во дворе с распахнутой дверью и включенной подсветкой приборной доски. Сержант притормозил рядом.

– Проклятье, что он здесь делает? – спросил он. – Сегодня у него выходной.

Вокруг дома было пусто. Полицейские одновременно распахнули двери. Сержант вытащил ключ из зажигания.

– Выпустите меня, – сказал Ричер.

– Без шансов, приятель, – ответил сержант. – Ты останешься здесь.

Они выбрались из машины, подошли к крыльцу и поднялись по ступенькам. Толкнули дверь. Она была не заперта. Они вошли. Дверь за ними закрылась. Ричер ждал. Пять минут. Семь. Десять. В машине стало тепло. Потом жарко. Было тихо, если не считать потрескивания помех в рации и стрекота насекомых.

Полицейский вернулся через двенадцать минут. Он медленно подошел к машине, снял микрофон и включил рацию.

– Она в порядке? – спросил Ричер.

Полицейский мрачно кивнул.

– Она в порядке, – сказал он. – Во всяком случае, в физическом смысле. Однако она в полном дерьме.

– Почему?

– Потому что нас вызвали вовсе не из-за того, что он на нее напал. Все наоборот. Это она в него стреляла. Он мертв. Мы только что ее арестовали.

Глава 10

Полицейский вызвал «скорую помощь». Потом сделал быстрый доклад диспетчеру. Он дважды произнес слова «пулевые ранения» и трижды «убийство».

– Послушай, – вмешался Ричер, – не нужно называть это убийством по рации.

– Почему?

– Потому что это была самозащита. Он ее избивал. Нужно разобраться во всем с самого начала.

– Не мне это решать. И не тебе.

Ричер покачал головой.

– Нет, решать тебе. Потом твои слова будут иметь немалое значение. Люди запомнят, что вы доложили об убийстве, и ей будет очень трудно. Лучше с самого начала прояснить, что это значит.

– У меня нет таких рычагов влияния.

– Нет, есть.

– Откуда тебе об этом знать?

– Потому что в свое время я был тобой. Я был полицейским, в армии. Я делал доклады. И я знаю, как все это происходит.

Полицейский ничего не ответил.

– У нее есть ребенок, – сказал Ричер. – Тебе следует об этом помнить. Так что ей нужен минимальный залог, поскольку она должна выйти на свободу уже сегодня. Ты можешь этого добиться.

– Она застрелила мужа, – сказал полицейский. – Нужно было раньше думать.

– Он ее избивал. Это была самооборона.

Полицейский вновь промолчал.

– Помоги ей, ладно? Не делай ее жертвой дважды.

– Это она жертва? Тело ее мужа еще не остыло!

– Ты должен проявить сочувствие. Ты должен понимать, каково ей.

– Почему? Что ее со мной связывает?

Теперь промолчал Ричер.

– Ты считаешь, что я должен помочь ей потому, что мы оба латиноамериканцы?

– Речь не идет об одолжениях. Так будет справедливо, – не унимался Ричер. – Она нуждается в твоей помощи.

Полицейский выключил рацию.

– А теперь ты меня оскорбляешь, – угрюмо бросил он.

Он вылез из машины, захлопнул дверцу и зашагал к дому. Ричер посмотрел через стекло направо, в сторону каменистой равнины на западе, жалея о том, что все сложилось именно так.

«Я совершил ошибку, – подумал он. – Мне следовало заставить ее выбросить проклятый пистолет. Или сделать все самому».

Полицейские округа оставались в доме, а Ричеру пришлось целый час просидеть в машине, пока не подъехала еще одна полицейская машина, в которой также находились сержант и полицейский. Полицейский оказался белым, сержант – латиноамериканцем. Они сразу же скрылись в доме. Вновь стало тихо. Жара не спадала. До Ричера доносился вой койотов, стрекот насекомых и шуршание невидимых крыльев. В окнах дома загорался и гас свет. Минут через двадцать уехал шериф Эха. Он вышел из дома и, спотыкаясь, спустился по ступенькам. Шериф выглядел усталым, его рубашка пропиталась потом. Ему пришлось еще попотеть, прежде чем он сумел выехать на дорогу, – мешали полицейские машины.

Еще через час приехала машина «скорой помощи» с включенной мигалкой. Ричер издалека увидел красный пульсирующий свет и яркие фары массивной красно-золотой машины, которая затем въехала в ворота ранчо. На боку виднелась надпись: «Пожарное депо». Возможно, именно эту машину вызывал Билли прошлым вечером. Машина «скорой помощи» сделала круг по двору и остановилась возле крыльца. Медики вылезли наружу, все зевали и лениво потягивались. Они знали, что сегодня им не придется применить свои медицинские познания.

Один из них распахнул задние двери и вместе с товарищем вытащил каталку для перевозки раненых. В компании с приехавшим сержантом они скрылись в доме. Ричер потел, сидя внутри машины. Ему было душно. Он представил себе, как медики идут по коридорам к спальне. Поднимают тело на каталку. Везут каталку к выходу. Задача не из простых – в доме узкие лестницы.

Однако они вернулись довольно быстро и спустили каталку по ступенькам крыльца. Слуп Грир был завернут в белую простыню.

Медики ловко развернули каталку и втолкнули ее в машину. Колеса сложились, каталка заняла свое место, медики захлопнули дверцы.

Медики остались стоять чуть в стороне вместе с тремя полицейскими. Полицейского, который обиделся на Ричера, среди них не было. Должно быть, он остался в доме, чтобы охранять Кармен. Все трое полицейских были совершенно спокойны. Волнения остались позади. Дело сделано. Напряжение спало, однако они были слегка разочарованы, как это часто бывает, когда преступление, которое им следовало предотвратить, все-таки произошло. Ричер прекрасно понимал, как они себя чувствуют. Они поговорили еще несколько минут, потом медики сели в машину, выехали на дорогу и медленно двинулись на север. Полицейские проводили машину взглядами и вернулись в дом. Через пять минут они вышли во двор. На сей раз все четверо и вместе с Кармен.

Она была в тех же джинсах и рубашке. Еще влажные волосы. Руки скованы наручниками за спиной. Голова опущена, лицо побледнело и покрылось потом, глаза тупо уставились в пустоту. Полицейские поддерживали ее за локти. Они втроем неловко спустились по ступенькам и повели ее ко второй патрульной машине. Полицейский распахнул заднюю дверцу, сержант положил руку на голову Кармен и помог сесть. Она не пыталась сопротивляться и вела себя пассивно. Ричер видел, как она неловко уселась на сиденье боком, поскольку ей мешали скованные за спиной руки. Потом она вытянула ноги и неожиданно изящным движением подняла их внутрь. Полицейский убедился, что она уселась, и захлопнул дверцу. В этот момент на крыльце появились Расти и Бобби.

Волосы Расти были растрепаны, словно ее только что подняли с постели. Она надела короткий атласный халат, поблескивавший в свете горящего над крыльцом фонаря. Халат был белым, и ее ноги казались такими же бледными, как материал халата. Бобби в джинсах и футболке остановился у нее за спиной. Туфли Бобби надевать не стал. Они стояли, вцепившись в перила крыльца, с бледными, ошеломленными лицами, широко раскрытые глаза смотрели в никуда.

Вторая пара полицейских села в машину, и сержант включил двигатель. Первые двое полицейских устроились на передних сиденьях своей машины, даже не взглянув на Ричера. Они подождали, когда вторая машина выедет на дорогу, и последовали за ней. Ричер повернул голову, чтобы взглянуть на Расти и Бобби, смотревших им вслед. Обе патрульные машины свернули направо и помчались на север. Ричер успел заметить, как на крыльцо вышла Элли, одетая в пижаму с кроликами. В левой руке она держала игрушечного мишку, правую прижала ко рту.

Они проехали милю, и в машине стало прохладно. В проволочной решетке имелось небольшое отверстие, и, если Ричер нагибался немного в сторону, он мог смотреть вперед сквозь ветровое стекло между радаром и зеркалом. Ему вдруг показалось, что он сидит в кино. Вторая патрульная машина, ехавшая впереди, слегка раскачивалась в свете фар – удивительно близкая, яркая и нереальная в окружении вязкой темноты. Он не видел Кармен. Возможно, она полулежала на сиденье и ее голову скрывала спинка.

– Куда вы ее везете? – спросил он.

Сержант заерзал на своем сиденье и ответил далеко не сразу.

– В Пекос, в тюрьму округа.

– Но мы в Эхе, а не в Пекосе.

– В округе Эхо живет всего сто пятьдесят человек. Неужели ты думаешь, что у них есть своя тюрьма, суд и все остальное?

– И как это у вас устроено?

– Подобными делами занимается Пекос. Там проводится следствие по преступлениям, которые совершаются во всех соседних маленьких округах. И там сосредоточены все административные функции.

Ричер немного подумал.

– Значит, возникнет очень серьезная проблема, – сказал он.

– Почему?

– Потому что Хэк Уокер является окружным прокурором Пекоса. А он лучший друг Слупа Грира. Он будет выступать против женщины, которая застрелила его друга.

– Ты боишься конфликта интересов?

– А ты – нет?

– Не слишком, – ответил сержант. – Мы знаем Хэка. Он не дурак. Если защитник обвинит его в нарушении профессиональной этики, он не возьмется за это дело. У него не будет выбора. Как это называется?

– Возьмет отвод, – сказал Ричер.

– Вот именно. Он передаст ведение дела своему помощнику. Насколько мне известно, оба помощника окружного прокурора Пекоса – женщины. Так что они с сочувствием отнесутся к версии о самообороне.

– Речь не идет о сочувствии, – хмуро сказал Ричер. – Дело абсолютно ясное.

– В ноябре Хэк будет баллотироваться на пост судьи, – сказал сержант. – Имей это в виду. А в округе Пекос много мексиканцев. Он не станет подставляться – Хэк не может позволить себе выглядеть плохо и дать повод для разгромной статьи в газете. На самом деле ей повезло. Мексиканка убивает белого в Эхо, в роли прокурора выступает женщина из Пекоса – обстоятельства складываются для нее наилучшим образом.

– Она из Калифорнии, – возразил Ричер. – И она не мексиканка.

– Однако она похожа на мексиканку, – сказал сержант. – И только это имеет значение для человека, который хочет получить голоса избирателей в округе Пекос.

Две полицейские машины ехали одна за другой. Они догнали и перегнали «скорую помощь» неподалеку от школы и бензоколонки, находившихся на перекрестке. Дальше «скорая помощь» ехала уже за ними.

– Морг тоже находится в Пекосе, – сказал сержант. – Наверное, это одно из самых старых учреждений города. Морг потребовался сразу же. Уж такое это место – Пекос.

Ричер кивнул.

– Кармен рассказывала мне, – сказал он. – Здесь у вас был настоящий Дикий Запад.

– Ты намерен тут остаться?

– Наверное. Я должен убедиться, что с ней все в порядке. Она сказала, что в городе есть музей. Кое-какие интересные места. Чья-то могила.

– Клея Эллисона, – ответил сержант. – Это один старый стрелок.

– Он никогда не убивал тех, кого не следовало убивать.

Сержант кивнул, глядя в зеркало.

– Она может занять такую позицию, верно? Защита Клея Эллисона.

– Почему бы и нет? Это было убийство в целях самозащиты, как ни крути.

Сержант промолчал.

– Во всяком случае, ее должны выпустить под залог, – сказал Ричер. – У нее остался ребенок. Ей необходимо выйти из тюрьмы завтра.

Сержант снова посмотрел в зеркало.

– Завтра это будет сделать непросто, – заметил он. – Не следует забывать, что у нас имеется труп. Кто ее адвокат?

– У нее нет адвоката.

– А деньги на адвоката есть?

– Нет.

– Вот дерьмо, – пробормотал сержант.

– Что? – спросил Ричер.

– Сколько лет ребенку?

– Шесть с половиной.

Сержант промолчал.

– Что? – повторил Ричер.

– Это плохо, что у нее нет адвоката. Ребенку исполнится семь с половиной, прежде чем в суде заслушают вопрос о выходе под залог.

– Но ведь у нее будет адвокат?

– Конечно, так гласит Конституция. Вопрос только когда. Это Техас.

– Если ты просишь государственного адвоката, разве ты не получаешь его сразу же?

– Вовсе нет. Нужно очень долго ждать. Адвокат появится только после предъявления обвинения. Именно так старина Хэк Уокер сумеет избежать конфликта интересов. Он просто посадит ее за решетку и забудет о ней. И будет настоящим дураком, если поступит иначе. Если у нее нет адвоката, кто узнает о ее деле? Обвинение может быть предъявлено к Рождеству. А к этому времени Хэк станет судьей, а не прокурором. И конфликт интересов исчезнет сам собой. Если только ему не придется выступать в качестве судьи на ее процессе. Ну а в этом случае он может отказаться.

– Взять отвод.

– Как скажешь, но отсутствие адвоката все меняет.

Полицейский, который все это время молчал, повернулся к Ричеру и сказал:

– Вот видишь? Теперь уже не имеет значения, что я говорил по рации.

– Так что не трать время на музей, – сказал сержант. – Если ты хочешь ей помочь, постарайся найти адвоката. Проси, занимай или воруй, чтобы заручиться его помощью.

Больше они не разговаривали до самого Пекоса. Они пересекли границу округа по автостраде I-10, следуя за второй патрульной машиной, и перебрались на шоссе I-20 примерно в сотне миль от того места, где Ричер вышел из «кадиллака» Кармен шестьдесят часов назад. Сержант стал притормаживать, и вторая патрульная машина исчезла в темноте. Они остановились на обочине в ста ярдах от «клеверного листа».[13]

– Здесь мы возобновляем свое патрулирование, – сказал сержант. – Ты должен выйти.

– Вы не можете подбросить меня к тюрьме?

– Мы не поедем в тюрьму. Ты не совершал преступлений. И мы не такси.

– Где мы сейчас находимся? – спросил Ричер.

Сержант показал вперед.

– До центра Пекоса около двух миль, – ответил он.

– А где тюрьма?

– На перекрестке рядом с железной дорогой. В подвале здания суда.

Сержант открыл дверь, вышел из машины и потянулся. Затем подошел к задней дверце и с поклоном ее распахнул. Ричер сначала опустил на землю ноги, а потом вылез из машины. Было все еще жарко. Облака закрывали звезды. Одинокие автомобили изредка проносились по мосту развязки. Но в остальное время было удивительно тихо. Почва на обочине была песчаной, на краю виднелись низкорослые бархатные мескитовые деревья и софора. Фары патрульной машины вырывали из темноты старые банки из-под пива, застрявшие в кустарнике.

– Будь осторожен, – сказал сержант на прощание.

Он уселся в машину и захлопнул дверцу. Сержант развернул автомобиль и свернул на автостраду. Ричер стоял и смотрел, как габаритные огни удаляются на восток. Потом зашагал по переходу на север, в сторону неонового сияния Пекоса.

Ричер проходил мимо залитых ярким светом участков дороги, мимо мотелей, которые становились все более эффектными и дорогими по мере того, как он удалялся от автострады. Наконец он подошел к арене

для родео – рядом все еще висели афиши, оставшиеся после проходивших месяц назад соревнований.

«В июле у нас устраивают родео, – сказала Кармен, – но вы его уже пропустили».

Он шагал по проезжей части, поскольку на тротуарах стояли длинные столы, как прилавки на открытом рынке. Все они были пустыми. Но в жарком ночном воздухе Ричер уловил запах мускусной дыни.

«Самые сладкие канталупы в Техасе, – сказала Кармен. – А следовательно, по их мнению, во всем мире».

Наверное, за час до рассвета подъедут старые грузовички, нагруженные спелыми фруктами с полей, политыми водой, чтобы они казались свежими и привлекательными. В кузовах грузовичков приедут целые семьи, они разгрузят фрукты и будут продавать их весь день. Так они узнают, какая их ждет зима, хорошая или плохая. На самом деле Ричер совсем не разбирался в сельском хозяйстве. Его представления о нем были почерпнуты из фильмов. Возможно, в действительности все происходит иначе. Может быть, серьезную роль играют государственные субсидии или гигантские корпорации.

За рынком Ричер увидел два кафе. В одном продавали пончики, в другом – пиццу. Сейчас они были закрыты. Воскресенье, середина ночи, вокруг на мили никого не найдешь. На перекрестке висел указатель – музей находился немного дальше. Справа Ричер увидел здание суда. Довольно красивое здание, но Ричер не стал его разглядывать, а сразу обошел сзади. Ни одна тюрьма не имела входа с улицы.

С тыльной стороны он увидел освещенный вход в полуподвальное помещение. Две цементные ступеньки вели сюда с парковки. В углу стоял запыленный «шевроле». Парковка была огорожена колючей проволокой. На ограде висело большое объявление, предупреждавшее, что машины, припаркованные здесь без разрешения, будут отбуксированы на штрафную стоянку. На столбиках ограды болтались желтые фонари. Вокруг них кружили тучи насекомых. Асфальт под ногами все еще оставался горячим. Здесь не приходилось рассчитывать на свежий ветерок. Двери тюрьмы были сделаны из железа, на выцветшей краске виднелась надпись: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Сверху Ричер заметил маленькую видеокамеру, направленную вниз, над ней горел красный диод.

Ричер спустился по ступенькам и громко постучал в дверь. Потом отступил на шаг, чтобы оказаться в поле зрения камеры. Довольно долго ничего не происходило. Он подошел к двери и постучал снова. Послышался щелчок замка, и дверь открыла женщина. Она была одета в форму судебного пристава, белая, лет пятидесяти, со светлыми

волосами. На широком поясе висели пистолет, дубинка и баллончик со слезоточивым газом. Женщина казалась не слишком подвижной, но ее глаза были внимательными и настороженными.

– Да? – сказала она.

– Кармен Грир у вас? – спросил Ричер.

– Да.

– Могу я ее увидеть?

– Нет.

– Даже на минуту?

– Даже на минуту.

– А когда это будет возможно?

– Вы родственник?

– Я друг.

– Не адвокат?

– Нет.

– Тогда в субботу, – сказала женщина. – Посещения разрешены в субботу, с двух до четырех.

Почти неделя.

– Вы могли бы записать кое-что для меня? – спросил Ричер. Ему нужно было попасть внутрь. – Или дать мне список того, что можно ей принести?

Женщина пожала плечами и отступила в сторону. Ричер последовал за ней. Внутри царила прохлада, кондиционер работал на полную мощность. У судебного пристава был высокий стол, напоминающий кафедру. Или барьер. Вдоль задней стены шел ряд полок. На одной из них Ричер заметил ремень из кожи ящерицы, принадлежащий Кармен. Рядом лежал пакет «Зиплок» с фальшивым кольцом Кармен. Справа находилась дверь, дальше начинался коридор с полом, выложенным кафелем.

– Как она? – спросил он.

Судебный пристав вновь пожала плечами.

– Ее нельзя назвать счастливой.

– Из-за чего?

– Главным образом из-за личного обыска. У нее была настоящая истерика. Но правила есть правила. Неужели она думает, что я получаю от этого удовольствие?

Она вытащила из стопки лист, напечатанный на мимеографе, и протянула Ричеру.

– Суббота с двух до четырех, как я вам сказала. И не приносите того, чего нет в списке, иначе вас не впустят.

– А где офис окружного прокурора?

Она показала на потолок.

– На втором этаже. Вход с улицы.

– Когда он открывается?

– Примерно в восемь тридцать.

– У вас есть поблизости контора поручителя под залог?

Женщина улыбнулась.

– Вы когда-нибудь видели суд, у которого нет такой конторы? На перекрестке свернете налево.

– А как насчет адвокатов?

– Дешевых адвокатов или дорогих адвокатов?

– Бесплатных адвокатов.

Она снова улыбнулась.

– На той же улице. Там все рядом. Поручитель и государственные адвокаты.

– Вы уверены, что я не могу ее повидать?

– В субботу сможете.

– А сейчас? Хотя бы на минутку?

– Нельзя даже на минутку.

– У нее есть дочь, – зачем-то сказал Ричер.

– Вы разбили мое сердце, – ответила женщина.

– Когда вы ее увидите сами?

– Через каждые пятнадцать минут, хочет она того или нет. Мы не должны допустить самоубийства, хотя ваша подруга не того сорта. Такие

вещи сразу видны. Она крутая особа. Так мне кажется. Но правила есть правила, верно?

– Передайте ей, что приходил Ричер.

– Кто?

– Ричер. Скажите, что я буду рядом.

Женщина кивнула, словно хотела показать, что все это уже не раз видела. Впрочем, так оно, наверное, и было.

– Уверена, что она будет в восторге.

По дороге к мотелям Ричер вспоминал о том, как работал в тюрьме в самом начале своей карьеры. Едва ли он мог, положа руку на сердце, сказать, что вел себя лучше, чем женщина, с которой он только что познакомился.

Ему пришлось дойти почти до самой автострады – только тогда он нашел мотель, где номер стоил менее тридцати долларов. Он разбудил ночного портье и получил ключ от номера, находившегося почти в самом конце ряда. Все внутри было старое, покрытое слоем неотмывающейся грязи, указывающей на леность обслуживающего персонала. Простыни были слегка влажные, воздух в номере сырой и жаркий – видимо, они экономили электричество и выключали кондиционер, если в номере никто не останавливался. Однако здесь можно было жить. У бывших военных есть одно преимущество перед всеми остальными людьми: они в состоянии жить где угодно. Ведь им есть с чем сравнивать.

Ричер спал плохо и проснулся в семь часов. Он принял душ – вода была тепловатой – и отправился позавтракать в кафе, где купил пончиков. Кафе открывалось очень рано и рекламировало техасские пончики. Они оказались больше обычных, да и стоили дороже. Он съел два пончика и выпил три чашки кофе. Потом отправился на поиски одежды. С тех пор как закончился его короткий роман с собственным домом, Ричер вернулся к прежней системе. Он покупал дешевую одежду, а старую выбрасывал, вместо того чтобы заниматься стиркой. Получалось неплохо. Главное, ему больше не грозило постоянство.

Он отыскал дешевый магазин, который был открыт в столь ранний час. Здесь продавали все – от плохой туалетной бумаги до рабочих ботинок. Ричер нашел целый стеллаж с брюками из хлопчатобумажного твила, на которых кто-то срезал этикетки. Возможно, они были бракованными. Или крадеными. Он отыскал брюки подходящего размера и рубашку цвета хаки из тонкого материала, скроенную по типу гавайской, причем стоила она дешевле техасского пончика. Потом Ричер подобрал себе

нижнее белье белого цвета. В магазине не было возможности примерить одежду, однако Ричер уговорил продавца впустить его в туалет для персонала. Он надел новую одежду и переложил вещи, лежащие у него в карманах. Он все еще таскал с собой восемь гильз, которые подобрал после пробных выстрелов Кармен из «Лорейна». Взвесив их на ладони, Ричер засунул гильзы в карман новых брюк.

Старую одежду он выбросил в ведро для мусора. Вернувшись в торговый зал, он заплатил тридцать долларов наличными. Он мог прожить в этой одежде три дня. Десять долларов в день только на одежду – сначала это казалось слишком большой суммой, но Ричер быстро изменил свою точку зрения, когда выяснил, что стиральная машина стоит четыреста долларов, сушилка еще триста, а подвал, где их можно установить, предполагает владение домом, на покупку которого придется потратить никак не меньше ста тысяч, а потом платить десятки тысяч в год на налоги, содержание, страховку и прочую чепуху. После таких подсчетов десять долларов в день на одежду уже не казались глупостью.

Ричер ждал на тротуаре под тентом, в тени, до тех пор, пока не пробило восемь часов. Он решил, что судебный пристав сменяется в восемь часов. Такой режим выглядел разумным. Он не ошибся. В пять минут девятого уже знакомая ему женщина вышла из тюрьмы и уехала на запыленном «шевроле». Ричер перешел на противоположную сторону улицы и решил вновь попытать счастья. Если тебе не поможет ночная смена, может быть, ты сумеешь договориться с дневной. Те, кто работают ночью, всегда жестче. Им приходится меньше общаться с другими людьми, да и начальство посещает их не слишком часто. В результате они начинают считать себя самыми главными.

Однако дневная смена оказалась не менее суровой. Мужчина, чуть помоложе, чем женщина, но такой же плотный и неуступчивый. Разговор получился таким же.

«Могу я ее повидать?» – «Нет». – «А когда?» – «В субботу». – «Она в порядке?» – «Насколько это можно ожидать в ее положении». Такие разговоры ведут обычно врачи после операции. Ричер получил подтверждение, что только адвокату разрешен неограниченный доступ к арестованным. Ему ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски адвоката.

События прошлой ночи произвели на обитателей красного дома ошеломляющее впечатление. Кроме того, в нем осталось гораздо меньше людей, что вполне устраивало убийц. Двое наемных работников исчезли, высокий незнакомец тоже. Отсутствовали также Кармен Грир и ее муж. Остались только старуха, второй сын и внучка. Всего трое в большом доме. Был понедельник, но ребенок не пошел в школу. Автобус

подъехал к дому, но девочка так и не вышла. Она болталась вокруг конюшни, иногда заходила внутрь и вновь появлялась. Девочка выглядела вялой и безразличной. Как и все остальные. Что ж, так за ними было проще наблюдать. Они превратились в более удобные цели.

Двое мужчин прятались за скалой, расположенной напротив ворот ранчо. У них было очень удобное убежище, поскольку скала находилась двадцатью ярдами выше по склону. Они все прекрасно видели. Женщина высадила их в трехстах ярдах к северу от ранчо и уехала в Пекос.

– Когда? – спросили они у женщины.

– Когда я скажу, – ответила она.

На перекрестке в центре Пекоса Ричер свернул налево и зашагал по улице, тянущейся параллельно железной дороге. Он прошел мимо автобусной остановки и оказался в районе, где все занимались обслуживанием тех, кто был как-то связан с судом. Судебный пристав дала ему совершенно точную информацию. Сквозь стекла Ричер видел ряды письменных столов, рядом с которыми стояли стулья для посетителей. Столы были завалены горами бумаг, на стенах адвокаты прикрепили записки и объявления. В двадцать минут девятого здесь кипела напряженная жизнь. Возле каждого стола скопились небольшие очереди, на стульях сидели озабоченные клиенты. Некоторые поодиночке, но чаще семьи, нередко с детьми. И все они были латиноамериканцами. Как и часть адвокатов. Мужчины и женщины, старые и молодые, полные надежд и отчаявшиеся. Всех объединяло одно – застывшая на лицах тревога.

Ричер нашел единственное место, где рядом со столом адвоката оставался свободный стул. Он уже успел пройти до середины улицы, стол стоял в дальнем конце помещения, и за ним сидела молодая женщина лет двадцати пяти с густыми, коротко подстриженными черными волосами. Она великолепно загорела, а вместо рубашки на ней был белый спортивный топик. Кожаная куртка висела на спинке стула. Женщину почти скрывали две высокие стопки бумаг. Она говорила по телефону и едва не плакала.

Ричер подошел к столу и стал ждать, пока ему жестом не предложат сесть. Женщина никак на него не реагировала, и тогда он сел без приглашения. Она бросила на него быстрый взгляд и отвернулась, продолжая разговаривать по телефону. У нее были темные глаза и белые зубы. Она довольно медленно говорила по-испански с акцентом Восточного побережья, так что Ричер почти все понимал.

– Да, мы победили... но он не будет платить. Просто не будет. Он отказывается.

Время от времени она замолкала и слушала. Потом начинала повторять снова: «Мы выиграли, но он отказывается платить». И снова слушала. Вероятно, у нее спрашивали: «И что мы теперь будем делать?», поскольку она отвечала: «Мы вновь обратимся в суд, чтобы заставить его заплатить». Следующий вопрос, очевидно, звучал так: «И как долго это будет продолжаться?», поскольку женщина заметно помрачнела и ответила: «Год. Может быть, два». Ричер понял, что на другом конце провода молчат, и внимательно всмотрелся в лицо женщины. Она была расстроена, смущена и унижена. Сморгнув слезы разочарования, она сказала: «Llamaré de nuevo más tarde». И повесила трубку. «Я вам еще позвоню».

Потом она повернулась к Ричеру, закрыла глаза и начала глубоко дышать через нос, положив обе ладони на стол. Возможно, в юридическом колледже ее научили расслабляться. Однако Ричер видел, что у нее ничего не получается. Открыв глаза, она убрала папку в стол и принялась изучать бумаги, лежащие перед ней.

– Проблемы? – спросил Ричер.

Она пожала плечами и одновременно кивнула. Универсальное выражение страдания.

– Мало выиграть процесс, это лишь половина дела, – сказала она. – Иногда даже намного меньше половины, уж поверьте мне.

– Что у вас случилось?

Она покачала головой.

– Вас это не должно интересовать.

– Какой-то тип отказывается платить? – спросил Ричер.

Она вновь пожала плечами и кивнула.

– Владелец ранчо, – сказала она. – Он врезался в грузовичок моего клиента. Пострадал не только мой клиент, но и его жена и двое детей. Рано утром. Этот тип пьяным возвращался с вечеринки. А они ехали на рынок. Было время сбора урожая, они не могли работать в поле и потеряли весь урожай.

– Мускусная дыня?

– Сладкий перец. Сгнил на корню. Мы подали иск и выиграли – ответчик должен выплатить двадцать тысяч долларов. Однако этот тип отказался. Просто отказался, и все тут. Он выжидает – рассчитывает, что

они не выдержат и вернутся в Мексику. Так и будет, поскольку следующий процесс займет еще год, а они не смогут продержаться так долго, понимаете?

– У них не было страховки?

– Страховки слишком дороги. Этим людям едва хватало на жизнь. Мы могли лишь подать иск непосредственно на владельца ранчо. У нас были собраны убедительные свидетельства, дело удалось выиграть. Однако старик сохранял полное спокойствие и лишь нагло ухмылялся.

– Не повезло, – сказал Ричер.

– Просто невероятно, – продолжала она. – Эти люди прошли через такие ужасные испытания, вы не поверите. У семьи, о которой я рассказываю, убили старшего сына. Застрелили на границе.

– Неужели?

Она кивнула.

– Двенадцать лет назад. Они пытались нелегально перейти границу. Отдали все свои сбережения проводнику, который обещал их провести, но бросил их в пустыне. Они остались без воды и пищи. Днем им приходилось прятаться, а по ночам они шли на север. Патруль заметил их ночью, началось преследование в темноте, и старшего сына застрелили. Они похоронили его в пустыне и пошли дальше.

– С этим удалось что-то сделать?

– Какое там! Они были нелегалами и ничего не могли предпринять. Такие вещи происходят постоянно. У многих случилось нечто похожее. Теперь им удалось как-то устроить свою жизнь, они получили иммиграционную амнистию, мы пытаемся убедить их верить в закон – и тут в их грузовичок врезается пьяный мерзавец. Я чувствую себя такой дурой!

– Но тут нет вашей вины.

– Это моя вина. Мне бы следовало знать, чем все закончится. А я говорила им: «Верьте нам».

Женщина замолчала, Ричер видел, как она пытается взять себя в руки.

– В любом случае… – начала она и замолчала.

Она была красивой женщиной. В помещении стояла жара. Единственный старый кондиционер, установленный у входа, старался изо всех сил, но не справлялся.

– В любом случае… – снова начала она и посмотрела на Ричера. – Как я могу вам помочь?

– Не мне, – покачал головой Ричер. – Женщине, которую я знаю.

– Ей нужен адвокат?

– Она застрелила мужа. Он ее избивал.

– Когда?

– Прошлой ночью. Сейчас она в тюрьме, на противоположной стороне улицы.

– Он мертв?

Ричер кивнул:

– Без малейших признаков жизни.

Ее плечи опустились. Она открыла ящик стола и вытащила желтый блокнот.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Меня?

– Но ведь это вы ведете разговор со мной.

– Ричер, – ответил он. – А как зовут вас?

На первой строке блокнота она записала: Ричер.

– Элис. Элис Аманда Аарон.

– Вам следует заняться частной практикой. Ваше имя будет первым в «Желтых страницах».

По ее губам скользнула слабая улыбка.

– Однажды так и будет. Я заключила пятилетнюю сделку со своей совестью.

– Расплачиваетесь с долгом?

– Расплачиваюсь за свое везение. За то, что посещала Гарвардский университет. За то, что выросла в семье, где двадцать тысяч долларов в месяц – обычная плата за квартиру на Пятой авеню, а не вопрос жизни и смерти на период техасской зимы.

– Вы поступаете благородно, Элис, – сказал Ричер.

– Расскажите мне об этой женщине.

– Ее предки были мексиканцами, а муж – белым. Ее зовут Кармен Грир, мужа звали Слуп Грир.

– Слуп?

– Как лодка.

– Понятно, – кивнула Элис, записывая в блокнот.

– Побои прекратились в последние полтора года, поскольку он оказался в тюрьме за уклонение от уплаты налогов. Вчера он вышел на свободу и снова принялся за свое. Она его застрелила.

– Понятно.

– Улики и свидетелей будет трудно найти. Он избивал ее тайно.

– Травмы?

– Они были довольно серьезными. Однако она во всем винила лошадей.

– Лошадей?

– Кармен говорила, что падала.

– Почему?

Ричер пожал плечами.

– Понятия не имею. Давление со стороны мужа, стыд, смущение – кто знает?

– Однако вы совершенно уверены, что он ее избивал?

– Да, я уверен.

Элис перестала писать, но продолжала смотреть в блокнот.

– Ну, едва ли дело окажется простым, – сказала она. – В Техасе закон не слишком давно стал защищать женщин от мужей, так что я бы предпочла иметь более очевидные улики. Однако его тюремное заключение нам поможет. Он ведь не был образцом гражданских добродетелей, верно? Мы можем настаивать на неумышленном убийстве. Может быть, удастся добиться небольшого срока с условным освобождением. Если мы будем работать напряженно, то такой шанс есть.

– Это было убийство в целях самозащиты.

– Я уверена, что так и есть, но вопрос в том, удастся ли это доказать.

– И она должна выйти под залог, – сказал Ричер. – Сегодня.

Элис оторвалась от блокнота и посмотрела на Ричера.

– Под залог? – повторила она так, словно услышала незнакомые слова. – Сегодня? Забудьте об этом.

– У нее есть дочь. Маленькая девочка шести с половиной лет.

Элис записала это в блокнот.

– Не имеет значения. У всех есть дети.

Она провела пальцем по толстым стопкам папок.

– У них у всех дети, – продолжала она. – Шесть с половиной лет, полтора года, двое детей, шесть лет, семь, десять.

– Девочку зовут Элли, – сказал Ричер. – Она нуждается в матери.

Элис записала «Элли» и провела от ее имени стрелочку к «Кармен Грир».

– Есть только два способа добиться, чтобы ее выпустили под залог. Прежде всего суд должен рассмотреть прошение о выходе под залог – но мы к этому не готовы. Пройдут месяцы, прежде чем я начну над этим работать. Мое время расписано далеко вперед. Но даже после того, как я вплотную займусь вашим делом, пройдут месяцы, прежде чем бумаги будут готовы для первых слушаний, учитывая все обстоятельства.

– О каких обстоятельствах вы говорите?

– Ее слово против репутации убитого. Если у нас нет свидетелей, нам придется получить постановление суда на рассмотрение ее медицинской карточки, потом найти эксперта, который сможет дать показания, что ее травмы не могли быть получены в результате падения с лошади. Очевидно, у нее нет денег, иначе вы бы не пришли сюда, так что нам придется искать экспертов, которые будут работать бесплатно. Такие эксперты существуют, но придется долго ждать.

– А что можно сделать сразу?

– Я могу явиться в тюрьму и сказать: «Привет, я ваш адвокат, встретимся через год». Больше ничего нельзя сделать сразу.

Ричер оглядел зал. В нем было полно людей.

– Никто другой не сможет проделать все это быстрее, – сказала Элис. – Я здесь сравнительно недавно. Поэтому у меня пока меньше дел, чем у остальных.

Похоже, она говорила правду. На ее столе высились только две стопки дел. У ее соседей было от трех до пяти стопок.

– А каков второй способ?

– О чем вы?

– О втором способе выхода под залог. Вы сказали, что существует два способа.

Она кивнула.

– Второй способ состоит в том, чтобы убедить окружного прокурора не возражать. Если мы обратимся к судье и попросим отпустить Кармен под залог, а прокурор скажет, что у него нет возражений, то судья, скорее всего, даст согласие.

– Хэк Уокер был близким другом Слупа Грира.

Плечи Элис вновь опустились.

– Замечательно. Очевидно, он возьмет отвод. Но его заместители будут из кожи вон лезть, чтобы сделать так, как захочет он. Забудьте о выходе под залог. У нас ничего не выйдет.

– Но вы беретесь защищать Кармен?

– Конечно. Для этого мы все здесь работаем. Мы все берем новые дела. Так что я позвоню в офис Хэка Уокера, а потом навещу Кармен. Но сейчас я больше ничего не смогу сделать. Вы понимаете? В остальном мое согласие стать адвокатом Кармен ничего не меняет.

Ричер немного помолчал, а потом тряхнул головой.

– Нет, этого недостаточно, Элис. Я хочу, чтобы вы начали работать прямо сейчас. Пусть что-нибудь произойдет.

– Я не могу. В течение ближайших месяцев я занята. Я же вам говорила.

Она замолчала, и Ричер некоторое время наблюдал за ней.

– Вы готовы заключить сделку? – спросил он.

– Сделку?

– Предположим, я помогу вам, а вы поможете мне.

– Как вы можете мне помочь?

– Я могу кое-что для вас сделать. Скажем, я могу получить двадцать тысяч для ваших подзащитных, которые выращивают сладкий перец. Сегодня. И тогда вы начнете работать на Кармен Грир. Сегодня.

– Вы что, агент по взысканию долгов?

– Нет, но я очень быстро учусь. Полагаю, что речь не идет о полетах в космос.

– Я не могу вам это позволить. Скорее всего, вы нарушите закон. Ведь у вас нет лицензии?

– А если я приду сюда с чеком на двадцать тысяч долларов, вас это устроит?

– Но как вы это сделаете?

Он пожал плечами.

– Просто попрошу его у того типа.

– И у вас получится?

– Весьма возможно, – ответил Ричер.

Элис покачала головой.

– Но это будет неэтично.

– По сравнению с чем?

Она довольно долго ничего не отвечала и смотрела куда-то далеко. Потом взглянула на телефон. Ричер видел, что она представляет себе, как сообщает своим клиентам хорошие новости.

– Как зовут владельца ранчо? – спросил он.

Элис посмотрела на ящик стола и вновь покачала головой.

– Я не могу вам сказать. Это будет нарушением профессиональной этики.

– Я вызвался сам. Вы меня ни о чем не просили, – спокойно сказал Ричер.

Она сидела совершенно неподвижно.

– Я сам вызвался вам помочь, – продолжал уговаривать Ричер.

Элис посмотрела ему в глаза и сказала:

– Мне нужно выйти.

Она быстро встала и стремительно вышла. На ней были шорты из хлопка, и она оказалась выше, чем Ричер предполагал. Короткие шорты, длинные ноги. Превосходный загар. И она прекрасно выглядела, когда он смотрел на нее сзади. Элис вышла в заднюю дверь. Ричер встал, наклонился над столом и выдвинул ящик. Взял верхнюю папку и перевернул ее так, чтобы иметь возможность читать. Папка была набита

различными документами. Он быстро просмотрел их и наткнулся на лист, где было напечатано слово «ОТВЕТЧИК», а также имя и адрес. Ричер сложил листок и сунул в карман рубашки. Потом закрыл папку, перевернул ее и задвинул ящик стола. Через мгновение Элис вошла в ту же самую дверь и направилась к столу. С этой стороны она выглядела ничуть не хуже.

– Где я могу взять на время машину? – спросил Ричер.

– У вас нет машины?

Он покачал головой.

– Ну тогда вы можете воспользоваться моей машиной, – предложила Элис. – Она стоит на стоянке рядом с этим зданием.

Она вытащила ключи из кармана куртки и протянула Ричеру, уточнив:

– «Фольксваген».

Он взял ключи.

– В бардачке найдете карту. На тот случай, если вы не знаете наших мест.

Ричер встал.

– Возможно, я зайду попозже, – сказал он.

Элис ничего не ответила. Он прошел через толпу и вновь оказался под жарким техасским солнцем.

Глава 11

На стоянке оказался только один «фольксваген». Он поджаривался на солнце в самом центре площадки, ярко-желтый «жук» новой формы с нью-йоркскими номерами. Машина была куплена полтора года назад, а в бардачке оказалась не только груда карт, но и пистолет.

Красивый никелированный «Хеклер и Кох P7M10», с четырехдюймовым дулом и обоймой, содержащей десять пуль калибра 0,40. Когда Ричер служил в армии, там использовали такой же пистолет, только из вороненой стали и калибра 9 миллиметров, однако потом Министерство обороны стало возражать из-за его высокой цены, которая примерно в шестнадцать раз превышала стоимость «лорсина» Кармен Грир, обошедшегося ей в восемьдесят долларов. Превосходное оружие, едва ли не лучшее из всего, что можно купить. Возможно, подарок семьи, живущей на Пятой авеню. Машина наверняка тоже от них. «Фольксваген», конечно же, показался им самым естественным выбором. Отличный подарок на успешное окончание университета.

Однако пистолет – совсем другое дело. Родители, живущие в квартире на Пятой авеню, стали тревожиться: «Где она собирается работать? С бедняками? Тогда ей потребуется защита». Они занялись изучением вопроса и купили Элис лучшее оружие из всего, что мог предложить рынок. Если бы ей потребовались часы, они бы купили «Ролекс».

Повинуясь привычке, Ричер разобрал пистолет, проверил, все ли в порядке, а потом быстро его собрал. Пистолет был новым, но из него стреляли и чистили не менее четырех или пяти раз. Похоже, Элис провела немало часов в тире. Может быть, в каком-нибудь эксклюзивном заведении на Манхэттене. Ричер улыбнулся и спрятал пистолет под картами. Потом отодвинул сиденье назад, вставил ключ в зажигание, включил двигатель и кондиционер. Вытащив карты, он разложил их на соседнем сиденье. Достал листок с адресом владельца ранчо и стал искать его на карте. Похоже, тот жил где-то на северо-востоке от города. Час быстрой езды, не более.

У «фольксвагена» была ручная коробка передач с довольно жестким ходом, и Ричеру потребовалось некоторое время, чтобы к ней привыкнуть. Он чувствовал себя не в своей тарелке, и ему казалось, что он привлекает внимание. Автомобиль хорошо держал дорогу, и вскоре Ричер заметил небольшую вазу, укрепленную над приборной доской. В ней стоял розовый цветок, который начал оживать по мере того, как внутри становилось прохладнее. Ричер уловил слабый аромат духов. Он научился водить машину двадцать лет назад, когда был еще совсем мальчишкой и не имел возможности получить настоящие права. Его первой машиной был мощный грузовик, который использовался в подразделениях морской пехоты, кабина находилась на высоте шести футов над землей, и сейчас то время казалось Ричеру бесконечно далеким.

Карта показывала семь разных выездов из Пекоса. Он въехал в город по самому южному, но там не было того, что он искал. Оставалось проверить еще шесть. Инстинкт вел Ричера на запад. У него возникло ощущение, что центр тяжести города смещен к востоку от перекрестка, следовательно, восточное направление исключалось. Ричер направил автомобиль подальше от адвокатов и поручителей под залог, в сторону Эль-Пасо, свернул направо и вскоре нашел то, что ему требовалось. Даже в самом маленьком городе на въезде имеется улица, на которой располагаются магазины, торгующие автомобилями. Пекос не был исключением.

Ричер проехал по этой улице до самого конца, развернулся и двинулся обратно, пытаясь найти подходящее место. Он отыскал два варианта. В обоих случаях аляповатые плакаты обещали «ОБСЛУЖИВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ АВТОМОБИЛЕЙ», а также «БЕСПЛАТНЫЙ ПРОКАТ». Ричер выбрал место, которое находилось ближе к выезду из

города. Здесь продавали подержанные машины. Дюжина драндулетов стояли в ряд, на ветровых стеклах виднелись таблички с ценами. Офис располагался в трейлере. В глубине Ричер заметил длинный низкий ангар с гидравлическими подъемниками. Полом в ангаре служила залитая машинным маслом земля. Внутри барака Ричер насчитал четверых механиков. Один из них лежал под британской спортивной машиной. Остальные трое были свободны. Затишье в жаркое утро понедельника.

Он подъехал на желтом «фольксвагене» к самому ангару. Трое механиков лениво подошли к нему. Один из них показался Ричеру старшим. Ричер попросил его сделать ход рычага сцепления более мягким. Тот с радостью ухватился за возможную работу и предупредил, что она обойдется в сорок долларов. Ричер согласился, но попросил, чтобы ему дали другую машину. Механик провел его за ангар и предложил древний «крайслер ле-барон» с открывающимся верхом. Когда-то он был белым, но от возраста и солнца приобрел цвет хаки. Ричер захватил пистолет Элис, который аккуратно завернул в карты, словно только что получил пакет в магазине, и положил на сиденье рядом с собой. Потом он попросил у механика новую веревку.

– Вы хотите взять кого-то на буксир? – спросил механик.

– Нет, мне просто нужна веревка, и все, – ответил Ричер.

– Вам нужна веревка, но вы не собираетесь никого буксировать?

– Совершенно верно.

Механик пожал плечами и отошел. Через минуту он вернулся с мотком веревки. Ричер положил веревку на пол рядом с пассажирским сиденьем. Потом он направился на «ле-бароне» к центру Пекоса и вновь выехал из города на северо-восток, но теперь он чувствовал себя намного лучше. Только дурак попытается заниматься нелегальным взиманием долгов на диких просторах Техаса в ярко-желтом автомобиле с нью-йоркскими номерами и цветочной вазочкой на приборной доске.

Ричер остановился на обочине, при помощи мелкой монетки снял номера «крайслера», положил их на пол рядом с мотком веревки, а болты убрал в бардачок. Теперь осталось найти ранчо. Сейчас он находился в трех часах езды к северу от жилища Гриров, но местность здесь была практически такой же, только ее лучше орошали. Кое-где даже росла трава. Мескитовые деревья кто-то сжег. Ричер проезжал мимо обработанных участков земли, на которых росли зеленые кустики. Может быть, перцы. Или мускусные дыни. Ричер понятия не имел. На обочине дороги он заметил софору. Изредка попадались «колючие

груши».[14] Людей не было. Солнце висело высоко в небе, линия горизонта мерцала.

Владельца ранчо звали Линдон Дж. Бревер. Его адрес представлял собой номер маршрута, на карте Элис он был показан как участок дороги протяженностью в сорок миль, доходящий до Нью-Мексико. Точно такая же дорога вела из Эха на юг к ранчо Гриров – пыльное щебеночно-асфальтовое покрытие, вдоль которого шла линия электропередачи. Каждые пятнадцать миль Ричер проезжал мимо больших ворот, ведущих к ранчо. Каждое ранчо имело название, которое вовсе не обязательно совпадало с именами владельцев, как, к примеру, «Красный дом» Гриров. Так что поиски Линдона Дж. Бревера могли оказаться не такими уж простыми.

Однако ему повезло, поскольку он подъехал к перекрестку двух дорог, где на обочине стояли почтовые ящики с написанными на них названиями ранчо и фамилиями владельцев. На белом ящике выделялась надпись, сделанная черной краской: «Бревер, ранчо „Большая шляпа“».

Ричер обнаружил въезд на ранчо «Большая шляпа» пятнадцатью милями севернее. Воротами служила причудливая железная арка, выкрашенная в белый цвет, – нечто похожее можно увидеть в качестве опоры крыши оранжереи в Чарлстоне или Новом Орлеане. Он въехал внутрь и остановил машину на обочине, возле столба линии электропередачи, затем вылез из машины и посмотрел вверх. На верхушке столба находился большой трансформатор. Там же имелось Т-образное соединение, от которого шел провод, по-видимому, в сторону ранчо. Футом ниже Ричер заметил телефонный кабель.

Он вытащил пистолет Элис из свертка с картами и захватил моток веревки. Один конец веревки он ловко привязал к спусковой скобе пистолета. Выбрал двадцать футов веревки и на пробу несколько раз покрутил пистолетом вокруг себя. Затем, держа свободный конец веревки левой рукой, правой швырнул пистолет вверх так, чтобы попасть между проводом электропередачи и телефонным кабелем. В первый раз он промахнулся. Бросок получился неудачным, но Ричер успел поймать пистолет. Во второй раз он бросил сильнее – и добился успеха. Пистолет пролетел в нужном месте, и веревка оказалась наброшенной на телефонный кабель. Ричер аккуратно вытравил левой рукой веревку, и пистолет опустился вниз. Он отвязал пистолет и бросил на сиденье, а потом зажал оба конца веревки в руках и резко потянул веревку на себя. Кабель оторвался от соединительной коробки и упал на землю. В результате весь кусок оказался лежащим на земле до следующего столба, который находился в сотне футов.

Ричер свернул веревку и положил ее на прежнее место в машине. Вернувшись за руль, он проехал почти милю до дома, выкрашенного в белый цвет, – он не раз видел такие в исторических фильмах. Фасад украшали четыре массивные колонны, на которых держался балкон второго этажа. Широкая лестница вела к двойным дверям. Лужайка перед домом была тщательно ухожена. Место для парковки покрыто ровным гравием.

Ричер остановил машину на площадке, рядом со ступеньками, и выключил двигатель. Он заправил рубашку в брюки. Одна девушка, которая занималась фитнесом, сказала, что так его торс кажется треугольным. Пистолет Ричер засунул в правый карман, чтобы он вырисовался на фоне бедра. Напоследок Ричер закатал рукава рубашки, чтобы открыть бицепсы. Он сжимал рулевое колесо «ле-барона» до тех пор, пока не проступили вены на бицепсах. Когда ваши руки толще, чем ноги у большинства людей, бывает полезно привлечь к этому факту внимание.

Ричер вышел из машины, поднялся по ступенькам и позвонил в дверной звонок. Где-то внутри особняка раздался мелодичный звон. Теперь оставалось только ждать. Ричер уже хотел позвонить еще раз, когда левая створка двери распахнулась. На пороге стояла служанка очень маленького роста в серой форме, по-видимому уроженка Филиппин.

– Я пришел к Линдону Бреверу, – сказал Ричер.

– У вас есть предварительная договоренность? – спросила служанка на превосходном английском.

– Да, конечно.

– Но он мне ничего не сказал.

– Наверное, забыл, – сказал Ричер. – Насколько мне известно, он настоящая задница.

Ее лицо напряглось. Но вовсе не из-за того, что служанку потрясло заявление Ричера. Она отчаянно боролась с улыбкой.

– Как мне вас представить?

– Ратерфорд Б. Хейс, – сказал Ричер.

Служанка немного помолчала, а потом не выдержала и улыбнулась.

– Девятнадцатый президент, следом за Улиссом С. Грантом. Родился в тысяча восемьсот двадцать втором году в Огайо. Был президентом с тысяча восемьсот семьдесят седьмого до тысяча восемьсот восемьдесят первого. Один из семи президентов, родившихся в Огайо. Второй в тройке идущих один за другим.

– Он мой предок, – заявил Ричер. – Я тоже из Огайо. Однако я не интересуюсь политикой. Передайте мистеру Бреверу, что я работаю в банке Сан-Антонио и мы только что обнаружили акции на имя его деда стоимостью в один миллион долларов.

– Он будет доволен, – сказала служанка.

Она сразу же скрылась внутри дома, но Ричер последовал за ней и успел заметить, как она поднимается по широкой лестнице. Она двигалась легко, слегка придерживаясь одной рукой за перила. Вестибюль был размером с баскетбольную площадку, здесь царили тишина и прохлада. Золотистые дубовые панели, служившие отделкой стен, были отполированы руками горничных многих поколений. Высокие напольные часы тихонько тикали, отмеряя секунды. Неподалеку стояло старинное канапе – обычно на таких позируют светские женщины для дорогих портретов. Интересно, подумал Ричер, выдержит ли канапе нагрузку, если он на него сядет. Он нажал ладонью на бархатную обивку и почувствовал, как поддается под его рукой конский волос. В этот момент на лестнице появилась служанка и стала неспешно спускаться вниз, все так же скользя рукой по перилам.

– Он примет вас прямо сейчас, – сказала она. – Он на балконе, в задней части дома.

На втором этаже имелся точно такой же вестибюль. Двустворчатые двери вели на балкон, который шел по всей длине дома и выходил на огромный луг. Балкон был крытым, на потолке лениво крутились лопасти вентиляторов. На балконе стояла тяжелая плетеная мебель, выкрашенная в белый цвет. В кресле за маленьким столиком сидел мужчина. На столе стояли кувшин и стакан, наполненный какой-то жидкостью, похожей на лимонад, но там могло быть все, что угодно. Мужчине с бычьей шеей было около шестидесяти лет. Черты лица успели расплыться, но лет двадцать назад этот человек мог произвести впечатление. Его лицо покраснело от долгих часов, проведенных на солнце, грива седых волос спадала на плечи. Бревер одевался во все белое. Белые брюки, белая рубашка, белые туфли. Казалось, он собрался играть в крикет в модном загородном клубе.

– Мистер Хейс? – спросил он.

Ричер подошел к нему и сел, не дожидаясь приглашения.

– У вас есть дети? – спросил он.

– Три сына, – ответил Бревер.

– Кто-нибудь из них дома?

– Нет, они все работают.

– Ваша жена?

– Уехала погостить в Хьюстон.

– Значит, вы остались вдвоем со служанкой?

– А почему вы спрашиваете?

Бревер явно испытывал нетерпение, но вел себя вежливо, как и подобает человеку в разговоре с тем, кто намерен передать вам миллион долларов.

– Я банкир, – сказал Ричер. – Я должен задавать такие вопросы.

– Расскажите мне про пакет акций, – сказал Бревер.

– Пакета не существует. Я солгал.

Бревер удивился. Потом на его лице появилось разочарование, почти сразу же сменившееся раздражением.

– Тогда зачем вы здесь? – спросил он.

– Обычно мы используем именно такую технику. На самом деле я занимаюсь ссудами. Иногда некоторые люди, которым требуется ссуда, не хотят, чтобы об этом знали его домашние.

– Но мне не нужен заем, мистер Хейс.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен.

– А мы получили другие сведения.

– Я богатый человек. Я сам даю взаймы. И не беру ссуд.

– Неужели? А мы слышали, что у вас возникли проблемы с выполнением ваших обязательств.

Бревер не сразу понял, о чем идет речь. Потом на его лице появилось изумление. Он напрягся, щеки покраснели еще сильнее, и тут он обратил внимание на правый карман Ричера, в котором бугрился пистолет. Он опустил руку, схватил стоящий на столе маленький серебряный колокольчик и сильно его встряхнул. Раздался негромкий мелодичный звон.

– Мария! – закричал он, продолжая трясти звонок. – Мария!

Девушка вошла через ту же двустворчатую дверь и бесшумно приблизилась к Breверу.

– Звони в полицию, – приказал Бревер. – Звони в «девять-один-один». Я хочу, чтобы этого человека арестовали.

Она колебалась.

– Идите и сделайте звонок, – сказал Ричер.

Девушка вышла в другую дверь, которая находилась за спиной у Бревера. Ричер успел увидеть, что там расположен кабинет Бревера. Служанка сняла трубку и несколько раз нажала рычаг – телефон не работал.

– Нет гудка, – крикнула она из кабинета.

– Спустись вниз, – сказал Ричер.

– Чего вы хотите? – спросил Бревер.

– Я хочу, чтобы вы выполнили постановление суда.

– Вы не банкир.

– Ваша способность к умозаключениям поражает.

– Так кто же вы такой?

– Парень, который хочет получить чек, – ответил Ричер. – На двадцать тысяч долларов.

– Вы представляете этих... людей.

Он попытался встать, но Ричер протянул руку и резко толкнул его в грудь, заставив сесть на место.

– Сидите спокойно, – сказал Ричер.

– Почему вы это делаете?

– Потому что я склонен к состраданию, – ответил Ричер. – В семье может произойти несчастье. Им предстоит очень трудная зима. Они на грани катастрофы. Никто не знает, когда мир вокруг них начнет рушиться. А я не люблю, чтобы люди так жили, кем бы они ни были.

– Если им что-то не нравится, пусть возвращаются в Мексику, откуда они к нам приехали.

Ричер с удивлением посмотрел на него.

– Но я говорю не о них. Речь идет о вас. О вашей семье.

– О моей семье?

Ричер кивнул.

– Если я на вас рассержусь, они все будут страдать. Автомобильная катастрофа, похищение. Вы можете упасть с лестницы, сломать ногу. Или ваша жена. Дом может сгореть. Серия несчастных случаев, следующих один за другим. Вы с ума будете сходить.

– Вам это не сойдет с рук.

– Однако пока мне все сходит с рук. И я могу начать прямо сейчас. С вас.

Бревер молчал.

– Дайте мне ваш кувшин, – сказал Ричер.

После коротких колебаний Бревер взял кувшин и молча протянул Ричеру. Изящная хрустальная вещица со сложными узорами. Возможно, «уотерфорд».[15] Он вмещал около кварты и стоил не менее тысячи долларов. Ричер взвесил его на руке и внимательнее пригляделся к содержимому. Лимонад. Затем он сбросил кувшин с балкона. Желтые брызги полетели во все стороны, послышался глухой звук удара.

– Упс, – сказал Ричер.

– Вас арестуют за нанесение материального ущерба, – угрюмо проговорил Бревер.

– Возможно, я начну с одного из ваших сыновей, – задумчиво сказал Ричер. – Выберу наудачу и выброшу с балкона, как этот чудный кувшинчик.

– Вас арестуют, – повторил Бревер.

– Почему? Если взглянуть на ваши действия, то вам закон не указ. Или это относится только к вам? Может быть, вы считаете себя особенным?

Бревер ничего не ответил. Ричер встал и сбросил с балкона стул, на котором сидел. Стул с грохотом ударился о камень и раскололся на куски.

– Отдайте чек, – сказал Ричер. – Вы можете себе это позволить. Вы богатый человек. Вы сами только что мне сказали.

– Это вопрос принципа. Им не следует здесь жить, – заявил Бревер.

– А вам следует? Почему? Они первыми пришли сюда.

– Они проиграли. Нам.

– А теперь проигрываете вы. Мне. Все движется по кругу.

Ричер взял со стола серебряный колокольчик. Вероятно, антикварный. Может быть, французский. Верхняя часть была украшена филигранью. Диаметр два с половиной дюйма. Ричер сжал его в кулаке. Колокольчик

моментально потерял форму. Ричер сжал пальцы еще сильнее, колокольчик стал плоским. Наклонившись вперед, Ричер засунул изуродованную вещь в карман рубашки Бревера.

– Я могу проделать то же самое с вашей головой, – сказал Ричер.

Бревер молчал.

– Дайте чек, – спокойно продолжал Ричер. – Пока мое проклятое терпение не лопнуло.

Бревер молчал. Пять секунд. Десять. Потом вздохнул.

– Ладно.

Он направился в кабинет и подошел к письменному столу. Ричер последовал за ним и встал у него за спиной. Он не хотел, чтобы из ящика стола неожиданно появился револьвер.

– И пусть это будут наличные.

Бревер выписал чек. Он правильно написал дату и сумму, а потом поставил подпись.

– И вам будет гораздо лучше, если в банке со мной не станут играть в мяч.

– Не станут, – проворчал Бревер.

– В противном случае роль мяча исполните вы, прямо с балкона.

– Надеюсь, ты сгоришь в аду.

Ричер засунул чек в карман и спустился по лестнице вниз. Проходя мимо напольных часов, он наклонил их в сторону. Они с грохотом рухнули на пол, разбились и перестали тикать.

Двое мужчин незаметно покинули наблюдательный пост через три часа. Жара стала невыносимой. К тому же оставаться там не было ни малейшей необходимости. Они точно знали, что никто никуда не собирается уезжать. Старуха и ее сын большую часть времени оставались в доме. Девочка болталась вокруг конюшни, пока солнце не загоняло ее внутрь, однажды медленно побрела в дом – кухарка позвала ее поесть. Они решили прекратить наблюдение и уползли на север, а когда из дома их уже не могли увидеть, поднялись на ноги и зашагали по пыльной обочине дороги. Женщина в «форд-крауне» приехала за ними вовремя. В машине на полную мощность работал кондиционер. Мужчины сразу потянулись к бутылкам с водой. Напившись, они сделали отчет.

– Хорошо, – сказала женщина. – Похоже, мы готовы сделать наш ход.

– Вполне, – сказал смуглый мужчина.

– И чем скорее, тем лучше, – согласился тот, что был повыше, со светлыми волосами. – Давайте быстрее с этим покончим.

Как только Ричер отъехал подальше от дома Бревера, он поставил на место номерные знаки «ле-барона». Потом сразу же направился в Пекос и забрал «фольксваген» Элис Аарон у механиков. Он заплатил сорок долларов, но позже у него возникли сомнения: рычаг переключения скоростей дважды застревал, пока он ехал обратно к центру. Возможно, они вообще ничего не сделали.

Ричер оставил автомобиль на стоянке, положив на прежнее место карты и пистолет. Войдя в контору, он нашел Элис за столом. Рядом с ней расположились клиенты, а она с кем-то беседовала по телефону. Ричер сразу понял, что это одна семья. Три поколения тихих встревоженных людей. Элис успела переодеться. Она была в черных хлопковых брюках с высокой талией и таком же черном пиджаке. Спортивный топик под пиджаком больше походил на рубашку. Теперь Элис можно было принять за настоящего адвоката.

Она увидела Ричера, прикрыла рукой трубку и извинилась перед своими клиентами. Отвернувшись от усталого семейства, Элис тихо заговорила с Ричером.

– У нас возникли серьезные проблемы. Хэк Уокер хочет вас видеть.

– Меня? Зачем?

– Вам лучше поговорить с ним.

– Что он хочет мне сказать? Вы с ним встречались?

Она кивнула.

– Я была у него в офисе. Мы беседовали полчаса.

– И что он сказал?

– Вам лучше поговорить с ним, – повторила она. – А мы пообщаемся после этого. Хорошо?

Ричер уловил тревогу в голосе и посмотрел на Элис, которая вновь заговорила по телефону. Сидящие рядом люди наклонились вперед, чтобы слышать ее слова. Ричер вытащил из кармана чек на двадцать тысяч долларов, развернул и положил на стол перед Элис. Она увидела его и замолчала. Закрыла ладонью трубку и глубоко вздохнула.

– Благодарю, – сказала она.

Теперь в ее голосе слышалось замешательство. Казалось, она жалеет о заключенной сделке. Ричер положил на стол ключи от машины и вышел на улицу. Свернул направо и зашагал в суд.

Офис окружного прокурора Пекоса занимал весь второй этаж здания суда. На лестничной площадке имелась дверь в узкий коридор, по которому можно было пройти в вестибюль, где находилась кабинка секретарши. Дальше шли три двери, ведущие в кабинеты окружного прокурора и двух его помощников. Все внутренние стены, отделяющие кабинеты друг от друга и от кабинки секретарши, были сделаны из стекла, лишь нижняя часть оставалась сплошной. Стекло закрывали старомодные жалюзи с широкими деревянными рейками и матерчатыми лентами. Все выглядело тесным и устаревшим. На внешних окнах стояли кондиционеры, расположенные очень высоко, их глухое гудение создавало постоянный шумовой фон.

В кабинке секретарши стояло два заваленных бумагами стола. За дальним столом сидела женщина средних лет, идеально вписывающаяся в эту обстановку, а за ближним устроился молодой человек – вероятно, студент старших курсов, решивший подзаработать на летних каникулах. Очевидно, в его обязанности входило помогать секретарше, поскольку он оторвался от бумаг и улыбнулся, словно говоря: «Чем мы можем помочь?»

– Меня хотел видеть Хэк Уокер, – сказал Ричер.

– Мистер Ричер? – спросил молодой человек.

Ричер кивнул, и студент показал ему на угловой кабинет.

– Он вас ждет.

Ричер протиснулся мимо столов к угловому кабинету. На дверях красовалась табличка с надписью: «ГЕНРИ А. В. УОКЕР, ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР». Жалюзи внутри кабинета были опущены. Ричер постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

В кабинете было по окну на каждой стене, множество картотечных шкафов и большой письменный стол, на котором стоял компьютер, три телефона и лежала куча документов. Уокер сидел, откинувшись на спинку стула, в руках он держал рамку с фотографиями. Сзади у рамки виднелась простая деревянная подставка – такие обычно ставят на письменный стол или на полку. Уокер не сводил глаз с фотографии. Он был явно чем-то огорчен.

– Что я могу для вас сделать? – спросил Ричер.

Уокер оторвал взгляд от фотографии.

– Пожалуйста, присядьте, – предложил он.

Он больше не говорил с фальшивой сердечностью политика. У него был усталый и самый обычный голос. Перед столом стоял стул для посетителей. Ричер отодвинул его подальше от стола, чтобы иметь возможность вытянуть ноги, и сел.

– Так что же я могу для вас сделать? – вновь спросил он.

– Случалось ли в вашей жизни так, что за одну ночь все становилось с ног на голову?

Ричер кивнул:

– Время от времени.

Уокер поставил фотографию на стол боком, чтобы она была видна им обоим. Тот самый цветной снимок, который Ричер видел в шкафу Слупа Грира. Трое молодых людей стояли, опираясь на крыло старого пикапа, хорошие друзья, опьяненные молодостью и бесконечными возможностями, которые сулила им жизнь.

– Я, Слуп и Ал Юджин, – сказал Уокер. – А теперь Ал исчез, а Слуп мертв.

– Никаких известий о Юджине?

Уокер покачал головой:

– Ничего.

Ричер промолчал.

– Мы трое были неразлучны, – продолжал Уокер. – Вы знаете, как это бывает. В таком изолированном месте мы были не просто близкими друзьями. Мы были вместе против остального мира.

– Слуп – это настоящее имя?

Уокер посмотрел на Ричера.

– А почему вы спрашиваете?

– Раньше я думал, что вас зовут Хэк, но на табличке написано Генри.

Уокер устало улыбнулся.

– В моем свидетельстве о рождении написано «Генри». Однако мои родители всегда называли меня Хэком. Когда я был совсем маленьким, то никак не мог произнести свое настоящее имя. Получалось «Хэк».

– Но Слуп – настоящее имя?

Уокер вновь кивнул.

– Да, Слуп Грир, просто и ясно.

– Так что же я могу для вас сделать? – в третий раз спросил Ричер.

– Честно говоря, не знаю, – ответил Уокер. – Может быть, вы немного меня послушаете, а потом сумеете прояснить кое-какие вещи.

– Какие вещи?

– Пока я и сам не знаю, – продолжал Уокер. – Ну, например, что вы видите, когда смотрите на меня?

– Окружного прокурора.

– И?

– Я не совсем понимаю, о чем вы.

Уокер немного помолчал.

– Вам нравится то, что вы видите?

Ричер пожал плечами.

– Все меньше и меньше, если быть честным до конца.

– Почему?

– Потому что я пришел к вам и обнаружил, что вы со слезами на глазах вспоминаете о своей дружбе с бесчестным адвокатом и человеком, избивавшим свою жену.

Уокер отвернулся.

– Вы сразу перешли к делу.

– Жизнь слишком коротка.

Тишина длилась секунду. Ее нарушало лишь глухое гудение кондиционеров, изредка менявших ритм своей работы.

– На самом деле я един в трех лицах, – сказал Уокер. – Я мужчина, я окружной прокурор, и я намерен баллотироваться на должность судьи.

– И?

– Ал Юджин не является бесчестным адвокатом. Он достойный человек. Он организатор избирательной кампании. У него нет другого выбора. Так уж получилось, что в штате Техас не самым лучшим образом обстоит дело с защитой прав подсудимых. В особенности неимущих подсудимых. Вы и сами это знаете, поскольку вам пришлось искать адвоката для

Кармен. Теперь вы знаете, что ее дело не будет передано в суд в течение ближайших нескольких месяцев. А адвокат, которого вы нашли, наверняка сказала, что занята в ближайшие месяцы. Никуда не годная система, и мне, как и Алу, об этом известно. Конституция гарантирует защитника каждому подсудимому, и Ал относится к таким вещам очень серьезно. Он готов защищать всякого, кто обратится к нему за помощью. Конечно, некоторые из них оказываются плохими парнями, но не забывайте, что конституционные права распространяются и на них. Однако большинство из его клиентов нормальные люди. Они просто бедняки – белые, черные и латиноамериканцы.

Ричер молчал.

– Разрешите мне сделать кое-какие предположения, – продолжал Уокер. – Я не знаю, кто вам рассказал о нечестности Ала, но ставлю доллар против десяти, что это был немолодой богатый белый человек, имеющий высокий социальный статус.

«Расти Грир», – подумал Ричер.

– Не нужно говорить, кто вам это сказал, но ставлю десять долларов против сотни, что я прав. Когда такой человек видит, как адвокат защищает бедняков или цветных, он считает такого адвоката глупым и бесполезным, а его поведение – предательством по отношению к собственной расе или классу, после чего назвать такого адвоката бесчестным уже совсем несложно.

– Ладно, – сказал Ричер. – Возможно, я ошибался относительно Ала.

– Я гарантирую, что вы ошиблись. Я гарантирую, что вы можете изучить с пристрастием каждый день его жизни после выпуска из университета и не найдете ни одного бесчестного поступка.

Он постучал ногтем по фотографии, указывая на Ала Юджина.

– Я счастлив, что он мой друг. Как человек и как окружной прокурор.

– А как насчет Слупа Грира?

Уокер кивнул.

– Мы до него еще доберемся. Но сначала разрешите рассказать вам, что значит быть окружным прокурором.

– А вам есть что рассказать?

– Ничего нового. Я очень похож на Ала. Я верю в Конституцию, в закон, беспристрастность и справедливость. Я могу с полной уверенностью гарантировать, что, если вы перевернете мой офис сверху донизу, вы все равно не сумеете найти ни одного случая, когда я не был бы

беспристрастным и справедливым. Да, я бывал жестким, я отправлял людей в тюрьму, а некоторых даже на смерть, но поступал так только в тех случаях, когда не сомневался в своей правоте.

– Похоже на предвыборную речь, – заметил Ричер, – но я не зарегистрирован в этом штате и не буду голосовать.

– Я знаю, – ответил Уокер. – Мне наконец удалось это проверить. Вот почему я так с вами разговариваю. Речь не идет о политике. Все вполне серьезно. Я хочу стать судьей, поскольку смогу принести пользу. Вы знакомы с законами Техаса?

– Не слишком хорошо.

– Судей в Техасе выбирают. И они обладают немалой властью. У нас необычный штат. Здесь много богатых людей и много бедняков. Бедняки нуждаются в бесплатных адвокатах. Но в Техасе нет системы государственных адвокатов. В результате суд сам выбирает адвокатов для бедняков. Выбирает из любой старой юридической конторы. Иными словами, суд полностью контролирует процесс. И определяет плату. Имеет место система назначения сверху, патронаж. И кого же назначит судья? Естественно, того, кто внес вклад в его избирательную кампанию. При такой системе никого не интересуют качества адвоката или справедливость. Судья переводит десять тысяч долларов из кармана налогоплательщиков на счет юридической фирмы, те назначают какого-то бесполезного болвана, который работает за сотню долларов, а оставшиеся девять тысяч девятьсот долларов фирма получает в качестве чистого дохода. А несчастный подсудимый, который, вполне возможно, ни в чем не виноват, получает тюремный срок. Большинство адвокатов защиты встречаются со своими клиентами непосредственно перед началом процесса, прямо в зале суда. У нас есть адвокаты-пьяницы и адвокаты, засыпающие во время процесса. К примеру, за год до того момента, как я стал окружным прокурором, судили одного парня за изнасилование ребенка. Он был признан виновным и получил пожизненное заключение. А потом один любитель общественного блага вроде вас сумел доказать, что этот парень сидел в тюрьме в то время, когда произошло изнасилование. В тюрьме, Ричер. В тюрьме, где он дожидался суда по обвинению в краже автомобиля. Все необходимые документы, доказывающие его невиновность, имелись в распоряжении защиты, но его первый адвокат даже пальцем не пожелал пошевелить.

– Паршивое дело, – заметил Ричер.

– Поэтому я двигаюсь в двух направлениях, – продолжал Уокер. – Во-первых, я намерен стать судьей, чтобы исключить такие вещи в будущем. Во-вторых, прямо сейчас, пока я занимаю должность окружного прокурора, мы действуем в интересах двух сторон. Всякий раз, когда кто-то из нашей команды готовит обвинение, другой проводит

работу для защиты и пытается разбить доводы обвинения. Мы трудимся изо всех сил, поскольку знаем, что никто другой не сделает это вместо нас, и я не могу спать спокойно, если мы оказываемся не на высоте.

– Защита Кармен Грир не вызывает ни малейших сомнений, – сказал Ричер.

Хэк Уокер опустил взгляд на бумаги, лежащие на его столе.

– Нет, ситуация с Грир – это настоящий кошмар, – возразил он. – Полнейшая катастрофа во всех отношениях. Лично для меня как человека, как окружного прокурора и как кандидата в судьи.

– Вам нужно взять отвод.

Уокер поднял глаза.

– Конечно, я возьму отвод. Тут нет ни малейших сомнений. Однако ситуация остается для меня очень личной. Так или иначе, но это мой округ. Любой результат будет иметь для меня далеко идущие последствия.

– Вы не намерены рассказать мне, в чем ваша проблема?

– Разве вы сами не понимаете? Слуп был моим другом. И я честный прокурор. Вот почему я хочу, чтобы восторжествовало правосудие. Но я не могу отправить на смерть женщину-латиноамериканку. Ведь если я так поступлю, мне придется забыть о победе на выборах, верно? В нашем округе много латиноамериканцев. Однако я хочу стать судьей, поскольку смогу сделать много полезного. А если мы потребуем смертной казни для Кармен, то у меня не будет никаких шансов. По крайней мере, здесь. Дело займет первые полосы всех газет. Вы можете себе это представить? Что напишет «Нью-Йорк таймс»? Они и так думают, что мы тупые варвары из южных штатов, которые женятся на своих кузинах. Это будет преследовать меня до самой смерти.

– Ну так не выдвигайте против нее обвинения. В любом случае это будет несправедливо. Речь идет о самообороне в чистом виде.

– Она вас в этом убедила?

– Это очевидно.

– Я бы очень хотел, чтобы все было очевидным. Я бы отдал свою правую руку. Впервые в жизни я был бы готов нарушить закон.

Ричер посмотрел на него.

– Но вам нет необходимости его нарушать, не так ли?

– Давайте попытаемся во всем разобраться, – предложил Уокер. – Шаг за шагом, с самого начала. Защита, построенная на насилии в семье, может принести успех, но преступление должно быть совершено в состоянии аффекта. Вы меня понимаете? Таков закон. Не должно быть заранее обдуманных намерений. А Кармен все продумала заранее. Это факт, и его не удастся скрыть. Она купила пистолет, как только узнала, что муж возвращается домой. Соответствующие документы окажутся в нашем распоряжении – я знаю, что это правда. Кармен только ждала подходящего момента.

Ричер ничего не сказал.

– Я ее хорошо знаю, вы должны это понимать, Ричер. Слуп был моим другом, так что я знаком с ней почти столько же, сколько он.

– И?

Уокер мрачно пожал плечами.

– Возникают серьезные проблемы.

– Какие?

Уокер тряхнул головой.

– Я не знаю, как много могу вам рассказать, не нарушая закона. Поэтому я просто сделаю несколько предположений. Хорошо? И я не хочу, чтобы вы мне отвечали. Вам не нужно ничего говорить. Иначе вы окажетесь в трудном положении.

– В каком смысле?

– Вы поймете меня позже. Вероятно, она рассказала вам, что родилась в богатой семье виноделов к северу от Сан-Франциско.

Ричер промолчал.

– Она рассказала вам, что познакомилась со Слупом в КУЛА,[16] где они вместе учились.

Ричер молчал.

– Она рассказала, что забеременела от Слупа и они поженились, а в результате родители лишили ее наследства.

Ричер молчал.

– Она рассказала вам, что Слуп ударил ее в первый раз, когда она была беременна. Она рассказала, что у нее были серьезные травмы и что Слуп заставлял ее объяснять их падениями с лошади.

Ричер молчал.

– И еще она говорила, что именно она обратилась в налоговую инспекцию, из-за чего у нее были все основания бояться возвращения Слупа.

Ричер молчал.

– Ладно, с точки зрения суда все, что она вам говорила, лишь показания с чужих слов, которые даже не будут занесены в протокол. А непосредственность ее заявлений говорит лишь о силе ее гнева. В такой ситуации ее адвокат будет изо всех сил стараться доказать истинность ее показаний, поскольку весь процесс предстанет тогда в другом свете. К тому же существуют процессуальные нормы, позволяющие это сделать. Конечно, в обычной ситуации прокурор попытается их оспорить, но мы этого делать не станем, поскольку знаем, что насилие в семье может быть скрытым. Инстинкт подсказывает мне, что нужно идти на все, чтобы хоть как-то приблизиться к правде. Представим себе, что вам или человеку вроде вас позволят дать показания. Вы нарисуете ужасную картину, присяжные представят себе, как боялась Кармен предстоящего возвращения Слупа, они начнут ей сочувствовать. Возможно, даже не заметят преднамеренности в действиях Кармен. Нельзя исключать, что ее признают невиновной.

– Так в чем же проблема?

– Проблема в том, что после ваших показаний вы будете подвергнуты перекрестному допросу.

– И что с того?

Уокер вновь опустил взгляд.

– Давайте я сделаю еще несколько догадок. Не отвечайте мне. И пожалуйста, если я ошибусь, не обижайтесь. Так или иначе, я заранее приношу свои извинения. Хорошо?

– Хорошо.

– Я полагаю, что Кармен тщательно готовилась к убийству мужа. Она все обдумала заранее и попыталась уговорить вас сделать это для нее.

Ричер молчал.

– И еще я полагаю, что она выбрала вас совсем не случайно. И пыталась уговорить вас изо всех сил.

Ричер молчал. Уокер сглотнул.

– И еще одно предположение, – продолжал он. – Она предложила вам секс в качестве награды.

Ричер молчал.

– И она на этом не успокоилась. В какой-то момент она снова попыталась затащить вас в постель.

Ричер молчал.

– Вот видите? Если я прав – а у меня есть все основания так думать, поскольку я знаю эту женщину, – при перекрестном допросе все эти свидетельства тщательной подготовки могут выйти наружу. Иначе вы будете вынуждены лгать. Или мы можем не задать нужных вопросов. Но если представить себе, что все нужные вопросы будут произнесены и вы ответите на них правдиво, станет ясно, что Кармен готовилась к убийству мужа. И тогда ее положение станет тяжелым, возможно, безнадежным.

Ричер молчал.

– Однако это еще далеко не конец, – продолжал Уокер. – Ведь если она что-то вам говорила, а это окажется ложью, доверие к Кармен будет окончательно подорвано. И самое главное: правда ли то, что она говорила вам относительно побоев? Мы проверим это, задавая вам вопросы, ответы на которые нам известны. При перекрестном допросе сначала вам зададут вполне невинные вопросы – откуда она, например, – и вы расскажете, что она вам говорила.

– И?

– И она потеряет доверие. В результате – смертная казнь.

– Почему?

– Потому что я знаю эту женщину. Она склонна выдумывать разные вещи.

– Какие вещи?

– Всякие. Я множество раз слышал ее истории. Кстати, она говорила вам, что родилась в богатой семье виноделов?

Ричер кивнул:

– Она сказала, что ее семья владеет тысячами акров в долине Напа. Это не так?

Уокер покачал головой.

– Она родилась в латиноамериканском квартале Лос-Анджелеса. О ее родителях ничего не известно.

Ричер пожал плечами.

– Выдумки о собственном происхождении еще не преступление.

– Она никогда не была студенткой университета. Она была стриптизершей. Более того, она была шлюхой, Ричер. Среди прочего она обслуживала мальчишники богатых студентов. Слуп познакомился с ней во время одного из ее выступлений в ночном клубе. У нее был коронный номер с бутылкой из-под пива с длинным горлышком. Тем не менее Слуп в нее влюбился. Вы знаете, как это бывает: «Я заберу ее отсюда в другой мир». Пожалуй, я его понимаю. Она и сейчас хорошенькая. Тогда она была сногсшибательной. И умной. Она посмотрела на Слупа и увидела сына богатых родителей из Техаса с большим толстым бумажником. Она поняла, что у нее появился шанс. Кармен стала жить со Слупом. Перестала принимать таблетки, обманула Слупа и забеременела. Слуп всегда был джентльменом, и он женился на Кармен. Она его обманула, и он попался.

– Я вам не верю.

Уокер пожал плечами.

– Не имеет значения, верите вы мне или нет. Немного подождите, и я объясню почему. Боюсь, что все это чистая правда. Она умная женщина. Она знала, что происходит со шлюхами, когда они стареют. Вся жизнь катится вниз, да и начинают они не слишком высоко. Она хотела другой жизни, и Слуп дал ей такой шанс. Она долгие годы выкачивала из него деньги. Бриллианты, лошади и все прочее.

– Я вам не верю, – повторил Ричер.

Уокер кивнул.

– Она умеет убеждать. С этим я не стану спорить.

– Но даже если вы говорите правду, это не оправдывает побоев.

Уокер ответил не сразу.

– Нет, конечно нет. Но здесь мы сталкиваемся с самой большой проблемой. Дело в том, что он ее не бил. Никогда не бил, Ричер. Он не распускал руки. Никогда. Я знал Слупа. Ему были свойственны самые разные качества, и, честно говоря, он был далек от идеала. Слуп был ленивым, а в бизнесе охотно срезал углы. Он мог кого-то обмануть. Я не ношу розовые очки. Но все его недостатки шли от того, что он считал себя настоящим техасским джентльменом. Мне это очень даже понятно, ведь по сравнению с ним я беден. Практически нищий. У него было большое ранчо и деньги. И это делало его немного заносчивым и высокомерным, а лень и нетерпение являлись основными принципами его жизни. Но техасский джентльмен никогда, никогда не ударит

женщину. Иными словами, она это выдумала. Я совершенно уверен. Он никогда не бил Кармен. Я даю вам слово.

Ричер покачал головой.

– Черт побери, ваши слова ничего не доказывают. Что еще вы можете сказать? Ведь вы были его другом.

Уокер вновь кивнул.

– Я вас понимаю. Но на этом все и заканчивается. Больше ничего нет. Нет улик, нет свидетелей, ничего. Мы были очень близки со Слупом. Я тысячи раз проводил с ним время. Я слышал о падениях с лошади, когда они случались. Их было не так уж и много, и все они выглядели настоящими. Конечно, мы запросим ее медицинские карты, но я бы не стал всерьез рассчитывать, что они внесут какие-то сомнения в умы присяжных.

– Вы же сами сказали, что насилие может носить скрытый характер.

– Но не настолько скрытый. Я окружной прокурор, Ричер. Я очень многое повидал. Такое возможно с супружеской парой, живущей в трейлере. Но Слуп и Кармен жили в семье, они каждый день встречались с друзьями. И до того момента, как вы рассказали эту историю Элис Аарон, никто в Техасе не слышал никаких разговоров о возможном насилии. Ни я, ни Ал, ни другие люди. Вы понимаете, о чем я говорю? Вы единственный человек, который это слышал. Но если вы начнете давать показания, ее процесс будет завершен еще до того, как он начнется, поскольку из остальных ваших показаний будет следовать, что Кармен патологическая лгунья. К примеру, говорила ли она, что донесла на Слупа в налоговую инспекцию?

– Да, говорила. Кармен сказала, что звонила туда. В какой-то особый отдел.

Уокер тряхнул головой.

– Слупа поймали, когда изучали банковские документы. Это получилось совершенно случайно, когда проводили аудит другой фирмы. Она ровным счетом ничего об этом не знала. А я знаю совершенно точно, поскольку Слуп сразу же обратился к Алу Юджину, а тот пришел ко мне за советом. Я видел обвинительный акт. Черным по белому. Кармен лгунья, Ричер, все предельно просто. Или, наоборот, гораздо сложнее. Может быть, за этим стоят какие-то другие причины.

Ричер долго молчал.

– Возможно, она лгунья, – наконец заговорил он. – Но избивают и лгуний, и самых разных людей. И побои могут быть скрытыми. Вы не можете знать, что Слуп не бил Кармен.

Уокер кивнул.

– Согласен. Я не знаю. Но я готов поставить на кон свою жизнь – он не бил Кармен.

– Однако меня она убедила.

– Вероятно, она и себя убедила. Она живет в мире фантазий. Я ее знаю, Ричер. Она лгунья. И она виновна в убийстве первой степени.

– Тогда о чем мы сейчас говорим?

Уокер помолчал.

– Могу я вам верить? – спросил он.

– А это имеет значение? – отозвался Ричер.

Уокер долго ничего не говорил и с минуту смотрел в стену. Прошла еще минута. И еще. Тишину нарушал лишь шум кондиционера.

– Да, имеет, и немалое, – заговорил Уокер. – Для Кармен и для меня. Сейчас вы все понимаете неправильно. Я вовсе не разгневанный друг, пытающийся защитить репутацию близкого мне человека. На самом деле я хочу найти эффективную линию защиты для Кармен, неужели вы этого не понимаете? Я даже готов ее изобрести. Скажем, сделать вид, что побои имели место, и исключить предумышленные намерения. Я стою перед серьезным искушением. Ведь в таком случае мне не нужно будет предъявлять ей обвинение и я сумею стать судьей.

Вновь наступила тишина. Шумел кондиционер, слышались далекие звонки телефонов. Где-то за стеной стучал факс.

– Я хочу ее увидеть, – сказал Ричер.

Уокер отрицательно покачал головой.

– Это запрещено. Вы не ее адвокат.

– Вы можете слегка нарушить правила.

Уокер вздохнул и провел ладонью по лицу.

– Пожалуйста, не искушайте меня. Как раз сейчас я размышляю о том, чтобы забыть обо всех правилах.

Ричер молчал. Уокер смотрел в пространство, в его глазах застыло напряжение.

– Я пытаюсь понять ее истинный мотив, – наконец заговорил Уокер. – Если медицинские карты дадут такой шанс, я постараюсь признать версию с побоями. Это может ее спасти.

Ричер молчал.

– Ладно, в действительности я попытаюсь спасти себя, – продолжал Уокер. – Точнее, свои шансы на то, чтобы стать судьей. Ну а теперь пойдем дальше. Я попытаюсь спасти нас. Ее и себя. И Элли. Она замечательный ребенок. Слуп ее любил.

– И чего вы хотите от меня?

– Если мы вместе пойдем по этой дороге…

– Если, – бросил Ричер.

– Я бы хотел, чтобы вы солгали, когда будете давать показания. Вам следует повторить все, что Кармен рассказывала о побоях, но изменить все остальное, чтобы она не лишилась доверия присяжных.

Ричер молчал.

– Вот почему я должен вам верить, – продолжал Уокер. – Вот почему мне пришлось выложить все карты на стол. Вы должны знать, во что вы ввязываетесь.

– Я никогда прежде не делал таких вещей.

– Как и я, – вздохнул Уокер. – Даже разговор об этом меня убивает.

Ричер долго ничего не говорил.

– А с чего вы взяли, что я готов на это пойти? – неожиданно спросил он.

– Мне кажется, она вам нравится. Вам ее жаль. Наверное, вы хотите ей помочь. В таком случае вы поможете и мне.

– Как вы построите свою работу? – спросил Ричер.

Уокер пожал плечами.

– С самого начала я не буду участвовать в процессе – его поведет одна из моих помощниц. Я постараюсь выяснить, что она сможет доказать наверняка, а потом дам вам инструкции, которые позволят избежать ловушек на перекрестном допросе. Именно по этой причине я не могу позволить вам встречаться с Кармен. В тюрьме ведется учет всех посещений. Это будет выглядеть как предварительный сговор.

– Я не знаю, – сказал Ричер.

– И я не знаю. Возможно, дело не дойдет до суда. Если медицинские карты позволят и мы получим показания от Кармен и от вас, то все обвинения могут быть сняты.

– Однако показания под присягой до начала судебного разбирательства не менее серьезны.

– Подумайте об Элли.

– И о ваших предстоящих выборах.

Уокер не стал возражать.

– Я ничего от вас не скрываю. Несомненно, я хочу быть избранным. Но у меня самые честные мотивы. Я хочу изменить ситуацию, Ричер. Я всегда к этому стремился – сделать карьеру и улучшить положение изнутри. Другого пути нет. Во всяком случае, для такого человека, как я. У меня есть некоторое влияние. Однако я не политик. Меня смущает большая политика. И у меня нет необходимых навыков.

Ричер молчал.

– Дайте мне все обдумать, – продолжал Уокер. – День или два. А потом мы начнем действовать.

– Вы уверены?

Уокер снова вздохнул.

– Нет, конечно. Я не уверен. Я до дрожи ненавижу создавшееся положение. Но какого дьявола, Слуп мертв. И этого уже не изменишь. Его не вернешь. Конечно, его память будет осквернена. Но Кармен мы можем спасти. Он ее любил, Ричер. Любил, хотя никто его не понимал. Вы не представляете, как сильно все его не одобряли. Семья и весь его круг. Мне кажется, он был бы готов обменять свою репутацию на ее жизнь. Более того, свою жизнь на ее жизнь. Наверное, Слуп отдал бы мою жизнь или жизнь Ала. Он ее любил.

Снова наступило молчание.

– Ее нужно выпустить под залог, – сказал Ричер.

– Пожалуйста, не говорите об этом. Ваше желание невыполнимо.

– Элли нуждается в матери.

– Речь идет о более важных вещах, чем выход на свободу сейчас, – возразил Уокер. – Элли может провести несколько дней с бабушкой. Нужно думать о том, как она будет жить потом. Дайте мне время, чтобы решить ряд вопросов.

Ричер пожал плечами и встал.

– Все это строго между нами, ведь так? – сказал Уокер. – Вероятно, мне бы следовало предупредить вас об этом с самого начала.

Ричер кивнул.

– Свяжитесь со мной, – сказал он.

И с этими словами он вышел из кабинета окружного прокурора.

Глава 12

– Один простой вопрос, – сказала Элис. – Насколько правдоподобен тот факт, что домашнее насилие было настолько скрытым, что о нем ничего не знали даже близкие друзья?

– Не знаю, – ответил Ричер. – У меня нет опыта в подобных вещах.

– У меня тоже.

Они сидели напротив друг друга за столом в конторе Элис. Наступил полдень, и жара стала такой сильной, что в городе фактически наступила сиеста. На улицу выходили лишь те, у кого возникали срочные дела, не терпящие отлагательства. В конторе почти никого не было. Только Элис, Ричер и еще один адвокат в двадцати футах от них. Внутри конторы было никак не меньше сорока градусов. Влажность заметно повысилась. Висевший над дверью дряхлый кондиционер не приносил ни малейшего облегчения.

Элис вновь переоделась в шорты. Она сидела, откинувшись на спинку кресла, закинув руки за голову, чтобы не касаться спиной липкого винила. Все ее тело было покрыто потом. Казалось, будто загорелая кожа смазана маслом. Рубашка Ричера промокла. Он уже начал сомневаться, что срок ее жизни растянется на три дня.

– Это «уловка двадцать два»,[17] – сказала Элис. – Домашнее насилие, о котором тебе известно, не может быть скрытым. Если оно действительно скрытое, то его попросту не существует. Например, я могу предположить, что мой отец бил мою мать. Возможно, так и было. А как насчет ваших родителей?

Ричер улыбнулся.

– Сомневаюсь. Он был морским пехотинцем. Большим парнем, и его нельзя было назвать джентльменом. Однако вам следовало бы видеть мою мать. Скорее это она его била.

– Так что же происходило между Кармен и Слупом?

– Меня она убедила, – сказал Ричер. – У меня нет ни малейших сомнений.

– Несмотря на все доводы Уокера?

– Меня она убедила, – повторил Ричер. – Возможно, она настоящая лгунья во всем остальном, но он ее бил. И я в это верю.

– Целиком и полностью? – спросила Элис.

– Да, – ответил он.

– Ладно, но трудный случай становится еще более сложным. А я очень не люблю, когда происходят такие вещи.

– Как и я, – вздохнул Ричер. – Но трудно еще не значит невозможно.

– Вы понимаете общие принципы ведения судебных дел?

– Речь ведь не идет о науке создания ракет. Кармен в глубоком дерьме, как ни крути. Если побои имели место, то она предельно усложнила защиту – доказать, что она действовала непредумышленно, будет крайне сложно. Если же никаких побоев не было, то это в чистом виде убийство первой степени. И в любом случае к ней будет нулевое доверие из-за бесконечной лжи и передергивания. Если бы не желание Уокера стать судьей, положение было бы безнадежным.

– Совершенно верно, – сказала Элис.

– Вам нравится, что ситуация складывается таким образом?

– Нет.

– И мне тоже.

– Ни в моральном аспекте, ни в практическом, – продолжала Элис. – Здесь может произойти все, что угодно. Возможно, у Хэка есть внебрачный ребенок, это станет известно и он все равно будет вынужден снять свою кандидатуру с выборов. Может быть, ему нравится заниматься сексом с броненосцами. До ноября еще очень далеко. Рассчитывать, что он сохранит шансы на избрание, глупо. Таким образом, его нынешнее отношение к Кармен может измениться в любой момент. Вот почему ей необходима разумно выстроенная защита.

Ричер вновь улыбнулся.

– Вы даже умнее, чем я представлял.

– А я думала, вы скажете: умнее, чем я выгляжу.

– По-моему, адвокатам не помешало бы одеваться именно так.

– Вам лучше вообще не давать показаний на суде, – сказала Элис. – Так будет безопаснее для Кармен. Да и на предварительных слушаниях тоже. Без вас только пистолет указывает на преднамеренное убийство. Но мы сможем заявить, что покупка пистолета еще не означает намерение его использовать. Она могла купить его по другой причине.

Ричер ничего не ответил.

– Сейчас они тестируют пистолет в лаборатории. Баллистика и отпечатки пальцев. Там два набора отпечатков. Ее и еще одни. Может быть, они принадлежат мужу. Не исключено, что они боролись и он погиб случайно.

Ричер покачал головой.

– Наверное, на пистолете остались мои отпечатки. Она попросила меня научить ее стрелять. Мы ездили в горы и там практиковались.

– Когда?

– В субботу. За день до того, как он вернулся домой.

Элис посмотрела на Ричера.

– Господи, Ричер, вам определенно не следует давать показаний!

– Именно так я и собирался поступить.

– А если ситуация изменится и вас вызовут в суд повесткой?

– Тогда я буду лгать.

– И вы сумеете?

– Я тринадцать лет работал полицейским, – усмехнулся Ричер. – Мне уже приходилось бывать в таких переделках.

– А как вы объясните свои отпечатки на пистолете?

– Я скажу, что случайно его нашел. Мол, Кармен выбросила пистолет, а я подумал, что она его потеряла. Получится, что она сначала купила пистолет, а потом передумала.

– И вы сможете говорить подобные вещи?

– Если цель оправдывает средства – да. Я полагаю, что у нас именно такой случай. Однако Кармен будет трудно это доказать, вот в чем дело. Вы согласны?

– В таком случае, как этот, пожалуй, да. Меня беспокоит ее ложь о собственном прошлом. Люди постоянно лгут о себе, и на то есть множество причин. Главное – доказать, что у нее не было обдуманного

намерения убить мужа. В большинстве других штатов это не имело бы решающего значения. Там иначе относятся к реальности. Избитая женщина далеко не всегда способна эффективно действовать под влиянием момента. Иногда ей необходимо подождать, пока муж напьется или заснет. Ну, вы понимаете, выбрать подходящее время. В других штатах часто происходят подобные случаи.

– И с чего мы начнем?

– С того, с чего нас вынуждают, а это не самое приятное. Имеется множество косвенных улик. Res ipsa loquitur, как их называют. Вещи говорят сами за себя. Ее спальня, ее пистолет, ее мертвый муж на полу. Убийство первой степени. Если все оставить как есть, то присяжные признают ее виновной при первом же голосовании.

– И что же следует делать?

– Мы попытаемся поставить под сомнение предумышленность ее действий, после чего при помощи медицинских карт попробуем доказать, что муж ее избивал. Мы подпишем запрос у окружного прокурора и направим его во все больницы Техаса и в соседние штаты. При насилии в семье это стандартная процедура, поскольку люди часто пытаются его скрыть. Обычно больницы реагируют довольно быстро, поэтому мы получим соответствующие документы в самое ближайшее время. Тогда вновь вступают в силу res ipsa loquitur. Если травмы Кармен явились результатом насилия, то ее медицинские карты покажут, что такое могло быть. Тут речь пойдет о здравом смысле. Потом Кармен будет давать показания. Она расскажет о побоях. Ей придется не падать духом, когда выплывут разные истории из ее прошлого. Но если в настоящем у нее все будет в порядке, Кармен может произвести на суд неплохое впечатление. Нет ничего постыдного в том, что в прошлом она была проституткой, а потом попыталась стать порядочной женщиной. Тут мы можем вызвать к ней сочувствие.

– Вы говорите как хороший адвокат.

Она улыбнулась:

– Для такой юной особы?

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы закончили университет? Два года?

– Шесть месяцев. Но здесь очень быстро набираешься опыта, – ответила Элис.

– Несомненно.

– Так или иначе, если мы тщательно выберем присяжных, то получим половину сомневающихся и половину считающих, что Кармен не виновна. Вторая половина убедит первую за пару дней – при такой-то жаре.

Ричер оторвал от спины прилипшую рубашку.

– Но такая жара не может простоять долго.

– Послушайте, я говорю о *следующем* лете, – сказала Элис. – Если ей повезет. Не исключено, что ждать придется два года.

Он уставился на Элис.

– Вы шутите.

Она развела руками.

– Чаще всего здесь проходит четыре года между арестом и судом.

– Что же будет с Элли?

Элис пожала плечами.

– Остается молиться, чтобы медицинские карты Кармен позволили сделать благоприятные выводы. Тогда у Хэка появится возможность снять с Кармен все обвинения. У него будет полная свобода действий.

– Сейчас он охотно пойдет нам навстречу, – заметил Ричер.

– Так что смотрите на вещи оптимистически. Не исключено, что все закончится через пару дней.

– Когда вы намерены ее посетить?

– Сегодня днем. Сначала я наведаюсь в банк, чтобы получить по чеку двадцать тысяч долларов. Потом сложу деньги в сумку и отвезу их одной очень счастливой семье.

– Хорошо, – сказал Ричер.

– Я не хочу знать, как вам удалось получить чек.

– Я попросил.

– Не хочу ничего знать, – повторила она. – Но вы должны поехать со мной и увидеть этих людей. И вы будете моим телохранителем. Не каждый день я вожу в сумке двадцать тысяч долларов по Дикому Западу. К тому же в машине будет прохладно.

– Ладно, – согласился Ричер.

В банке не особенно удивились, когда их попросили обналичить чек на двадцать тысяч долларов разными купюрами. Кассирша вела себя так, словно она выдает такие деньги каждый день. Она лишь сосчитала деньги трижды, а потом аккуратно уложила их в коричневый пакет, который Элис принесла с собой. Ричер донес деньги до стоянки. Однако Элис в нем не нуждалась. Ужасная жара очистила улицы, а те люди, что осмелились выйти из дома, двигались медленно и с трудом.

Внутри «фольксвагена» было так жарко, что они не смогли сесть в него сразу. Элис пришлось включить кондиционер и приоткрыть дверцы, пока температура не понизилась на пятнадцать градусов. Тем не менее, когда они уселись в машину, внутри было около тридцати пяти градусов. Однако Ричеру показалось, что стало прохладно. Все в мире относительно.

Элис повела машину на северо-восток. Она оказалась отличным водителем, и рычаг переключения скоростей не застрял у нее ни разу.

– Будет буря, – сказала она.

– Все об этом говорят, – отозвался Ричер. – Но я не замечаю никаких признаков.

– Вам когда-нибудь доводилось видеть такую жару?

– Может быть, один или два раза. В Саудовской Аравии и на Тихом океане. Но в Саудовской Аравии воздух был более сухим, а на Тихом океане – более влажным. Так что честный ответ: нет.

Небо впереди было светло-голубым и от жары казалось белым. У Ричера возникло ощущение, что солнце находится со всех сторон. И нигде ни облачка. Он так сильно щурился, что у него заболели мышцы лица.

– Для меня подобная жара в новинку, – призналась Элис. – Я знала, что здесь будет жарко, но в такое просто невозможно поверить.

Потом Элис спросила у Ричера, когда он бывал в Саудовской Аравии и на тихоокеанских островах, и он выдал десятиминутную версию своей биографии, поскольку понял, что ему нравится находиться рядом с Элис. Первые тридцать шесть лет, как и всегда, оказались самыми легкими. Все развивалось вполне естественно: детство, юность, продвижение по службе, медали, чины. С последними несколькими годами все получилось иначе. Отсутствие цели, путешествия по стране. Он сам считал это торжеством свободы, но знал, что другие люди относятся к подобным вещам иначе. Поэтому Ричер просто рассказал историю своей жизни и ответил на несколько трудных вопросов, предоставив Элис делать собственные выводы.

А она в ответ рассказала о себе. В некотором смысле ее жизнь оказалась похожей на жизнь Ричера. Он был сыном солдата, а она родилась в семье адвоката. Она всегда собиралась продолжать семейные традиции, как и Ричер. Всю жизнь она наблюдала, как люди делали свое дело, а потом пришел ее черед. Все как у Ричера. Она семь лет провела в Гарварде, а он четыре – в Уэст-Пойнте. Теперь ей было двадцать пять – адвокат Элис вполне соответствовала амбициозному лейтенанту. Сам Ричер был таким в двадцать пять и хорошо помнил то время.

– А что будет с вами потом? – спросил Ричер.

– Потом? Вернусь в Нью-Йорк, наверное. Может быть, в Вашингтон, округ Колумбия. Меня начала интересовать политика.

– И вам не будет недоставать грязной работы?

– Наверное, я буду скучать. Может быть, на какое-то время буду возвращаться к адвокатской практике. Ведь именно там можно заработать серьезные деньги. Крупные частные фирмы в больших городах.

– Рад слышать. Кто-то должен это делать.

– Точно.

– А как насчет Хэка Уокера? – спросил Ричер. – Он сумеет чего-нибудь добиться?

Она пожала плечами.

– Я не слишком хорошо его знаю. Но у него приличная репутация. Едва ли ситуация ухудшится при его участии. Я хочу сказать, что сейчас система работает паршиво. Иными словами, я демократ, с большой буквы «Д» и с маленькой буквы «д», так что, вообще говоря, выбирать судью – это правильно. Теоретически. Но на практике ситуация очень часто выходит из-под контроля. Как вы думаете, сколько стоит здесь избирательная кампания?

– Понятия не имею.

– Давайте прикинем. Речь идет об округе Пекос – именно на его территории проживает большая часть избирателей. Плакаты, реклама в газетах, несколько телевизионных роликов на местных каналах. Едва ли расходы превысят число из пяти цифр. Но эти парни собирают взносы в размере сотен и сотен тысяч долларов. Возможно, миллионов. И закон гласит, что ты можешь оставить их себе, если не потратишь. На разные расходы. Иными словами, они заранее получают взятки. Юридические фирмы и нефтяные магнаты готовы платить сейчас, рассчитывая на будущую помощь. Избираясь на должность судьи в Техасе, можно

реально разбогатеть. И если тебя выберут и ты будешь правильно вести себя в течение всего срока, то выйдешь в отставку партнером одной из крупных юридических фирм и членом совета директоров полудюжины крупных компаний. То есть речь идет не только о том, чтобы стать судьей. Выбирают принца. Можно сразу превратиться в особу королевской крови.

– Но изменит ли что-нибудь Уокер? – снова спросил Ричер.

– Изменит, если захочет. Тут все предельно просто. А сейчас он может многое изменить для Кармен Грир. Именно о ней мы должны думать.

Ричер кивнул. Элис притормозила, собираясь сворачивать. Они выехали из города, вокруг расстилались открытые пространства. «Мы находимся где-то неподалеку от ранчо Бревера», – сообразил Ричер, хотя и не узнавал характерные детали ландшафта. Все вокруг казалось таким высохшим от жары, что растительность могла загореться в любой момент.

– А вас не тревожит, что Кармен нагромоздила столько лжи? – спросила Элис.

Он пожал плечами.

– И да, и нет. Никому не нравится, когда ему лгут. Но попробуем взглянуть на происходящее с ее точки зрения. Она пришла к выводу, что ей нужно избавиться от мужа. И двинулась в выбранном направлении.

– Значит, у нее был умысел?

– Могу я сказать вам все как есть?

– Я на ее стороне.

– Да, она все спланировала. Она призналась мне, что приглядывалась чуть ли не к сотне разных мужчин, а с дюжиной даже вела переговоры, прежде чем выбрала меня.

– На самом деле мне даже стало немного легче – вы ведь меня понимаете? Это доказывает, как ей было плохо. Трудно себе представить, чтобы кто-то пошел на такое, если бы у него оставался хоть какой-то выбор.

– У меня возникли такие же чувства, – ответил Ричер.

Элис притормозила еще раз и свернула на проселочную дорогу. Вскоре они въехали в жалкое подобие ворот. Прямоугольная рама на гвоздях, слегка покосившаяся влево. На поперечной доске написано имя. Впрочем, солнце успело сделать надпись совершенно нечитаемой. Далее шло несколько акров обработанной земли. Вдоль темных полос пашни

была проложена самодельная система орошения. Кое-где высились груды камней и лежали аккуратные деревянные рамы, на которых крепилась проволока для укрепления кустов, которые уже перестали расти. Все стало сухим и ломким. Повсюду виднелись следы изнурительного труда, отчаянной борьбы за выживание, в которой обитатели фермы потерпели поражение.

В сотне ярдов от последней полосы обработанной земли стоял дом. Он выглядел совсем неплохо. Маленький и низкий, выкрашенный в белый цвет. Дерево успело потрескаться под палящими лучами солнца. За домом виднелась ветряная мельница. Еще дальше – сарай, где находился насос, качающий воду, и небольшой поврежденный грузовик. Входная дверь была закрыта. Элис поставила «фольксваген» рядом с домом.

– Их зовут Гарсия. Уверена, что они дома, – сказала она.

Двадцать тысяч долларов в коричневом пакете произвели потрясающий эффект. Это был дар, возвращающий людей к жизни. Пять Гарсия, два поколения, двое старших и трое молодых. Все они были невысокими людьми, не умеющими связно излагать собственные мысли. Родителям было под пятьдесят, старшей дочери Ричер дал бы двадцать четыре года. Младшим братьям на вид было двадцать и двадцать два года. Они все молча столпились рядом с входной дверью. Элис весело поздоровалась с ними, подошла к кухонному столу и высыпала на него деньги.

– Он передумал, – сказала она по-испански. – И решил заплатить.

Гарсия собрались вокруг стола и молча смотрели на деньги, словно такой поворот в их судьбе был настолько неожиданным, что у них даже не осталось сил, чтобы радоваться. Они не задавали никаких вопросов. Просто приняли это как данность, а потом начали строить планы. Прежде всего они подключат телефон, чтобы не нужно было ходить за восемь миль к соседям. Потом электричество. Выплатят долги друзьям. Купят дизельное топливо, чтобы насос снова заработал. Потом починят грузовик и съездят в город за зерном и удобрениями. Они замолчали, когда до них дошло, что они еще успеют вырастить урожай и продать его до наступления зимы.

Ричер остался у входа, и у него появилась возможность осмотреться. Он сразу понял, что в кухне ели и одновременно жили. Дверь из кухни вела в маленькую гостиную. Там было жарко и душно, на полке стояли тома энциклопедии в ярд длиной и несколько религиозных статуэток. На стене висела фотография в черной рамке. Портрет был сделан в студии. Мальчику едва исполнилось четырнадцать, над верхней губой виделись первые усы. Он был в белом одеянии для конфирмации и смущенно улыбался, глядя в камеру.

– Мой старший сын, – сказал голос. – Этот снимок сделали перед тем, как мы уехали из нашей деревни в Мексике.

Ричер обернулся и увидел, что у него за спиной стоит мать мальчика.

– Его убили, когда мы добирались сюда, – сказала она.

Ричер кивнул.

– Я знаю. Мне рассказали. Пограничный патруль. Приношу свои соболезнования.

– Это произошло двенадцать лет назад. Его звали Рауль Гарсия.

Она произнесла имя своего старшего сына с особенным выражением, словно отдавала должное его памяти.

– Как это случилось? – спросил Ричер.

Женщина немного помолчала.

– Это было ужасно. Они охотилась за нами ночью в течение трех часов. Мы шли, мы бежали, а у них был грузовик с мощными фарами. В темноте мы разделились. Рауль остался с сестрой. Он ее защищал. Ей было тогда двенадцать лет. Он послал ее в одну сторону, а сам пошел на свет фар. Он знал, что девочкам приходилось хуже всех, если их ловили. Он пожертвовал собой, чтобы спасти сестру. А они даже не попытались его арестовать. Не задавали никаких вопросов. Просто застрелили нашего мальчика и уехали прочь. Потом они проехали мимо того места, где я пряталась. Они смеялись. Я слышала. Словно это была охота.

– Я сожалею, – повторил Ричер.

Женщина пожала плечами.

– Тогда это было обычным делом, – продолжала она. – Плохие времена, плохое место. Нам потом рассказали. Либо наш проводник не знал, либо ему было все равно. В том году в тех местах убили более двадцати человек. Для развлечения. Некоторые умирали страшной смертью, несчастные кричали так, что их крики далеко разносились в темноте. А девушек куда-то увозили, и их больше никогда не видели. Раулю еще повезло, что его просто застрелили.

Ричер молчал. Женщина еще некоторое время смотрела на фотографию. Потом отвернулась и, сделав над собой усилие, устало улыбнулась и предложила Ричеру присоединиться к остальным.

– У нас есть текила, – тихо сказала она. – Мы берегли ее для этого дня.

На столе стояли низенькие стаканчики, и дочь быстро наполнила их текилой из бутылки. Девочка, которую спас Рауль, успела вырасти.

Младший сын раздал всем стаканчики. Ричер взял свой и стал ждать. Отец Гарсия жестом попросил всех замолчать, поднял свой стаканчик и посмотрел на Элис.

– За нашего адвоката, – сказал он. – За то, что великий француз Оноре де Бальзак ошибся, когда написал: «Законы – это паутина, сквозь которую легко пролетают большие мухи, но в которой запутываются маленькие».

Элис порозовела от смущения. Гарсия улыбнулся ей и повернулся к Ричеру.

– И за вас, сэр. За вашу благородную помощь в тот момент, когда она была нам необходима.

– De nada, – ответил Ричер. – No hay de que.

Текила была не слишком хорошо очищена, к тому же все в доме напоминало о Рауле, поэтому они отказались от второй порции и предоставили семье Гарсия праздновать в одиночестве. Им снова пришлось подождать, пока кондиционер немного охладит машину. Потом они поехали обратно в Пекос.

– Я получила удовольствие, – призналась Элис. – Даже показалось, что удалось что-то изменить к лучшему.

– Так оно и есть.

– Хотя именно благодаря вам это стало возможным.

– Но вы сделали квалифицированную работу, – заметил Ричер.

– И все равно спасибо.

– Кто-нибудь проводил следствие по поводу действий пограничного патруля?

– Если верить документам, – сказала Элис, – следствие велось тщательно. История вызвала много шума. Конечно, виновных не нашли, однако расследование пришлось провести.

– И каковы результаты?

– Ничего. Рука руку моет. Никого даже не уволили со службы.

– Но убийства прекратились?

Элис кивнула.

– Так же внезапно, как и начались. Очевидно, они поняли, что ситуация изменилась.

– Так всегда и бывает, – сказал Ричер. – Я видел это прежде, в разных местах, при разных обстоятельствах. На самом деле расследование никто не проводил. Но преступники получают предупреждение. Как шифрованное послание. Теперь такие номера не пройдут, так что лучше остановиться, кем бы вы ни были.

– Однако справедливость не была восстановлена, Ричер. Погибло более двадцати человек. Некоторые из них приняли смерть в мучениях. Нечто вроде настоящего погрома, который длился целый год. Кто-то должен был за это заплатить.

– Вы узнали цитату из Бальзака? – спросил Ричер.

– Конечно, – ответила Элис. – Я ведь посещала Гарвард.

– Помните Герберта Маркузе?

– Он жил позже, верно? И был философом, а не романистом.

– Верно. Маркузе родился через девяносто девять лет после Бальзака. Маркузе сказал: «Закон и порядок повсюду защищают установленную иерархию».

– Это отвратительно.

– Конечно, но так устроен мир, – сказал Ричер.

Через час они въехали в Пекос. Элис припарковала машину возле конторы, так что им осталось пройти по жаре всего десять футов. Но и этих десяти футов оказалось более чем достаточно. С тем же успехом можно было бы оказаться в пылающей топке с горячим полотенцем на голове. Они подошли к столу Элис и обнаружили, что на него прилеплено несколько маленьких листочков, исписанных от руки. Она начала снимать их и читать один за другим. Потом открыла ящик стола и бросила листочки внутрь.

– Сейчас я поеду в тюрьму, навестить Кармен, – сказала она. – Хэк Уокер получил результаты баллистической экспертизы, им также удалось идентифицировать отпечатки пальцев. Он хочет поговорить с вами об этом. Похоже, у него возникла проблема.

– Не сомневаюсь, что возникла, – сказал Ричер.

Они вернулись к двери и немного постояли, не решаясь снова выйти под палящие лучи солнца. Потом разошлись в разные стороны. Элис направилась к тюрьме, а Ричер по ступенькам поднялся наверх. Здесь кондиционеров не было. Пока Ричер добрался до двери, он весь покрылся по´том. Сидящий за столиком студент молча указал на дверь кабинета Хэка Уокера. Ричер вошел и увидел, что Уокер изучает отчет.

Он выглядел как человек, который надеется, что, если прочитать написанное достаточное количество раз, его смысл изменится.

– Она его убила, – сказал Уокер. – Все сходится. Баллистическая экспертиза сделала однозначные выводы.

Ричер уселся напротив окружного прокурора.

– На пистолете есть ваши отпечатки, – сказал Уокер.

Ричер ничего не ответил. Если придется лгать, то он намеревался делать это только в том случае, если будет хоть какая-то польза.

– Вы находитесь в национальной базе данных, – продолжал Уокер. – Вам это известно?

– Все военнослужащие занесены в базу, – спокойно ответил Ричер.

– Возможно, вы нашли этот пистолет, – сказал Уокер. – Может быть, вы брали его в руки, поскольку боялись, что он попадет к ребенку. Вы взяли его, чтобы спрятать оружие в безопасном месте.

– Может быть, – ответил Ричер.

Уокер перевернул страницу.

– Но все обстоит значительно хуже, не так ли? – спросил Уокер.

– В самом деле?

– Вы верующий человек?

– Нет, – ответил Ричер.

– Вам бы следовало опуститься на колени и поблагодарить кое-кого.

– И кого же?

– Патрульных полицейских штата. Или старину Слупа, позвонившего шерифу.

– Почему?

– Потому что они спасли вашу жизнь.

– Каким образом?

– Дело в том, что вы находились в патрульной машине в тот самый момент, когда произошло убийство. Если бы вы остались в пристройке для работников, то стали бы подозреваемым номер один.

– Почему?

Уокер перевернул другую страницу.

– Ваши отпечатки есть на пистолете, – проговорил он. – И на каждой гильзе. И на обойме. И на коробке с патронами. Вы заряжали пистолет, Ричер. Скорее всего, вы из него стреляли, а потом перезаряжали. Пистолет покупала Кармен, так что он принадлежит ей, но отпечатки пальцев говорят о том, что это ваше оружие.

Ричер молчал.

– Теперь вы понимаете? Вам следует поставить небольшую часовню в честь полиции штата и каждый день благодарить ее за то, что вы все еще живы и остаетесь на свободе. Потому что для меня было бы естественнее всего арестовать вас. Вы ведь легко могли проникнуть из пристройки в спальню. Я беседовал с Бобби. Он рассказал мне, что вы провели ночь именно там. Неужели вы рассчитывали, что он будет всю ночь сидеть на конюшне? Скорее всего, он наблюдал за вами через окно.

– Я с ней не спал. Я ночевал на диване, – спокойно сказал Ричер.

Уокер улыбнулся.

– Неужели вы думаете, что присяжные прислушаются к вашим словам? Или поверят бывшей шлюхе? Я не верю. Так что мы можем показать, что у вас был мотив – ревность. Следующей ночью вы могли пробраться в спальню, вытащить пистолет из ящика и застрелить Слупа, а потом вернуться обратно в пристройку. Вот только вы этого не делали, поскольку находились в патрульной машине, Ричер. Сейчас для меня белый убийца был бы на вес золота. Вы бы моментально оказались в камере смертников. Такой огромный «истинный американец», «белая кость», среди черных и латиноамериканцев. Я бы выглядел как самый честный прокурор в Техасе. Выборы закончились бы, еще не начавшись.

Ричер молчал. Уокер вздохнул.

– К сожалению, вы этого не делали, – сказал он. – Кармен застрелила своего мужа. И что у меня есть? Преступные намерения становятся все более очевидными. Положение заметно ухудшилось. Очевидно, Кармен напряженно размышляла над решением своей проблемы, пока ей не удалось подцепить бывшего военного, который научил ее пользоваться оружием. Мы получили ваше досье после того, как идентифицировали отпечатки. Два года вы были чемпионом по стрельбе из пистолета. Более того, вы работали инструктором. Вы зарядили для нее пистолет. Черт подери, что мне теперь делать?

– То, что вы планировали с самого начала. Дождаться медицинских карт, – ответил Ричер.

Уокер снова вздохнул.

– Мы получим их завтра. И знаете, что я сделал? Пригласил эксперта, чтобы он их изучил. Эксперта защиты – вы знаете, что есть такие эксперты, которые работают только на защиту? Обычно мы к ним не обращаемся. Обычно мы хотим получить прямо противоположные результаты. Но я пригласил эксперта защиты. Именно к нему обратилась бы Элис Аарон, если бы могла ему заплатить. Я хочу, чтобы хоть кто-нибудь меня убедил, что Кармен говорила правду, чтобы я мог ее отпустить и не выглядел при этом безумцем.

– Что ж, вам нужно расслабиться и подождать до завтра, – сказал Ричер.

– Я очень надеюсь на положительные результаты. Возможно, так и будет. Из офиса Ала Юджина нам пришлют финансовые документы. Ал помогал Слупу. И если финансовый мотив отсутствует, а медицинские карты покажут то, на что мы рассчитываем, возможно, я смогу расслабиться.

– У нее совсем нет денег, – сказал Ричер. – Это было одной из серьезных проблем.

Уокер кивнул.

– Хорошо. Поскольку ее серьезные проблемы решают наши серьезные проблемы.

Они оба помолчали под гудение кондиционера. Ричер почувствовал, как холодеет его влажный затылок.

– Вам бы следовало проявить большую активность, если вы хотите победить на выборах, – сказал Ричер.

– Да? И как?

– Сделайте что-нибудь популярное.

– Например?

– Возобновите дело пограничного патруля. Людям это понравится. Я недавно познакомился с людьми, чьего сына убил патруль.

Уокер задумался, а затем покачал головой.

– Древняя история, – проворчал он.

– Но только не для этих людей, – возразил Ричер. – В тот год произошло более двадцати убийств. А семьи жертв живут где-то здесь. И большинство из них уже имеют право голоса.

– Действия пограничного патруля уже расследовались, – заявил Уокер. – Еще до того, как я стал прокурором. Очень тщательно. Я изучал документы.

– У вас остались эти дела?

– Конечно. Большая часть убийств произошла на территории Эха, а все такие преступления расследуются здесь. Очевидно, этим занимался отряд негодяев полицейских, действовавших на свой страх и риск, и, как только расследование началось, они сразу же о нем узнали и затаились. Вероятно, ушли в отставку. В пограничном патруле всегда большая текучесть кадров. Сейчас плохие парни могут оказаться где угодно, в буквальном смысле слова. Но большинство просто покинули штат. Не только иммигранты стремятся на север.

– Вы бы заметно повысили свой рейтинг.

Уокер пожал плечами.

– Несомненно. Многие вещи повышают рейтинг. Но у меня есть стандарты, Ричер. Я не намерен попусту тратить деньги налогоплательщиков. Это была бы акция, заранее рассчитанная на определенный эффект. В любом случае расследование ни к чему бы не привело. Они уже давно покинули штат. Это древняя история.

– Двенадцать лет – не так уж и много.

– Только не здесь. Здесь все слишком быстро меняется. Сейчас меня интересует то, что произошло в Эхо прошлой ночью, а не двенадцать лет назад.

– Ладно, – не стал спорить Ричер, – это ваше решение.

– Утром я позвоню Элис, как только получу новые материалы. Дело может быть закрыто к ланчу.

– Будем на это надеяться.

– Да, ничего другого нам не остается, – отозвался Уокер.

Ричер вышел на лестницу, где царила ужасающая жара. Однако на улице оказалось еще хуже. Ему даже дышать было трудно. Казалось, все молекулы кислорода сожжены. Он перешел на противоположную сторону улицы и направился к конторе бесплатных адвокатов. Пот заливал глаза. Когда Ричер вошел внутрь, Элис все еще сидела за своим столом.

– Вы уже вернулись? – удивленно спросил он.

Она молча кивнула.

– Вы ее видели?

Элис снова кивнула.

– И что она сказала? – не унимался Ричер.

– Практически ничего. Она лишь заявила, что не хочет, чтобы я ее представляла, – ответила Элис.

– Что это значит?

– Именно то, что я сказала. Больше ничего она говорить не пожелала. Цитирую: «Я отказываюсь от ваших услуг».

– Почему?

– Она не объяснила. Она вообще не стала со мной разговаривать. Я уже вам все рассказала. Она не хочет, чтобы я была ее адвокатом.

– Черт побери, но почему?

Элис пожала плечами и ничего не ответила.

– С вами такое уже бывало?

Элис тряхнула головой.

– Со мной – нет. И ни с кем из тех, кто здесь работает. Обычно они пытаются откусить вам руку или бросаются обнимать и целовать.

– Так что же, черт возьми, случилось?

– Понятия не имею. Она вела себя совершенно спокойно.

– А вы пытались ее убедить?

– Конечно пыталась. Но только до определенного предела. Я не хотела, чтобы она потеряла обладание и начала кричать. Если бы кто-нибудь услышал, что она отказывается от моих услуг, я бы потеряла статус ее адвоката. И тогда у нее возникли бы очень серьезные проблемы. Я намерена побывать у нее еще раз и начать все сначала.

– Вы сказали ей, что вас прислал я?

– Конечно сказала. Я не раз упоминала ваше имя. Ричер то, Ричер это. Никакой реакции. Она все время повторяла, что ей не нужен адвокат. Снова и снова, три или четыре раза. А потом замолчала.

– Вы можете назвать причину?

Элис пожала плечами.

– При данных обстоятельствах ее поведение необъяснимо. Конечно, я не Перри Мейсон. Может быть, я не сумела произвести на нее впечатление. Я пришла к ней полуголая, потная как свинья, и если бы мы находились на Уолл-стрит, то я бы поняла, если бы кто-то взглянул на меня и

подумал: «Ну нет, забудь об этом». Но мы не на Уолл-стрит. Это окружная тюрьма Пекоса, и она латиноамериканка, а я живой адвокат. Она должна была бы танцевать от радости, увидев меня.

– Так в чем же причина?

– Это необъяснимо.

– И что теперь будет?

– Теперь все висит на волоске. Я должна убедить Кармен дать согласие на мое участие в процессе, пока никто не услышал, что она от меня отказалась.

– А если она будет продолжать упорствовать?

– Тогда я займусь своими делами, а она будет предоставлена своей судьбе. И будет ждать полгода, пока ей не предъявят обвинение, а судья назначит какого-нибудь бесполезного придурка в качестве ее адвоката.

Ричер немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Сожалею, Элис. Я не мог даже представить себе, что все так произойдет.

– Тут нет вашей вины.

– Возвращайтесь туда часам к семи, ладно? – сказал Ричер. – Когда все покидают свои офисы на верхних этажах, а ночная смена еще не заступила. Женщина из ночной смены показалась мне более любопытной, чем парень из дневной. Скорее всего, он не станет обращать на ваш разговор особого внимания. Постарайтесь надавить на Кармен. Пусть она немножко покричит, если захочет.

– Ладно, я отправлюсь туда к семи часам. Отвратительный день. Вверх и вниз, как на русских горках.

– Как сама жизнь, – заметил Ричер.

Элис слабо улыбнулась.

– Где я смогу вас найти?

– Я остановился в самом последнем мотеле возле автострады.

– Вам нравится шум проезжающих автомобилей?

– Мне нравится дешевизна. Комната номер одиннадцать. Миллард Филлмор.

– Почему?

– Привычка, – ответил Ричер. – Я люблю вымышленные имена. Люблю анонимность.

– И кто такой Миллард Филлмор?

– Президент,[18] за два срока до Авраама Линкольна.

– Может быть, мне следует одеться как адвокат, когда я пойду к Кармен? Как вы думаете, это что-то изменит?

Ричер пожал плечами.

– Сомневаюсь. Посмотрите на меня. Я похож на пугало, а она этого даже не заметила.

Элис вновь улыбнулась.

– Вы и в самом деле немного похожи на пугало. Когда вы утром вошли, я решила, что это вы будете моим клиентом. Бездомный человек, попавший в беду.

– Одежда у меня новая, – проворчал Ричер. – Сегодня купил.

Она посмотрела на него, но ничего не ответила. Ричер оставил ее заниматься бумажной работой, а сам отправился в пиццерию, находившуюся к югу от здания суда. В ней было полно народу, а над дверью висел мощный кондиционер, с которого на тротуар стекали струйки воды. У Ричера создалось впечатление, что это самое прохладное место в городе, а значит, и самое популярное. Он вошел, занял дальний столик, залпом выпил стакан воды со льдом, чтобы официант тут же вновь его наполнил. Потом Ричер заказал пиццу с анчоусами. Он решил, что его тело нуждается в соли.

Пока Ричер ел, отряд убийц получил новое задание по телефону. Телефонный звонок был сделан очень аккуратно – через Даллас и Лас-Вегас в мотель, находившийся в сотне миль от Пекоса. Позвонил мужчина, говоривший тихо, но внятно. Он дал все сведения о новой жертве – мужчине, начиная с полного имени и возраста и кончая подробным описанием внешности и сообщением о том, где тот может находиться в ближайшие сорок восемь часов.

Трубку сняла женщина, поскольку она отослала своих партнеров поесть. Она ничего не записывала. Женщина обладала превосходной памятью и не хотела оставлять никаких письменных свидетельств. К тому же ей приходилось постоянно упражнять память. Она внимательно все выслушала, а когда в разговоре наступила короткая пауза, сообщила цену. Она не боялась говорить по телефону, так как пользовалась электронным устройством, которое делало ее голос похожим на голос

простуженного робота. Она назвала цену, а потом молча выслушала ответ. Ее собеседник не торговался. Сказал «хорошо» и повесил трубку. Женщина улыбнулась. «Умный парень», – подумала она. Ее команда не станет работать на скрягу. Экономия на расходах создает определенные трудности.

После пиццы Ричер заказал мороженое и выпил еще воды, а потом кофе. Он постарался растянуть удовольствие, затем заплатил по чеку наличными и вернулся в мотель. После часа, проведенного в прохладной пиццерии, жара показалась ему особенно невыносимой. Он долго стоял под тепловатым душем, а потом сполоснул одежду в раковине. Хорошенько встряхнул ее, чтобы избавиться от складок, и развесил на стуле сушиться.

Включив кондиционер на максимум, Ричер улегся на кровать и стал ждать Элис, потом взглянул на часы и решил, что, если Элис появится в мотеле после восьми, это будет хорошим знаком. Ведь если Кармен придет в себя, их разговор продлится не менее часа. Он закрыл глаза и попытался заснуть.

Глава 13

Элис пришла в семь двадцать. Ричер вынырнул в реальность из короткого лихорадочного сна, услышав осторожный стук в дверь. Он скатился с постели, завернулся во влажное полотенце, босиком прошлепал по грязному полу к двери и распахнул ее. На пороге стояла Элис. Он посмотрел на нее. Она покачала головой. Ричер выглянул наружу. В сгущающихся сумерках он разглядел желтый автомобиль, припаркованный неподалеку. Он повернулся и отступил в комнату, пропуская Элис.

– Я испробовала все, – сказала она.

Элис переоделась в строгий костюм адвоката. Черные брюки и пиджак. У брюк была такая высокая талия, что она почти касалась коротенького белого топика. Оставалось около дюйма загорелого тела. В остальном Элис выглядела как настоящий адвокат. Нет, Ричер не мог себе представить, чтобы полоска обнаженной кожи могла иметь какое-то значение для человека в положении Кармен.

– Я спросила у нее, не хочет ли она другого адвоката. Может быть, кого-то постарше. Мужчину. Латиноамериканца.

– И что она ответила?

– Она заявила, что ей никто не нужен.

– Это безумие.

– Да, – согласилась Элис. – Я объяснила ей, что будет дальше, на случай если она не понимает, что ей грозит. Мои слова не произвели на нее никакого впечатления.

– Повторите мне, что сказала Кармен.

– А я уже все сказала.

Ричер чувствовал себя неудобно с полотенцем на бедрах. Оно было слишком маленьким.

– Разрешите мне надеть брюки, – сказал он.

Он подхватил брюки со стула и скрылся в ванной. Брюки были влажными и липкими. Он быстро натянул их и застегнул молнию. Когда Ричер вернулся, Элис успела снять пиджак и положить на стул рядом с его влажной рубашкой. Она устроилась на кровати, упираясь локтями в колени.

– Я испробовала все, – сказала она. – «Покажите мне ваши руки», – попросила я. «Зачем?» – ответила она. «Хочу посмотреть на ваши вены, ведь именно в вены делают смертельную инъекцию». И я рассказала, как ее привяжут к носилкам и дадут лекарства. И о людях, которые останутся за стеклом и будут наблюдать, как она умирает.

– И?

– Мои слова не произвели на нее никакого впечатления. Казалось, я говорю со стеной.

– Как сильно вы на нее давили?

– Я даже немного покричала. Она дождалась, когда я замолчу, а потом повторила, что ей не нужны мои услуги. Она отказалась от адвоката. Нам придется посмотреть правде в глаза, Ричер.

– Она имеет на это право?

– Конечно имеет. Нет закона, утверждающего, что ты должен иметь адвоката. В законе лишь сказано, что тебе обязательно должны предложить адвоката.

– Но разве отказ от адвоката не свидетельствует о безумии?

Элис покачала головой.

– Сам по себе – нет. В противном случае любой убийца отказывался бы от адвоката и автоматически уходил бы от правосудия, как человек, не несущий ответственности за свои действия.

– Кармен не убийца.

– Однако она даже не пытается это доказать.

– Ваш разговор кто-нибудь слышал? – спросил Ричер.

– Пока нет. Но я встревожена. Она должна написать письменный отказ. И тогда меня не подпустят даже к двери ее камеры. К ней больше никто не сможет подойти.

– Так что же нам делать?

– Необходимо действовать очень тонко. Больше нам ничего не остается. Нужно полностью игнорировать Кармен и заключить сделку с Уокером у нее за спиной. От ее имени. Если мы сумеем убедить его снять все обвинения, то Кармен выйдет на свободу, хочет она этого или нет.

Ричер пожал плечами.

– Что ж, значит, так мы и поступим. Но все это очень странно, верно?

– Никогда в жизни не слышала ни о чем подобном, – отозвалась Элис.

В ста милях от Пекоса двое мужчин вернулись в мотель после обеда. Они тоже выбрали пиццу, но предпочли холодное пиво воде и кофе. Женщина поджидала мужчин в их номере. Она нетерпеливо расхаживала взад и вперед, и они сразу поняли, что у нее появились новости.

– Что? – спросил высокий мужчина.

– Дополнительная работа, – сказала она.

– Где?

– В Пекосе.

– А это разумно?

Она кивнула:

– В Пекосе все еще безопасно.

– Ты так думаешь? – спросил смуглый.

– Подожди, пока не узнаешь, сколько он нам заплатит.

– Когда?

– Это зависит от выполнения наших прежних обязательств.

– Ладно, – сказал высокий. – И кто же цель?

– Так, один тип, – ответила женщина. – Все подробности вы узнаете, когда мы закончим с другой работой.

Она подошла к двери.

– Оставайтесь здесь, – сказала она. – Поспите. Завтра нам предстоит трудный день.

– Отвратительный номер, – заметила Элис.

Ричер огляделся.

– Вы полагаете?

– Здесь просто ужасно.

– Мне приходилось жить в местах и похуже.

Она немного помолчала.

– Хотите пообедать?

Ричер был полон пиццы и мороженого, однако дюйм открытой кожи на животе был весьма привлекательным. Как и дюйм на спине. Там имелась глубокая ложбинка. И пояс брюк служил крошечным мостом.

– Конечно, – ответил он. – Где?

Она опять немного помолчала.

– У меня? – предложила Элис. – Здесь мне трудно найти подходящее место. Я вегетарианка. Поэтому приходится готовить для себя.

– Вегетарианка в Техасе, – кивнул Ричер. – Вы очень далеко от дома.

– Так и есть. Ну что, вы согласны? У меня хорошие кондиционеры.

Он улыбнулся.

– Женщина готовит ужин и в ее доме прохладно? Звучит привлекательно.

– Вы готовы стать на один вечер вегетарианцем?

– Я могу есть все, что угодно.

– Тогда поехали.

Ричер натянул влажную рубашку. Элис взяла свой пиджак. Он надел ботинки, запер дверь и последовал за ней к машине.

Элис проехала пару миль на запад, и они оказались на небольшом холме, где расположился жилой комплекс, с двух сторон зажатый дорогами. Стены зданий были песочного цвета, с темными деревянными балками над ними. Всего здесь расположилось около сорока домиков, но все они выглядели жалкими, словно не выдержали испытания жарой. Домик Элис находился в центре комплекса, стиснутый двумя его соседями. Элис припарковалась рядом с дверью. Дорога здесь была заметно выщерблена, из трещин торчали высохшие растения.

Но внутри дома была установлена мощная система кондиционеров и царила изумительная прохлада. Ричер даже ощущал движение прохладного воздуха. Узкая гостиная заканчивалась кухней. Слева находилась лестница. Дешевая мебель, взятая напрокат, и множество книг. Телевизора не было.

– Я приму душ, – сказала Элис. – Чувствуй себя как дома.

Она поднялась по лестнице, а Ричер принялся оглядываться по сторонам. Книги. По большей части своды законов. Гражданский и уголовный кодексы Техаса. Какие-то комментарии к Конституции. На небольшом столике телефон с четырьмя номерами быстрого набора. На первом было написано: «Работа», на втором: «Дж. дом», на третьем: «Дж. работа». На четвертом: «МиП». На одной из книжных полок стояла фотография в серебряной рамке, с изображением красивой супружеской пары лет пятидесяти пяти. Обычный снимок, сделанный на улице большого города, скорее всего, в Нью-Йорке. У мужчины были седые волосы и длинное аристократическое лицо. Женщина выглядела как постаревшая копия Элис. Такие же волосы, такие же глаза, только через тридцать лет. Родители с Парк-авеню. Мама и папа. МиП. Они показались Ричеру очень симпатичными. Он решил, что Дж. – это друг Элис. Огляделся в поисках фотографии, но ничего не нашел. Может быть, она стоит в спальне, рядом с постелью.

Ричер уселся в кресло, а через десять минут появилась Элис. Она успела причесать влажные волосы и переоделась в шорты и футболку – он с трудом прочитал выцветшие от множества стирок буквы: «Футбольная команда Гарварда». Шорты были короткими, а футболка тонкой и обтягивающей. Ричер заметил, что Элис сняла лифчик. Она была босиком и выглядела великолепно.

– Ты играла в футбол? – спросил он.

– Мой партнер.

Он улыбнулся, уловив предостережение.

– Он все еще играет?

– Она, а не он. Джудит. Я розовая. Она до сих пор играет в футбол.

– А она хороша?

– Как партнер?

– Как футболистка.

– Да, она отличный игрок. Тебя это беспокоит?

– То, что она хорошая футболистка?

– Нет, то, что я розовая.

– С чего бы это?

Элис пожала плечами.

– У многих это вызывает протест.

– Только не у меня.

– А еще я еврейка.

Ричер улыбнулся.

– А пистолет тебе купили родители?

Она посмотрела на него.

– Ты его нашел?

– Конечно. Отличное оружие.

Она кивнула.

– Розовая еврейская вегетарианка из Нью-Йорка – они решили, что пистолет мне пригодится.

Ричер вновь улыбнулся.

– Странно, что они не купили автомат или гранатомет.

Элис улыбнулась в ответ.

– Не сомневаюсь, что они рассматривали и такие варианты.

– Я вижу, ты серьезно относишься к своей работе, – заметил Ричер. – Наверное, я чувствовал себя так же, когда находился в Ливане.

Она рассмеялась.

– На самом деле здесь не так уж плохо. В целом Техас замечательное место. Здесь много хороших людей.

– А чем занимается Джудит?

– Она, как и я, адвокат. Сейчас работает в Миссисипи.

– По тем же причинам?

Элис кивнула.

– У нас пятилетний план.

– Тогда мы можем надеяться, что в сфере правосудия для Америки еще не все потеряно.

– Значит, тебя это не беспокоит? – повторила Элис. – То, что после невинного ужина с новой подругой тебе предстоит возвращение в мотель?

– А я ни о чем другом и не думал, – солгал Ричер.

Трапеза оказалась великолепной. Иначе и быть не могло, ведь Ричеру не хотелось есть. Элис приготовила засахаренные фрукты с тертыми орехами, сыром и луком. Наверное, с большим количеством протеина. И с витаминами. Они выпили по паре бокалов вина и много воды. Ричер помог убрать со стола, а потом они разговаривали часов до одиннадцати.

– Я отвезу тебя в мотель, – предложила Элис.

Однако она все еще оставалась босой и выглядела умиротворенной, поэтому Ричер покачал головой.

– Я немного пройдусь, – сказал он. – Пара миль мне не повредит.

– Жара еще не спала, – предупредила Элис.

– Не беспокойся, со мной все будет в порядке.

Она не стала возражать. Они договорились о встрече в конторе на следующее утро и пожелали друг другу спокойной ночи. Воздух снаружи был густым, как суп. Дорога до мотеля заняла сорок минут, и рубашка Ричера промокла от пота, когда он переступил порог своего номера.

Он проснулся рано утром, прополоскал одежду и надел ее влажной. К тому времени, когда он добрался до конторы Элис, одежда просохла. Влажность исчезла, и жаркий воздух пустыни быстро высосал воду. На голубом небе не было ни облачка.

Элис уже сидела за своим столом в черном платье-трапеции без рукавов. Напротив нее расположился клиент-мексиканец. Он что-то негромко рассказывал. Элис записывала в желтый блокнот. Студент из офиса Хэка Уокера терпеливо ждал за спиной мексиканца. В руках он держал оранжево-красный пакет «Федерал экспресс». Ричер уселся рядом с ним.

Элис почувствовала, что появились новые люди, и подняла голову. Знаком показала, чтобы они немного подождали, и вновь занялась своим клиентом. Наконец она отложила карандаш и негромко заговорила на испанском. Мексиканец ответил ей, не меняя стоического выражения лица, встал и побрел к выходу. Студент пересел поближе к Элис и положил на стол пакет.

– Медицинские отчеты по Кармен Грир. Оригиналы. Мистер Уокер взял копии. Он хочет встретиться с вами в девять тридцать, – сказал студент.

– Я буду у него, – пообещала Элис и медленно подтянула пакет к себе.

Студент вышел вслед за мексиканцем, а Ричер пересел на освободившееся место. Элис посмотрела на него, продолжая держать пакет. На ее лице появилось недоуменное выражение. Ричер пожал плечами. Пакет и ему показался слишком тонким.

Элис перевернула пакет и высыпала содержимое на стол. Внутри оказалось четыре отдельных отчета, каждый в зеленой папке, на которой было написано имя Кармен Грир, номер ее страховки и медицинской карты. На всех имелись даты, которые охватывали последние шесть лет. Чем более ранняя дата, тем светлее папка. Со временем зеленый цвет тускнел. Ричер переставил свой стул так, чтобы сесть рядом с Элис, и они принялись изучать отчеты в хронологическом порядке, начиная с самого раннего. Элис открыла его и положила между ними, чтобы было удобно читать. Потом слегка повернула стул, и ее плечо коснулось плеча Ричера.

– Ладно, давай посмотрим, что здесь есть, – сказала она.

В первой папке находился отчет о рождении Элли. Весь процесс был запротоколирован в часах и минутах. Использовались мониторы, описывающие состояние плода. В тринадцать минут пятого применили эпидуральное обезболивание. В двадцать минут пятого оно начало действовать. В шесть часов утра была сделана запись о смене акушерской бригады. Роды продолжались до времени ланча. Были применены стимуляторы. В час дня пришлось прибегнуть к эпизиотомии.[19] Элли родилась через двадцать минут после этого. Никаких осложнений. Нормальное отделение плаценты. Швы наложены сразу после этого. Ребенка объявили здоровым во всех отношениях.

Никаких упоминаний о синяках на лице, разбитой губе или шатающемся зубе.

Во втором отчете описывались два треснувших ребра. Дело происходило весной, через пятнадцать месяцев после рождения Элли. К отчетам был приложен рентгеновский снимок. Он показывал всю левую сторону тела

Кармен. Ребра были ярко-белыми. На двух имелись крошечные серые трещинки. Левая грудь на снимке представляла собой аккуратные темные очертания. Согласно записям врача, пациентка сообщила, что ее сбросила лошадь и она ударилась о верхнюю часть ограды. Как почти всегда бывает с подобными травмами, лечение состояло в плотной повязке и покое.

– Что ты думаешь? – спросила Элис.

– Возможно, тут что-то есть, – ответил Ричер.

Третий отчет датировался шестью месяцами позднее, концом лета. Речь шла о серьезной травме правой ноги. Тот же врач написала, что Кармен упала с лошади, когда та в прыжке преодолевала препятствие и при приземлении задела голенью о него. Далее шло длинное профессиональное описание травмы, указывались также размеры. Пострадавшая область имела овальную форму, четыре дюйма в ширину и пять в длину. Был сделан рентген. Кость не пострадала. Кармен прописали обезболивающие препараты, которые ей тут же и выдали.

В четвертом отчете речь шла о несчастном случае, который произошел через два с половиной года, примерно за девять месяцев до того, как Слуп попал в тюрьму. В нем описывался перелом правой ключицы. Все имена врачей были другими. Такое впечатление, что поменялся весь состав бригады «скорой помощи». Новый врач никак не прокомментировал слова Кармен о том, что она упала с лошади на камни. В отчете имелось подробное описание травмы. Они все проделали очень тщательно. Прилагался также рентгеновский снимок. На нем были сняты шея и плечо. Снимок четко показывал перелом ключицы.

Элис аккуратно сложила все четыре отчета на краю стола.

– Ну? – спросила она.

Ричер ничего не ответил и лишь покачал головой.

– Что скажешь? – снова спросила Элис.

– Возможно, она иногда посещала другую больницу, – предположил он.

– Нет, мы все тщательно проверили. Я уже говорила, мы послали запросы повсюду. Это стандартная процедура.

– Возможно, они выезжали в другие штаты.

– Мы проверили и такие варианты. Когда речь идет о домашнем насилии, мы обращаемся во все соседние штаты – так делается всегда.

– Возможно, она пользовалась другим именем.

– В больнице проверяют номер социального страхования.

Он кивнул.

– Этого недостаточно, Элис. Она рассказывала мне и о других случаях. Здесь описаны перелом ключицы и повреждения ребер, но она говорила, что у нее была сломана рука. И челюсть. Она также утверждала, что ей пришлось имплантировать три зуба.

Элис ничего не ответила. Ричер закрыл глаза. И попытался рассуждать так, как делал это в прежние годы, когда работал следователем. Тринадцать лет опыта не должны пропасть даром.

– Есть две возможности, – наконец заговорил он. – Первая: кто-то подменил медицинские карты в больницах.

Элис покачала головой.

– Очень маловероятно.

– Согласен. И второй вариант: она солгала.

Элис долго молчала.

– Или сильно преувеличивала, – сказала она. – Чтобы привязать тебя. Чтобы ты согласился ей помочь.

Ричер задумчиво кивнул. Посмотрел на часы. Двадцать минут десятого. Наклонившись вперед, он засунул отчеты в пакет и предложил:

– Пойдем послушаем, что скажет Хэк.

Две трети команды убийц катили на юг от Пекоса. Они молчали, что было довольно редким явлением. Третий член команды дожидался их в мотеле, пребывая в задумчивости. Теперь они подвергали себя риску. Они двенадцать лет занимались этим бизнесом, но ни разу не проводили столько времени в одном месте. Такое поведение всегда выглядело слишком опасным. Приезд, быстрое выполнение работы и отъезд – оптимальный метод. Теперь они меняли образ действий. Радикально. Вот почему утром они молчали. Никаких шуток и болтовни. Никакого возбуждения перед выполнением миссии. Каждый был погружен в собственные мысли.

Однако они вовремя подготовили машину и собрали все необходимое. Оставив завтрак недоеденным, они сверили часы.

– Девять двадцать, – сказала женщина. – Пора.

В кабинете Уокера сидел посетитель. Человек лет семидесяти, с избыточным весом и нездоровым румянцем, явно тяжело переносящий жару. Кондиционер работал с таким напряжением, что шелест воздуха был слышен даже на фоне гудения двигателя, а со стола время от времени слетали бумаги. Но температура в кабинете оставалась на уровне тридцати двух градусов, и посетитель вытирал лоб большим белым платком. Уокер снял пиджак и застыл в своем кресле, закрыв лицо руками. На столе у него лежали копии медицинских карт, и он смотрел на них так, словно они были написаны на иностранном языке. Наконец он убрал руки от лица и сделал неопределенный жест в сторону незнакомца.

– Это Коуэн Блэк. Знаменитый профессор судебной медицины. Прославленный эксперт защиты. Полагаю, что он находится в кабинете окружного прокурора впервые в жизни.

Элис подошла и пожала руку профессору.

– Рада познакомиться с вами, сэр, – сказала она. – Я очень много о вас слышала.

Коуэн Блэк ничего не ответил. Элис представила Ричера, и они уселись на стульях, образовав полукруг возле стола.

– Медицинские карты пришли рано утром, – сказал Уокер. – Все документы из Техаса, из одной больницы. Мы ничего не получили из Нью-Мексико, Оклахомы, Арканзаса или Луизианы. Я лично снял фотокопии, а оригиналы сразу отослал вам. Доктор Блэк прибыл полчаса назад и успел изучить бумаги. Он хотел посмотреть рентгеновские снимки – с них я не смог снять копию.

Ричер передал пакет Блэку, который высыпал его содержимое на стол, как это сделала Элис, и сразу же взялся за три рентгеновских снимка. Ребра, нога и ключица. Коуэн Блэк поднес их к падающему из окна свету и принялся внимательно изучать один за другим. Процесс занял несколько минут. Затем он аккуратно сложил их обратно в папки, как человек, привыкший все делать тщательно.

Уокер наклонился вперед.

– Итак, доктор Блэк, вы готовы дать предварительное заключение?

Уокер говорил формально, тщательно подбирая слова, словно они уже находились в суде. Блэк взял первую папку, самую старую и светлую, где говорилось о рождении Элли.

– Здесь ничего нет, – сказал он. У него оказался низкий звучный голос, как у любимого дядюшки из старого фильма. – Обычные роды.

Представляет интерес только в том смысле, что в сельской больнице Техаса все проводилось на высочайшем для своего времени уровне.

– Ничего неуместного?

– Абсолютно ничего. Если не считать того, что муж стал причиной беременности, не осталось никаких свидетельств, что он что-то делал с женой.

– А остальные?

Блэк взялся за папку, в которой речь шла о трещине в ребрах. Вытащил рентгеновский снимок и поднял его перед собой.

– Ребра играют вполне определенную роль, – заговорил он. – Они образуют твердую костяную клетку, призванную защищать уязвимые внутренние органы. Однако эта клетка не является жесткой конструкцией. Это было бы глупо, а эволюция – разумный процесс. Реберная клетка довольно сложная структура. Если бы она была жесткой, то кости ломались бы при любом сильном ударе. Однако благодаря изощренной системе связок на концах костей реберная клетка смещается, чтобы равномерно распределить силу удара.

Он указал разные места на рентгеновском снимке.

– Нечто похожее произошло и в данном случае, – продолжал он. – Мы видим, как натянулись и порвались связки в разных местах. Мы видим, что это был сильный удар широким тупым предметом. Силу удара удалось смягчить благодаря гибкости реберной клетки, и все же две косточки треснули.

– О какого рода тупом предмете может идти речь? – спросил Уокер.

– Нечто длинное, твердое и округлое, диаметром в пять или шесть дюймов. Очень похоже на верхнюю часть ограды.

– А это не могло быть следствием удара ногой?

Блэк покачал головой.

– Категорически нет. При ударе ногой значительная энергия передается через небольшую площадь контакта. Какова площадь контакта при ударе сапогом или туфлей? Примерно полтора дюйма на полдюйма. А это уже острый предмет, а не тупой. Такой удар реберная клетка не сумеет компенсировать. В результате будут сломаны кости, и связки не успеют растянуться.

– А как насчет удара коленом?

– Коленом по ребрам? Это похоже на удар кулаком. Тупой предмет, но зона контакта будет округлой. И связки растянутся иначе.

Уокер забарабанил пальцами по столу. Он начал заметно потеть.

– Существует ли возможность, что удар был нанесен человеком? – спросил Уокер.

Блэк пожал плечами.

– Если этот человек акробат – может быть. Если он способен держать ногу совершенно прямой, а потом подпрыгнуть и ударить в бок, словно нога – это часть ограды. Я бы сказал, что это практически невозможно.

Уокер помолчал несколько секунд.

– А как насчет разбитой голени?

Блэк взял в руки третью папку. Открыл ее и еще раз прочитал описание травмы. Потом покачал головой.

– Форма синяка очень важна. И вновь такой синяк остается от удара о длинный твердый предмет круглой формы. Об ограду или о трубу. Удар пришелся в переднюю часть голени по касательной.

– А мог он ударить ее по ноге трубой?

Блэк вновь пожал плечами.

– Теоретически это возможно. Если он стоял у нее за спиной, а потом вытянул руку и нанес удар почти параллельно ноге. Он должен был бы держать трубу двумя руками, поскольку одной рукой не удержишь трубу диаметром в шесть дюймов. Скорее всего, ему пришлось бы встать на стул так, чтобы женщина находилась прямо перед ним. А это не слишком вероятно, не так ли?

– Но возможно?

– Нет, – возразил Блэк. – Невозможно. Я говорю это сейчас и повторю под присягой.

Уокер вновь немного помолчал.

– А что вы скажете относительно ключицы? – спросил он.

– Врач сделал очень подробные и квалифицированные записи, он прекрасный специалист.

– Но что можете сказать нам вы?

– Классический перелом, – пустился в подробные объяснения Блэк. – Ключица подобна размыкателю цепи. Когда человек падает, он

выбрасывает вперед руку, чтобы смягчить падение. Вес тела приходится на жестко поставленную руку, и волна идет дальше через плечевой сустав. Если бы не ключица, то сила продолжала бы распространяться дальше, к шее, что привело бы к перелому позвоночника и параличу. Или была бы повреждена черепная коробка, что, в свою очередь, привело бы к потере сознания или даже коме. Однако эволюция разумна и выбирает наименьшее из зол. Ключица ломается, принимая на себя силу удара. Несомненно, это неудобно и весьма болезненно, но угрозы жизни нет и в помине. Механический размыкатель цепи. Целые поколения велосипедистов, любителей роликов и верховой езды должны быть ей благодарны.

– Перелом ключицы может быть вызван не только падением, – не сдавался Уокер.

– Но это главная причина таких переломов, – спокойно продолжал Блэк. – Другие случаи крайне редки. Да, бывает всякое. Удар бейсбольной битой, направленный в голову, но ушедший в сторону, может привести к перелому ключицы. Падающая балка в горящем здании, ударившая в верхнюю часть плеча. Мне приходилось наблюдать такие переломы у пожарников.

– Кармен Грир не была пожарником, – сказал Уокер. – И у нас нет никаких оснований считать, что кто-то пользовался бейсбольной битой.

Все молчали. Лишь гудение кондиционера наполняло тишину.

– Ладно, сформулируем проблему иначе. Мне необходимы доказательства, что эта женщина подвергалась жестокому физическому насилию. Они существуют?

Блэк немного помолчал, а потом отрицательно покачал головой.

– Нет никаких оснований считать, что она подвергалась насилию, – уверенно заявил он.

– Никаких? Даже намека?

– Боюсь, что именно так.

– Даже если включить воображение?

– У нас нет ни малейших зацепок. Ничего. Беременность протекала нормально, и женщина оказалась не слишком ловкой наездницей. Ничего другого я не вижу.

– Неужели у вас нет сомнений? – настаивал Уокер. – Больше мне ничего не нужно. Только сомнение.

– Ничем не могу вам помочь.

– Доктор, пожалуйста, при всем огромном к вам уважении я должен задать еще один вопрос, – не унимался Уокер. – С точки зрения окружного прокурора, вы множество раз были просто невыносимы для меня и других моих коллег в нашем штате. Иногда мы вас просто не понимали. Вам удавалось придумывать совершенно фантастические объяснения. Сейчас я вас прошу. Пожалуйста. Неужели ничего нельзя интерпретировать в пользу Кармен Грир?

Блэк не ответил.

– Простите, если я вас оскорбил, – вздохнул Уокер.

– Вовсе нет, – спокойно ответил Блэк. – На самом деле я никогда не придумывал фантастических объяснений. Да, если я видел какие-то возможности для оправдания, я говорил об этом на суде. Однако если таких возможностей не существовало, я попросту отказывался от выступления. Вы и ваши коллеги видели лишь вершину айсберга. В тех случаях, когда смягчающих обстоятельств не находилось, я рекомендовал адвокату посоветовать подсудимому признать свою вину и рассчитывать на снисхождение суда. Я видел множество случаев, когда аргументов для защиты не находилось.

– Таких случаев, как этот?

Блэк кивнул.

– Боюсь, что все обстоит именно так. Если бы ко мне обратилась госпожа Аарон, я бы сказал, что словам вашей подзащитной не следует верить. Вы правы, я с большой неохотой говорю подобные вещи, ведь во многих случаях я становился на сторону защиты. И всегда стоял до конца, несмотря на риск рассердить наших окружных прокуроров. И я намерен продолжать в том же духе, пока мне позволяет здоровье. Впрочем, в такой жаре я продержусь совсем недолго.

Он немного помолчал и оглядел собравшихся.

– Именно по этой причине я намерен вас покинуть, – продолжал Блэк. – Мне очень жаль, что я не сумел вам помочь, мистер Уокер. Честное слово. Это принесло бы мне большое удовлетворение.

Он аккуратно сложил медицинские карты, засунул их обратно в пакет и протянул Ричеру, который сидел ближе всего. Потом встал и направился к двери.

– Но должно быть хоть что-то, – с тоской сказал Уокер. – Я не верю своим глазам. Первый раз в жизни я сам обратился к Коуэну Блэку, а он ничего не нашел.

Блэк улыбнулся.

– Много лет назад я понял: иногда они бывают виновны.

Он взмахнул на прощание рукой и медленно вышел из кабинета. Сквозняк от кондиционеров захлопнул за ним дверь. Элис и Ричер молчали и смотрели на Уокера. Тот опустил голову и закрыл глаза.

– Уходите, – прорычал Уокер. – Уходите отсюда к дьяволу и оставьте меня в покое.

На лестнице было ужасающе жарко, но на улице оказалось еще хуже. Ричер переложил пакет «Федерал экспресс» в левую руку, а правой поймал Элис за руку и остановил ее.

– В городе есть хороший ювелир? – спросил он.

– Да, наверное, – ответила она. – А почему ты спрашиваешь?

– Я хочу, чтобы ты забрала вещи Кармен. Ведь для всех остальных ты до сих пор ее адвокат. Мы можем оценить ее кольцо. И тогда узнаем, говорила ли она правду хотя бы раз.

– А у тебя еще остались сомнения?

– Я из армии. Сначала мы проверяем, а потом проверяем снова.

– Хорошо, если ты этого хочешь.

Они свернули в переулок, и Элис забрала пояс из змеиной кожи и кольцо Кармен как вещественные доказательства, подписав соответствующую форму. Потом они отправились на поиски ювелира. Они покинули улицы с дешевыми магазинчиками и через десять минут нашли подходящую витрину среди дорогих бутиков. Судя по ценам в витрине, здесь продавались приличные вещи, хотя их было выставлено слишком много, да и сам магазин не показался Ричеру особенно элегантным.

– Ну, и как мы поступим? – осведомилась Элис.

– Представь себе, что тебе досталось наследство от бабушки, – ответил Ричер.

Владелец магазина оказался старым и сгорбленным. Вероятно, лет сорок назад он производил впечатление. Но вел он себя так, словно знал свое дело. Ричер заметил, как заблестели его глаза: «Полицейские?» Затем Ричер отметил, что хозяин магазина ответил на свой вопрос отрицательно. Элис совсем не походила на полицейского. Как и Ричер, чем он не раз пользовался в прошлом. Затем хозяин попытался оценить, насколько проницательны его посетители. Для Ричера происходящее было совершенно очевидным. Он привык наблюдать за людьми,

которые делали подобные оценки. В конце концов хозяин решил действовать с осторожностью. Элис вытащила кольцо и сказала, что получила его в наследство. Она раздумывает, не продать ли его, если цена окажется подходящей.

Хозяин поднес кольцо к лампе и достал лупу.

– Цвет, чистота, огранка и караты, – сказал он. – Четыре главных критерия.

Он принялся разглядывать камень, поворачивая кольцо из стороны в сторону. Он поблескивал в ярком свете лампы. Потом достал твердую картонку с прорезанными в ней круглыми отверстиями разного размера. Довольно быстро ему удалось найти отверстие, точно соответствующее камню.

– Два с четвертью карата, – заявил он. – Огранка очень неплоха. Цвет хорош, ну разве что малость желтоват. Чистота не идеальна, но очень к тому близка. Камень неплох. Очень неплох. Сколько вы за него хотите?

– Я хочу получить столько, сколько он стоит, – ответила Элис.

– Я могу дать вам двадцать.

– Двадцать чего?

– Тысяч долларов, – ответил хозяин магазина.

– Двадцать тысяч долларов?

Хозяин поднял руки вверх, словно защищаясь от ее вопроса.

– Я знаю, знаю, вам говорили, что он стоит больше. Возможно, в розничной продаже, в крупном магазине, например в Далласе или еще где-нибудь. Но вы в Пекосе, и вы продаете, а не покупаете. Я ведь должен получить прибыль.

– Я подумаю над вашим предложением, – сказала Элис.

– Двадцать пять? – предложил хозяин.

– Двадцать пять тысяч долларов?

Хозяин кивнул.

– Больше я предложить не могу, если не хочу оказаться в убытке. Мне тоже нужно что-то есть.

– Я должна подумать, – ответила Элис.

– Только не слишком долго. Рынок может измениться. В Пекосе никто не даст вам лучшей цены. Все остальные попросту откажутся от покупки.

Они остановились на тротуаре возле магазина. Элис продолжала держать кольцо так, словно оно было раскаленным. Потом вытащила сумочку, положила его в отделение с молнией и тщательно ее застегнула.

– Если этот тип предлагает двадцать пять, оно стоит никак не меньше шестидесяти, – сказал Ричер. – Или даже больше, намного больше. Боюсь, что мы беседовали не с самым честным парнем из тех, что участвуют в подобных играх.

– В любом случае, намного больше, чем тридцать долларов, – заметила Элис. – Подделка? Цирконий? Она держит нас за дураков!

Ричер кивнул. Он понимал, что Элис могла бы сказать: «Она держит тебя за дурака». Однако Элис была слишком хорошо воспитана для подобных заявлений.

– Пойдем, – сказал он.

Они зашагали на запад по жаре, вернулись в бедную часть города, к зданию суда и железнодорожным путям. Они прошли около мили, но потратили на прогулку почти тридцать минут. Торопиться в такую жару было бы самоубийством. Всю дорогу Ричер молчал. Он вел обычную внутреннюю борьбу насчет того, когда именно следует признать поражение в проигранном сражении.

Возле входа в контору Ричер еще раз остановил Элис.

– Я хочу, чтобы ты предприняла последнюю попытку, – сказал он.

– Почему? – спросила Элис.

– Потому что я из армии, – ответил он. – Сначала мы проверяем. Потом перепроверяем. А затем приходит время для третьей проверки.

Она вздохнула с легким нетерпением.

– Чего ты от меня хочешь?

– Ты должна кое-куда меня отвезти.

– Куда?

– Мы можем поговорить со свидетелем.

– Свидетелем? Где?

– В школе, которая расположена в Эхо.

– Ребенок?

Он кивнул:

– Элли. Она очень наблюдательна.

– Но ей шесть лет.

– Если это происходило, я могу спорить, что она знала.

Элис несколько секунд стояла совершенно неподвижно. Потом заглянула внутрь конторы. Там было полно людей. Они изнемогали от жары, и казалось, жизнь нанесла им сокрушительное поражение.

– Это нечестно по отношению к ним, – возразила она. – Мне нужно возвращаться к своей работе.

– Это моя последняя просьба.

– Я могу еще раз одолжить тебе машину. Поезжай без меня.

Он покачал головой.

– Мне важно твое мнение. Ты адвокат. И я не хочу входить в школу без тебя. У тебя есть статус, а у меня его нет.

– Я не могу. Это займет весь день.

– А сколько времени ушло бы на то, чтобы получить деньги от владельца ранчо? Сколько оплаченных часов?

– Мы работаем бесплатно.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Ладно, – согласилась она после долгого молчания. – Мы заключили соглашение, и нужно его выполнять.

– Это моя последняя просьба, я обещаю.

– Но почему ты продолжаешь заниматься этим делом? – спросила Элис.

Они ехали в желтом «фольксвагене» по пустой дороге, ведущей из Пекоса на юг. Ричер не узнавал окружающую местность. Когда его везли в полицейской машине, было темно.

– Потому что я следователь.

– Понятно, следователи ведут расследование. Тут нет вопросов. Но разве расследование не прекращается, если следователь понимает, что он дошел до конца пути?

– Следователь не знает, когда такой момент наступит, – ответил Ричер. – Он действует на основании интуиции.

– А я думала, что следователи оперируют фактами.

– Не совсем так. Конечно, они изучают факты. Но в девяноста девяти случаях из ста ты опираешься на чувство. Ведь речь идет о людях. А хороший следователь должен чувствовать людей.

– Но чувства не могут превратить черное в белое.

– Не могут, – согласился Ричер.

– Ты когда-нибудь ошибался?

– Конечно ошибался. Много раз.

– Но?

– Но сейчас мне не кажется, что я ошибся.

– Так в чем же причина? – вновь спросила она.

– Я кое-что знаю о людях, Элис.

– Я тоже, – сказала она. – К примеру, я знаю, что Кармен Грир обвела тебя вокруг пальца.

Ричер больше ничего не стал говорить и молча наблюдал за тем, как Элис ведет машину. Он видел далекие горы, возле которых Кармен догнала школьный автобус. На коленях у него лежал пакет «Федерал экспресс». Он начал им обмахиваться. Взвесил на ладони. Бесцельно покрутил в разные стороны. Осмотрел спереди и сзади, взглянул на оранжево-пурпурный логотип, на этикетку, на бессмысленные слова, напечатанные мелким шрифтом: отправитель, адрес, «Очень срочно», размеры в дюймах – двенадцать на девять, вес в фунтах – два и шесть десятых, информация о получателе, дата – прошлый вечер, штамп грузоотправителя: «Посылка не содержит опасных предметов». Ричер тряхнул головой и перебросил пакет на заднее сиденье.

– У нее не было с собой денег, – сказал он.

Элис ничего не ответила. Она вела машину четкими экономными движениями. Ричер чувствовал, что она его жалеет, ощущал, что сочувствие волнами исходит от нее.

– Что такое? – спросил он.

– Нам следует повернуть обратно. Это пустая трата времени.

– Почему?

– А что нам сможет сказать Элли? Мне понятен ход твоих рассуждений. Если у Кармен действительно была сломана рука, то она должна была носить жесткую повязку никак не меньше шести недель. Элли умная

девочка, она обязательно это вспомнит. Да и со сломанной челюстью то же самое. Такое ребенок не забудет. Если, конечно, эти события происходили, причем происходили недавно и Элли смогла что-то запомнить.

– Но?

– Но мы знаем, что Кармен не носила гипс. Мы знаем, что ее челюсть не пострадала, – у нас ведь ее медицинские карты, ты не забыл? Они лежат в машине. Там описаны все случаи ее обращения к врачу. Думаешь, она самостоятельно лечила перелом? Или этим занимался кузнец? В лучшем случае Элли подтвердит то, что нам и так известно. Но скорее всего, она вообще ничего не вспомнит. Так что это наверняка пустая трата времени.

– Давай доведем дело до конца, – вздохнул Ричер. – Мы уже проехали половину пути. Элли может вспомнить что-нибудь полезное. И я хочу еще раз ее увидеть. Она замечательный ребенок.

– Не сомневаюсь, – произнесла Элис. – Лучше побереги себя, ладно? Что ты сможешь сделать? Удочерить Элли? Она пострадает больше всех, а тебе останется только смириться с этим и забыть о ней.

Они молчали до тех пор, пока не доехали до перекрестка, где находились закусочная, школа и бензоколонка. Элис припарковалась на том самом месте, где останавливалась Кармен, и они вместе вышли из машины.

– Я пойду с тобой, – сказал Ричер. – Она меня знает. Мы можем выйти с ней из школы и поговорить в машине.

Они пересекли двор, вошли в дверь и оказались в вестибюле. Ричер вновь ощутил знакомый запах школы. Через минуту они уже выходили обратно. Элли Грир не пришла в школу. Ее и вчера не было на занятиях.

– Ну, это можно понять: она переживает трудное время, – сказала Элис.

Ричер кивнул.

– Поехали. Отсюда час езды на юг.

– Замечательно, – проворчала Элис.

Они вернулись в «фольксваген» и следующие шестьдесят миль преодолели в полном молчании. Они потратили даже меньше часа, поскольку Элис вела машину быстрее, чем Кармен. Теперь Ричер начал узнавать окружающую местность. Слева на горизонте он заметил заброшенные нефтяные вышки.

– Мы уже подъезжаем, – сказал он.

Элис притормозила. На смену выкрашенному в красное забору пришла проволочная ограда, из дымки выплыли ворота. Элис тормознула и въехала в ворота. Маленькая машина неуклюже покатила по неровной подъездной дороге. Элис остановилась рядом с крыльцом и выключила двигатель. В доме царила тишина. Никакого движения. Однако люди были дома, поскольку все машины выстроились в гараже. Белый «кадиллак», джип «чероки», новый пикап и старый пикап. Все машины притаились в тени.

Они вышли из «фольксвагена» и немного постояли перед открытыми дверями, словно те могли их от чего-то защитить. Воздух застыл в неподвижности, было невыносимо жарко. Они поднялись на крыльцо и оказались в тени от крыши. Ричер постучал в дверь. Дверь распахнулась почти сразу же. На пороге стояла Расти Грир. В одной руке она держала ружье двадцать второго калибра. Довольно долго она молчала, глядя на Ричера. Потом заговорила:

– Это ты. А я думала, Бобби вернулся.

– Вы его потеряли? – спросил Ричер.

Расти пожала плечами.

– Он уехал. И его до сих пор нет.

Ричер посмотрел в сторону автомобилей.

– Все машины у гаража, – заметил он.

– Кто-то за ним заехал, – ответила Расти. – Я была наверху. И ничего не видела, только слышала разговор.

Ричер не произнес ни слова.

– В любом случае, я больше не рассчитывала тебя увидеть.

– Это адвокат Кармен, – сказал Ричер.

Расти повернулась и посмотрела на Элис.

– А получше не сумел никого найти?

– Нам нужно повидать Элли.

– Зачем?

– Мы проводим опрос свидетелей.

– Ребенок не может быть свидетелем.

– Это решаю я, – вмешалась Элис.

Расти лишь улыбнулась ей.

– Элли здесь нет.

– И где же она? – спросил Ричер. – В школе ее нет.

Расти ничего не ответила.

– Миссис Грир, нам необходимо знать, где находится Элли, – сказала Элис.

Расти вновь улыбнулась.

– Я не знаю, где она, девочка-адвокат.

– Почему? – спросила Элис.

– Потому что ее увезла служба опеки, вот почему.

– Когда?

– Они приехали за ней сегодня утром.

– И вы позволили ее забрать? – возмутился Ричер.

– А почему нет? Теперь, когда Слупа больше нет, она мне не нужна.

Ричер не сводил с нее глаз.

– Но она же ваша внучка!

Расти небрежно отмахнулась. Дуло ружья описало дугу.

– Меня этот факт никогда не вдохновлял, – заметила она.

– Куда ее увезли?

– В приют, наверное, – ответила Расти. – А потом ее удочерят, если, конечно, найдутся желающие. Но это маловероятно. Насколько мне известно, полукровок трудно пристроить. Приличные люди не хотят иметь дело с отбросами.

Стало тихо. Лишь земля поджаривалась под обжигающими солнечными лучами.

– Надеюсь, у вас будет рак, – сказал Ричер, повернулся на каблуках и, не дожидаясь Элис, стремительно зашагал к машине.

Он сел, захлопнул дверцу и уставился прямо перед собой. Его лицо горело, пальцы сжимались и разжимались. Элис села за руль и включила двигатель.

– Увези меня отсюда.

Элис сразу нажала на газ, и машина, подняв облако пыли, умчалась прочь. По дороге в Пекос они не обменялись ни единым словом.

Когда они въехали в город, было три часа, и контора заметно опустела из-за жары. На столе Элис набралась обычная груда сообщений. Пять из них были от Хэка Уокера. Они образовали четкую очередность, каждое последующее было более срочным, чем предыдущее.

– Мы пойдем к нему? – спросила Элис.

– Не рассказывай ему про бриллиант, – попросил Ричер.

– Все кончено, неужели ты не понимаешь?

Так и было. Ричер все понял, как только взглянул в лицо Уокера. Оно было расслабленным. Казалось, Уокер принял какое-то решение. И пришел к миру с самим собой. Он сидел за своим столом, на котором лежали две стопки бумаг – одна заметно выше другой.

– Что? – спросил Ричер.

Уокер ничего ему не ответил и протянул лист бумаги Элис.

– Отказ от всех прав, – сказал он. – Прочитайте его внимательно. Она отказывается от адвоката и заявляет, что делает это совершенно добровольно. Кстати, там сказано, что она отказывалась от ваших услуг с самого начала.

– Я сомневалась в ее дееспособности, – сказала Элис.

Уокер кивнул.

– Готов принять ваши слова на веру. Но теперь сомнений не остается. Так что вы находитесь здесь исключительно благодаря моей любезности, понятно? Вы, Элис, и вы, Ричер.

Потом он протянул Элис меньшую стопку бумаг. Она взяла ее и разложила перед собой, а Ричер наклонился, чтобы посмотреть на них. Это были компьютерные распечатки с цифрами и датами. Банковские записи. Финансовые отчеты, сведения о перечислении денег с одного счета на другой. Дебет и кредит. Всего пять отдельных счетов. Два из них – обычные текущие счета. Три других – депозитные счета денежного рынка. Они назывались недискреционным трастом[20] Гриров, с номерами от одного до пяти. Все балансы были положительными. Можно даже сказать больше – крупными. Общая сумма достигала двух миллионов долларов.

– Эти документы прислали из офиса Ала Юджина, – сказал Уокер. – Посмотрите нижние страницы.

Элис вытащила нижние страницы, которые были скреплены вместе. Ричер читал через ее плечо. Вначале шел какой-то длинный текст, написанный юридическим языком. В нем описывалось трастовое соглашение. К нему прилагался документ с какими-то подписями, заверенный нотариусом. В нем достаточно понятным языком говорилось, что абсолютный контроль над трастом Слупа Грира принадлежит единственному лицу – его законной жене Кармен.

– У нее два миллиона долларов в банке, – сказал Уокер. – И все они теперь принадлежат ей.

Ричер посмотрел на Элис. Она кивнула и подтвердила:

– Совершенно верно.

– А теперь взгляните на последнюю подборку документов, – предложил Уокер.

Элис перевернула страницу. Здесь шла речь о возвращении всего траста под контроль Слупа – дату должен был определить он сам. Если только он сохранит дееспособность и не умрет. В случае смерти все его капиталы переходят к Кармен в соответствии с ранее подписанными документами и по наследству.

– Вам все понятно? – спросил Уокер.

Ричер ничего не ответил, но Элис кивнула.

Тогда Уокер передал ей более толстую стопку бумаг.

– А теперь прочитайте это, – сказал он.

– Что это такое? – спросила Элис.

– Запись ее признания, – пояснил Уокер.

После короткого молчания Элис спросила:

– Она сделала признание?

– Мы записали признание на пленку, – сказал Уокер.

– Когда?

– Сегодня в полдень. Мой помощник отправился к ней, как только мы получили финансовые документы. Сначала мы пытались найти вас, но не сумели. А потом Кармен сказала, что не хочет адвоката. Тогда мы дали ей подписать отказ от услуг адвоката. И она во всем призналась.

Мы привели ее сюда, и она повторила свои показания, так что мы смогли записать их на видеопленку. Малоприятное зрелище.

Ричер слушал Уокера и пытался читать признание. Оно действительно было отвратительным. Тут не оставалось ни малейших сомнений. Оно начиналось со стандартных заявлений о доброй воле и отсутствии принуждения. Затем Кармен назвала свое имя и начала рассказывать о своем прошлом в Лос-Анджелесе. Она была незаконнорожденной. Потом стала проституткой. «Гулящей женщиной», как она сама себя назвала. Потом она стала стриптизершей – теперь Кармен назвала себя «сексуальным работником». Ей удалось увлечь Слупа – все, как рассказывал Уокер. «Талон на обед» – так она называла Слупа. Затем она поведала о том, что ее терпение подошло к концу. Ей стало ужасно скучно в Техасе. Ей хотелось выбраться отсюда, но с деньгами в кармане. И чем больше денег, тем лучше. Когда у Слупа возникли проблемы с невыплатой налогов, она решила, что это знак свыше. Траст был слишком большой приманкой. Она хотела прикончить Слупа, пока он сидел в тюрьме, поскольку знала, что такое возможно, но оказалось, что ей не по силам добраться до заключенного федеральной тюрьмы. Тогда она стала ждать. Как только Кармен узнала, что Слуп скоро выйдет на свободу, она купила пистолет и начала искать подходящего человека. Она намеревалась убедить будущего убийцу помочь ей, рассказав ему, что муж ее избивает. Ричер стал ее последним вариантом. Он отказался, и тогда она решила все сделать сама. Она рассчитывала, что ее оправдают все под тем же предлогом или ей удастся доказать, что это была самооборона. Но потом Кармен поняла, что в ее медицинских картах нет подтверждения ее словам, и решила во всем признаться, рассчитывая на милосердие прокурора. Подпись Кармен стояла внизу каждой страницы.

Элис читала медленно. Она закончила только через минуту после Ричера.

– Мне очень жаль, Ричер, – сказала она.

И снова все долго молчали.

– А что теперь будет с выборами? – спросил Ричер.

Последняя надежда.

Уокер пожал плечами.

– Уголовный кодекс Техаса гласит, что это преступление, за которое предусматривается смертная казнь. Убийство с целью наживы. У нас достаточно улик для смертного приговора. К тому же я не могу игнорировать чистосердечное признание. Два часа назад я был в ужасном настроении. Но потом немного подумал. На самом деле ее

признание все меняет. Признание позволяет сэкономить деньги налогоплательщиков на процессе. И дает мне возможность просить о пожизненном заключении вместо смертной казни. Кармен будет выглядеть очень плохо в любом случае – национальность и цвет кожи уже не играют никакой роли. Если я не стану настаивать на смертной казни, то проявлю великодушие. Поначалу белые будут не слишком довольны, но мексиканцы придут в восторг. Вы понимаете, о чем я? Теперь все кардинально изменилось. Она была хорошей, а я злодеем. Но теперь она злодейка, а я хороший парень. Со мной все будет в порядке.

Молчание длилось с минуту. Кондиционер продолжал надрываться в неравной борьбе с жарой.

– У меня остались ее вещи, – сказала Элис. – Пояс и кольцо.

– Верните их, – посоветовал Уокер. – Скоро мы переведем Кармен.

– Куда?

– В тюрьму штата. Мы больше не можем держать ее здесь.

– Нет, куда мне отнести ее вещи? – уточнила Элис.

– Туда же, где находится морг. И не забудьте получить расписку.

Ричер решил сходить в морг вместе с Элис. Он не замечал, как переставляет ноги. Не обращал внимания на жару, пыль, шум проезжающих автомобилей и запахи улицы. Ричер чувствовал себя так, словно он парит в дюйме над тротуаром, одетый в скафандр, который полностью изолирует его от внешнего мира. Он слышал лишь внутренний голос, снова и снова повторяющий: «Ты ошибался. Ты целиком и полностью ошибался». Ему уже приходилось слышать этот голос, но легче не становилось, поскольку Ричер всю свою карьеру построил на том, чтобы как можно реже слышать эти тихие слова. Казалось, где-то в глубинах его сознания есть табло, фиксирующее счет, и средние результаты заметно упали. И это огорчало Ричера. Не из-за тщеславия. Просто он был профессионалом, который должен все делать правильно.

– Ричер! – услышал он голос Элис. – Ты ведь меня не слушаешь.

– Что? – спросил он.

– Я спросила, не хочешь ли ты поесть.

– Нет, я хочу, чтобы меня подвезли.

Она остановилась.

– Что теперь? Четвертая проверка?

– Нет. Я хочу убраться подальше отсюда. Я слышал, что в это время года очень хорошо в Антарктике.

– Автобусный вокзал находится неподалеку отсюда.

– Отлично. Я поеду на автобусе. Сыт по горло путешествиями автостопом. Никогда не знаешь, кто согласится тебя подвезти.

Морг оказался низким строением, расположенным во дворе. И вполне мог быть мастерской по смене колес. Служебный вход находился в дальнем конце здания. Им пришлось подняться на две ступеньки. Внутри морга было очень холодно. Здесь работали мощные кондиционеры. У Ричера возникло ощущение, что он оказался в мясном магазине. В некотором смысле так и было. Слева двустворчатая дверь вела в сам морг. Она была распахнута, и Ричер видел столы, на которых производили вскрытие. Много нержавеющей стали и ламп дневного света.

Элис положила пояс из змеиной кожи на стойку и вытащила из сумочки кольцо. Она сказала служителю, что эти вещи принадлежат задержанной Кармен Грир. Он ушел и вернулся с коробкой, где были сложены другие улики.

– Нет, я принесла личные вещи, а не улики, извините.

Служитель бросил на нее укоризненный взгляд: «Что же вы сразу не сказали?» – и повернулся, чтобы уйти.

– Подождите, – попросил Ричер, – я хочу взглянуть.

Служитель помедлил, а потом высыпал содержимое коробки на стойку. Две гильзы лежали в отдельном мешочке. Каждая из двух пуль калибра 0,22 тоже в мешочках. Обе пули были серыми и слегка потеряли форму. На одном мешочке было написано: «Внутричерепная № 1», а на другой – «Внутричерепная № 2». Рядом стояли подписи эксперта.

– А патологоанатом здесь? – поинтересовался Ричер.

– Конечно, – ответил служитель. – Он всегда здесь.

– Мне необходимо с ним поговорить, прямо сейчас, – сказал Ричер.

Он ожидал возражений, но служитель махнул рукой на двустворчатые двери.

– Он там.

Элис осталась на месте, а Ричер решительно устремился вперед. Сначала ему показалось, что в соседнем помещении никого нет, но потом он

заметил стеклянную дверь в дальнем углу. За дверью оказался небольшой кабинет. Ричер заглянул внутрь – за письменным столом сидел человек в зеленом халате и что-то писал. Ричер постучал по стеклу. Человек поднял голову и одними губами произнес:

– Входите.

Ричер вошел.

– Чем могу помочь? – спросил мужчина.

– В Слупе Грире было только две пули? – сразу спросил Ричер.

– Кто вы такой?

– Я с адвокатом обвиняемой, – ответил Ричер. – Она осталась снаружи.

– Обвиняемая?

– Нет, адвокат.

– Ладно, а что вас интересует относительно пуль?

– Сколько их было всего?

– Две. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы их вытащить.

– Могу я взглянуть на тело? – спросил Ричер.

– Зачем?

– Я боюсь, что будет совершена судебная ошибка.

Эта фраза обычно производила должное впечатление на патологоанатомов. Они понимали, что во время процесса их могут вызвать для дачи показаний, и им совсем не хотелось выглядеть глупо во время перекрестного допроса. Это вредно для репутации. Да и самооценка могла пострадать. Вот почему они предпочитали заранее во всем разобраться.

– Ну что ж, он в холодильнике.

В его кабинете оказалась еще одна дверь, ведущая в темный коридор. Они прошли по нему и остановились перед стальной дверью, похожей на обычную холодильную установку в мясном магазине.

– Там холодно, – сказал патологоанатом.

Ричер кивнул:

– Рад, что такое место существует.

Патологоанатом нажал на ручку, и они вошли внутрь. Здесь все было ярко освещено. Вдоль потолка шли лампы дневного света. Всю дальнюю стену занимали стальные дверцы двадцати семи отделений – девять в ширину и три в высоту. Восемь отделений были заняты. На каждом висела табличка – такие можно увидеть на картотеках с документами. В помещении было очень холодно. Дыхание Ричера облачком поднималось к потолку. Патологоанатом проверил таблички и выдвинул один из ящиков, не прикладывая особых усилий: салазки находились в отличном состоянии.

– Пришлось вскрывать черепную коробку, – сказал патологоанатом. – И выскребать почти весь мозг, чтобы достать пули.

Обнаженный Слуп Грир лежал на спине. В смерти он выглядел маленьким и жалким. Кожа стала серой, цвета необожженной глины. Открытые глаза смотрели в пустоту. На лбу виднелись две дырки от пуль, расстояние между ними не превышало трех дюймов. Дырочки получились аккуратными и ровными по краям, словно их просверлил настоящий мастер.

– Классические раны от пули двадцать второго калибра, – заметил патологоанатом. – Пули вошли в череп, но наружу не вышли. Скорость была слишком низкой. Они остались внутри, однако свое дело сделали.

Ричер закрыл глаза. Потом улыбнулся. Улыбка получилась широкой и довольной.

– Это точно, дело они сделали, – ответил Ричер.

В распахнутую дверь постучали. Ричер открыл глаза. На пороге стояла дрожащая Элис.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

– А что бывает после четвертой проверки? – осведомился он.

Облачко дыхания на мгновение задержалось перед его лицом.

– Пятая проверка, я полагаю, – сказала она. – Но зачем?

– А потом?

– Шестая. Зачем? – повторила она свой вопрос.

– Теперь нам придется очень многое проверить, – убежденно сказал Ричер.

– Почему?

– Потому что здесь есть нечто очень странное, Элис. Подойди и посмотри сама.

Глава 14

Элис медленно подошла к Ричеру.

– В чем дело? – спросила она.

– Посмотри сюда и расскажи, что ты видишь, – предложил Ричер.

Она перевела взгляд на труп, и Ричеру показалось, что ей потребовалось сделать над собой усилие.

– Две раны в голове, – ответила Элис.

– Каково расстояние между ними?

– Около трех дюймов.

– Что еще ты видишь?

– Ничего, – ответила Элис.

Ричер кивнул:

– Вот именно.

– И что дальше?

– Посмотри внимательнее. Отверстия чистые, верно?

– Да, пожалуй.

– А отсюда следует вывод, что выстрелы сделаны не в упор, – продолжал рассуждать Ричер. – Ты знаешь, что произойдет, если приставить дуло ко лбу и нажать на курок?

Она покачала головой и ничего не ответила.

– Из дула пистолета вырывается раскаленный газ. Если прижать дуло ко лбу, газ попадает под кожу и начинает искать выход, но ему препятствует кость черепа. И тогда газ вырывается наружу, образуя большую дыру, похожую на морскую звезду. Правильно, доктор?

– Мы называем это явление «звездным разрывом», – подтвердил патологоанатом.

– Но его здесь нет, – продолжал Ричер. – Значит, стреляли не в упор. После раскаленного газа из дула пистолета вырывается пламя. Если выстрел произведен с расстояния в два или три дюйма, на коже появляется ожог в форме небольшого кольца.

– Кольцо ожога, – сказал патологоанатом.

– Но и оно отсутствует. Далее сажа, мягкая черная грязь, – она появляется, если выстрел произведен с расстояния в шесть или восемь дюймов. Или на пару дюймов больше. Следов сажи нет.

– И? – нетерпеливо спросила Элис.

– Следующий этап – следы пороха, – сказал Ричер. – Частички несгоревшего углерода. Не бывает идеального пороха, какая-то его часть не сгорает. Порох разлетается в разные стороны и проникает под кожу, оставляя крошечные черные точки. Такой след называют «татуировкой». Если стреляют с расстояния в фут или полтора, то остается «татуировка». Ты ее видишь?

– Нет, – ответила Элис.

– Правильно. Мы видим лишь пулевые отверстия. И ничего больше. Иными словами, нет ни малейших оснований считать, что стреляли с близкого расстояния. Тут многое зависит от количества пороха в патроне, но мне представляется, что в данном случае стреляли с расстояния трех или четырех футов или даже больше.

– Восемь футов и шесть дюймов, – вмешался патологоанатом. – Такова моя оценка.

Ричер посмотрел на него.

– Вы проводили испытания пороха?

Тот покачал головой:

– Были сделаны диаграммы на месте преступления. Убитый находился на дальней стороне кровати. Кровать стоит рядом с окном, но есть небольшой проход шириной в два фута и шесть дюймов. Тело было найдено рядом с тумбочкой, у оконной стены. Мы знаем, что Кармен не стояла рядом с ним, иначе мы бы нашли следы, о которых вы упоминали. Таким образом, получается, что она не могла находиться ближе, чем с другой стороны кровати. Скорее всего, стояла в изножье. Судя по траектории полета пуль, стреляла по диагонали. Он, вероятно, пытался оказаться как можно дальше от нее. Кровать очень широкая, так что моя оценка – восемь футов и шесть дюймов.

– Превосходно. Вы готовы дать показания в суде? – спросил Ричер.

– Конечно. И это теоретический минимум. На самом деле расстояние могло быть и больше.

– И что из этого следует? – спросила Элис.

– Стреляла не Кармен, – ответил Ричер.

– Почему?

– Каковы размеры лба человека? Пять дюймов на два дюйма.

– И что?

– Она не смогла бы сделать такой точный выстрел с расстояния в восемь с лишним футов.

– Откуда ты это знаешь?

– За день до убийства я видел, как она стреляет. Она спускала курок первый раз в жизни. Она была совершенно безнадежна. В буквальном смысле слова. Она не сумела бы попасть в стенку сарая с расстояния в восемь дюймов. Я сказал, что ей следует прижать дуло к животу Слупа и выпустить весь магазин.

– Ты копаешь ей могилу, – сказала Элис. – Такие показания нельзя давать добровольно.

– Она этого не делала, Элис. Она не могла.

– Может быть, ей просто повезло.

– Да, конечно, но только один раз. Два таких выстрела не могли быть случайными. Обе пули вошли в лоб на одной высоте. После первого попадания убитый начал падать, из чего следует, что второй выстрел был сделан практически сразу же. Бум-бум, без малейших колебаний. Так стреляют только профессионалы.

Элис немного подумала.

– Но она могла прикидываться. Ну, когда ты учил ее стрелять. Она лгала во всех остальных случаях. Может быть, она прекрасный стрелок и лишь делала вид, что впервые держит в руках пистолет. Ведь она хотела, чтобы ты убил ее мужа. И причины у нее были совсем другие.

– Нет, она не прикидывалась, – уверенно возразил Ричер. – Я всю жизнь наблюдал, как люди стреляют. Ты либо можешь стрелять, либо нет. Если у тебя есть к этому способность, ее невозможно скрыть. Нельзя разучиться.

Элис ничего не ответила.

– Кармен не убивала мужа. Даже я не сумел бы сделать два таких выстрела. Во всяком случае, из той дряни, которую купила Кармен. И с такого расстояния. Два быстрых выстрела в голову? Тот, кто это сделал, стреляет лучше меня.

Элис слабо улыбнулась.

– А это редкий случай?

– Очень редкий, – спокойно ответил Ричер.

– Но она призналась. Зачем?

– Понятия не имею.

Элли не была уверена, что все поняла правильно. Она пряталась на лестнице, когда ее бабушка разговаривала с какими-то чужими людьми. Она слышала слова «новая семья» и поняла, что они означают. Она уже знала, что ей нужна «новая семья». Гриры сказали ей, что папа умер, а мама уехала очень далеко и никогда не вернется. И еще они сказали, что не хотят, чтобы она оставалась с ними. Это Элли вполне устраивало. Она и сама не хотела с ними оставаться. Они были злыми. Они уже продали ее пони и всех остальных лошадей. Рано утром за ними приехал большой грузовик. Элли не плакала. Она поняла, что все это как-то связано. Больше нет папы, больше нет мамы, нет пони, нет лошадей. Все изменилось. И она отправилась вместе с чужими людьми, поскольку не знала, что ей еще делать.

Потом чужие люди заставили ее поговорить с мамой по телефону. Мама плакала, а в конце сказала: «Будь счастлива в своей новой семье». Сложность состояла в том, что она не знала, являлись ли эти чужие люди ее новой семьей, или они просто так говорили. Она боялась спросить. Элли решила вести себя тихо. У нее болела тыльная сторона ладони, которую она прижимала ко рту.

– Это очень запутанное дело, – заявил Хэк Уокер. – Вы понимаете, о чем я говорю? Ситуация может очень быстро выйти из-под контроля.

Они вернулись в кабинет Уокера. Здесь было градусов на двадцать пять больше, чем внутри здания морга. Ричер и Элис сразу сильно вспотели.

– Вы меня понимаете? Ситуация снова ухудшилась, – продолжал Уокер.

– Вы полагаете? – спросила Элис.

– Все запутывается. Предположим, Ричер прав, хотя я в этом сильно сомневаюсь, поскольку он опирается на свое субъективное мнение. Он строит предположения. И на чем они основаны? Только на том, что Кармен убедила его, будто она не умеет стрелять. Но все остальное, что она говорила, – полнейшая ложь от начала и до конца. Пусть Ричер прав, и что это нам дает?

– Да, что?

– Тогда речь идет о сговоре. Мы знаем, что Кармен пыталась уговорить Ричера убить Слупа. А теперь получается, что она сумела договориться с кем-то другим. Она нашла таких людей, рассказала, когда и как им лучше всего проникнуть в дом, отдала им свой пистолет. Если все произошло именно так, значит, речь идет о преступном сговоре с целью наживы. Получается, что она хладнокровно наняла убийцу. Если мы двинемся по этому пути, то ей гарантирован смертный приговор. Ведь это намного хуже, чем обычное убийство, уж поверьте мне. В прежнем варианте Кармен выглядит почти благородно. Она могла действовать под влиянием момента, понимаете? И если все так и останется, я смогу просить о пожизненном заключении. Но если речь пойдет о преступном сговоре, ей грозит верная смерть.

Элис молчала.

– Теперь вы понимаете, к чему я веду? – продолжал Уокер. – Мы ничего не сумеем выиграть. Наоборот, ситуация для Кармен изменится к худшему. К тому же она сама во всем призналась. И я полагаю, что так все и было. А если нет, то ее признание является рассчитанной ложью, направленной на то, чтобы скрыть существование преступного сговора. И тогда мы не сможем оставить все как есть. Нам нужно будет что-то предпринять. Мы не должны выглядеть как идиоты.

Элис молчала, а Ричер лишь пожал плечами.

– Поэтому давайте оставим все как есть, – предложил Уокер. – Так будет лучше для всех. Если бы это могло помочь Кармен, я бы начал расследование. Но ей будет только хуже. Закончим на этом. Ради Кармен.

– И ради предстоящих выборов, – добавил Ричер.

Уокер кивнул.

– Я ничего от вас не скрываю.

– И вы готовы оставить все как есть? – спросила Элис. – Вы, прокурор? Ведь преступник уйдет от правосудия.

Уокер покачал головой.

– Если все произошло так, как думает Ричер. Если, если, если. «Если» здесь ключевое слово. Должен заметить, я считаю, что это очень маловероятно. Поверьте мне, я настоящий прокурор, но мы не можем себе позволить начинать процесс и тратить время суда на том лишь основании, что у одного человека возникли сомнения относительно умения подозреваемой стрелять. В особенности когда речь идет о такой прожженной лгунье, как Кармен. Не исключено, что она стреляла каждый день с тех пор, как стала достаточно большой, чтобы держать в

руке пистолет. Ведь речь идет о девочке, которая выросла в латиноамериканском районе в Лос-Анджелесе, – присяжные, собранные в сельских районах Техаса, охотно в это поверят.

Ричер промолчал, а Элис кивнула.

– Верно, к тому же я не являюсь ее адвокатом, – сказала она.

– А как бы вы поступили, если бы оставались им? – поинтересовался Уокер.

Она пожала плечами.

– Я бы не стала настаивать на продолжении расследования. Вы правильно сказали: вопрос о преступном сговоре поднимать не стоит – ей это не поможет.

Она медленно поднялась на ноги, словно жара высосала из нее последние силы, потом похлопала Ричера по плечу. Посмотрела на него: «А что еще мы можем сделать?» – и направилась к двери. Он встал и последовал за ней. Уокер молчал. Он дождался, когда они вышли из кабинета, а потом перевел взгляд на старую фотографию трех парней, стоящих возле пикапа.

Они вместе пересекли улицу и дошли до автобусного вокзала. Пятьдесят ярдов до здания суда, пятьдесят ярдов до конторы адвокатов. Это был маленький сонный вокзал. Ни одного автобуса. Только кусок асфальта со следами дизельного топлива и несколько скамеек с небольшими белыми навесами, защищающими от полуденного солнца. Чуть в стороне стояло маленькое здание, на стенах которого висели таблички с расписанием движения автобусов. Внутри был установлен кондиционер, работавший на полную мощность. На высоком стуле сидела женщина и читала журнал.

– Ты знаешь, Уокер прав, – заметила Элис. – Он оказывает ей услугу. Дело совершенно безнадежное.

Ричер молчал.

– Так куда же ты теперь направишься?

– Сяду на первый же автобус, который уезжает из Пекоса. Всегда руководствуюсь этим правилом.

Они постояли рядом, изучая расписание. Следующий автобус отправлялся в Топику, штат Канзас, через Оклахома-Сити. Он должен был прибыть из Феникса, штат Аризона, через полчаса. Автобус описывал длинную петлю против часовой стрелки.

– Ты бывал прежде в Топике? – спросила Элис.

– Я бывал в Ливенуорте,[21] а это недалеко, – ответил Ричер.

Он постучал в стекло, и женщина продала ему билет в один конец. Ричер положил его в карман.

– Удачи, Элис. Через четыре с половиной года я буду искать тебя в «Желтых страницах».

Она улыбнулась и сказала:

– Береги себя, Ричер.

Она немного постояла рядом, словно решала, следует ли ей обнять его и поцеловать или просто уйти. Потом вновь улыбнулась и молча зашагала прочь. Ричер долго смотрел ей вслед. Потом нашел скамейку, где была самая густая тень, и уселся, дожидаясь автобуса.

Элли все еще не была уверена. Они отвезли ее в очень приятное место, похожее на настоящий дом, с кроватями и всем остальным. Что ж, может быть, это и есть ее новая семья. Однако они не походили на семью. Пожалуй, они были больше похожи на врачей. Все обращались с ней по-доброму, но были заняты какими-то непонятными делами. Как в кабинете у доктора. Может быть, они и есть доктора. Может быть, они знают, что она расстроена, и хотят как-то ее утешить. Элли долго думала, а потом спросила:

– Вы доктора?

– Нет, – ответили они.

– Вы моя новая семья?

– Нет, – сказали они. – Скоро мы поедем к твоей новой семье.

– Когда?

– Через несколько дней. А пока ты останешься с нами.

Она подумала, что все они выглядят очень занятыми.

Автобус приехал почти вовремя. Это был «Грейхаунд»,[22] грязный после долгого пути, окутанный дизельным облаком. Горячий воздух струился из отверстий кондиционеров. Автобус остановился в двадцати футах от Ричера, и водитель не стал выключать двигатель. Дверь распахнулась, из автобуса вышли три человека. Ричер встал и подошел к автобусу. Он оказался единственным пассажиром, уезжающим из Пекоса. Водитель взял его билет и сказал:

– Нужно подождать две минуты.

Ричер кивнул и ничего не ответил. Он прошел по проходу и нашел два свободных места слева. Из этого следовало, что ему в лицо будет светить вечернее солнце, после того как они свернут на Абилин. Однако стекла были затемнены, а воздух в салоне оказался прохладным, и Ричер решил, что поездка будет сносной. Он уселся, потянулся и прислонился головой к стеклу. Восемь гильз больно уперлись ему в бедро. Он слегка повернулся и передвинул их. Потом вытащил гильзы из кармана и покатал на ладони, как игральные кости. Они были теплыми и издавали негромкие металлические звуки.

«Абилин», – подумал Ричер.

Водитель вернулся, встал на ступеньку и огляделся по сторонам, как проводник на старой железной дороге. Потом уселся за руль, и входная дверь с шипением закрылась.

– Подождите, – сказал Ричер.

Он встал, прошел по проходу и остановился возле двери.

– Я передумал. Выпустите меня.

– Но я уже отметил ваш билет, – сказал водитель. – Если вы захотите вернуть деньги, вам придется отправить билет по почте.

– Я не хочу вернуть деньги. Откройте дверь и выпустите меня, – сказал Ричер.

Водитель с недоумением посмотрел на него, однако нажал на кнопку, и дверь с шипением открылась. Ричер вышел наружу и вновь ощутил на коже волны горячего воздуха. Он зашагал с площади, автобус у него за спиной тронулся с места, свернул налево, и вскоре шум его двигателя стих. Ричер направился в контору. Работа была в разгаре, вокруг столов теснились люди. Элис беседовала с женщиной, у которой на коленях устроился ребенок. Она с удивлением посмотрела на Ричера и спросила:

– Автобус не пришел?

– Мне нужна юридическая консультация, – сказал он.

– Это быстро?

Он кивнул.

– Если человек рассказывает своему адвокату о преступлении, то как далеко может зайти полиция, расспрашивая адвоката о подробностях?

– Такая информация будет конфиденциальной между адвокатом и его клиентом. Полиция не имеет права оказывать давление на адвоката.

– Могу я воспользоваться телефоном?

Элис удивленно посмотрела на него, а потом пожала плечами.

– Да, конечно.

Ричер уселся на свободный стул рядом с ней.

– У тебя есть телефонный справочник Абилина?

– В нижнем ящике стола, там весь Техас, – ответила Элис.

Она повернулась к женщине с ребенком и снова заговорила с ней по-испански. Ричер открыл ящик стола и вытащил телефонный справочник. На первой странице крупными буквами были напечатаны основные телефоны. Он набрал номер полиции штата. Трубку подняла женщина и спросила, чем может быть полезной.

– У меня есть информация о преступлении, – заявил Ричер.

Женщина попросила его подождать. Секунд через тридцать трубку взяли в другом месте. До Ричера долетел гул мужских голосов.

– Сержант Родригес, – раздался голос в трубке.

– У меня есть информация о преступлении, – повторил Ричер.

– Ваше имя, сэр?

– Честер А. Артур, я адвокат в округе Пекос.

– Хорошо, мистер Артур, я вас слушаю.

– Вы нашли брошенный автомобиль к югу от Абилина. «Мерседес-бенц», принадлежащий адвокату по имени Ал Юджин. Сейчас он считается пропавшим.

Послышался стук клавиатуры.

– Хорошо, и что вы хотите нам сообщить? – спросил Родригес.

– У меня есть клиент, который утверждает, что Юджина похитили из его машины и убили неподалеку от того места, где осталась машина.

– Как зовут вашего клиента, сэр?

– Не могу вам сказать, – ответил Ричер. – Это конфиденциальная информация. К тому же я не уверен, что это правда. Однако я бы хотел, чтобы вы проверили истинность его рассказа. Если все так и есть, мне, возможно, удастся убедить его дать показания.

– Что он вам рассказал?

– Он утверждает, что Юджина остановили и уговорили пересесть в другую машину. Потом его отвезли на север, по левую сторону от дороги, где есть немало укромных местечек, застрелили и спрятали тело.

Элис замолчала и искоса посмотрела на Ричера.

– Вот почему я бы хотел, чтобы вы осмотрели эту территорию, – добавил Ричер.

– Мы уже осматривали все вокруг.

– На каком расстоянии от брошенной машины?

– Непосредственно возле нее.

– Нет, мой клиент утверждает, что они отъехали на милю или две на север. Вам нужно осмотреть местность, кустарник, расселины, насосные станции, то есть такие места, куда можно легко подъехать на машине.

– В миле или двух от брошенной машины?

– Мой клиент говорит, не меньше одной, но не больше двух миль.

– Слева?

– Да, он практически в этом уверен, – ответил Ричер.

– Вы можете оставить ваш телефонный номер?

– Я вам перезвоню через час, – обещал Ричер.

Он повесил трубку. Женщина с ребенком ушла. Элис продолжала на него смотреть.

– Что ты задумал? – спросила она.

– Нам следовало с самого начала сосредоточиться на Юджине.

– Почему?

– Каким единственным реальным фактом мы располагаем?

– И каким же?

– Кармен не убивала Слупа!

– Но это лишь твое мнение, а не факт.

– Нет, это факт, Элис. Поверь мне, я знаю.

Она пожала плечами.

– Ну хорошо, и что дальше?

– Значит, его застрелил кто-то другой. Возникает естественный вопрос: зачем? Мы знаем, что Юджин исчез и Слуп убит. Они были связаны – адвокат и его клиент. Давай предположим, что Юджин также мертв. Для простоты. Они вместе подготовили операцию, позволившую досрочно освободить Слупа из тюрьмы. Это наверняка было нечто серьезное, поскольку досрочное освобождение очень непросто организовать. Их не раздают, как бесплатные пирожные. Значит, Юджин и Слуп сумели добыть какую-то важную информацию. Нечто ценное. А для кого-то очень большие неприятности. Предположим, что кто-то убрал обоих, чтобы отомстить или остановить поток информации.

– Откуда у тебя появились такие идеи?

– От Кармен. Она предложила мне поступить подобным образом. Прикончить Слупа, сделав вид, что его убили из-за досрочного освобождения.

– Получается, что Кармен последовала собственному совету.

– Нет, Кармен только рассуждала, – возразил Ричер. – Она действительно ненавидела Слупа, у нее был мотив, и она постоянно лжет, но Слупа она не убивала. Это сделал кто-то другой.

– Да, по ее заказу.

– Нет, так не бывает. Ей просто повезло. Все удивительным образом совпало. Вроде как он попал под грузовик. Весьма возможно, что она рада конечному результату, но вовсе не Кармен стала причиной смерти Слупа.

– И насколько ты в этом уверен?

– Совершенно уверен. Другие объяснения не выдерживают никакой критики. Подумай сама, Элис. Всякий, кто так хорошо стреляет, профессионал. А профессионалы все планируют заранее, по меньшей мере за несколько дней. Но если Кармен наняла профессионалов, зачем она гоняла по всему Техасу и искала парней вроде меня? И зачем ей устраивать убийство Слупа в собственной спальне, где она сразу станет подозреваемой номер один? Да еще из собственного пистолета?

– Так что же, по-твоему, произошло?

– Я полагаю, что команда убийц прикончила Юджина в пятницу и постаралась спрятать его тело, чтобы выиграть время. В воскресенье они убивают Слупа, но все устраивают так, чтобы в этом обвинили Кармен. В ее спальне, из ее пистолета.

– Но она находилась рядом. Как она могла не заметить убийц? И почему ничего не рассказала полиции?

– Может быть, она была с Элли. А потом вернулась в спальню и увидела тело Слупа. Или находилась в это время в душе. Когда Кармен арестовали, у нее были влажные волосы.

– Тогда она не могла не слышать выстрелов.

– Только не в душе. Там шумно, как в Ниагарском водопаде. А выстрел из пистолета двадцать второго калибра совсем негромкий.

– Но откуда ты знаешь, где искать тело Юджина? Если, конечно, ты прав.

– Я подумал о том, как бы сам решил такую задачу. У них наверняка имеется свой автомобиль. Они каким-то образом уговорили Юджина остановиться. Например, сделали вид, что у них спустило колесо. Затем пересадили его в свою машину и увезли. Но они не стали бы долго держать его в своей машине. Слишком рискованно. Две или три минуты, а за это время они могли проехать одну или две мили.

– Но почему на север? И почему слева от дороги?

– Сначала я бы проехал по этой дороге на север, подобрал бы подходящее место, а потом вернулся бы и стал ждать Юджина.

– Убедительно, – задумчиво проговорила Элис. – Но как насчет Слупа? Это просто невозможно. В Эхе появляется так мало посторонних людей. Как они проникли в дом? Неужели они все успели проделать, пока она была в душе?

– Я бы справился с такой задачей, – сказал Ричер. – Полагаю, они ничуть не хуже, чем я. Может быть, даже лучше. Во всяком случае, стреляют они лучше.

– Ты с ума сошел, – пробормотала Элис.

– Вполне вероятно.

– Нет, абсолютно точно. Ведь Кармен призналась! Зачем ей было это делать, если она не имеет к убийству мужа никакого отношения?

– Мы найдем ответ на этот вопрос позднее. А сначала подождем один час.

Ричер предоставил Элис заниматься бумагами, а сам вышел на жару. Он решил, что пришло время взглянуть на музей Дикого Запада. Но когда он туда добрался, музей уже закрылся. Слишком поздно. Однако по переулку можно было попасть во двор. Там имелись маленькие воротца, которые он с легкостью перешагнул. За зданием находилась целая коллекция памятников, посвященных прошлому. Небольшая тюрьма,

состоящая из одной камеры, копия здания суда, где работал судья Рой Вин, и дерево-виселица. Все экспонаты образовали отличную последовательность. И еще здесь имелась могила Клея Эллисона. За ней хорошо ухаживали, а надгробный камень был красивым. Клей было его вторым именем, а первым – Роберт. Роберт Клей Эллисон, родился в 1840 году, умер в 1887-м. «Никогда не убивал тех, кого не следовало убивать». У Ричера не было второго имени. Джек Ричер, коротко и ясно. Родился в 1960-м и до сих пор жив. Интересно, каким окажется его надгробный камень? Скорее всего, у него не будет надгробного камня. Об этом некому позаботиться.

Он вновь перешагнул через ворота, вернулся на улицу и оказался перед невысоким двухэтажным зданием из бетона. Первый этаж занимали магазины, второй – офисы. На окне одного из них было написано старомодными золотыми буквами: «АЛБЕРТ Э. ЮДЖИН, АДВОКАТ». В здании находились еще две юридические фирмы. Отсюда было рукой подать до суда. Наверное, здесь работали дешевые адвокаты, подумал Ричер. Они устроились отдельно от бесплатных адвокатов, а конторы дорогих юридических фирм располагались где-нибудь еще, в другом месте. Впрочем, Юджин ездил на «мерседесе». Возможно, он имел большой вес. Или был тщеславным человеком и с трудом выплачивал кредит.

На перекрестке Ричер задержался. Солнце уже клонилось к западу, на южном горизонте появились облака. В лицо дул теплый ветер, достаточно сильный, чтобы дергать Ричера за рубашку и поднимать пыль на тротуаре. Ричер немного постоял, наслаждаясь мгновениями прохлады. Потом ветер стих, и жара вновь навалилась ему на плечи. Однако тучи на юге не исчезали.

Ричер вернулся в контору адвокатов. Элис все еще сидела за столом, продолжая заниматься бесконечными делами. Рядом устроилась пожилая пара мексиканцев. На их лицах застыло терпеливое и доверчивое выражение. Стопка бумаг на столе у Элис заметно выросла. Она показала Ричеру на стул, который все еще стоял рядом с ней. Ричер сел, взял телефонную трубку и набрал по памяти номер полиции Абилина. Вновь назвался Честером Артуром и попросил позвать сержанта Родригеса.

Ему пришлось ждать почти минуту. Потом Родригес взял трубку, и Ричер сразу же понял, что они нашли тело Ала Юджина. Голос Родригеса звучал напряженно.

– Нам необходимо знать имя вашего клиента, мистер Артур, – сказал Родригес.

– Что удалось найти вашим людям? – спросил Ричер.

– Все оказалось именно так, как вы сказали, сэр. В полутора милях к северу, слева, в глубокой известняковой расселине. Пуля попала в правый глаз.

– Калибр двадцать два?

– Исключено. Во всяком случае, у меня совсем другая информация. По меньшей мере девять миллиметров. Большая пушка. Ему снесло полголовы.

– Вы можете оценить время его смерти?

– При такой жаре трудно дать ответ на ваш вопрос. Говорят, что до него добрались койоты. Некоторые части тела, интересующие патологоанатомов, отсутствуют. Но если кто-то скажет, что он убит в пятницу, мы не станем спорить.

Ричер не произнес ни слова.

– Мне нужно имя, – продолжал Родригес.

– Мой клиент этого не делал, – сказал Ричер. – Я поговорю с ним. Возможно, он вам позвонит.

Он повесил трубку, прежде чем Родригес успел хоть что-то возразить. Элис не сводила с него глаз, ее клиенты тоже. Очевидно, они достаточно знали английский, чтобы понять суть разговора.

– Каким президентом был Честер Артур? – поинтересовалась Элис.

– После Гарфилда, перед Гровером Кливлендом, – ответил Ричер. – Один из двух, родившихся в Вермонте.

– А кто был вторым?

– Калвин Кулидж.

– Значит, они нашли Юджина, – сказала Элис.

– Конечно нашли.

– И что теперь?

– Теперь мы пойдем и предупредим Хэка Уокера.

– Предупредим?

– Подумай сама, Элис. Может быть, мы имеем два из двух, но мне кажется более вероятным, что это два из трех. Они были троицей – Хэк, Ал и Слуп. Кармен говорила, что все трое добивались раннего освобождения Слупа. Она сказала, что Хэк вел переговоры с

федералами. Значит, Хэку известно все, что знали Ал и Слуп. Он может оказаться следующим.

Элис повернулась к клиентам.

– Извините, мне нужно идти, – сказала она по-английски.

Хэк Уокер уже собирался домой, надел пиджак и закрыл портфель. Было уже больше шести, и за окном кабинета начало темнеть. Они сообщили Уокеру, что Юджин убит, и молча смотрели, как бледнеет прокурор. Черты лица заострились, под обильно струящимся потом обозначились морщины. Он с трудом добрался до стула и рухнул на него. Довольно долго Уокер ничего не мог сказать.

– Наверное, я догадывался, но у меня еще оставалась надежда.

Он повернулся и посмотрел на фотографию.

– Мне очень жаль, – сказал Ричер.

– Мотивы известны? Кто убийца? – с надеждой спросил Уокер.

– Пока нет.

– Почему они рассказали о смерти Ала вам и даже не позвонили мне? – спросил Уокер.

– Ричер догадался, где следует искать тело, – вмешалась Элис. – На самом деле это он им рассказал.

Потом она сразу же перешла к теории Ричера относительно двух из трех. Сделка, какая-то опасная информация, предупреждение. Уокер сидел и слушал. Постепенно его лицо порозовело. Он молчал, напряженно размышляя. Затем тряхнул головой.

– Не может быть, – наконец заговорил он. – Сделка была самой обычной. Слуп сдался и согласился выплатить налоги и штраф. Вот и вся сделка, ничего больше. Он отчаялся, не мог больше сидеть в тюрьме. Такое часто случается. Ал связался с ВНС, сделал предложение, они и глазом не моргнули. Дело передали в местное отделение налоговой службы – им занимался младший персонал. Все шло своим чередом. Потом документы следовало подписать окружному прокурору, то есть мне. Естественно, я их подписал, возможно, все произошло немного быстрее благодаря мне, но не более того. Обычная сделка с ВНС. Поверьте мне, никого не убивают из-за таких сделок.

Он вновь тряхнул головой, но тут его глаза широко раскрылись и Уокер замер.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – сказал он.

Элис кивнула.

– Мы вам сочувствуем. Мы знаем, что вы были друзьями.

Но Уокер заметно смутился, словно сейчас его беспокоило совсем другое.

– В чем дело? – спросил Ричер.

– Нам больше не следует разговаривать, – сказал Уокер.

– Но почему?

– Потому что мы ходим по кругу, но наши хождения закончатся совсем не так, как бы нам хотелось.

– Мы ходим по кругу?

– Подумайте сами. Никого не убивают из-за сделок с ВНС. Или убивают? Слуп и Ал собирались забрать деньги траста у Кармен и большую их часть передать государству. Слуп и Ал мертвы. Два плюс два будет четыре. Теперь у нее появился еще более убедительный мотив. Если мы будем продолжать вести подобные разговоры, мне придется говорить о преступном сговоре. Теперь смертей две. У меня нет выбора. Но я не хочу этого делать.

– Никакого сговора не было, – возразил Ричер. – Если она наняла людей, зачем тогда был нужен я?

Уокер пожал плечами и предположил:

– Чтобы всех запутать? Чтобы обелить себя?

– Неужели она настолько умна?

– Думаю, да.

– Так докажите это. Убедите нас, что она кого-то наняла.

– Я не могу.

– Нет, можете. У вас есть ее банковские документы. Покажите нам выплаты.

– Выплаты?

– Вы полагаете, люди работают бесплатно?

Уокер скорчил гримасу, вытащил из кармана ключи и отпер ящик письменного стола. Выдвинув его, он достал стопку документов. «ФОНД ГРИРОВ», номера от 1 до 5. Ричер затаил дыхание. Уокер принялся

просматривать одну страницу за другой. Затем выровнял документы и повернул их к Ричеру и Элис. Его лицо застыло.

Элис потянулась за документами. Ричер быстро просмотрел их, обращая особое внимание на четвертую колонку, которая соответствовала расходам. Расходов было много. Но все они оказались мелкими и бессистемными. Самая большая выплата – двести девяносто семь долларов. Несколько раз Кармен снимала суммы, не превышающие ста долларов.

– Сложите расходы за последний месяц, – предложил Ричер.

– Получается девятьсот долларов, – сосчитала Элис.

– Даже если она их не потратила, девятьсот долларов – это слишком мало. Во всяком случае, профессионалы за такие деньги работать не станут.

Уокер молчал.

– Нам необходимо с ней поговорить, – сказал Ричер.

– Мы не можем, – вздохнул Уокер. – Ее отправили в тюрьму штата.

– Она не убивала Слупа. Она вообще ничего не делала. Кармен невиновна.

– Но почему она сделала признание?

Ричер закрыл глаза и некоторое время сидел, не шевелясь.

– Она была вынуждена, – сказал он. – Кто-то ее заставил.

– Кто?

Ричер открыл глаза.

– Я не знаю, кто именно, но мы можем выяснить. Попросите принести записи судебного пристава, и мы узнаем, кто ее посещал.

По застывшему лицу Уокера все еще стекал пот, но он поднял трубку, набрал внутренний номер и попросил, чтобы ему срочно принесли журнал, в котором фиксировались посещения. Они молча ждали. Через три минуты из коридора послышались тяжелые шаги, и в кабинет вошел судебный пристав. Это был мужчина из дневной смены. Он учащенно дышал после того, как бегом поднялся по лестнице. В руках он держал толстую книгу.

Уокер взял ее у пристава и открыл, быстро просмотрел и положил на стол в открытом виде. Потом пальцем ткнул в нужное место. Кармен Грир прибыла ранним утром понедельника. Ее увезли два часа назад

представители управления исправительных учреждений Техаса. За это время у нее дважды был один и тот же посетитель. В девять часов утра в понедельник и в полдень во вторник к ней приходил помощник окружного прокурора.

– Сначала предварительный допрос, а потом признание, – сказал Уокер.

Других записей в журнале не было.

– Здесь все верно записано? – спросил Ричер.

– Гарантирую, – сказал судебный пристав.

Ричер еще раз посмотрел в журнал. Первый визит помощника окружного прокурора продолжался две минуты. Очевидно, Кармен Грир отказалась давать показания. Второй раз допрос продолжался двенадцать минут. Затем ее отвели наверх, чтобы записать на видеокамеру признание.

– И больше никто не заходил? – спросил Ричер.

– Были телефонные звонки, – ответил судебный пристав.

– Когда?

– Весь понедельник и во вторник утром.

– И кто ей звонил?

– Ее адвокат.

– Ее *адвокат?* – удивилась Элис.

Пристав кивнул.

– Он все время морочил мне голову. Пришлось постоянно выводить ее из камеры к телефону.

– И как зовут ее адвоката? – поинтересовалась Элис.

– Нам не разрешено задавать этот вопрос, мэм. Это конфиденциальная информация. Все беседы с адвокатом остаются тайными.

– Это был мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Латиноамериканец?

– Не думаю. Он говорил нормально. Впрочем, голос казался немного приглушенным. Наверное, какие-то проблемы на линии.

– И каждый раз звонил один и тот же человек?

– Думаю, да.

Немного помолчав, Уокер отпустил судебного пристава. Они слышали его удаляющиеся шаги по коридору. Потом дверь за ним захлопнулась.

– Она не говорила нам, что ее кто-то представляет. Более того, Кармен заявила, что ей не нужен адвокат, – сказал Уокер.

– Она и мне сказала то же самое, – проговорила Элис.

– Необходимо выяснить, кто этот человек, – заметил Ричер. – Пусть телефонная компания проверит телефонные звонки.

Уокер покачал головой.

– Это невозможно. Разговоры между адвокатом и его клиентом являются конфиденциальными.

Ричер пристально посмотрел на Уокера.

– Вы действительно считаете, что это был адвокат?

– А вы думаете иначе?

– Я совершенно уверен, что ей звонил какой-то мужчина, который заставил ее солгать. Подумайте сами, Уокер. Когда ваш помощник попытался допросить ее в первый раз, Кармен отказалась с ним говорить. А через двадцать семь часов во всем призналась. И за это время она общалась только с человеком, звонившим ей по телефону.

– Но какими угрозами ее можно было заставить признаться в убийстве?

Команда убийц чувствовала себя неловко – няньками им быть еще не приходилось. Все они испытывали похожие чувства, и причины на то были одинаковыми. Они никогда прежде не держали в заложниках ребенка. Забрать девочку было обычной практикой, они и раньше использовали детей в качестве приманки. Женщина и высокий светловолосый мужчина отправились в «Красный дом» вместе, поскольку считали, что именно так должны действовать социальные работники. Они приехали в большом официальном седане и вели себя с профессиональной деловитостью. К тому же они с лицемерным видом повторяли, что выше всего ставят благополучие ребенка. Они привезли большую стопку фальшивых бумаг. Впрочем, бумаги были на официальных бланках. Однако бабушка ребенка даже не взглянула на них. Она не стала возражать, что показалось им странным, и сразу же отдала им ребенка, словно хотела побыстрее от него избавиться.

Девочка тоже не сопротивлялась. Все время, пока парочка убийц оставалась в красном доме, девочка молчала и не задавала вопросов.

Казалось, она старалась произвести хорошее впечатление. В результате ее усадили в машину и увезли. Никаких слез, скандалов или истерик. Все прошло очень удачно. Так же гладко, как и с Алом Юджином.

Но потом ситуация изменилась. Радикально. Обычно они отвозили жертву в тихое место и спускали курки. Прятали тело и старались побыстрее унести ноги. Но сейчас они получили совсем другое задание. Им приказали спрятать ребенка. И не причинять ему вреда. Во всяком случае, в ближайшее время. Может быть, в течение нескольких дней. Ничего похожего им делать не доводилось. Профессионалы всегда испытывают тревогу в непривычных для них ситуациях. Тут уж ничего не поделаешь, такова природа профессионалов. Профессионалы остаются на высоте, пока действуют по привычной схеме.

– Позвоните в службу опеки, прямо сейчас, – предложил Ричер.

Хэк Уокер уставился на него.

– Вы задали мне вопрос, – сказал Ричер. – Что могло заставить Кармен сделать признание? Неужели вы сами не понимаете? Они могли захватить ее ребенка.

Уокер с трудом вышел из ступора, вздохнул и открыл ящик стола. Он вытащил оттуда тяжелую черную папку, полистал, нашел нужный номер и поднял телефонную трубку. Никто не ответил. Он набрал другой номер – очевидно, там имелись вечерние дежурные. Когда трубку сняли, Уокер сразу же назвал полное имя Элли, Мэри Эллен Грир. Последовала долгая пауза. Потом ему что-то ответили. Уокер внимательно выслушал. Ничего не ответив, он аккуратно повесил трубку, словно она была из стекла.

– Они ничего о ней не слышали, – сказал он.

Никто не произнес ни слова. Уокер прикрыл глаза, но через мгновение открыл их.

– Ладно, – сказал он. – У нас возникнут проблемы с людскими ресурсами. Конечно, нам поможет полиция штата. И ФБР, поскольку речь идет о похищении. Сейчас все решает быстрота. Они могли увезти девочку куда угодно. Вот почему я хочу, чтобы вы отправились в Эхо и поговорили с Расти. Нам необходимо описание внешности похитителей и все остальное.

– Расти не станет говорить с нами, – возразил Ричер. – Она не скрывала своей враждебности. Почему бы не воспользоваться помощью шерифа Эха?

– Он совершенно бесполезен. Сейчас он почти наверняка пьян. Нужно, чтобы этим занялись вы.

– Напрасная трата времени, – сказал Ричер.

Уокер открыл ящик стола, вытащил из коробки две хромированные звезды и бросил на стол.

– Поднимите правые руки и повторяйте за мной, – велел он.

Они повторили за ним слова клятвы. Уокер кивнул.

– Теперь вы стали помощниками шерифа в округе Эхо. Расти вынуждена будет говорить с вами.

Ричер лишь молча посмотрел на него.

– Что? – спросил Уокер.

– Здесь такое все еще возможно? Назначать помощников шерифа?

– Да, конечно, – кивнул Уокер. – Как на Диком Западе. А теперь давайте не будем терять время. Мне необходимо сделать миллион звонков.

Ричер взял хромированную звезду и встал. Впервые за последние четыре с лишним года он вновь представлял закон. Элис тоже встала.

– Встретимся в моем кабинете. Удачи вам, – сказал на прощание Уокер.

Через восемь минут они уже ехали на желтом «фольксвагене» на юг, в сторону «Красного дома», второй раз за сегодняшний день.

Трубку подняла женщина. Звонок прозвенел четыре раза, пока она вытаскивала из сумки и включала прибор, изменяющий голос. Но он ей не потребовался. Женщине вообще не пришлось ничего говорить. Она выслушала сообщение, довольно длинное, но четкое и однозначное, а потом сообщение повторили. Как только голос в трубке смолк, женщина нажала на рычаг и убрала электронное устройство в сумку.

– Сегодня, – сказала она.

– Что будет сегодня? – спросил высокий мужчина.

– Дополнительная работа. В Пекосе. Похоже, положение несколько ухудшилось. Они нашли тело Юджина.

– Так быстро?

– Дерьмо, – пробормотал смуглый мужчина.

– Да, дерьмо, – согласилась женщина. – Поэтому мы должны сделать дополнительную работу прямо сейчас, пока ситуация не вышла из-под контроля.

– Кто наша мишень? – спросил высокий мужчина.

– Его зовут Джек Ричер. Бродяга, бывший военный. Я получила описание внешности. С ним девушка-адвокат. Ей тоже нужно уделить внимание.

– И мы должны сделать это, одновременно нянчась с девчонкой?

Женщина пожала плечами.

– Как и договорились, мы будем держать ребенка здесь, пока это возможно, но у нас есть право все закончить, если возникнет необходимость.

Мужчины переглянулись. Элли наблюдала за ними с постели.

Глава 15

Ричер был не слишком разговорчив, пока они ехали на юг. Первые полтора часа он просто молчал. Сумерки спустились быстро, и он зажег свет в салоне, чтобы изучить карты, которые он вытащил из бардачка. Особое внимание Ричера привлекла крупномасштабная карта, на которой была изображена южная часть округа Эхо. Границей округа служила совершенно прямая линия, идущая с востока на запад. От ближайшей точки границы до Рио-Гранде оставалось пятьдесят миль. Тут было кое-что неясное Ричеру.

– Не понимаю, почему она солгала насчет бриллианта, – наконец заговорил он.

Элис пожала плечами. Она выжимала из своей желтой машины все, на что та была способна.

– Кармен лгала обо всем, – сказала она.

– Но с кольцом все иначе, – возразил Ричер.

– Почему?

– Другой вид лжи. Как яблоки отличаются от апельсинов.

– Я не понимаю.

– Кольцо – это единственная ложь, которую я не могу для себя объяснить.

– Единственная?

– Все остальное легко укладывается в схему. Кроме кольца.

Они проехали еще милю. Мимо проносились столбики указателей миль, возникавшие в свете фар на несколько мгновений.

– Ты знаешь, что происходит, верно? – не совсем уверенно сказала Элис.

– Ты когда-нибудь конструировала что-то при помощи компьютера? – спросил Ричер.

– Нет.

– Я тоже.

– И что?

– Но ты имеешь представление о процессе?

– Довольно смутное, – призналась Элис.

– Можно выстроить на мониторе целый дом, автомобиль или еще что-нибудь столь же сложное. Можно раскрасить его, изменить какие-то детали, можно его рассматривать. Если это дом, то ты можешь войти внутрь или обойти его. Ты можешь вращать изображение, смотреть на фасад и на обратную сторону. Если речь идет о машине, посмотреть, как она выглядит при дневном освещении и ночью. Ты можешь вертеть ее во всех плоскостях, изучать с любого направления. Ты можешь устроить катастрофу и посмотреть, что получится. Все кажется реальным, но на самом деле дом и машина реальны только в виртуальном мире.

– И каков твой вывод?

– Я представляю всю ситуацию в своем сознании, как дом в памяти компьютера. Изнутри и снаружи, сверху и снизу. За исключением кольца. Кольцо все портит.

– Не хочешь мне объяснить?

– А зачем? Сначала я должен разобраться сам, – ответил Ричер.

– С Элли все будет в порядке?

– Надеюсь. Мы туда едем именно для этого.

– Думаешь, ее бабушка поможет нам?

Он пожал плечами.

– Сомневаюсь.

– Так чем же эта поездка поможет Элли?

Ричер ничего не ответил. Просто открыл бардачок, положил карты обратно и вытащил «хеклер-и-кох». Достал обойму и проверил ее. «Никогда ничего не принимай на веру». В обойме по-прежнему оставались все десять патронов. Он вставил обойму на место и отправил патрон в ствол. Потом взвел курок и поставил пистолет на предохранитель. Откинувшись на сиденье, Ричер засунул оружие в карман.

– Ты считаешь, тебе понадобится пистолет? – спросила Элис.

– Рано или поздно, – ответил он. – У тебя в сумочке есть запасная обойма?

Она покачала головой.

– Мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь воспользуюсь оружием.

Ричер ничего не ответил.

– Ты в порядке? – спросила Элис.

– В полном порядке. Примерно так, как ты чувствовала себя во время процесса по делу Гарсия, но до того, как Бревер отказался платить.

– Да, я испытывала приятные ощущения, – согласилась Элис.

– То было твое дело, верно?

– Пожалуй.

– А это мое дело. Именно для таких дел я создан. Ради возбуждения, которое испытываешь, преследуя врага. Я следователь, Элис, всегда им был и всегда им буду. Я охотник. И как только Уокер дал мне звезду, у меня заработала голова.

– Ты знаешь, что происходит, верно? – снова сказала Элис.

– Если не считать кольца с бриллиантом.

– Расскажи.

Он не ответил.

– Расскажи, – настойчиво попросила Элис.

– Ты когда-нибудь ездила на лошади?

– Нет, я городская девочка. Самое большое открытое пространство, какое мне довелось увидеть в детстве, – центральная часть Парк-авеню.

– А я садился на лошадь однажды – вместе с Кармен.

– И что же?

– Лошади очень высокие. Наездник находится высоко в воздухе.

– Ну и?

– А на велосипеде ты каталась? – спросил Ричер.

– В Нью-Йорке?!

– А на роликовых коньках?

– Немного, когда это было модно.

– Ты когда-нибудь падала?

– Один раз, и довольно сильно.

Он кивнул.

– Расскажи мне об ужине, которым ты меня угощала.

– Что конкретно тебя интересует?

– Ты все приготовила сама?

– Разумеется.

– Ты взвешивала составные части?

– Иначе не получится.

– Значит, на твоей кухне есть весы?

– Конечно, – ответила Элис.

– Весы правосудия, – сказал Ричер.

– Ричер, черт побери, о чем ты говоришь?

Он посмотрел налево. В свете фар появился красный забор.

– Мы приехали, – сказал Ричер. – Я расскажу позже.

Элис притормозила, свернула в открытые ворота, и они медленно покатили через двор.

– Поставь машину носом в сторону гаража, – сказал Ричер. – И не выключай фары. Я хочу взглянуть на старый пикап.

– Хорошо, – сказала Элис.

Она повернула руль, и почти сразу же фары высветили часть гаража. Лучи света выхватили из темноты левую половину новенького пикапа,

правую половину джипа «чероки» и стоящий между ними старый пикап.

– Держись поближе ко мне, – сказал Ричер.

Они вышли из машины. Ночной воздух вдруг показался им особенно жарким и влажным. Не таким, как раньше. Небо было затянуто тучами, встревоженно жужжали насекомые. Но во дворе царила тишина. Никаких звуков. Они вместе подошли к старому пикапу. Это был «шевроле» двадцатилетней давности, но в нем легко угадывался предок новенькой машины, стоявшей рядом. У «шевроле» были выпуклые крылья, краска сильно потускнела, в багажник на крыше был встроен защитный брус. Наверное, машина прошла миллион миль. И уже лет десять на ней никто не ездил. Шины были полностью спущены: резина не выдержала жары.

– Что ты искал? – спросила Элис.

– Мне кажется, на фотографии именно эта машина, – сказал Ричер. – Я имею в виду снимок, который мы видели в кабинете Уокера. Он, Слуп и Юджин сидят на крыле, верно?

– Мне все эти машины кажутся одинаковыми, – призналась Элис.

– У Слупа была такая же фотография.

– А это существенно?

Ричер пожал плечами.

– Они были близкими друзьями.

Они вернулись к «фольксвагену», и Элис выключила фары. Потом Ричер повел ее к крыльцу. Они поднялись по ступенькам, и Ричер постучал. Вскоре дверь открыл Бобби Грир и с удивлением посмотрел на Ричера и Элис.

– Так ты все-таки вернулся домой, – сказал Ричер.

Бобби нахмурился, словно он уже не раз это слышал.

– За мной заезжали приятели, чтобы вместе скорбеть, – сказал он.

Ричер поднял раскрытую ладонь, на которой лежала хромированная звезда. Снова у него в руках находился жетон полицейского. Он ощутил прилив возбуждения. Конечно, это не так классно, как показать жетон отдела уголовных расследований армии США, но звезда произвела впечатление на Бобби, и он раздумал закрывать дверь.

– Полиция, – сказал Ричер. – Нам нужно поговорить с твоей матерью.

– Полиция? Ты?

– Нас мобилизовал Хэк Уокер. Действует на всей территории округа Эхо. Где твоя мать?

Бобби ответил не сразу, посмотрел на ночное небо и понюхал воздух.

– Скоро начнется буря, – заявил он. – Она уже движется к нам. С юга.

– Где твоя мать, Бобби?

Бобби вновь немного помолчал.

– В доме, – наконец ответил он.

Ричер пропустил Элис вперед, и они оказались в красной прихожей, где висело зеркало и стояли ружья. Внутри было на пару градусов прохладнее. Где-то в глубине дома шумел старый кондиционер. Они прошли по коридору в гостиную. Расти Грир сидела на том же стуле, на котором Ричер увидел ее в первый раз. И одета она была в том же стиле: тесные джинсы и блузка с бахромой. Аккуратно уложенные волосы похожи на гладкий шлем.

– Мы здесь по официальному делу, миссис Грир, – сказал Ричер, показывая звезду. – Нам нужны ответы на некоторые вопросы.

– Или что, большой мужчина? – презрительно спросила Расти. – Ты меня арестуешь?

Ричер выдвинул стул и уселся напротив Расти. Она пристально посмотрела на него.

– Я не сделала ничего дурного, – сказала она.

Ричер покачал головой.

– По правде говоря, вы все сделали не так.

– Например?

– Например, моя бабушка умерла бы, прежде чем позволила бы увезти своих внуков. В буквальном смысле слова. «Через мой труп», – сказала бы она и стояла бы на своем до самого конца.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шумом работающего кондиционера.

– Это сделано для пользы ребенка. И у меня не было выбора. У них имелись бумаги, – заявила Расти.

– Вы отдавали своих внуков прежде?

– Нет.

– Так откуда вы могли знать, что у них были правильные бумаги?

Расти лишь пожала плечами и ничего не ответила.

– Вы проверяли?

– Как я могла? Они выглядели вполне нормально. Все нужные слова: «вышеупомянутый», «в дальнейшем», «штат Техас».

– Это были фальшивки. Ребенка похитили, миссис Грир. Они похитили вашу внучку для того, чтобы оказывать давление на вашу невестку.

Ричер смотрел в ее лицо, он ждал, когда на нем появится понимание, вина, стыд или раскаяние. И выражение появилось, вот только Ричер не мог понять, что оно означает.

– Нам необходимо описание. Сколько их было?

Она не ответила.

– Сколько людей пришло за вашей внучкой, миссис Грир?

– Двое. Мужчина и женщина.

– Белые?

– Да.

– Как они выглядели?

Расти вновь пожала плечами.

– Самые обычные, ничего особенного. Как и следовало ожидать. Именно такими и должны быть работники социальной сферы. Из города. У них была большая машина.

– Волосы? Глаза? Одежда?

– Волосы вроде бы светлые у обоих. Дешевая одежда. Женщина была в юбке. Кажется, у нее голубые глаза. Мужчина довольно высокий.

– А машина?

– Я ничего не понимаю в машинах. Большой седан. Самый обычный. Не «кадиллак».

– Цвет?

– Серый или голубой. Светлый.

– У вас на кухне есть какой-нибудь сухой пирог?

– А что?

– А то, что я с радостью засунул бы его в вашу глотку, чтобы вы задохнулись. Эти светловолосые белые люди с голубыми глазами убили Ала Юджина. А вы отдали им свою внучку.

Она уставилась на Ричера.

– Убили? Ал мертв?

– Да, он умер через две минуты после того, как его вывели из машины.

Она побледнела, ее губы зашевелились.

– А как насчет… – начала она и смолкла. – Как насчет…

Она так и не сумела произнести имя Элли.

– Пока нет, – сказал Ричер. – Но это только моя догадка. И надежда. И пусть это будет вашей надеждой. Если они причинят ей вред, знаете, что я сделаю?

Она ничего не ответила. Только поджала губы и затрясла головой.

– Я вернусь сюда и сломаю вам спину. Я поставлю вас на ноги и сломаю вашу спину, как гнилую ветку.

Они заставили ее принять ванну, и это было ужасно, потому что один из мужчин наблюдал за ней. Он был низкорослым, его голову и руки покрывали черные волосы, и он стоял возле двери ванной, пока она мылась. Мамочка говорила ей: «Никто не должен видеть, как ты раздеваешься, в особенности мужчины». А он смотрел на нее, не отводя глаз. И у нее не было пижамы, чтобы надеть ее после ванны. Элли не взяла с собой пижаму. Она ничего не взяла с собой.

– Тебе не нужна пижама, – сказал мужчина. – Здесь слишком жарко.

Он стоял у двери и смотрел. Она вытерлась маленьким белым полотенцем. Ей нужно было пописать, но она не собиралась позволять ему смотреть на это. Ей пришлось протиснуться мимо него, чтобы выйти из ванной. И двое других смотрели, как она шла к постели. Другой мужчина и женщина. Они были ужасные. Они все были ужасные. Она забралась в постель, натянула на голову простыню и изо всех сил постаралась не заплакать.

– Что теперь? – спросила Элис.

– Обратно в Пекос, – ответил Ричер. – Я не хочу оставаться на одном месте. К тому же нам еще многое сегодня предстоит сделать. Но не нужно ехать быстро, ладно? Мне необходимо подумать.

Она выехала в ворота и свернула на север, в темноту, включив кондиционер, чтобы изгнать из машины жару.

– О чем подумать? – спросила Элис.

– О том, где находится Элли.

– Почему ты считаешь, что ее увезли те же люди, которые убили Юджина?

– Это вопрос размещения, – ответил Ричер. – Не могу себе представить, чтобы кто-то использовал одновременно команду убийц и команду похитителей. Уж слишком мы далеко от крупных городов. Думаю, это одна команда. Либо убийцы, взявшиеся совершить похищение, либо похитители, согласившиеся на убийство. Скорее всего, убийцы, поскольку с Юджином они разобрались мастерски. Если они так блестяще выполняют побочную работу, то мне не хочется думать об их истинных возможностях.

– Они всего лишь застрелили Юджина. Любой сумел бы с этим справиться.

– Вовсе нет. Они заставили его остановить машину и пересесть к ним. И все это время он вел себя тихо. Это совсем не просто, Элис. Гораздо сложнее, чем вам кажется. А потом ему прострелили глаз. И это тоже кое-что значит.

– Что?

– Глаз – очень маленькая цель, – объяснил Ричер. – А в такой ситуации стрелять приходится сразу. Ты поднимаешь пистолет и стреляешь. Раз, два. Нет никаких оснований выбирать такую цель. Это избыточно. Нет, они ничего не пытались продемонстрировать. Скорее наслаждались своим хладнокровием и мастерством. Получали удовольствие от проделанной работы.

Элис надолго замолчала. Они ехали дальше, слушая шорох шин и гудение кондиционера.

– А теперь они захватили девочку, – сказала Элис.

– И это их тревожит, поскольку они вынуждены заниматься новым для себя делом. Они привыкли друг к другу. У них выработался определенный образ действий. А появление маленького ребенка, который постоянно находится с ними, делает их положение уязвимым.

– Но почему? Они будут выглядеть как семья. Мужчина, женщина и маленькая девочка.

– Нет, их должно быть больше двух, – возразил Ричер.

– Почему?

– Если бы команду составлял я, то мне бы потребовалось три человека. Когда я был на службе, мы использовали тройки. Обычный состав такой команды: водитель, стрелок и наблюдатель.

– Ты убивал людей? Военная полиция занимается такими вещами?

Он пожал плечами.

– Иногда. В тех случаях, когда лучше не доводить дело до суда.

Элис довольно долго молчала. Видимо, не знала, стоит ли ей и дальше задавать вопросы. Наконец она решила, что лучше сменить тему.

– Так почему же ты отказал Кармен? – поинтересовалась Элис. – Ведь ты занимался подобными вещами прежде.

– Она задала мне тот же вопрос. Ответ прост: я и сам не знаю.

Следующую милю они молчали.

– Почему они удерживают Элли? – спросила Элис. – В смысле, почему они до сих пор ее удерживают? Они уже вынудили Кармен сделать признание. Чего еще им нужно?

– Ты же адвокат. Сама должна догадаться. Когда ситуация станет необратимой?

– По сути, никогда. От признания можно отказаться в любой момент. Но на практике, если Кармен заявит nolo contendere[23] в ответ на предъявление обвинения большим жюри, изменить что-нибудь будет очень сложно.

– И как быстро это произойдет?

– Очень скоро. Например, завтра. Большое жюри заседает постоянно. Все вместе займет десять или пятнадцать минут.

– А я думал, что в Техасе правосудие вершится очень медленно.

– Только в том случае, если ты заявляешь о своей невиновности.

Они молча проехали через перекресток, на котором находились школа, бензоколонка и закусочная. Все это промелькнуло в свете фар за три секунды. Небо над головой оставалось чистым, и видны были звезды, но позади, на юге, небо быстро затягивалось тучами.

– Так что завтра они могут отпустить Элли, – сказала Элис.

– Или нет. Они будут опасаться, что она сумеет их опознать. Элли умная девочка. Она помалкивает, наблюдает и все время думает.

– Что же нам делать?

– Мы должны сообразить, где она находится.

Ричер вытащил карты из бардачка. Нашел крупномасштабный план округа Пекос и развернул его на коленях. Потом включил свет в салоне.

– Но как? – спросила Элис. – С чего начать поиски?

– Я уже занимался такими вещами прежде. Много лет я преследовал дезертиров и НВСО.[24] Когда ты начинаешь мыслить как они, ты их обычно находишь.

– Так просто? – удивилась Элис.

– Иногда.

Машина мчалась все дальше.

– Но они могут быть где угодно, – сказала Элис. – Существует миллион мест, где можно спрятаться. Заброшенные фермы, разрушенные здания.

– Нет, я полагаю, что они пользуются мотелями.

– Почему?

– Потому что им важно сохранять приличный вид. Это часть их системы. Они каким-то образом сумели обмануть Ала Юджина, а Расти Грир не нашла в их внешности ничего подозрительного – впрочем, она была не слишком внимательна. Значит, им необходимо иметь доступ к благам цивилизации – душ и все остальное.

– Здесь сотни мотелей. Может быть, даже тысячи, – вздохнула Элис.

– Верно. И они почти наверняка не сидят на одном месте. Каждый день новый мотель. Это основы безопасности.

– Как же мы найдем их сегодня?

Ричер повернул карту так, чтобы на нее падал свет.

– Мы найдем ответ в своих головах. Мы должны думать как они, и тогда станет ясно, что бы сделали мы. А потом окажется, что они поступили так же.

– Отчаянная игра.

– Время покажет.

– Мы начнем прямо сейчас?

– Нет, сначала вернемся в твой офис.

– Зачем?

– Затем, что я не люблю атаковать противника в лоб. Предстоит схватка с настоящими профессионалами, и я не хочу, чтобы ребенок оказался на линии огня.

– И что же нам делать?

– Будем разделять и властвовать. Мы выманим двоих убийц. Может быть, сумеем взять языка.

– Взять языка? Что это значит?

– Захваченный в плен противник, который будет говорить.

– Но как мы это сделаем?

– Мы заманим их в ловушку. Им уже известно, что мы о них знаем. Поэтому они придут за нами, чтобы нанести упреждающий удар.

– Они знают, что мы знаем? Но откуда?

– Кое-кто им рассказал.

– Кто?

Ричер не ответил. Он продолжал смотреть на карту, на тонкие красные линии, изображающие дороги протяженностью в тысячи миль. Потом закрыл глаза и попытался представить, как они выглядят в действительности.

Элис припарковалась на стоянке за конторой. У нее имелся ключ от задней двери. Здесь было довольно темно, и Ричер очень внимательно смотрел по сторонам. Однако они сумели войти в здание, никого не встретив. Внутри было пусто, пыльно и жарко: в конце рабочего дня кондиционер выключили. Ричер застыл на месте, прислушиваясь, нет ли внутри людей, которые их ждут. Первобытное чувство опасности само включалось в его мозгу. Нет, никого.

– Позвони Уокеру и расскажи ему обо всем. И не забудь упомянуть, что мы здесь, – велел Ричер.

Он усадил Элис за чужой стол, стоявший в центре зала, чтобы они оказались спиной друг к другу. Теперь он мог наблюдать за главным входом, а она – за задней дверью. Ричер положил пистолет на колени и снял с предохранителя. Потом набрал номер сержанта Родригеса в

Абилине. Родригес все еще оставался на службе, и его это не слишком радовало.

– Мы связались с ассоциацией адвокатов. Они сообщили нам, что в Техасе не выдавали лицензию Честеру А. Артуру, – сразу же заявил сержант.

– Я из Вермонта, – ответил Ричер. – Работаю здесь бесплатно.

– Проклятье, вы лжете, – прорычал Родригес.

– Я готов сообщить имена в обмен на разговор, – предложил Ричер.

– С кем?

– Может быть, с вами. Как долго вы служите в полиции?

– Семнадцать лет.

– Что вам известно о пограничном патруле?

– Думаю, достаточно.

– Вы готовы честно ответить на мой вопрос? Не станете ничего утаивать?

– Что вас интересует?

– Вы помните расследование деятельности пограничного патруля, которое проводили двенадцать лет назад?

– Может быть.

– Оно было честным?

Родригес долго молчал, а потом односложно ответил.

– Я вам перезвоню, – сказал Ричер и повесил трубку.

Он повернулся через плечо и спросил у Элис.

– Поговорила с Уокером?

– Он очень занят, – ответила Элис. – И хочет, чтобы мы подождали его здесь. Сейчас он разбирается с ФБР.

Ричер покачал головой.

– Мы не можем ждать здесь – слишком на виду. Нам необходимо перемещаться. Мы отправимся к нему, а потом уедем.

– Нам грозит серьезная опасность? – спросила Элис.

– Ничего такого, с чем бы мы не справились.

Она промолчала.

– Ты встревожена? – спросил Ричер.

– Немного, – ответила она. – А если честно, то очень.

– Так нельзя. Мне потребуется твоя помощь.

– Почему ложь о кольце выбивалась из общего ряда?

– Потому что все остальное было всего лишь словами. Однако я сам обнаружил, что кольцо не является подделкой. Реальный факт, а не слухи. Совсем другое дело.

– Я не понимаю, почему это так важно.

– Потому что я сумел построить свою версию происходящего, а кольцо не укладывается в схему.

– Почему ты так хочешь ей верить?

– Потому что у нее не было с собой денег.

– В чем состоит твоя версия?

– Помнишь цитату из Бальзака? И Маркузе?

Элис кивнула.

– У меня есть еще одна для тебя, – сказал Ричер. – Слова, которые однажды написал Бен Франклин.

– Ты что, ходячая энциклопедия?

– Просто я помню то, что читаю. И то, что сказал Бобби Грир о броненосцах.

Элис бросила на него пристальный взгляд и пробормотала:

– Ты сумасшедший.

– Это всего лишь версия, ее необходимо проверить. Но мы можем это сделать.

– Как?

– Нужно просто подождать и посмотреть, кто за нами придет.

Она ничего не ответила.

– Пойдем отметимся у Уокера, – сказал Ричер.

Они по жаре зашагали к зданию суда. Поднялся небольшой ветер с юга. Ветер нес влагу и тревогу. Уокер сидел один в своем кабинете и выглядел очень усталым. На столе валялись телефонные справочники и бумаги.

– Ну, все завертелось, – сказал он. – Самое крупное дело из всех, что нам доводилось видеть. ФБР и полиция штата, повсюду выставлены посты на дорогах, в воздух подняты вертолеты, мобилизовано более ста пятидесяти человек. Однако надвигается буря, которая может нам сильно помешать.

– Ричер думает, что они прячутся в мотеле, – сказала Элис.

Уокер мрачно кивнул:

– В таком случае мы их найдем. Когда начинается такая охота, им не ускользнуть.

– Мы вам нужны? – осведомился Ричер.

– Думаю, нет. Пусть работают профессионалы. Я отправляюсь домой, чтобы хоть несколько часов поспать.

Ричер оглядел кабинет. Дверь, пол, окна, письменный стол, шкафчики картотеки.

– Пожалуй, мы поступим так же, – сказал Ричер. – Мы поедем к Элис. Звоните нам туда, если мы понадобимся. Или если будут какие-то новости, хорошо?

Уокер кивнул.

– Обязательно, – сказал он.

– Мы вновь будем действовать как ФБР, – сказала женщина. – Это настоящая глупость.

– Все? – спросил водитель. – А ребенок?

Женщина немного помолчала. Она должна была уходить, ведь без стрелка обойтись нельзя. А если придется разбивать команду на две части, ей хотелось иметь рядом высокого парня, а не водителя.

– Ты останешься с ребенком, – сказала она.

– Отмена уровня? – спросил водитель.

Такова была стандартная процедура для тех случаев, когда команда разделялась. Женщина всегда устанавливала отмену уровня. Что означало: ждать наступления определенного времени, а потом, если

команда не собиралась вновь, следовало немедленно покинуть место действия, при этом каждый действовал самостоятельно.

– Четыре часа, понятно? – сказала женщина. – И прибери здесь.

Она не спускала с него глаз еще секунду, чтобы убедиться, что он правильно ее понял. Потом присела и открыла молнию на большой сумке.

– А теперь пойдем и закончим дело, – сказала она.

Они проделали те же самые приготовления, что и в случае с Алом Юджином, только теперь все получилось гораздо быстрее, поскольку «форд-краун» был припаркован на стоянке мотеля, а не спрятан в нескольких милях. На парковке стояло всего несколько машин, а людей здесь и вовсе не было, однако полного ощущения безопасности не возникло. Они сняли колпаки с колес и положили в багажник. Потом прикрепили антенны к заднему окну и багажнику. Поверх рубашек надели синие куртки. Рассовали по карманам запасные обоймы. Надели сувенирные бейсболки. Проверили обоймы своих девятимиллиметровых пистолетов и спрятали их в карманы. Высокий светловолосый мужчина уселся за руль. Женщина задержалась у двери мотеля.

– Четыре часа, и не забудь прибрать, – повторила она.

Водитель кивнул и закрыл за ней дверь. Он посмотрел на девочку, лежавшую в постели. «Не забыть прибрать» означало «ничего не оставлять в мотеле, в особенности живых свидетелей».

Ричер взял «хеклер-и-кох», карты Техаса и пакет «Федерал экспресс» из «фольксвагена» и отнес их в дом Элис. Он прошел через гостиную прямо на кухню. Здесь было тихо и прохладно. И сухо. Кондиционер трудился изо всех сил. «Интересно, какие счета приходится оплачивать Элис?» – вдруг подумал Ричер.

– А где весы? – спросил он.

Элис подошла к шкафчику, присела на корточки и открыла нижний ящик, затем двумя руками подняла кухонные весы и поставила на стойку. Они оказались довольно большими. Весы были сделаны недавно, но выглядели старыми – стиль ретро. Большая круглая шкала напоминала спидометр старомодного седана. Стрелка была красной, по кругу шли крупные цифры. Рядом с именем производителя было написано: «НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ В ТОРГОВЛЕ».

– Они точные? – спросил Ричер.

Элис пожала плечами.

– Думаю, да. Жаркое с орехами получается превосходно.

Хромированная чаша лежала на рычаге, который располагался над шкалой. Ричер надавил на чашу, и стрелка переместилась на один фунт, а когда он убрал палец, вернулась на ноль. Ричер вытащил магазин из «хеклер-и-коха» и положил пустой пистолет на весы. Раздался негромкий металлический стук. Стрелка переместилась и показала вес два фунта и шесть унций. Не самое легкое оружие. «Почти правильно», – подумал Ричер. Память услужливо подсказала, что по каталогу такой пистолет без магазина должен весить около сорока трех унций.

Ричер засунул обойму обратно и принялся открывать дверцы шкафчиков, пока не нашел продукты. Он вытащил запечатанный пакет с сахарным песком. Пакет был ярко-желтого цвета с надписью «5 фунтов» на боку.

– Что ты делаешь? – спросила Элис.

– Взвешиваю, – ответил он.

Ричер поставил пакет с сахаром на весы. Стрелка остановилась ровно на 5 фунтах. Он положил сахар обратно на полку и взял упаковку с чищеными орехами. Стрелка указала на 2 фунта. На пакете было написано: «2 фунта».

– Годится, – сказал он.

Сложив карты, Ричер положил их на весы. Они весили один фунт и три унции. Он снял карты и вернул орехи – по-прежнему 2 фунта. Он убрал орехи на полку и взвесил пакет «Федерал экспресс». Один фунт и одна унция. Добавил карты – получилось два фунта и четыре унции. Положил сверху пистолет – и стрелка замерла на пяти фунтах и трех унциях. При желании он мог бы вычислить массу пуль.

– Ладно, пойдем, – сказал он. – Однако нам понадобится бензин. Предстоит долгая поездка. Тебе лучше избавиться от этого платья. У тебя есть что-нибудь более практичное?

– Конечно, – ответила Элис и направилась к лестнице.

– А отвертка найдется?

– Под раковиной, – ответила она.

Ричер наклонился и обнаружил в шкафчике под умывальником яркий ящик с инструментами. Он был сделан из пластика и напоминал коробку для пикника. Ричер открыл ящик и выбрал средних размеров

отвертку с прозрачной желтой рукояткой. Через минуту Элис спустилась вниз в мешковатых рабочих брюках цвета хаки и черной футболке с оторванными по шву рукавами.

– Подойдет? – спросила она.

– Высший класс, – похвалил Ричер.

Элис улыбнулась и ничего не сказала.

– Надеюсь, твоя машина застрахована. Сегодня она может пострадать, – сказал Ричер.

Элис ничего не ответила, молча заперла двери и последовала за Ричером к «фольксвагену». Они выехали на дорогу. Ричер энергично крутил головой, вглядываясь в темноту. На дороге, ведущей в Эль-Пасо, они заправились на залитой неоновым светом бензоколонке, которая работала круглосуточно. За бензин заплатил Ричер.

– А теперь едем обратно к зданию суда. Мне кое-что нужно взять, – сказал он.

Элис вновь промолчала, развернула машину, и они поехали на восток. Оставив машину на стоянке, они обошли здание суда и попытались войти через главный вход. Дверь была заперта.

– Ну, что теперь? – спросила Элис.

На улице было жарко, около тридцати градусов, и влажно. Ветер вновь стих. Небо заволокло тучами.

– Я вышибу дверь, – сказал Ричер.

– Там, наверное, есть сигнализация.

– Там наверняка есть сигнализация. Я проверял.

– И что дальше?

– Я хочу, чтобы она сработала.

– Но тогда примчатся полицейские.

– Именно на это я и рассчитываю.

– Ты хочешь, чтобы нас арестовали?

– Они не появятся сразу. У нас будет три-четыре минуты.

Он отошел на два шага и ударил подошвой по ручке двери. Дерево треснуло и подалось на полдюйма. Он ударил еще раз. Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену коридора. Снаружи

замерцал свет и зазвенел пронзительный звонок. Ричер ожидал, что все произойдет именно так.

– Возвращайся в машину, – скомандовал он. – Заводи двигатель и жди меня в переулке.

Он побежал по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Не сбавляя шага, ударил ногой по двери кабинета Уокера. Дверь распахнулась, жалюзи отбросило в сторону, а осколки разбившегося стекла посыпались вниз, точно льдинки. Ричер сразу же подошел к картотечным ящикам. В кабинете было душно и темно, ему пришлось наклониться, чтобы прочитать надписи. Система показалась Ричеру довольно странной. Частично в хронологическом порядке, частично по алфавиту. Похоже, у него возникла небольшая проблема. Он нашел ящичек с буквой «П», засунул отвертку в замочную скважину и ударил по рукоятке ладонью, потом резко повернул. Раздался треск, и замок открылся. Ричер вытащил ящик и стал быстро перебирать папки.

На каждой имелась аккуратная пластиковая наклейка – там были написаны слова, начинающиеся с «П». Однако здесь лежали папки с недавними делами. Самые старые были датированы четырьмя годами раньше. Ричер сделал два шага в сторону, пропустил соседний ящик с буквой «П» и занялся следующим. Было жарко, звонок продолжал оглушительно звенеть, за окном ослепительно мерцал свет. Казалось, его частота совпадает с биениями сердца Ричера.

Он взломал замок и вытащил ящик. Проверил надписи. Ничего. Все дела здесь были шести- или семилетней давности. Ричер находился внутри здания уже две минуты и тридцать секунд. Вдалеке послышался вой приближающейся сирены. Ричер сделал еще шаг в сторону и взялся за следующий ящик с буквой «П». Быстро проверил даты. Две минуты и пятьдесят секунд. Звонок верещал все громче, вспышки света становились более яркими – или ему это только кажется? Сирена приближалась. Он нашел то, что искал, когда просмотрел три четверти папок в ящике. Это была твердая папка в два дюйма толщиной. Он вытащил ее и сунул под мышку. Оставил ящик открытым, а остальные быстро закрыл. Он промчался по коридору и оказался возле входной двери. Выглянул на улицу, убедился, что путь свободен, и побежал в сторону переулка. Усевшись в «фольксваген», сказал:

– Поехали.

Он слегка задыхался, и это его удивило.

– Куда? – спросила Элис.

– На юг, – ответил Ричер. – В «Красный дом».

– Почему? Что там?

– Все, – ответил Ричер.

Она быстро свернула, и через пятьдесят ярдов Ричер увидел у себя за спиной красный пульсирующий свет. Полиция Пекоса опоздала всего на минуту. Он улыбнулся в темноте, повернул голову – и вовремя. Ричер успел заметить большой седан, который поворачивал налево в двухстах ярдах впереди от них – на дорогу, ведущую к дому Элис. Автомобиль проскочил участок улицы, ярко освещенный желтым светом уличных фонарей, и исчез. Он был похож на полицейский «форд-краун»: простые стальные колеса и четыре высокочастотные антенны сзади. Ричер посмотрел в темноту, проглотившую седан, а потом повернулся к Элис.

– Гони так быстро, как только сможешь, – велел он.

Потом разложил на коленях бумаги, вынутые из папки, и включил свет в салоне, чтобы можно было читать.

«П» соответствовало «пограничному патрулю», и в папке содержался отчет о преступлениях, совершенных двенадцать лет назад, и о мерах по борьбе с преступниками. Чтение было не из приятных.

Протяженность границы между Мексикой и Техасом очень велика. Примерно половину этой границы составляют дороги и города с американской стороны, которые охраняются довольно тщательно. Считается, что если нелегалы проникнут через границу именно здесь, то они смогут быстро раствориться среди местного населения. В других секторах Мексику и Техас разделяет пустыня протяженностью от пятидесяти до ста миль. Здесь охраны нет. Обычно поступали следующим образом: границу никто не охранял, а патрульные джипы прочесывали пустыню днем и ночью по случайным маршрутам. Нарушители границы попадались в руки патруля после нескольких дней пребывания в пустыне. Система работала весьма эффективно. После того, как переселенец преодолевал пешком по жаре тридцать с лишним миль, он становился пассивным. Чаще всего они сдавались добровольно. Нередко пограничному патрулю приходилось работать спасателями: переселенцы теряли последние силы из-за отсутствия пищи и воды.

Они не брали с собой запасов, поскольку их обманывали. Как правило, они отдавали все свои сбережения какому-нибудь мошеннику с мексиканской стороны, обещавшему провести их в рай. Переселенцев подвозили на фургонах или микроавтобусах к границе, потом проводник проходил с ними немного вперед, указывал на заброшенный мостик за дюнами и обещал, что там их ждет машина с необходимыми припасами. Переселенцы благодарили обманщиков и бежали в пустыню. Вот только никто их там не ждал. Обычно они боялись повернуть назад и дальше шли на север пешком.

Иногда их и в самом деле поджидала машина, но водитель требовал дополнительной оплаты. У переселенцев не было денег, они могли отдать лишь какие-то ценные вещи. Однако водитель лишь смеялся и говорил, что они ничего не стоят. Он обещал узнать, заплатят ли за них, и уезжал, подняв облако пыли. Больше они его никогда не видели. Переселенцы долго ждали помощи, а потом начинали безнадежное путешествие на север. Теперь все зависело от погоды. Жарким летом смертность среди переселенцев была очень высокой. Вот почему патрульные машины часто становились спасателями.

Но потом ситуация резко изменилась.

В течение целого года неожиданно появляющиеся джипы приносили переселенцам смерть, а не арест и помощь. Обычно это происходило ночью. В пустыне начиналась ружейная пальба, джипы преследовали беглецов до тех пор, пока кто-то из них не сворачивал в сторону. Тогда его гнали на протяжении мили, а потом расстреливали. Джип с ревом исчезал в темноте, и вскоре в пустыне вновь воцарялась тишина.

Иногда все происходило еще страшнее.

Некоторые жертвы получали ранения, и тогда их оттаскивали в пустыню и мучили до смерти. Труп мальчика-подростка был найден привязанным к кактусу колючей проволокой. С него частично содрали кожу. Некоторых сжигали заживо, отрубали головы, уродовали. В течение четырех месяцев были найдены тела трех девочек-подростков. Читать подробное описание вскрытия было страшно.

Ни одна из уцелевших семей не стала подавать иски в суд. Они опасались вступать в контакт с полицией. Однако среди их родственников и знакомых начали распространяться жуткие слухи. Некоторыми делами занялись адвокаты. Постепенно жалобы дошли до властей. Появились улики. Было доказано семнадцать убийств. Кроме того, восемь тел так и не удалось найти. Имя Рауля Гарсия было включено во второй список.

В папке имелась карта. Большая часть преступлений была совершена на территории, имеющей форму груши и захватывающей около сотни квадратных миль. Она была отмечена на карте пятном, центр оси которого, проведенной с севера на юг, находился внутри округа Эхо. Из чего следовало, что жертвы сумели к этому моменту пройти более пятидесяти миль. Едва ли они способны были оказывать хоть какое-то сопротивление.

Руководство пограничного патруля начало полномасштабное расследование в августе, через одиннадцать месяцев после появления первых слухов. В конце августа последовала еще одна атака на переселенцев, после чего преступления прекратились. Найти

преступников не удалось. Начали применять превентивные меры, усилили учет патронов, увеличилась частота обязательных перекличек по рации. Однако никаких внятных выводов так и не было сделано. Да, расследование было проведено со всей тщательностью, но реальные свидетели отсутствовали, люди отказывались давать показания. Прошло время. Убийства прекратились, выжившие переселенцы налаживали новую жизнь, вскоре последовала иммиграционная амнистия. Постепенно расследование стали сворачивать. Через четыре года дело было закрыто.

– Ну что? – спросила Элис.

Ричер сложил бумаги, закрыл папку и перебросил ее на заднее сиденье.

– Теперь я знаю, почему Кармен солгала насчет кольца, – сказал он.

– И почему?

– Она не лгала. Она говорила правду.

– Она сказала, что кольцо – это подделка, которая стоит тридцать долларов.

– И она думала, что так и есть. Кто-то из ювелиров Пекоса обманул ее, сказав, что кольцо ничего не стоит. Она ему поверила. А он просто рассчитывал купить кольцо за тридцать долларов и продать за шестьдесят тысяч. Обычное дело. Похожие вещи происходили с некоторыми переселенцами – об этом я прочитал в документах. Первый опыт жизни в Америке.

– Ювелир солгал?

– Мне бы следовало сообразить раньше, поскольку это очевидно. Скорее всего, это был тот самый тип, к которому приходили мы. Мне сразу показалось, что он едва ли получит приз за честное ведение своего бизнеса.

– Однако он не пытался обмануть нас.

– Да, Элис, не пытался. Поскольку ты – белый адвокат с соответствующей внешностью, а я – большой белый парень, с которым лучше не связываться. А она была одинокой испуганной мексиканкой. И он увидел свой шанс. А с нами мерзавец не захотел связываться.

– Что же из этого следует? – после некоторых размышлений спросила Элис.

Ричер выключил свет в салоне, улыбнулся в темноте и потянулся. Положил руки на приборную доску и расслабил плечи.

– Теперь мы можем действовать. Все наши приманки выстроены в ряд. А ты должна ехать быстрее, поскольку мы опережаем плохих парней всего на двадцать минут и я не хочу терять преимущество.

Они вновь промчались через тихий перекресток и преодолели оставшиеся шестьдесят миль за сорок три минуты – отличный результат для желтого четырехцилиндрового иностранца с вазочкой для цветов над приборным щитком. Элис свернула в ворота «Красного дома» и резко затормозила. «Фольксваген» остановился в футе от ступенек крыльца. Свет над входом забыли выключить, и вокруг желтой машины клубилась туча пыли. Было почти два часа утра.

– Не выключай двигатель, – сказал Ричер.

Он подвел ее к двери и сильно постучал. В доме царила тишина. Ричер нажал на дверь. Замок не запирали. «Да и зачем его запирать? До ближайшего перекрестка шестьдесят миль». Он распахнул дверь и вошел в красный коридор.

– Вытяни руки, – попросил он Элис.

Ричер снял со стойки все шесть охотничьих ружей двадцать второго калибра и положил их на вытянутые руки Элис, чередуя стволы и приклады, чтобы ей было легче их удержать. Она слегка покачнулась.

– Отнеси ружья в машину, – сказал Ричер.

Сверху послышался звук шагов: по ступенькам кто-то спускался. Наконец появился сонный Бобби Грир, протирая глаза. Он был босиком, в трусах и футболке. Бобби уставился на опустевшую стойку.

– Проклятье, что вы делаете?

– Мне нужны остальные ружья, – сказал Ричер. – Я реквизирую ваше оружие. От имени шерифа округа Эхо. Я помощник шерифа, ты еще не забыл?

– У нас больше нет ружей.

– Нет, есть, Бобби. Ни один уважающий себя белый южанин не удовлетворится набором пугачей такого калибра.

Бобби промолчал.

– Не вставай у меня на дороге, Бобби, – продолжал Ричер. – Уже слишком поздно.

Бобби пожал плечами.

– Ладно, – сказал он, прошлепал дальше по коридору и распахнул дверь, ведущую в кабинет.

Он включил свет, и Ричер увидел черно-белые фотографии нефтяных вышек на стенах. Возле письменного стола имелась еще одна стойка с четырьмя винчестерами калибра 30–30. Большое красивое оружие, позволяющее делать семь выстрелов подряд. Полированный приклад, двадцатидюймовое дуло. Все винчестеры были в отличном состоянии. «Уайат Эрп,[25] мы справимся не хуже».

– Патроны? – спросил Ричер.

Бобби открыл шкафчик в основании стойки и вытащил коробку с патронами для винчестеров.

– У меня есть специальные патроны, – сообщил Бобби, вытаскивая другую коробку.

– В чем их отличие?

– Я их сделал сам. Они мощнее.

Ричер кивнул.

– Отнеси все это в машину, хорошо?

Ричер снял все четыре винчестера со стойки и последовал за Бобби, который зашагал к машине. Элис уже сидела за рулем. Все шесть ружей двадцать второго калибра были сложены на заднем сиденье. Бобби положил рядом с ними коробки с патронами. Ричер поставил винчестеры вертикально за пассажирским сиденьем и повернулся к Бобби.

– Я намерен позаимствовать твой джип.

Бобби пожал плечами, стоя босиком в пыли.

– Ключи в зажигании, – сказал он.

– Тебе с матерью лучше оставаться в доме, – продолжал Ричер. – Всякий, кто окажется на открытой местности, будет считаться врагом, ты понял?

Бобби кивнул, повернулся и пошел к крыльцу, один раз оглянулся и скрылся в доме. Ричер наклонился к Элис.

– Что мы будем делать? – спросила она.

– Приготовимся.

– К чему?

– К тому, что окажется на нашем пути.

– Зачем нам десять ружей?

– Нам столько не нужно. Потребуется лишь одно. Просто я не хочу, чтобы плохим парням достались остальные девять.

– Они едут сюда?

– Они отстают от нас примерно на девять минут.

– И что же нам делать?

– Мы поедем в пустыню.

– Будет стрельба?

– Наверное.

– Но разумно ли это? Ты же сам сказал, что они хорошие стрелки.

– Из пистолетов. А самый лучший способ защиты от пистолетов состоит в том, чтобы оказаться от них подальше и стрелять из самых больших ружей, какие удается найти.

Она покачала головой.

– Я не могу в этом участвовать, Ричер. Это неправильно. К тому же я никогда не держала в руках ружье.

– Тебе не придется стрелять, – заверил ее Ричер. – Но ты должна быть свидетелем. Ты должна будешь опознать тех, кто станет нас преследовать. Я на тебя рассчитываю. Это жизненно важно.

– Но разве я что-нибудь увижу? Там совсем темно.

– Мы решим эту проблему.

– Будет дождь.

– Дождь нам поможет.

– Это неправильно, – повторила Элис. – Этим должна заниматься полиция. Или ФБР. Нельзя просто стрелять в людей.

Воздух был полон ожидания бури. Вновь поднялся ветер, который нес тревожные запахи. Напряжение росло.

– Правила боя, Элис. Я подожду явно враждебных действий и только после этого начну стрелять. Как армия США. Хорошо?

– Нас убьют.

– Ты спрячешься в надежном месте.

– Тогда убьют тебя. Ты же сам говорил, что они знают свое дело.

– Они хороши, когда можно к кому-то подойти и выстрелить ему в голову. А как они себя поведут в темноте против ружья, это большой вопрос.

– Ты безумец.

– Семь минут, – сказал Ричер.

Она обернулась и посмотрела на дорогу, ведущую на север. Потом тряхнула головой, перевела рычаг на первую передачу и выжала сцепление. Ричер наклонился к ней и сжал ее плечо.

– Следуй сразу за мной, – велел он.

Он подбежал к гаражу и сел в семейный «чероки» Гриров. Отодвинул сиденье подальше, включил двигатель и фары. Потом выехал во двор, развернулся и по грязной дороге поехал прямо в пустыню. Ричер посмотрел в зеркало, чтобы убедиться, что «фольксваген» следует за ним. Когда Ричер взглянул на ветровое стекло, на него упала первая капля дождя. Она была величиной с серебряный доллар.

Глава 16

Довольно быстро они проехали пять миль в темноте. Ни луны, ни звезд не было. Тучи низко нависли над землей, но дождь никак не начинался. Лишь отдельные капли падали на землю с интервалами в десять секунд. Они разбивались о ветровое стекло, оставляя пятна размером с блюдце. Ричер стирал каждое такое пятно дворниками. Он ехал со скоростью сорок миль в час по узкой проселочной дороге, петляющей между зарослями кустарника. Они продвигались на юг, навстречу буре. Дорога становилась все более неровной, и джип подскакивал на ухабах. «Фольксваген» старался не отставать. В зеркале Ричер видел, как мечется свет его фар.

В пяти милях от дома дождь все еще не начинался, а дорога постепенно сужалась. Местность менялась прямо на глазах. Они стартовали на плоской песчаной равнине, которая сто лет была лугом. Теперь она постепенно повышалась, превращаясь в плоские холмы. Скалистые обнаженные породы вздымались справа и слева от дороги, заставляя их отклоняться на юго-восток. На обочинах появились мескитовые деревья. Вскоре они уже ехали по колее, оставшейся в твердых сланцевых породах. Выступы скал, карстовые воронки и жесткий низкорослый кустарник не давали возможности свернуть в сторону. Казалось, они следуют руслом высохшей реки.

Затем дорога начала круто уходить вверх и выровнялась. Теперь она больше напоминала шоссе, проложенное по небольшому известняковому полю. Они оказались на овальной каменной плоскости примерно в двести ярдов в длину и восемьдесят в ширину. Здесь ничего не росло. Ричер проехал по кругу, фарами освещая границу поля. Вокруг него местность почти повсюду понижалась на несколько футов, превращаясь в неровную каменистую почву, где сумел пустить корни низкорослый кустарник. Ричер объехал поле по более широкому радиусу и остался доволен увиденным. Поле было голым, как обеденная тарелка на пустой лужайке. Ричер улыбнулся. Прикинул, что им необходимо сделать. Ему понравился полученный ответ.

Он подъехал к дальнему концу поля и остановил джип там, где колея уходила вниз и скрывалась далеко впереди. Элис поставила «фольксваген» рядом. Он вылез из джипа и склонился над окошком к Элис. Ночной воздух все еще оставался жарким. Вновь поднявшийся ветер нес влагу. Однако редкие капли дождя падали вертикально. Ричеру показалось, что он мог бы увернуться от каждой из них. Элис опустила стекло.

– Ты в порядке? – спросил Ричер.

– Пока да, – ответила она.

– Разверни машину и вернись к самому краю. Заблокируй выезд.

Элис маневрировала так, словно парковала свой «фольксваген» на улице. Она остановила машину, чтобы задние колеса оказались рядом с выездом. В результате «фольксваген» стоял, повернувшись на север, по ходу движения. Ричер поставил джип рядом и открыл задний борт.

– Заглуши мотор и погаси фары, – сказал он. – И вытащи ружья.

Она передала ему большие винчестеры, один за другим. Он разложил их в открытом багажнике джипа. Когда она перешла к охотничьим ружьям, Ричер принялся забрасывать их одно за другим подальше в кустарник. Потом Элис вручила ему две коробки с патронами от винчестеров, в том числе с теми, что сделал Бобби Грир. Ричер положил их рядом с винчестерами. Потом обошел джип и выключил двигатель. Шум мощного шестицилиндрового мотора стих. Наступила тишина. Ричер прислушался, осматривая северный горизонт. Мескитовые деревья негромко шелестели под порывами ветра. Гудели невидимые насекомые. Редкие дождевые капли падали ему на плечи. И больше ничего. Со всех сторон их окружали темнота и безмолвие.

Ричер вернулся к багажнику и открыл плотно набитые коробки с патронами. Готовые патроны были новенькими. Те, что изготовил Бобби, слегка поцарапаны. Переработанная бронза. Он вытащил один

патрон и внимательно осмотрел его в свете салона джипа. «Я сделал их сам, – сказал Бобби. – Они мощнее». Вполне логично. Зачем еще такой придурок, как Бобби, станет возиться с патронами? Зачем люди форсируют двигатели своих автомобилей? Не для того, чтобы сделать их менее эффективными, чем у производителя. Бобби наверняка добавил лишние тридцать или сорок гран. Возможно, использовал более эффективный порох. Что дает двести лишних футофунтов,[26] или лишнюю сотню миль в час скорости полета пули. Вспышка при выстреле такой пулей будет ослепительной, казенная часть ружья будет испорчена, а дуло деформировано изнутри на пару недель. Однако Ричер улыбнулся и взял десяток патронов из коробки. Ружья принадлежали не ему, а более мощная вспышка при выстреле ему пригодится.

Первый и второй винчестеры Ричер зарядил только пулями Бобби. Третий – через один, так что получилось четыре обычных патрона и три самодельных.

Четвертый винчестер он зарядил только стандартными патронами. Затем он положил винчестеры в ряд внутри багажника и закрыл заднюю дверцу.

– Я думала, нам потребуется только одно ружье, – сказала Элис.

– Я изменил план, – ответил Ричер.

Он уселся за руль джипа, а Элис устроилась на пассажирском сиденье.

– Куда теперь? – спросила Элис.

Ричер включил двигатель и задним ходом отъехал от «фольксвагена».

– Представь себе, что площадка, на которой мы находимся, это циферблат часов. Мы въехали на нее там, где располагается шестерка, а твой автомобиль стоит на двенадцати. Ты спрячешься сбоку от площадки, возле восьмерки. Твоя задача будет состоять в том, чтобы сделать один выстрел из ружья, а затем быстро перебежать на семерку.

– Ты сказал, что мне не придется стрелять.

– Я изменил план, – повторил Ричер.

– Но я же говорила, что не умею стрелять из ружья.

– Ты справишься. Нужно просто нажать на курок. Это легко. Обо всем остальном беспокоиться не нужно. Кроме того, тебе не потребуется целиться. Мне необходимы выстрел и вспышка.

– А что потом?

– Потом ты помчишься к семерке и будешь наблюдать. Мне необходимо, чтобы ты видела, в кого я буду стрелять.

– Это неправильно.

– Не согласен.

– Неужели?

– Ты когда-нибудь видела могилу Клея Эллисона?

Элис закатила глаза.

– Тебе нужно читать исторические книги, Ричер. Клей Эллисон был полнейшим психопатом. Однажды он пристрелил парня, который спал в одной комнате с ним, только за то, что тот храпел. Аморальный маньяк в чистом виде. В поведении Эллисона не было ни капли благородства.

Ричер пожал плечами.

– Мы уже не можем отступить.

– Два неправильных шага не приведут к верному ответу.

– У нас есть выбор, Элис. Или мы устроим для них успешную засаду, или они нас пристрелят.

– Замечательно, – тряхнув головой, пробормотала она.

Он промолчал.

– Уже темно, – сказала Элис. – Как я смогу хоть что-нибудь разглядеть?

– Я об этом позабочусь.

– Как я узнаю, когда стрелять?

– Ты поймешь.

Он подвел джип к краю платформы, остановился, открыл заднюю дверцу и вытащил первое ружье. Огляделся по сторонам, подбежал к небольшому каменному выступу и положил возле него ружье так, что приклад свешивался, а дуло было направлено в пустоту в двадцати футах перед «фольксвагеном». Затем наклонился и взвел затвор. Все работало безупречно. Превосходное оружие.

– Ружье подготовлено к выстрелу, – сказал он. – Эта точка – восемь часов. Оставайся под выступом, а после выстрела перебегай на семерку. Бежать нужно, пригибаясь к земле. А потом внимательно наблюдай. Возможно, они выстрелят в твою сторону, но я гарантирую, что выстрел будет неточным. Все понятно?

Она ничего не ответила.

– Я обещаю, что они промахнутся. Тебе не стоит бояться.

– Ты уверен?

– Даже супермен не смог бы сделать точный выстрел из пистолета в такой темноте и на таком расстоянии.

– Но им может повезти.

– Нет, Элис, сегодня везение от них отвернется. Верь мне.

– А когда я должна выстрелить?

– Стреляй, когда будешь готова, – сказал он.

Он смотрел, как Элис прячется за выступом, на расстоянии вытянутой руки от ружья.

– Удачи. Встретимся позднее.

– Замечательно, – снова пробормотала она.

Ричер сел в джип, проехал на другую сторону и остановил машину на четырех часах. Резко развернув руль, он включил заднюю передачу и съехал задом с площадки. Джип с треском провалился на два фута и застрял в кустарнике. Ричер заглушил двигатель и выключил фары. Затем он вытащил четвертый винчестер и прислонил его к правой двери джипа. Прихватив второй и третий винчестеры с собой, он вернулся на площадку и быстро переместился в точку, соответствующую двум часам. Аккуратно разместив на краю третий винчестер, он подбежал к «фольксвагену», залез внутрь и вывинтил лампу, освещающую салон. Потом на три дюйма приоткрыл дверь и выбрался наружу. Отмерил двадцать футов по часовой стрелке, положил второе ружье на край площадки, где-то посередине между двенадцатью и одним часом. Может быть, двенадцать тридцать. «Нет, пожалуй, двенадцать семнадцать, если уж быть точным», – подумал Ричер. После этого он прополз по земле и лег лицом вниз, прижавшись правым плечом к борту «фольксвагена». Его щека касалась шины переднего колеса. Ричер глубоко вздохнул. От шины пахло резиной. Левое плечо осталось под открытым небом. Он чувствовал, как на него изредка падают крупные капли дождя. Он переместился немного поглубже. Теперь оставалось только ждать. «Минут восемь, – подумал он. – Может быть, девять».

Прошло одиннадцать минут. Они немного задержались. Ричер увидел вспышку на севере и сначала решил, что это молния, но тут же понял, что это лучи фар, скачущие по пересеченной местности. Машина ехала по дороге сквозь тьму. Она направлялась к нему – Ричер знал, что так и

будет, поскольку ландшафт не позволял свернуть в сторону. Автомобиль мог двигаться только по колее. Свет вспыхивал, когда нос машины приподнимался, и исчезал, когда передние колеса попадали в выбоину. Ричер почувствовал, что вспотел. Стало еще жарче. Он ощущал давление низких туч. Капли дождя начали падать немного чаще. Возникало ощущение, что запал уже загорелся и буря вот-вот разразится. «Только не сейчас, – подумал Ричер. – Пожалуйста, дайте мне еще пять минут».

Через тридцать секунд он услышал шум мотора. Бензиновый двигатель, работающий почти на полную мощность. Восемь цилиндров. Звук поднимался и падал, когда ведущие колеса цеплялись за землю, а потом подскакивали и теряли сцепление с дорогой. Жесткая подвеска. Наверное, пикап Бобби, на котором он охотился на броненосцев.

Ричер еще глубже заполз под «фольксваген». Мотор шумел все громче. Звук поднимался и падал, менялось освещение. Фары вдруг озаряли северный горизонт тусклым сиянием, а потом выхватывали из темноты мескитовые деревья. Длинные тени метались вправо и влево, когда машина сворачивала. Наконец появился грузовичок. Он выскочил на площадку на довольно высокой скорости. Двигатель взревел так, словно все четыре колеса не касались земли. Ярко вспыхнули фары, и машина опустилась на колеса, слегка сойдя с курса. Фары выхватили край площадки, но грузовичок тут же выровнялся и заметно увеличил скорость, оказавшись на твердой земле.

Двигатель ревел. Машина набирала скорость. Сорок миль в час, пятьдесят. Осталось семьдесят ярдов. Пятьдесят. Сорок. Грузовик несся прямо на Ричера, фары осветили «фольксваген». Желтая краска над плечом Ричера стала невыносимо яркой. Затем водитель отчаянно ударил по тормозам. Все четыре колеса заскребли по известняку, взвыла резина, грузовичок слегка занесло влево, и он остановился, развернувшись на одиннадцать часов, примерно в тридцати ярдах от Ричера. Лучи фар прошли над головой Ричера, и он еще сильнее вжался под «фольксваген».

Он вдруг ощутил запах дождевых капель в пыли.

Секунду ничего не происходило.

Затем водитель выключил фары. Сначала они потускнели, а потом наступила полнейшая темнота. Смолкли насекомые. Тишину нарушало лишь гудение работающего на холостом ходу двигателя. «Видели они меня или нет?» – подумал Ричер.

Ничего не происходило.

«Пора, Элис», – подумал Ричер.

Ничего не происходило.

«Стреляй, Элис, – безмолвно взмолился он. – Стреляй сейчас, ради бога».

Ничего не происходило.

«Стреляй из этого чертова ружья, Элис. Просто нажми на курок».

Ничего не происходило.

Ричер закрыл глаза и подождал еще одну бесконечную секунду, готовясь к броску – больше ждать не имело смысла. Он открыл глаза, сделал вдох и начал движение.

И тут Элис выстрелила.

Справа от Ричера из дула винчестера вырвалось пламя не менее десяти футов длиной, зажужжала вылетевшая на сверхзвуковой скорости пуля, ушедшая высоко в небо, а через долю секунды раздался оглушительный грохот. Ричер выскочил из-под «фольксвагена», просунул руку в приоткрытую дверцу и включил фары. Затем отпрыгнул назад в заросли кустарника, перекатился и присел на корточки в шести футах от «фольксвагена». Пикап был залит светом фар. В нем сидели три человека. Водитель – в кабине. Две фигуры скорчились в кузове, держась одной рукой за защитный брус. Все трое смотрели в ту сторону, откуда выстрелила Элис.

Они оставались в неподвижности долю секунды, а потом начали реагировать. Водитель включил фары пикапа. Теперь две машины освещали друг друга, словно устроили состязание. Ричера ослепил свет, но он успел заметить, что двое в кузове одеты в синие куртки и бейсболки. Одна фигура заметно меньше другой. «Женщина, – подумал Ричер, фиксируя в памяти ее положение. – Сначала нужно убивать женщин». Так утверждала антитеррористическая доктрина. Эксперты пришли к выводу, что женщины более фанатичны. И Ричер вдруг понял, что стрелком являлась женщина. Да, именно так. Маленькие руки, тонкие пальцы. «Лорсин» Кармен прекрасно ей подходил. Она присела на корточки рядом с партнером, который оставался слева.

У обоих были пистолеты в руках. С полсекунды они смотрели в сторону, потом повернулись и принялись стрелять в фары «фольксвагена». На бейсболках было написано: «ФБР». Ричер замер. Какого дьявола? Потом он расслабился. Превосходно. Фальшивая одежда, фальшивые документы, вводящая в заблуждение машина. Они только что побывали в таком виде в доме Элис. Именно так они остановили в пятницу Ала Юджина. Фальшивые фэбээровцы продолжали непрерывно стрелять. Ричер слышал глухие удары выстрелов из девятимиллиметровых пистолетов. Слышал, как гильзы с глухим стуком падают в кузов. Видел, как разлетается на куски ветровое стекло «фольксвагена», как

пробивают листовой металл пули, как звенит стекло рассыпающихся фар.

А потом фары погасли, и Ричер уже ничего больше не видел из-за ослепительного света фар пикапа. Он почувствовал, как пистолеты поворачиваются к тому месту, где находилась огневая позиция Элис, увидел слабые вспышки выстрелов – оба продолжали стрелять. Пули улетали далеко в сторону от того места, где находился Ричер. Затем женщина перестала стрелять. «Уже перезаряжает. Всего тринадцать выстрелов, – сообщило ему подсознание. – Значит, у нее „ЗИГ-Зауэр P228“ или браунинг».

Он прополз вдоль края площадки на пятнадцать футов и нашел ружье, которое оставил на двенадцать-семнадцать. Винчестер номер два, заряженный патронами Бобби Грира. Ричер выстрелил, не целясь, и отдача была такой сильной, что он едва удержался на коленях. Огромный язык пламени вырвался из дула. Он напомнил Ричеру стробоскопический источник света, который используют во время съемок. Ричер не знал, куда полетела пуля. Передернув затвор – клик-клик, – он метнулся вправо, к простреленному «фольксвагену», и выстрелил еще раз. Две мощные вспышки, перемещающиеся против часовой стрелки. Для наблюдателя в пикапе это выглядело так, будто человек движется справа налево. Толковый стрелок выстрелил бы вперед по ходу, рассчитывая поразить движущуюся мишень. Стрельба с упреждением. Они так и поступили. Ричер услышал, как пули врезаются в камень рядом с машиной. Одна даже вновь попала в многострадальный «фольксваген».

Но Ричер уже двигался в противоположном направлении, по часовой стрелке. Бросив ружье, он низко наклонился и побежал к следующему. Оно находилось на двух часах. Третий винчестер, заряженный разными пулями. Первая пуля была заводской. Тут стоило проявить старание. Он положил винчестер на край площадки и прицелился в черноту, восемью футами позади пикапа и четырьмя футами над ним. И выстрелил один раз. Теперь они будут думать, что здесь три стрелка: один – позади и слева и два – впереди и справа. В ушах зазвенело, Ричер не увидел, куда полетела пуля, но услышал, как женщина скомандовала потушить фары, которые тут же погасли. Ричер выстрелил еще раз, теперь пулей Бобби, целясь в ту же точку. Струя пламени метнулась вперед, озарив площадку, а он отскочил вправо на пять футов. Он прицелился в запечатленный в памяти образ и выстрелил. Вторая заводская пуля полетела точно в цель. Ричер услышал пронзительный крик. Шагнул вправо и выпустил пулю Бобби. Вспышка пламени показала ему тело, выпавшее из кузова головой вперед. Оно застыло в воздухе. Один готов. Но не тот, что нужен. Он был слишком большим. Мужчина. Следующая пуля будет заводской. Ричер сосредоточился, прицелился чуть левее

того места, где стоял упавший мужчина, и нажал на курок. Затвор сдвинулся на четверть дюйма, и его заклинило из-за застрявшей гильзы патрона Бобби.

Затем почти одновременно произошли две вещи. Сначала пикап сдвинулся с места. Он дернулся вперед, развернулся, описал кривую и помчался на север, возвращаясь обратно. И вслед за этим послышались выстрелы рядом с «фольксвагеном». «Женщина соскочила с грузовика. Она движется в темноте». Женщина вела почти непрерывный огонь. Пули пролетели мимо Ричера на расстоянии трех или четырех футов. Грузовик мчался прочь. Водитель включил фары. Ричер краем глаза проследил за перемещающимся световым пятном. Лучи метались из стороны в сторону и быстро удалялись. Вскоре они исчезли за краем площадки. Пикап соскочил обратно на дорогу и помчался к «Красному дому». Шум двигателя стихал, тусклый свет удаляющихся фар едва озарял горизонт.

Выстрелы прекратились. «Она меняет обойму». Наступила полная тишина. И полная темнота. Через секунду возобновился стрекот насекомых. Но сейчас он был не таким громким, как обычно. Ричер понял, что дождь пошел сильнее. Вместо тяжелых отдельных капель по его плечам струилась вода. Он поднял ладонь и почувствовал, как дождь усиливается. Казалось, он стоит под душем и невидимая рука открывает кран все больше и больше.

Он стряхнул воду со лба, чтобы не заливало глаза, и бесшумно положил бесполезное ружье на землю. Пыль под его пальцами уже напиталась влагой, превращаясь в грязь. Ричер переместился влево, отступая к спрятанному джипу. До него оставалось около сорока ярдов. Дождь усиливался. Казалось, этому не будет конца, он ревел и шипел в кустах вокруг Ричера. Хорошая новость и плохая новость. Хорошей новостью было то, что теперь Ричеру не нужно было стараться двигаться так же бесшумно, как женщина, да еще ночью и в густых зарослях. Тело ростом в шесть футов и пять дюймов было полезным во многих случаях, но только не для того, чтобы незаметно продираться сквозь колючий кустарник. Так что шум дождя будет помогать Ричеру. И это хорошая новость. А вот плохой новостью было то, что очень скоро видимость станет равной нулю. Они могут столкнуться друг с другом спинами – и только после этого узнают, что противник рядом.

Так что винчестер перестает быть подходящим оружием. Из него трудно сделать быстрый выстрел. Он слишком громоздкий для этого. Кроме того, винчестер выбрасывает использованную гильзу вверх, а не в сторону. Из чего следует, что во время такого мощного ливня вода может попасть внутрь затвора. А то, что ливень будет сильным, сомнений не вызывало. Ричер чувствовал это кожей. Казалось, природа вознамерилась за один день компенсировать десять лет засухи.

Он добрался до джипа, стоявшего на четырех часах. Нашел прислоненное к дверце четвертое ружье, заряженное заводскими патронами. Оно успело намокнуть. Ричер встряхнул его и прицелился в сторону одиннадцати часов. Нажал на курок. Раздался выстрел. Винчестер был в порядке. Ричер сделал четыре быстрых выстрела – в сторону двенадцати часов, одного часа, двух часов и трех часов. Веерный огонь. Нужно рискнуть. Плюсы: если повезет, он заденет женщину. Минусы: он дает ей понять, что у нее один противник с несколькими ружьями. Это нетрудно сообразить. Кроме того, теперь женщина знает, где он находится. Если она считает выстрелы, то знает, что он ждет ее с двумя последними патронами в магазине.

Ричер спрятал винчестер под джипом и двинулся на запад сквозь кустарник, пока не оказался в сорока футах от скального выступа. Он вытащил из кармана «хеклер-и-кох» Элис и снял с предохранителя. Опустившись на колени, Ричер быстро намазал грязью лицо и руки и стал ждать вспышки молнии. Летние бури, которые он наблюдал в жарких странах, всегда сопровождались молниями. Огромные грозовые фронты сталкивались в небесах, а потом вспыхивали невыносимо яркие молнии. Еще пять минут, решил Ричер. Затем молнии пойдут сериями, и вокруг станет светло, как днем. На нем была одежда цвета хаки, да и грязь на руках и лице имела вполне подходящий цвет. Ричер сомневался, что женщина одета так же.

Он двинулся на юг, удаляясь от джипа и вновь приближаясь к «фольксвагену», но все еще оставаясь на расстоянии в сорок футов от площадки. Темнота стала полной. Дождь продолжал усиливаться. Казалось, этого просто не может быть, но он лил все сильнее и сильнее. Трещины в известняке наполнились водой. Дождь хлестал по их поверхности. Вокруг ног Ричера текли маленькие реки, они бурлили в бесчисленных трещинах и выемках. Шум ревущей воды заглушал все звуки. Казалось, такого просто не может быть. Но потом ливень усиливался и грохот воды становился еще громче.

Ричер понял, что дождь смыл камуфляжную грязь с его лица и рук. Иначе и быть не могло. Душ в доме Кармен походил на жалкий ручеек по сравнению с потоками воды, низвергающимися с неба. Ричер забеспокоился о дыхании. Где взять воздух, если вокруг столько воды? Вода стекала потоками по его лицу, заливала рот. Он прикрыл его рукой и стал всасывать воздух между пальцами, но вода все равно попадала в рот.

Он находился напротив двух часов, в тридцати футах от площадки, когда возникла первая вспышка. Далеко на юге, в пяти милях от них, зазубренная молния ударила в землю. Молния была ослепительно белой и имела форму перевернутого дерева с облетевшей листвой. Ричер присел на корточки, глядя прямо перед собой и рассчитывая на

периферийное зрение. Однако он ничего не увидел. Гром ударил через пять секунд, оглушительно прогрохотав в темноте. «Где она? Считает ли она себя умнее, чем я? В таком случае она должна оказаться у меня за спиной». Однако он не стал оборачиваться. В жизни часто приходится идти на риск, а Ричер считал женщину опасным противником. В ее мире. Поставь ее на городской улице против Ала Юджина – и у него не будет ни малейших шансов. Но здесь она оказалась ночью на незнакомой территории, да еще в бурю, против неизвестного противника. «Я знаком с такими ситуациями, а она – нет. Она передо мной, прячется за краем площадки, и ей страшно, как никогда прежде. Она моя».

Буря перемещалась. Вторая молния ударила через три минуты, в миле на северо-восток от первой. Зазубренная ветвь мерцала в своем безумии восемь или десять секунд, а потом умерла, погрузив мир в темноту. Ричер успел осмотреть местность впереди и справа от себя. Ничего не увидел. Повернулся налево. У края площадки, футах в семидесяти, он заметил женщину, присевшую на корточки. Он даже успел разглядеть крупные белые буквы на бейсболке: «ФБР». Она смотрела прямо на Ричера, пистолет замер в вытянутой руке. Он заметил вспышку выстрела. Крошечная искра, тут же поглощенная бурей.

Буря медленно перемещалась на северо-восток, и вместе с ней двигался дождевой фронт. Он добрался до здания мотеля и быстро усилился от тихого шепота до нетерпеливой барабанной дроби по крыше. Крыша была металлической, и через тридцать секунд шум стал оглушительным. Он вырвал Элли из беспокойного сна. Она широко раскрыла глаза и увидела маленького смуглого мужчину с волосатыми руками. Он неподвижно сидел на стуле возле ее кровати и наблюдал за ней.

– Привет, ребенок, – сказал он.

Элли ничего не ответила.

– Не можешь спать?

Элли посмотрела в потолок.

– Дождь шумит, – сказала она.

Мужчина кивнул и посмотрел на часы.

Она промахнулась. Ричер не знал насколько. Молния умерла, и мир вновь погрузился в абсолютный мрак. Ричер выпустил одну пулю в то место, где находилась женщина, и напряженно прислушался. Ничего. «Наверное, промах. Семьдесят футов под проливным дождем – трудный выстрел». Затем раздался удар грома. Он оказался таким сильным, что

вздрогнула земля. Ричер вновь опустился на корточки. У него осталось девять пуль. Затем он решил применить двойной блеф: «Она подумает, что я буду двигаться, а я останусь на месте». Он остался, где был. И стал ждать следующей молнии. Теперь он узнает, насколько она хороша. Любитель постарается отойти подальше. Настоящий профессионал постарается приблизиться. А суперпрофессионал сделает двойной блеф и останется на прежнем месте.

К этому времени дождь набрал полную силу. Однажды в джунглях Центральной Америки Ричер попал в настоящую бурю и промок так быстро, словно упал в одежде в море. Более сильного дождя Ричер не мог себе представить. И теперешний дождь вполне мог соперничать с тем. На всем теле Ричера не осталось ни одного сухого места. Вода потоком текла под рубашкой, фонтанами била из дырочек для пуговиц. Ему стало холодно. Менее чем за двадцать минут температура упала на десять-пятнадцать градусов. Шум был невыносимым. Вода срывала листву с кустарника. Ее тут же подхватывали потоки несущейся воды. Недавно сухая и твердая земля превратилась в чавкающую грязь в шесть дюймов глубиной. Ноги проваливались. Пистолет промок. Ничего страшного. «Хеклер-и-кох» будет стрелять и в мокром виде. Впрочем, как и браунинг или «ЗИГ».

Следующая молния вспыхнула на юге, но теперь она была ближе. И ярче. Гигантская молния шипела и потрескивала в небе. Ричер повернулся налево. Женщина приблизилась. Между ними оставалось около шестидесяти футов. «Она хороша, но не слишком». Женщина выстрелила в него, но промахнулась на четыре фута. Выстрел получился торопливым, ее рука продолжала перемещаться с южного направления. «С южного? Она решила, что я отступаю». Он слегка оскорбился, опустил руку и сделал ответный выстрел. Удар грома заглушил звук выстрела. «Скорее всего, промахнулся. Восемь влево».

Он вновь погрузился в расчеты. «Что она будет делать? Чего ждет от меня? В прошлый раз она ошиблась. Значит, на этот раз должна рискнуть. Наверное, она предположит, что я перемещусь вперед. И двинется мне навстречу, чтобы сделать прицельный выстрел».

Ричер остался на прежнем месте, продолжая сидеть на корточках. Тройной блеф. Он поводил пистолетом слева направо вдоль той траектории, которую она должна выбрать. И ждал очередной вспышки. Она произошла раньше, чем Ричер рассчитывал. Буря стремительно приближалась. Молния вспыхнула не более чем в полумиле от них, и почти сразу же грянул гром. Вспышка была ярче солнца. Ричер прищурился. Женщина исчезла. Он рванулся влево и увидел смазанное синеватое свечение, которое перемещалось в противоположном направлении. Он инстинктивно выстрелил чуть вперед, молния умерла,

и на него вновь навалился шум, темнота и хаос. Осталось семь патронов. Он улыбнулся: «Но мне потребуется еще только один».

Удары грома ее пугали. Они напоминали ей, как Джошуа и Билли делали новую крышу для конюшни. Они использовали большие листы жести. Листы изгибались и гудели, когда их несли, и издавали ужасный шум, когда в них забивали гвозди. Гром был все равно что миллионы миллиардов жестяных листов, которые гудели и изгибались на небе. Элли с головой пряталась под простыней, но сквозь тонкую ткань проникали ослепительные вспышки молний.

– Тебе страшно? – спросил мужчина.

Она кивнула под простыней. Ткань коснулась волос, но она не сомневалась, что мужчина видел движение ее головы.

– Не нужно бояться, – сказал мужчина. – Это всего лишь буря. Большие девочки не боятся такой ерунды.

Элли ничего не сказала. Мужчина снова посмотрел на часы.

Ее тактика была очевидной. Женщина была хороша, но не настолько, чтобы ее действия оставались для Ричера загадкой. Она старалась перемещаться вдоль края площадки, поскольку это давало иллюзию безопасности. Она действовала по схеме: вперед-назад-вперед-вперед. Двойной блеф, тройной блеф, который должен стать непредсказуемым. Умно, но этого недостаточно. Она приблизилась, потом отступила, в следующий раз не станет отступать, а двинется вперед, рассчитывая, что он уловит ее тактику и решит, что она снова отступит. А сама двинется вперед, чтобы застать противника врасплох. И еще потому, что ей нравится находиться близко. Ее устраивает ближний бой. Любительница выстрелов в голову наверняка предпочитает дистанцию менее десяти футов.

Ричер вскочил на ноги и побежал изо всех сил, как спринтер, назад и влево, описывая широкую дугу. Он продирался сквозь кустарник, как запаниковавшее животное, делая огромные скачки, преодолевая сопротивление мескитовых деревьев, разбрызгивая воду и скользя в грязи. Его совершенно не беспокоило, что он производит много шума. Даже на расстоянии ярда ничего нельзя было расслышать. Теперь все зависело только от его быстроты. Он хотел зайти во фланг прежде, чем вспыхнет следующая молния.

Он отчаянно мчался по широкой дуге, а потом притормозил, оказавшись у края площадки, примерно в двадцати футах от того места, где в первый раз увидел женщину. Она двигалась сначала на юг, потом обратно,

значит, сейчас она снова направилась на юг. Она должна находиться в тридцати футах перед ним. Впереди. Ричер зашагал к ней, двигаясь легко и уверенно, словно прогуливался по тротуару. Он старался угадать момент, когда вспыхнет молния, готовый в любой момент рухнуть на влажную землю.

Маленький смуглый мужчина вновь посмотрел на часы. Элли пряталась под простыней.

– Больше трех часов, – сказал мужчина.

Элли не ответила.

– Ты различаешь время?

Элли села в кровати и медленно опустила простыню, освободив рот.

– Мне шесть с половиной лет, – заявила Элли.

Мужчина кивнул.

– Посмотри, – сказал он, поднимая руку и поворачивая запястье к девочке. – Еще один час.

– И что потом?

Мужчина отвернулся. Элли долго смотрела на него, а потом вновь натянула простыню на голову. Вспыхнула молния, ударил гром.

Вспышка молнии озарила ландшафт на мили впереди. Тут же последовал удар грома. Ричер опустился на корточки, вглядываясь вперед. Ее там не было. Ее вообще не было нигде впереди. Молния умерла, и вновь ударил гром. Услышит ли он звук ее выстрела? Услышит ли? Или сначала ощутит болезненный удар пули? Ричер во весь рост распростерся в грязи и замер. Дождь молотил его тело тысячами крошечных молоточков. «Ладно, попытаемся все осмыслить заново». Могла ли она обойти его с фланга? Предположим, она зеркальным образом повторила его маневр. В таком случае они бежали бы по большому кругу, но только в разных направлениях, и поменялись бы местами. Или она могла найти карстовую воронку либо расселину и спрятаться. Или джип. Если бы она посмотрела назад, когда ударила молния, то увидела бы машину. Нетрудно сообразить, что рано или поздно он обязательно вернется к джипу. Как еще отсюда выбраться? Значит, она может поджидать его там. Например, забраться внутрь и спрятаться за сиденьями. Или под джипом – в таком случае он преподнес ей винчестер с двумя заводскими патронами в магазине.

Ричер еще немного полежал в грязи, напряженно размышляя. Следующую вспышку молнии он полностью проигнорировал. Вжавшись в землю, он прикидывал различные варианты и пришел к выводу, что она не способна на фланговый маневр. Это подсказывал инстинкт военного. Он имел дело с уличным стрелком, а не с солдатом пехоты. Пехотинец не станет стрелять в глаз. Нет, фланговый маневр не следует принимать к рассмотрению. Возможно, она направилась к джипу. Он развернулся, не поднимаясь с земли, и стал ждать.

Следующая вспышка озарила тучи, словно мощный залп множества орудий. До джипа было далеко. Слишком далеко. И если она двинулась к джипу, то сейчас не представляет для него опасности – во всяком случае, пока он здесь. Поэтому он снова развернулся и пополз на юг. «Проверяй одну зону за другой». Он медленно полз вперед, опираясь на колени и локти. Десять футов, двадцать пять футов. Все шло как на учениях. Ричер полз вперед до тех пор, пока не уловил незнакомый аромат.

Каким-то непостижимым образом дождь его усилил. Ричер сообразил, что пустыня пахнет иначе. Дождь все изменил. Ричер ощущал запах растений и земли. Сильный, резкий и естественный запах. Но сейчас с ним мешался женский аромат. Аромат духов? Или это природный запах – скажем, под дождем распустился ночной цветок? Нет, это духи. Женские духи. Тут не может быть никаких сомнений. Ричер застыл на месте.

Он слышал, как шевелятся ветки мескитовых деревьев, но понимал, что причина тому – ветер. Ливень слегка ослабел, превратившись в обычный проливной дождь, и влажный южный ветер приносил с собой аромат духов. Было совершенно темно. Ричер поднял пистолет, но не сумел его разглядеть, как будто стал слепцом.

В каком направлении она смотрит? Только не на восток. Она должна пригнуться к земле, а на востоке ей не на что смотреть, там находится край площадки. Если она смотрит на юг или на запад, то все в порядке. А если на север, то ее взгляд направлен прямо на Ричера, вот только она его не видит. Слишком темно. И не может уловить его запах, поскольку ветер дует в его сторону. Ричер приподнялся на левом предплечье и навел пистолет перед собой. Если она повернулась на юг или на запад, то ему предстоит сделать простой выстрел ей в спину. Но в худшем случае – если она смотрит на север – они окажутся лицом к лицу. И между ними будет пять футов. Значит, риск увеличивается. Кто отреагирует первым, когда вспыхнет молния?

Он затаил дыхание, дожидаясь новой вспышки. Самое долгое ожидание в его жизни. Буря менялась. Раскаты грома длились дольше, но они перестали быть столь же оглушительными. Ливень оставался все таким

же сильным. Он бросал в лицо Ричера грязь и мелкие камешки. Косые струи дождя полосовали кустарник. Вода бурлила вокруг Ричера, и ему было холодно.

Затем последовал чудовищный удар грома, сопровождающийся вспышкой молнии. Все вокруг стало белым, площадку осветило, словно настал день. Женщина находилась в трех футах от него. Она лежала на земле лицом вниз, грязь уже частично занесла ее тело. Она казалась маленькой, жалкой и пустой. Ноги согнуты в коленях, руки прижаты к животу. Возле плеча валялся пистолет. Браунинг. Он наполовину погрузился в грязь, рядом образовалась маленькая запруда. Пока молния еще не погасла, Ричер прыгнул вперед и отбросил браунинг далеко в сторону. Потом свет померк, и Ричер воспользовался изображением, все еще стоящим перед его глазами, чтобы отыскать шею женщины.

Пульс отсутствовал. Она успела остыть.

Выстрел с упреждением. Его третья пуля, инстинктивно выпущенная чуть вперед, когда женщина отступила. Она напоролась на эту пулю. Ричер продолжал держать пальцы левой руки у нее на шее, опасаясь потерять контакт в темноте, потом присел, чтобы дождаться следующей вспышки молнии. Левая рука начала трястись. Ричер сказал себе, что это происходит из-за того, что он вытянул ее под неестественным углом. Потом он начал смеяться. Смех становился все сильнее, как дождь. Выходит, последние двадцать минут он выслеживал женщину, которую уже застрелил – случайно! Он смеялся до тех пор, пока вода не заполнила ему рот, и тогда начал отчаянно кашлять.

Мужчина встал, подошел к столу и взял лежащий на полированной поверхности пистолет. Потом наклонился и вытащил из черной сумки длинный черный глушитель. Аккуратно вставил его на место. Вернулся к стулу и сел.

– Время пришло, – сказал он и положил руку на плечо Элли.

Она ощутила его прикосновение сквозь простыню, отпрянула в сторону и сжалась в комочек. Ей ужасно хотелось в туалет.

– Время пришло, – повторил мужчина.

Он откинул простыню в сторону. Элли отползла подальше, сжимая противоположный край простыни коленями, и посмотрела на мужчину.

– Вы сказали, один час, – прошептала она. – А час еще не прошел. Я расскажу леди. Она ваш босс.

Глаза мужчина сделались пустыми. Он повернулся и посмотрел на дверь. Потом вновь взглянул на девочку.

– Ладно, ты сама скажешь мне, когда пройдет час.

Он отпустил простыню, и Элли снова в нее завернулась. Накрылась с головой и прижала руки к ушам, чтобы заглушить звуки грома. Потом она закрыла глаза, но даже сквозь сомкнутые веки видела вспышки молнии. Красные вспышки.

Следующая вспышка вновь оказалась долгой. Ричер перевернул тело, чтобы убедиться в том, что его противница мертва. Разорвал куртку и рубашку. Пуля попала под левую мышку. И вышла из груди. Вероятно, она угодила в сердце, прошла через оба легких и спину. Пулю калибра 0,40 очень непросто остановить. Входное отверстие было маленьким и аккуратным. Выходное выглядело иначе. Дождь промыл рану. Кровь все еще сочилась, но ее тут же уносили струи дождя. Отверстие в груди наполнилось водой. Рана выглядела похожей на медицинскую диаграмму. Ричер мог бы погрузить в нее всю ладонь.

Женщина была среднего роста, светлые волосы намокли и покрылись грязью под шапочкой с надписью «ФБР». Ричер сдвинул бейсболку назад, чтобы иметь возможность разглядеть лицо. Ее открытые глаза смотрели в небо, дождь наполнял их, словно слезы. Лицо показалось Ричеру немного знакомым. Он уже где-то видел эту женщину. Где? Молния погасла, но перед его мысленным взором осталось лицо, словно фотография в негативе. *Кафе. Реклама кока-колы. Пятница, занятия в школе заканчиваются, «форд-краун», трое пассажиров*. Он решил, что они коммивояжеры. Еще одна ошибка.

– Ладно, – сказал вслух Ричер, – матч закончен.

Он сунул пистолет Элис в карман и зашагал на север, к джипу. Было так темно и дождь так сильно слепил глаза, что он наткнулся на джип прежде, чем понял, что добрался до него. Ричер ощупью нашел дверцу со стороны водителя. И несколько раз открывал и закрывал ее только для того, чтобы насладиться вспыхивающим внутри светом, который он мог контролировать по собственному желанию.

Заехать обратно на площадку оказалось непростым делом. Плотный гравий превратился в липкую грязь. Ричер включил на полную мощность фары и дворники. Далеко не сразу, но джип все же сумел въехать наверх благодаря приводу на все четыре колеса. Ричер описал широкую дугу вперед и налево, пока не оказался возле семи часов. Ему пришлось дважды погудеть, прежде чем Элис выбралась из кустарника и появилась в свете фар. Она промокла до нитки. Вода потоками стекала

с нее. Волосы прилипли к голове, уши смешно торчали в стороны. Она шагнула влево и побежала к двери джипа.

– Наверное, это та самая буря, которой все ждали, – сказал Ричер.

Снаружи полыхнула очередная молния, и тут же грянул гром. Буря быстро перемещалась на север.

Элис покачала головой.

– Этот маленький душ? Нет, ты видел только разминку. Подожди до завтра.

– Завтра меня здесь уже не будет.

– Вот как?

Ричер кивнул и спросил:

– Ты в порядке?

– Я не знала, когда стрелять.

– Ты все сделала правильно.

– Что произошло?

Ричер поехал вдоль площадки, все время петляя, чтобы осветить ее фарами. В тридцати футах от несчастного «фольксвагена» он нашел тело первого убийцы. Оно лежало на земле. Ричер остановил джип так, чтобы фары освещали тело, и вылез под дождь. Мужчина был мертв. Пуля из винчестера попала ему в живот. Он умер не сразу. Кепка куда-то исчезла, он разорвал куртку, чтобы прижать руку к ране. И ему удалось проползти приличное расстояние. Мужчина был высоким и довольно плотного сложения. Ричер закрыл глаза, чтобы еще раз вспомнить сцену в кафе. *Возле кассы женщина и двое мужчин. Один высокий и светловолосый, другой маленький, с темными волосами*. Потом он вернулся в джип и сел. Сиденье стало влажным.

– Два трупа, – сказал он. – Вот что произошло. Но водитель сумел ускользнуть. Ты успела его разглядеть?

– Они приехали, чтобы убить нас?

– Таков был их план. Ты запомнила водителя?

Она ничего не ответила.

– Это очень важно, Элис, – сказал Ричер. – Для Элли. Мы не сумели взять языка. Эта часть моего плана не сработала. Они оба мертвы.

Элис молчала.

– Ты его видела?

Она покачала головой.

– Вообще-то нет. Мне очень жаль. Я бежала, а вспышка света продолжалась всего секунду или две.

Ричеру показалось, что фары «фольксвагена» светили дольше. Намного дольше. Но на самом деле Элис, наверное, права. Она даже преувеличила. Скорее всего, прошло три четверти секунды. Они очень быстро начали стрелять.

– Я видел этих людей раньше, – сказал он. – В пятницу, на перекрестке. Должно быть, сразу после того, как они пристрелили Юджина. Вероятно, они осматривали окружающую территорию. Их было трое. Женщина, крупный парень и маленький смуглый мужчина. Женщина и крупный парень здесь. Водитель был маленьким, с темными волосами?

– Честно говоря, я его не видела.

– Ну а что ты чувствуешь? – не унимался Ричер. – Первое впечатление? Ты должна была видеть его хотя бы мельком. Или его силуэт.

– А ты?

– Да, но он смотрел в другую сторону, туда, откуда ты стреляла. Было очень светло. Ветровое стекло заливала вода. Потом я начал стрелять, и очень скоро водитель развернул машину и уехал. Но я не думаю, что он был маленького роста.

Элис кивнула, соглашаясь.

– Да, мне кажется, он не был маленького роста или смуглым. Его облик остается размытым, но я бы сказала, что он был довольно крупным человеком. Возможно, со светлыми волосами.

– Звучит правдоподобно, – сказал Ричер. – Один член команды остался караулить Элли.

– Но кто же тогда сидел за рулем? – спросила Элис.

– Их клиент. Тот, кто нанял убийц. Такова моя версия. Им не хватало людей, к тому же они нуждались в человеке, которому знакомы местные условия.

– Но он скрылся.

Ричер улыбнулся.

– Он может сбежать, но спрятаться не сумеет.

Они подошли посмотреть на изуродованный «фольксваген». Он выглядел ужасно, однако Элис отнеслась к этому спокойно. Она лишь пожала плечами и отвернулась. Ричер вытащил карты из бардачка, развернул джип и поехал на север. Возвращение к «Красному дому» получилось кошмарным. Площадку они пересекли без особых проблем. Но дальше колея стала такой твердой, что не могла впитывать воду. В результате дождь полностью затопил узкую дорогу. Если раньше она напоминала русло реки, то теперь действительно стала руслом. Вода мчалась мимо, кипела между колесами. Течение вырывало мескитовые деревья с корнем и несло на юг. Иногда они скапливались перед буфером джипа, и машина тащила их перед собой, пока течение не уносило их прочь. Карстовые воронки скрывала вода. Однако дождь быстро стихал. Вскоре он уже лишь слегка моросил. Центр бури стремительно смещался все дальше на север.

Они оказались совсем рядом с гаражом – и только после этого его увидели. Вокруг царила полная темнота. Ричер резко затормозил, свернул и разглядел в окнах дома слабые блики света.

– Свечи, – сказал Ричер.

– Должно быть, где-то разорвана линия, – предположила Элис. – Или молния попала в столб.

Ричер вновь затормозил, джип заскользил по грязи и развернулся так, что фары осветили гараж.

– Узнаешь что-нибудь? – спросил он.

Пикап Бобби стоял на своем месте, но он был весь покрыт грязью. Вода капала из кузова и скапливалась в луже.

– Да, – кивнула Элис. – И что мы будем делать теперь?

Ричер посмотрел в зеркало, потом повернул голову и взглянул на уходящую на север дорогу.

– Кто-то приближается, – сказал он.

Вдалеке появился свет фар – до машины было еще несколько миль. Свет дробился в капельках воды, скопившихся на стеклах джипа.

– Давай поговорим с Грирами, – предложил Ричер, вытащил из кармана пистолет Элис и проверил его.

«Никогда ничего не принимай на веру». Пистолет был в полном порядке. Осталось семь пуль. Ричер засунул оружие обратно в карман и подъехал по залитому водой двору к самому крыльцу. Дождь почти прекратился. Над землей начал подниматься пар, который медленно клубился в ярком свете фар. Они вышли из джипа. Воздух был насыщен

влагой. Становилось теплее. Снова зашумели насекомые, пока еще несмело, словно издалека.

Они поднялись по ступенькам, и Ричер распахнул дверь. В коридоре горели свечи, расставленные в подсвечниках на всех горизонтальных поверхностях. В их мягком оранжевом сиянии дом казался привлекательным и гостеприимным. Они вошли в гостиную. Здесь горели дюжины свечей, приклеенных к блюдцам расплавленным воском. На столике у дальней стены стояла лампа Коулмана. Она тихонько шипела и давала довольно много света.

Бобби и его мать сидели за выкрашенным в красный цвет столом. Вокруг них танцевали мерцающие тени. В свете свечей Расти выглядела гораздо лучше. Она была одета в джинсы и рубашку. Бобби смотрел в пустоту. Пламя свечей делало его лицо подвижным.

– Как романтично, – сказал Ричер.

Расти неловко пошевелилась.

– Я боюсь темноты. Ничего не могу с этим поделать. Так было всегда.

– А вам и следует ее бояться, – заметил Ричер. – В темноте случаются плохие вещи.

Расти промолчала.

– Полотенце? – спросил Ричер.

С него и с Элис на пол стекала вода.

– На кухне, – сказала Расти.

На деревянном ролике висело тонкое полотенце. Элис промокнула лицо, волосы и рубашку. Ричер последовал ее примеру и вернулся в гостиную.

– Почему вы оба не спите? – спросил он. – Сейчас три часа ночи.

Ни Расти, ни Бобби не ответили.

– Сегодня ночью вашего грузовика не было на месте, – заметил Ричер.

– Мы никуда не выходили, – ответил Бобби. – Мы оставались в доме, как вы нам сказали.

Расти кивнула.

– Мы оба сидели в гостиной.

Ричер улыбнулся.

– И теперь у каждого из вас есть алиби. Присяжные будут в полнейшем восторге, – сказал Ричер.

– Мы ничего не делали, – заявил Бобби.

Ричер услышал шум подъезжающей машины. Негромкий шелест шин на влажной дороге. Тихий шорох приводных ремней. Машина въехала в ворота. Заскрипел под колесами щебень. Хлопнула дверца. Раздался звук шагов на крыльце и по коридору. Дверь гостиной распахнулась. Дрогнуло пламя свечей. Вошел Хэк Уокер.

– Хорошо, – сказал Ричер. – У нас мало времени.

– Это вы забрались в мой кабинет? – сказал Уокер.

Ричер кивнул.

– Меня разбирало любопытство.

– И что же вас так заинтересовало?

– Некоторые детали, – ответил Ричер. – Меня всегда интересуют детали.

– У вас не было никакой необходимости вламываться в мой кабинет. Я бы показал вам любые документы.

– Но вас там не было.

– И тем не менее, вам не следовало вламываться в мой кабинет. Теперь у вас неприятности. Вы ведь это понимаете, правда? Большие неприятности.

Ричер улыбнулся. Неудачи и неприятности уже давно стали его единственными друзьями.

– Присаживайтесь, Хэк, – сказал Ричер.

Уокер немного помедлил, потом подошел к столу и уселся рядом с Расти Грир. Пламя свечей озарило его лицо. Слева сияла лампа.

– У вас есть что-нибудь для меня? – спросил он.

Ричер сел напротив. Положил обе руки ладонями на стол.

– В течение тринадцати лет я занимался полицейской работой, – сказал Ричер.

– И что же?

– Я многому научился.

– Чему, например?

– Тому, что ложь всегда приводит к неприятностям. Рано или поздно ситуация выходит из-под контроля. Но и правда может привести к неприятностям. Поэтому в любом случае можно ждать проблем. Всякий раз, когда я вижу попытку что-то спрятать, у меня появляются подозрения. А положение Кармен было с самого начала слишком неприятным, чтобы все оказалось правдой.

– Но?

– Я пришел к выводу, что возникла пара ситуаций, которые были слишком сомнительными.

– Например?

– Например, у нее не было с собой денег. Я это знаю. Два миллиона в банке, а она проезжает триста миль с одним долларом в сумочке? Спит в машине, ничего не ест? Мечется от одной заправки до другой, чтобы продолжать двигаться? Нет, такие вещи не укладываются в схему.

– Она разыгрывала дешевую комедию. Она дешевая актриса.

– Вы знаете, кто такой Николай Коперник?

– Николай Коперник? – пожал плечами Уокер. – Старый астроном. Кажется, поляк. Он доказал, что Земля вращается вокруг Солнца.

– И много чего еще, но только по косвенным признакам. Он задал нам всем вопрос: насколько вероятно, что все мы являемся центром Вселенной? Каковы шансы? Неужели мы такие особенные? Самые лучшие или самые худшие? Я бы сказал, что это очень важная мысль.

– И что же?

– Если у Кармен было два миллиона долларов в банке, а она путешествовала с одним долларом только из-за того, что опасалась напороться на подозрительного типа вроде меня, то она, вне всякого сомнения, самый лучший мошенник-виртуоз в истории человечества. И старина Коперник спрашивает у меня: насколько это вероятно? Ну, то, что я случайно натолкнусь на самого лучшего мошенника-виртуоза в истории человечества? И он отвечает: такой вариант не слишком вероятен. Он отвечает, что если уж я столкнусь с мошенником, то, скорее всего, он окажется самым обычным.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что это не укладывается в схему. Тогда я начал размышлять о деньгах. И почти сразу же обнаружил новую нестыковку.

– Какую?

– Служащие Ала Юджина прислали вам финансовые документы Слупа, верно?

– Сегодня утром. Кажется, что это произошло так давно.

– Дело в том, что я проходил мимо офиса Ала, когда шел в музей. Он виден из здания суда. До него ходьбы одна минута. Насколько вероятно, что они стали бы отправлять документы? Не проще ли было немного пройтись? Тем более когда речь шла о друзьях Ала и когда следовало торопиться? Они бы потратили в десять раз больше времени, дозваниваясь в курьерскую службу.

Пламя свечей танцевало и подрагивало. Красная комната сияла.

– Люди постоянно все отправляют с курьерами, – сказал Уокер. – Это привычка. К тому же у нас слишком жарко, чтобы ходить пешком.

– Может быть, – не стал возражать Ричер. – В тот момент я не обратил на это внимания. Но потом возникла новая нестыковка. Ключица.

– Почему ключица?

Ричер повернулся к Элис.

– Когда вы упали с роликов, ваша ключица пострадала?

– Нет, – ответила Элис.

– И вы не получили никаких других повреждений?

– Я рассекла руку, содрала кусок кожи.

– Вы выставили руку, чтобы смягчить падение?

– Рефлекс, – ответила Элис. – Иначе не бывает.

Ричер кивнул и вновь повернулся к Уокеру.

– В субботу я вместе с Кармен совершил верховую прогулку, – продолжал Ричер. – Я впервые в жизни сел на лошадь и сильно натер себе зад, но я никогда не забуду, как высоко от земли я находился, когда сидел в седле. Это довольно страшно. Если Кармен упала с такой высоты на каменистую почву и сломала ключицу, почему она не разбила руки?

– Возможно, так и было.

– В больнице ничего об этом не написали.

– Может быть, забыли.

– Это был очень тщательно составленный отчет. Новый персонал старался. На это обратил внимание Коуэн Блэк. Он сказал, что все

сделано исключительно качественно. Они бы обязательно написали о рассеченных ладонях.

– Возможно, она была в перчатках.

Ричер покачал головой.

– Кармен сказала, что никто здесь не носит перчаток. Слишком жарко. А она не стала бы так говорить, если бы перчатки спасли ее руки от повреждений. В таком случае она была бы настоящей поклонницей перчаток. Она и меня заставила бы их надеть – ведь я впервые сел в седло.

– И что же из этого следует?

– И тогда я спросил себя: быть может, сломанная ключица явилась результатом удара Слупа? Я решил, что такой вариант возможен. Быть может, она стояла на коленях, а когда он ударил ее кулаком сверху, Кармен успела отвести голову в сторону. Однако она утверждала, что он сломал ей руку и челюсть, а также выбил несколько зубов, но об этом в медицинских картах упоминаний не было, и я перестал задавать себе вопросы. В особенности после того, как узнал, что кольцо настоящее.

Свеча, стоявшая на левом краю стола, догорела и погасла. Несколько мгновений дым поднимался к потолку вертикально, а потом стал завиваться спиралями.

– Она лгунья, вот и все, – сказал Уокер.

– Вот именно, – вмешался Бобби.

– Слуп никогда ее не бил. Мой сын никогда не ударит женщину, кем бы она ни была, – заявила Расти.

– Давайте по порядку, ладно? – спокойно сказал Ричер.

Он чувствовал, как растет нетерпение людей, собравшихся в комнате. Локти ерзали по столу, нервно постукивали по полу ноги. Сначала Ричер повернулся к Бобби.

– Ты утверждаешь, что она лгунья, и я знаю, в чем причина. Кармен вам всем не нравится, поскольку вы дерьмовые расисты. К тому же у нее был роман со школьным учителем. Поэтому ты решил открыть мне глаза на ее истинную сущность. Ты считал, что должен охранять интересы брата.

Потом Ричер обратился к Расти.

– Мы очень скоро вернемся к тому, что делал Слуп и чего он не делал. Но сейчас вам придется немного подождать. Мы должны довести до конца наше дело с Хэком.

– Какое дело? – спросил Хэк.

– Вот это дело, – сказал Ричер, выкладывая на стол пистолет Элис.

Его дуло было направлено в грудь Уокера.

– Проклятье, что вы делаете? – спросил Уокер.

Ричер снял пистолет с предохранителя. Щелчок был хорошо слышен всем. Пламя свечей замерцало, а лампа тихонько зашипела.

– Я разобрался с бриллиантом, – продолжал Ричер. – И тогда все остальное встало на свои места. В особенности после того, как ты выдал нам с Элис звезды помощников шерифа и отправил поговорить с Расти.

Уокер все еще сохранял спокойствие.

– О чем вы говорите?

– Это было подобно трюку фокусника. Все вместе. Ты очень хорошо знал Кармен. Ты знал, что она могла мне рассказать. Кстати, она говорила только правду от начала и до конца. Правду о себе и о том, что с ней делал Слуп. Поэтому ты просто все перевернул. Довольно простой фокус. К примеру, Кармен говорила, что она родом из Напы, а ты сказал: «Послушайте, она вам говорила, что родилась в Напе, но это неправда». Она говорила мне, что обратилась в налоговую службу, а ты сказал: «Послушайте, она сказала вам, что звонила в налоговую службу, но она этого не делала». Получалось, что тебе известна вся правда и ты с неохотой вынужден поведать мне о том, какая Кармен ужасная лгунья. Но лгал ты. С самого начала. У тебя получилось очень эффективно. Превосходный фокус. Ты все отлично обставил, заявляя, что хочешь ее спасти. И довольно долго я тебе верил.

– Я действительно хочу ее спасти. Я ее спасаю.

– Чепуха, Хэк. Ты с самого начала хотел вынудить ее сделать признание в убийстве, которого она не совершала. У тебя был четкий план. Ты нанял убийц, и они сегодня похитили Элли, чтобы заставить Кармен сделать признание. У тебя осталась одна проблема – я. Я болтался у тебя под ногами, я заручился помощью Элис. Мы постоянно мешали тебе с самого утра понедельника. Однако тебе удавалось водить нас за нос в течение двадцати семи часов. Ты опускал нас с небес на землю медленно, но верно, шаг за шагом, выказывая искреннее сочувствие. Превосходная работа. Ну, почти. Однако для того, чтобы все получилось, ты должен был быть лучшим мошенником-виртуозом в истории человечества. Но, как говорит старина Коперник, какова вероятность того, что лучший мошенник-виртуоз окажется в Пекосе?

Наступило молчание, лишь потрескивали свечи, шипела лампа и слышалось дыхание пяти человек. Старый кондиционер наконец получил отдых. Электричество отключилось.

– Вы безумны, – сказал Уокер.

– Вовсе нет. Ты обманул меня, пространно сожалея о том, какой лгуньей была Кармен, и рассуждая, как сильно ты хочешь ее спасти. У тебя даже хватило ума признаться, что у тебя в этом деле шкурный интерес, чтобы я не подумал, будто ты слишком благороден. Превосходная деталь, Хэк. Но все это время ты говорил с Кармен по телефону, меняя голос, чтобы тебя не узнали. Ты представлялся ее адвокатом и говорил ей, что Элли будет очень плохо, если Кармен осмелится разговаривать с настоящим адвокатом. Вот почему она отказалась от помощи Элис. Потом ты состряпал кучу фальшивых финансовых документов на своем собственном компьютере, стоящем у тебя на столе. Ведь все распечатки похожи друг на друга. Ты придумал фальшивые трасты. И фальшивые документы, которые позволяли забрать Элли. Вероятно, ты знаешь, как должны выглядеть настоящие. Как только ты получил известие, что твои люди увезли ребенка, ты взял трубку и объяснил Кармен, что ей необходимо сделать фальшивое признание, повторив ей ту ложь, которую ты скармливал мне. А потом ты отправил к Кармен своего помощника, чтобы он выслушал ее признание.

– Все это чушь.

Ричер пожал плечами.

– Ну так докажи это. Давай позвоним в ФБР и спросим у них, как идет охота за похитителями Элли.

– Телефоны не работают, – вмешался Бобби. – Из-за бури.

– Ладно, ничего страшного, – спокойно сказал Ричер.

Продолжая держать Уокера под прицелом, он повернулся к Расти.

– Расскажите мне, какие вопросы вам задавали агенты ФБР, – попросил он.

Расти недоуменно посмотрела на него.

– Какие агенты ФБР?

– Разве сегодня у вас не побывали агенты ФБР?

Расти лишь покачала головой. Ричер кивнул.

– Ты ломаешь комедию, Хэк, – продолжал он. – Ты сказал нам, что обратился в ФБР и полицию штата, что все дороги перекрыты, в воздух

подняты вертолеты, в поисках задействовано более ста пятидесяти полицейских. Но ты никому не звонил, иначе они бы сразу пришли сюда. Они бы очень долго беседовали с Расти. Они бы привезли с собой художников и специалистов по сбору улик. Ведь это место преступления. А Расти – единственный свидетель.

– Вы ошибаетесь, Ричер.

– Я видел людей из ФБР, – заявил Бобби. – Они были у нас во дворе.

Ричер покачал головой.

– Ты видел людей в кепках с надписью «ФБР», – сказал он. – Их было двое. Но они больше не ходят в этих кепках.

Уокер промолчал.

– Грубая ошибка, Хэк, – продолжал Ричер. – Не следовало давать нам эти дурацкие звезды и посылать сюда. Ты служитель закона. Ты знал, что Расти является важнейшим свидетелем. И ты прекрасно понимал, что она не станет со мной говорить. Окружной прокурор не мог принять такое решение, не мог послать нас сюда. Я не поверил своим ушам. Но потом я понял. Ты хотел убрать нас с дороги. И ты хотел точно знать, где мы находимся, чтобы послать за нами своих людей.

– Каких людей?

– Наемных убийц, Хэк. Тех самых, которых ты послал убить Ала Юджина. И Слупа. Они хорошо знали свое дело. Настоящие профессионалы. Но у профессионалов есть один недостаток: они хотят продолжать работать. С Алом Юджином не возникло никаких проблем. В том месте они могли разобраться с кем угодно. Со Слупом было сложнее. Он только что вернулся домой из тюрьмы и не собирался никуда выходить. Значит, его нужно было кончать в «Красном доме», а это уже рискованно. Они убедили тебя подставить Кармен, чтобы им самим ничего не грозило. А потом ты уговорил их похитить Элли.

– Это просто смешно, – сказал Уокер.

– Ты знал, что Кармен купила пистолет, – сказал Ричер. – Ты сам говорил мне, что подобные документы проходят через ваш офис. И ты знал, зачем она его купила. Ты прекрасно знал о том, что Слуп с ней делал. Тебе было известно, что их спальня стала камерой пыток. Вот почему она хотела спрятать пистолет именно там. Ну а где может спрятать пистолет женщина в своей спальне? Таких мест всего три. Верхняя полка в шкафу, прикроватная тумбочка и шкафчик с нижним бельем. Тут достаточно здравого смысла. Все женщины ведут себя одинаково в своей спальне. Мне известны такие вещи, знали об этом и твои люди. Наверное, они наблюдали за домом, дожидаясь, когда она

отправится в душ, затем надели перчатки, через минуту проникли в комнату и держали Слупа на мушке своих пистолетов, пока не нашли пистолет Кармен. А потом застрелили Слупа из ее пистолета. И через тридцать секунд покинули дом. Короткая пробежка до машины, оставленной на дороге, – и их уже нет. Этот дом подобен муравейнику, но ты его прекрасно знал. Ведь ты друг семьи. Ты заверил убийц, что они сумеют незаметно войти в дом и так же незаметно скрыться. Полагаю, ты даже начертил для них план.

Уокер закрыл глаза. Он молчал. Его лицо стало бледным и заметно постарело. Даже пламя свечей не помогало.

– Однако ты совершил несколько ошибок, Хэк, – продолжал Ричер. – Такие люди, как ты, всегда их совершают. Финансовые документы никуда не годились. Так много денег – и так мало расходов? Насколько это вероятно? Неужели Кармен скряга? Да и с посыльными ты облажался. Если бы бумаги доставил посыльный, ты бы показал мне пакет, как в случае с медицинскими картами Кармен, чтобы все выглядело более официально.

Уокер открыл глаза и дерзко посмотрел на Ричера.

– Медицинские карты, – повторил он. – Вы их видели. Они доказывают, что Кармен лгала. Вы слышали, что сказал Коуэн Блэк.

Ричер кивнул.

– Да, ты хорошо придумал, когда оставил карты в пакете «Федерал экспресс». Они отлично выглядели – словно их только что доставили. Но тебе следовало оторвать наклейку с пакета. Дело в том, что «Федерал экспресс» берет деньги за вес. А я взвесил пакет на кухонных весах Элис. Один фунт и одна унция. Но на наклейке было написано: два фунта и девять унций. Этот факт можно объяснить двумя способами: либо «Федерал экспресс» обманывает своих клиентов, либо ты вынул шестьдесят процентов медицинских карт и выбросил их. Могу спорить, что ты проверил содержимое пакета перед тем, как отправить его нам. Ты уже достаточно давно работаешь окружным прокурором и знаешь, как выглядят убедительные доказательства. Так что все, что касалось побоев, отправилось на помойку. Остались только описания несчастных случаев. Однако ты не подумал, что трудно сломать ключицу, не повредив руку, и оставил эту карту по ошибке. Или посчитал, что лучше ее сохранить, поскольку у Кармен имелся рубец, который я почти наверняка заметил.

Уокер молчал. Лампа шипела.

– Сломанная рука, челюсть и зубы, – продолжал Ричер. – Полагаю, что где-то в мусорном баке лежит еще пять или шесть отчетов. Едва ли ты

выбросил их рядом с судом. Ты умнее – наверное, ты воспользовался баком, стоящим возле автобусной остановки. Или в другом месте, где бывает много народу.

Уокер молчал. Пламя свечей продолжало свой бесконечный танец. Ричер улыбнулся.

– И все же ты действовал почти безупречно. Как только я понял, что Кармен не убивала мужа, ты сразу же придумал заговор, за которым стояла Кармен. Ты и глазом не моргнул. Даже после того, как я связал все происходящее с Юджином, ты продолжал вести себя умно. Да, ты был шокирован, весь посерел и вспотел. Но вовсе не из-за того, что огорчился из-за Ала. Просто его тело нашли слишком быстро. Ты так не планировал. Однако не прошло и десяти секунд, как ты придумал мотив, связанный с налогами. Но здесь ты сделал серьезную ошибку. Настолько увлекся просчетом вариантов, что забыл бояться. Ведь убиты два друга из трех. Весьма серьезная угроза. Тебе бы следовало встревожиться. Любой человек на твоем месте испытывал бы тревогу.

Уокер ничего не сказал.

– И ты сумел организовать убийство Слупа в воскресенье, – продолжал Ричер. – Это было совсем не просто. Однако тебе нужно было арестовать Кармен в воскресенье, чтобы она провела в тюрьме максимальное время – ведь посетителей пускают только в субботу. Таким образом, у тебя имелось пять дней, чтобы заставить Кармен сделать признание.

Уокер ничего не ответил.

– Слишком много ошибок, Хэк, – сказал Ричер. – Не нужно было посылать за мной убийц. Как говорил старина Коперник, много ли шансов, что они окажутся достаточно хороши?

Уокер молчал. Бобби наклонился вперед, искоса поглядывая на мать. Он начал понимать, что происходит.

– Ты послал людей убить моего брата? – выдохнул Бобби.

– Нет, Ричер ошибается, – сказал Уокер.

Бобби смотрел на него так, словно Уокер только что сказал «да».

– Но зачем ты это сделал? Ведь вы были друзьями, – сказал он.

Тут Уокер поднял взгляд на Ричера.

– Да, зачем? Какой у меня может быть мотив?

– Ответ в цитате Бенджамина Франклина, – заметил Ричер.

– А это еще что за бред?

– Ты мечтал стать судьей вовсе не для того, чтобы творить добро. Это была лицемерная ложь. Ты желал получить атрибуты власти. Ты родился в бедной семье, тебе хотелось власти и денег. И они были совсем рядом. Но сначала требовалось победить на выборах. А что может помешать победе на выборах?

Уокер пожал плечами.

– Старые скандалы, среди прочего. Старые тайны, настигающие тебя из прошлого. Слуп, Ал и ты были неразлучными друзьями – тогда. И все делали вместе. Вы втроем против остального мира. Ты сам мне об этом говорил. Между тем Слуп сидит в тюрьме за неуплату налогов. Он больше не может там находиться. И начинает думать: «Как я могу отсюда выбраться?» Естественно, не выплачивая долгов. И тут он вспоминает, что старый друг Хэк собирается баллотироваться на должность судьи. Большой приз, большие деньги и власть. На что он готов, чтобы их получить? И тогда Слуп звонит тебе и говорит, что начнет распространять слухи о ваших прежних делишках, если ты не вытащишь его из тюрьмы. Ты все тщательно обдумал и пришел к выводу, что Слуп не станет ставить себя под удар, рассказывая о том, что вы делали вместе. Поэтому поначалу ты расслабился. Но потом ты сообразил, что есть большая разница между фактами, за которые человека могут приговорить, и слухами, которые могут лишить тебя шансов на победу на выборах. Ты решил отступить. Взяв часть денег, полученных на проведение выборов, ты дал взятку людям из налоговой службы. Слуп остался доволен. Чего нельзя было сказать о тебе. Ты решил, что ваши похождения перестали быть тайной. Однажды Слуп уже шантажировал тебя. А если он захочет еще что-нибудь? Кроме того, с этим связан и Ал, адвокат Слупа. У Ала тоже могут возникнуть какие-то желания. И ты понял, что твоя победа на выборах может не состояться.

Уокер молчал.

– Ты знаешь, что однажды написал Бен Франклин? – спросил Ричер.

– Нет.

– «Трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы».

В комнате стало тихо. Ни движения, ни даже дыхания. Только тихое шипение лампы и мерцающее пламя свечей.

– А в чем состояла тайна? – шепотом спросила Элис.

– Трое мальчишек подружились в деревенском Техасе, – сказал Ричер. – Они вместе выросли, вместе играли в футбол, вместе развлекались. Потом они стали старше и обратили внимание на развлечения своих отцов. Пистолеты, ружья, охота. Может быть, они начали с охоты на броненосцев. Плохо, конечно, ведь охота на них запрещена

защитниками окружающей среды. Но друзья считали иначе: если они на моей земле, значит, я могу на них охотиться. Так сказал мне Бобби. Высокомерное отношение к жизни. Они на всех смотрели с высоты своего положения. В конце концов, сколько стоит броненосец? Но на броненосцев скучно охотиться, слишком легко. А трое мальчиков взрослели. Они уже перешли в выпускной класс. Им хотелось острых ощущений. Возможно, следующими были койоты, оказавшиеся более достойными противниками. Они охотились по ночам на пикапе. Уезжали довольно далеко. И очень скоро нашлась дичь поинтереснее. Они получили возможность развлечься по-настоящему.

– О чем ты?

– Мексиканцы, – ответил Ричер. – Нищие безымянные семьи, бредущие на север по ночам. В конце концов, сколько они стоят? Да и люди ли они? Однако на них классно охотиться. Они бегут, они кричат. Почти так же интересно, как охотиться на настоящих людей, правда, Хэк?

Тишина в комнате.

– Может быть, они начали с девочки, – сказал Ричер. – Может быть, они не хотели ее убивать. Но потом все же убили. Может быть, им пришлось. Пару дней они нервничали. Ждали, затаив дыхание. Но никто за ними не пришел. Никакой реакции. Никому нет дела. Но это же весело! И тогда они стали охотиться чаще. Это превратилось в спорт. Настоящее убийство. Гораздо лучше броненосцев. Они брали старый пикап, один садился за руль, а двое забирались в кузов, и они охотились так долгими часами. Бобби сказал, что эту технику изобрел Слуп. И еще Бобби сказал, что Слуп был настоящим мастером такой охоты. Наверное. Думаю, они все стали мастерами. У них была отличная практика. Они развлекались так двадцать пять раз в тот год.

– Этим занимался пограничный патруль, – сказал Бобби.

– Нет. Расследование было честным. Многие думали иначе, но я получил информацию от человека изнутри. Мне рассказал сержант Родригес. А такие люди, как сержант Родригес, знают ответы на подобные вопросы, уж поверьте мне. Расследование зашло в тупик, поскольку поиски велись в ложном направлении. Виновными были вовсе не озверевшие полицейские. Людей убивали трое местных парней: Слуп Грир, Ал Юджин и Хэк Уокер. Они развлекались на том самом старом грузовичке, который и сейчас стоит в вашем гараже. Мальчики всегда остаются мальчиками, верно?

Тишина в комнате.

– Почти все убийства происходили в округе Эхо, – продолжал Ричер. – И мне это показалось странным. Почему пограничный патруль заезжал

так далеко? На самом деле он здесь даже не появлялся. Это трое мальчиков из Эха ездили на юг.

Тишина.

– Нападения прекратились в конце августа, – сказал Ричер. – Почему? Нет, их не испугало расследование. Они о нем попросту не знали. Как известно, занятия в колледже начинаются в первых числах сентября. Они стали первокурсниками. Ну а следующим летом это было слишком опасно или они переросли свои игры. Так или иначе, но убийства больше не повторялись. Ушли в прошлое, пока через двенадцать лет Слуп не оказался за решеткой и не вытащил эту историю на свет божий, поскольку больше не мог сидеть в тюрьме.

Все смотрели на Уокера. Он плотно зажмурил глаза и смертельно побледнел.

– Несправедливо, правда? – сказал ему Ричер. – Все это было в далеком прошлом. Может быть, поначалу ты не хотел в этом участвовать. Может быть, остальные вовлекли тебя. А теперь прошлое возвращается. Настоящий кошмар, который может разрушить твою жизнь и лишить тебя серьезного приза. И тогда ты сделал ряд звонков. Принял кое-какие решения. Трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы.

Погасла еще одна свеча. Фитиль зашипел и задымился.

– Нет, все было не так, – сказал Уокер.

У него за спиной мигнула лампа. На потолке затанцевали тени.

– И как же все было? – спросил Ричер.

– Я собирался только увезти Элли. Всего лишь на время. Я нанял для этого местных людей. У меня было полно денег, выделенных на проведение избирательной кампании. Они наблюдали за Элли в течение недели. Потом я направился в тюрьму и сказал Слупу, чтобы он мне больше не мешал. Но ему было все равно. Он сказал, что я могу забирать Элли. Он ее не хочет. Слуп был в конфликте с самим собой. Он женился на Кармен, чтобы наказать себя за то, что мы делали, – так мне кажется. Вот почему он все время ее бил. Она стала постоянным напоминанием о прошлом. Он думал, что Кармен может увидеть в нем убийцу. Как колдунья. И Элли тоже. Он думал, что она все видит и все понимает. Поэтому похищение Элли не могло испугать Слупа.

– И тогда ты нанял других людей.

Уокер кивнул.

– Они продолжили наблюдение за «Красным домом», а прежних наблюдателей убрали.

– А потом они убрали Ала и Слупа.

– Все это было так давно, Ричер. Ему не следовало вспоминать те истории. Тогда мы были совсем детьми. Мы договорились, что больше никогда не станем ворошить прошлое. Мы дали друг другу обещание. Никогда, никогда. Ни единого слова. Словно ничего такого не происходило. Словно то был лишь дурной сон, продолжавшийся целый год.

Довольно долго все молчали.

– Сегодня за рулем грузовика сидел ты, – сказал Ричер.

Уокер медленно кивнул.

– Если бы удалось убрать вас обоих, все было бы закончено. Я знал, что ты знаешь. Ну зачем еще тебе красть досье и уводить нас в пустыню? И я сел за руль грузовика. Почему нет? Я уже много раз водил его ночью.

Потом он замолчал. Дважды с трудом сглотнул. Закрыл глаза.

– Но я испугался, – продолжал Уокер. – Мне стало плохо. Я больше не способен пройти через все это. Больше не могу. Я стал другим человеком. Я изменился.

Все молчали.

– Где Элли? – спросил Ричер.

Уокер пожал плечами и покачал головой. Ричер сунул руку в карман и вытащил хромированную звезду.

– Эта штука имеет силу? – спросил он.

Уокер открыл глаза и кивнул.

– Технически.

– Тогда я должен тебя арестовать.

Уокер потряс головой.

– Нет, не надо, пожалуйста.

– Ты вооружен? – спросил у него Ричер.

– У меня в кармане пистолет, – ответил Уокер.

– Достаньте его пистолет, миссис Грир, – сказал Ричер.

Расти повернулась и засунула руку в карман Уокера. Он даже не пытался сопротивляться. Более того, отклонился в сторону, чтобы ей было удобнее. Расти вытащила небольшой голубоватый револьвер. Маленькое

оружие. «Кольт детектив спешиал» тридцать восьмого калибра с двухдюймовым дулом. Расти покачала его на ладони – вполне подходящее оружие для женской руки.

– Где Элли, Хэк? – снова спросил Ричер.

– Я не знаю, – ответил Уокер. – Я правда не знаю. Они останавливаются в мотелях. Но мне неизвестно, в каком именно. Они мне не говорили. Они сказали, что так безопаснее.

– Как ты входил с ними в контакт?

– Телефонный номер в Далласе. Оттуда звонят сюда.

– Телефоны не работают, – сказал Бобби.

– Где она, Хэк? – вновь спросил Ричер.

– Я не знаю. Я бы сказал, если бы знал.

Ричер поднял пистолет Элис, вытянул правую руку вперед через стол. У него были длинные руки, и дуло оказалось в двух футах от лица Уокера.

– Смотри на мой указательный палец, Хэк, – сказал Ричер.

Он надавил на курок, и в пламени свечи кожа на пальце стала белой. Курок отошел назад, сначала на шестнадцатую часть дюйма, потом на восьмую.

– Ты хочешь умереть, Хэк?

Уокер кивнул.

– Да, пожалуйста, – прошептал он.

– Но сначала скажи. Сделай все правильно. Где она? – снова спросил Ричер.

– Я не знаю, – ответил Хэк.

Он смотрел на дуло. Оно было так близко, что его глаза скосились. Пламя свечей отражалось на полированном металле. Ричер вздохнул, ослабил давление на курок и опустил пистолет, который со стуком лег на стол. Все молчали. Никто не шевелился, потом начала подниматься рука Расти с зажатым в ней маленьким револьвером. Дуло описало дугу, но пока ни на кого не указывало.

– Слуп не стал бы бить женщину, – прошептала Расти. – Она просто неудачно падала с лошади.

Ричер покачал головой.

– Он бил Кармен в течение пяти лет, Расти, почти каждый день со дня их свадьбы, пока не отправился в тюрьму. Он ломал ей кости, разбивал губы, оставлял на теле синяки. Но двенадцать лет назад, ночью, в пустыне, он насиловал, пытал и убивал – его жертвами стали двадцать пять человек.

Расти заметно задрожала.

– Нет, – пробормотала она. – Это неправда.

Револьвер в ее руке ходил ходуном.

– Наведите эту штуку на меня, и я вас пристрелю, – спокойно сказал Ричер. – И поверьте, сделаю это с большим удовольствием.

Секунду Расти смотрела на него. Затем согнула руку и приставила дуло пистолета к голове, над ухом. Металл прошел сквозь гладко зачесанные волосы, как палка сквозь птичье гнездо. Она долго держала так оружие, а потом повернулась на стуле и навела револьвер на лоб Хэка Уокера, так что дуло оказалось в двух дюймах от его кожи.

– Ты убил моего мальчика, – прошептала она.

Уокер даже не попытался отодвинуться, он лишь кивнул.

– Мне очень жаль, – прошептал он.

У револьверов нет предохранителя. «Кольт детектив спешиал» – это самовзводный пистолет. Из чего следует, что половина хода курка приводит к тому, что ударник затвора отходит назад, барабан поворачивается, а потом, если вы продолжаете давить на курок, затвор приходит в обратное движение и револьвер стреляет.

– Нет, Расти, – сказал Ричер.

– Мама, – позвал Бобби.

Курок щелкнул.

– Нет! – закричала Элис.

Сработал курок. Из дула вырвалось пламя, раздался грохот, и верхнюю часть головы Уокера снесло. Она отлетела в сторону, словно крышка, в воздухе повис красный туман. «Экспансивная пуля»,[27] – отметило подсознание Ричера. Пламя исчезло, и он увидел почерневшее отверстие между глаз Уокера. Затем Расти выстрелила еще раз. Вторая пуля также попала в голову Уокера, и он упал на пол, но рука Расти не дрогнула, она продолжала стрелять прямо перед собой. Три, четыре, пять, шесть. Третий выстрел попал в стену, четвертый – в лампу Коулмана, и стекло разбилось, пятый угодил в резервуар с керосином,

последовал взрыв, и пламя ударило в стену. Шестая пуля прошла сквозь центр пламени. Расти продолжала нажимать на курок даже после того, как револьвер перестал стрелять. Ричер смотрел, как сгибается ее палец, щелкает боек, цилиндр послушно поворачивается. Потом он взглянул на стену.

Керосин плотнее воды, у него выше коэффициент поверхностного натяжения. Он разлетелся в разные стороны, через мгновение огонь стал распространяться по стене. Сухое старое дерево охотно загорелось. Голубое пламя побежало во все стороны, красная краска забурлила. Языки пламени нашли щели между досками и помчались по ним, словно голодные псы. Добравшись до потолка, огонь на мгновение замер, а потом начал распространяться в горизонтальном направлении. Воздух устремился к нему, чтобы напитать его. Свечи стали оплывать. Через пять секунд вся стена пылала. Потом огонь переметнулся на соседние стены. Пламя было голубым и гладким, оно изгибалось и казалось жидким, словно состояло из чего-то влажного и мягкого. Оно сияло таинственным внутренним сиянием. Хлопья краски плыли в потоках горячего воздуха. Огонь быстро распространялся по часовой стрелке, окружая всех, кто находился в комнате.

– Наружу! – закричал Ричер.

Элис вскочила на ноги, но Бобби завороженно смотрел на огонь. Расти сидела совершенно неподвижно, продолжая нажимать на курок. Щелканье механизма заглушил рев огня.

– Выведите ее отсюда! – закричал Ричер.

– У нас нет воды! – закричал в ответ Бобби. – Насос колодца не будет работать без электричества.

– Выведи свою мать наружу! – завопил Ричер.

Бобби стоял совершенно неподвижно. Пламя уже лизало половицы. Краска пошла пузырями и стала отходить в разные стороны широкой дугой. Огонь начал свое терпеливое наступление. Ричер отшвырнул стулья с дороги, перевернул стол и бросил его на пути огня. Пламя на мгновение погасло, а потом разгорелось с новой силой, обходя стол. Потолок уже горел. Тело Уокера было распростерто на полу возле окна. Между тем огонь добрался до дверного проема. Ричер шагнул вперед, схватил Расти за плечо и поднял на ноги. Резко развернув женщину, он принялся выталкивать ее из комнаты. Элис выскочила в коридор и распахнула входную дверь. Ричер почувствовал, как внутрь засасывается влажный воздух – огонь нуждался в пище. Ветер тянул понизу, он быстро усиливался.

Элис сбежала по ступенькам, и Ричер потащил Расти за ней. Наконец Расти оказалась снаружи, ее ноги ступили на мокрую землю, но она продолжала держать в руке разряженный пистолет и нажимать на курок. Рядом с джипом был припаркован «линкольн» Уокера, покрытый влажной грязью. Ричер побежал обратно в коридор, уже полный дыма. Но пока что дым скапливался у потолка, пытаясь пробраться выше. Воздух стал невыносимо горячим, всюду горела краска. Бобби кашлял возле двери в гостиную. Из двери вырывалось пламя. Зеркало в красной раме треснуло от жара, Ричер повернулся и увидел два своих отражения. Он сделал глубокий вдох, рванулся вперед и схватил Бобби за пояс. Заломив ему руку за спину, словно при аресте, Ричер заставил его бежать в коридор, в темноту. Они спустились с крыльца, и Ричер толкнул Бобби к центру двора.

– Дом сгорит, – сказал Бобби. – Все сгорит.

В окнах расцвело желтое сияние. За ним танцевало пламя. Дым пробивался сквозь жалюзи, трещало горящее дерево. Над влажной крышей поднимался дым.

– Дом сгорит, и что мы тогда будем делать? – закричал Бобби.

– Будешь жить в конюшне, – отрезал Ричер. – Там самое подходящее место для таких, как ты.

Потом он схватил Элис за руку и побежал к джипу.

Глава 17

Когда буря начала перемещаться на север, водитель понял, что его партнеры не вернутся. Ощущение было таким сильным, что он принял его за свершившийся факт. Словно дождь оставил за собой пустоту, которую уже никогда не наполнить. Он повернулся на стуле и уставился на дверь номера. Так он просидел несколько минут. Потом встал, подошел к двери и распахнул ее. Выглянул на парковку, посмотрел налево, направо. По асфальту лились потоки воды. В воздухе пахло свежестью.

Он вышел наружу и сделал десяток шагов в темноту. Вода бурлила в сточной канаве, с деревьев падали капли. В остальном царила полная тишина. Ничего. Ни единого человека вокруг. Никто не придет. Никто никогда не придет. Он знал. Влажный гравий шуршал под его ногами. Он зашагал обратно. Вошел в комнату и аккуратно закрыл за собой дверь. Посмотрел на кровать. Посмотрел на спящего ребенка.

– Садись за руль, – сказал Ричер. – Поедем на север.

Он подтолкнул Элис к дверце водителя, а сам побежал к пассажирскому сиденью. Она подвинула свое кресло вперед, а он свое сиденье – назад. Ричер развернул на коленях карты. Слева пылал красный дом. Все окна ярко освещал горящий внутри огонь. Теперь уже пылали оба этажа. Из дверей пристройки выскочила кухарка в халате. Свет пожара озарил ее лицо. Оно ничего не выражало.

– Ладно, поехали, – сказал Ричер.

Элис включила двигатель. Привод был на четыре колеса, так что гравий полетел из-под шин, когда машина рванулась с места. Они проехали мимо «линкольна» Уокера и свернули направо, в ворота. Элис сразу же нажала на педаль газа. Ричер повернул голову и увидел, как первые языки пламени появились над крышей. Они рванулись вверх, а потом стали перемещаться по горизонтали, отыскивая новую пищу. Густой пар мешался с дымом. Расти, Бобби и кухарка в оцепенении уставились на пожар. Ричер отвернулся и стал смотреть вперед. Больше он не оборачивался, погрузившись в изучение карт. Наконец ему удалось найти крупномасштабную карту округа Пекос. Потом он включил свет в салоне.

– Нужно спешить. У меня плохие предчувствия, – сказал он.

Четыре часа давно прошли, но он продолжал ждать. Он ощущал некоторое отвращение. Как могло быть иначе? Он ведь не чудовище. Конечно, он сделает то, что необходимо, но удовольствия от этого не получит.

Он вновь подошел к двери, открыл ее и повесил на ручку табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Закрыл дверь и запер изнутри. Он ценил замки, которые стояли на дверях номеров в мотелях. Тяжелый засов, который закрывался с приятным щелчком, – снаружи его не откроешь. Это помогало. Чувство безопасности сейчас было особенно полезным. Он накинул цепочку и двинулся обратно в комнату.

Элис вела машину с максимально допустимой скоростью – она боялась, что если поедет еще быстрее, то не справится с управлением. Джип сильно бросало из стороны в сторону. Он плохо слушался руля. Ей приходилось постоянно следить за дорогой, и это ее тревожило. Однако Ричер, не обращая на происходящее ни малейшего внимания, продолжал изучать карту. Он проверил масштаб и вращал большим и указательным пальцами так, словно это был компас.

– Ты изучала местные достопримечательности? – спросил он.

Элис кивнула, не сводя взгляда с дороги.

– Немного. Я побывала в обсерватории Макдональда. Там очень интересно.

Ричер посмотрел на карту. Обсерватория Макдональда находилась к юго-западу от Пекоса, высоко в горах Дэвис.

– До нее восемьдесят миль. Слишком далеко.

– Для чего?

– Для их настоящего местонахождения. Я полагаю, что они остановились в получасе езды от Пекоса, не больше. Двадцать пять, максимум тридцать миль.

– Почему?

– Чтобы быть поближе к Уокеру. Он мог планировать похищение Кармен. Или собирался привести Элли на встречу с ней. Уокер должен был ее убедить, что угроза вполне реальна. Вот почему они остановились где-то рядом.

– Рядом с местом, которое привлечет туристов?

– Именно так, – ответил Ричер.

– Неужели ты сумеешь путем рассуждений найти место, где они остановились?

– Раньше у меня получалось.

– Сколько раз? Каков процент успеха?

Ричер не ответил и вновь сосредоточился на изучении карты. Элис покрепче сжала руль и опустила взгляд на приборный щиток.

– О господи, – прошептала она.

Ричер даже не повернулся к ней.

– Что такое?

– У нас кончается бензин. Бак почти пуст. Уже загорелась сигнальная лампочка.

Ричер немного помолчал.

– Продолжай ехать дальше. Все будет в порядке, – сказал он.

Элис продолжала давить на газ.

– Но как? Ты думаешь, что испорчен индикатор?

Он поднял голову и посмотрел вперед.

– Продолжай ехать дальше.

– У нас кончится бензин, – сказала Элис.

– Не беспокойся.

Она ехала дальше. Машина раскачивалась. Свет фар метался из стороны в сторону. Шины визжали на поворотах. Элис взглянула на указатель бензина.

– Бак практически пуст, Ричер, – сказала она. – Пуст.

– Не волнуйся, – повторил он.

– Почему?

– Сейчас поймешь.

Он продолжал смотреть вперед сквозь ветровое стекло. Она вела джип с максимально возможной скоростью. Двигатель ревел. Мощный мотор быстро поглощал остатки бензина.

– Лучше перейти на привод только на два колеса. Так экономнее, – заметил Ричер.

Она рванула переключатель. Передняя часть джипа сразу перестала реветь. Джип стал лучше слушаться руля. Они ехали дальше. Еще полмили. Потом миля. Элис посмотрела на приборный щиток.

– Бензина уже почти нет!

– Не волнуйся, – в третий раз повторил Ричер.

Еще миля. Двигатель закашлялся, сбился с ритма, но потом вновь ровно загудел. Воздух в бензопроводе, подумал Ричер, или грязь, скопившаяся на дне бака.

– Ричер, бензин кончается, – сказала Элис.

– Не беспокойся.

– Но почему?

Еще миля.

– Вот почему, – неожиданно сказал он.

Фары высветили обочину дороги и синий «форд-краун». Все четыре высокочастотные антенны вновь были на своих местах, колпаки с колес сняты. Машина одиноко стояла на обочине, носом на север.

– Мы воспользуемся этим автомобилем, – сказал Ричер. – Бак почти наверняка полон. Они были хорошо организованы.

Элис резко затормозила и съехала на обочину рядом с «фордом».

– Это их машина? Почему они оставили ее здесь?

– Ее здесь оставил Уокер.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, это же очевидно. Они приехали из Пекоса на двух машинах – на этой и на «линкольне». «Линкольн» бросили здесь и дальше ехали на «форде». Когда Уокер сбежал из пустыни, он поставил пикап в гараж, доехал сюда на «форде», пересел в «линкольн» и вернулся за нами. Он хотел сделать вид, что это его первый приезд – на случай, если мы все еще живы и продолжаем проявлять любопытство.

– А ключи?

– Они в зажигании. Сейчас Уокер не стал бы тревожиться о том, что «Херц» потеряет отданный напрокат автомобиль.

Элис выскочила из джипа, заглянула в «форд» и показала, что ключи действительно в зажигании. Ричер последовал за ней, прихватив с собой карты. Они оставили джип Гриров с распахнутыми дверями. Двигатель продолжал работать на холостом ходу, пожирая остатки бензина. Они сели в «форд», Ричер отодвинул свое сиденье назад, а Элис переместила свое вперед. Не прошло и тридцати секунд, как они уже вновь мчались по дороге со скоростью шестьдесят миль в час.

– Бак полон на три четверти, – сказала она. – К тому же «форд» гораздо лучше слушается руля.

Ричер кивнул. Машина уверенно мчалась вперед – как и положено большому седану.

– Я сижу на том месте, где сидел Ал Юджин, – сказал Ричер.

Элис посмотрела на него. Ричер улыбнулся.

– Можешь ехать быстрее. Нас никто не остановит. «Форд» выглядит как патрульная машина.

Она увеличила скорость. Сначала до семидесяти пяти миль в час, потом до восьмидесяти. Ричер включил свет в салоне и вновь погрузился в изучение карты.

– Так на чем мы остановились? – спросил Ричер.

– На обсерватории Макдональда. Но тебе она не понравилась.

– Да, до нее слишком далеко.

Он поудобнее развернул карту. «Сосредоточься, Ричер. Ты должен найти это место».

– А как насчет озера Балмореа? – спросил он.

Это место также находилось к юго-западу от Пекоса, но до него было тридцать миль.

«Подходящее расстояние».

– Это оазис в пустыне, – сказала Элис. – Огромное, очень чистое озеро. Там можно даже плавать с аквалангом.

«Нет, не подходит».

– Не думаю, что они остановились там, – сказал Ричер.

Он стал изучать карту к северо-востоку от Пекоса, в радиусе тридцать миль.

– А как насчет дюн Монахан?

– Четыре тысячи акров песчаных дюн. Похоже на Сахару.

– В самом деле? И люди туда ездят?

– Это место производит сильное впечатление.

Ричер вновь углубился в карту.

– А Форт-Стоктон? – спросил он.

– Обычный городок, который ничем не отличается от Пекоса, – ответила Элис и посмотрела на Ричера. – Однако на Старый Форт-Стоктон стоит взглянуть.

Он посмотрел на карту. Старый Форт-Стоктон был обозначен как памятник старины, находившийся к северу от города. Заметно ближе к Пекосу. Ричер измерил расстояние. Около сорока пяти миль.

«Возможно».

– А что там есть? – спросил Ричер.

– Старый военный форт. Его защищали северяне. Потом конфедераты разрушили. Северяне восстановили. Кажется, в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году.

Ричер проверил еще раз. Развалины находились к юго-востоку от Пекоса, до них можно было добраться по шоссе 285, которое выглядело как вполне приличная дорога. Может быть, это даже скоростное шоссе. Он закрыл глаза. Элис продолжала гнать «форд» на максимальных

скоростях. Внутри было очень тихо, тепло и комфортно. Ричеру вдруг захотелось спать. Он почувствовал, как на него наваливается усталость. Шины с тихим шипением разбрызгивали воду.

– Мне представляется, что Старый Форт-Стоктон подходящее место, – сказал он.

– Ты думаешь, они там?

Ричер молчал целую милю.

– Не там, – наконец заговорил он. – Но где-то рядом. Попытайся встать на их место.

– Я не могу, – ответила Элис. – Я не такая, как они.

– Так прикинься. Кто они такие?

– Я не знаю.

– Они профессионалы. Тихие и незаметные. Похожие на хамелеонов. Обладающие инстинктивным умением маскироваться. Их никто не замечает. Поставь себя на их место, Элис.

– Не могу, – сказала она.

– Думай как они. Представь себя на их месте. Кто они такие? Я видел их и решил, что они коммивояжеры. Расти Грир приняла их за социальных работников. Очевидно, Ал Юджин подумал, что они агенты ФБР. Думай как они. Стань ими. Ваша сила в том, что вы кажетесь самыми обычными людьми. Вы белые, принадлежите к среднему классу, вы ездите на «форд-крауне», который выглядит как обычный семейный седан, если с него снять антенны. Обман с агентами ФБР помогает, но в целом у вас такой безобидный вид, что Ал Юджин ничего не заподозрил и не испугался и счел необходимым остановиться. Итак, вы имеете самую обычную внешность, респектабельны и внушаете доверие. Вы похожи на бизнесменов.

– Хорошо.

– Но с вами ребенок. Кем вы становитесь теперь?

– Не понимаю, – устало сказала Элис.

– Теперь вы становитесь обычной, респектабельной семьей среднего класса.

– Но их было трое.

Ричер немного помолчал, прикрыв глаза.

– Один из мужчин играл роль дядюшки, – сказал он. – Вы семья среднего класса, которая отправилась в отпуск в седане. Но вы не из тех, кто любит посещать шумный Диснейленд. Вы не носите шорты и яркие футболки. Вы выглядите спокойными и немного слишком серьезными. Возможно, слегка туповатыми. Или чуть-чуть интересующимися наукой. Может быть, вы похожи на семью директора школы. Или бухгалтера. Вы явно не из этого штата, значит, вы путешествуете. Куда? Задайте себе тот самый вопрос, которым наверняка задавались они. Как лучше всего раствориться среди других людей? Куда направляется серьезная семья среднего класса с шестилетней дочерью? Где найти подходящее место, которое ей было бы полезно посетить, при том что она еще слишком маленькая, чтобы оценить ваши усилия и люди будут смеяться за вашими спинами над вашей политкорректностью и заботой?

– Старый Форт-Стоктон, – сказала Элис.

– Совершенно верно. Вы показываете ребенку славную историю афроамериканских солдат, хотя у вас будет сердечный приступ, если она вырастет и отправится на свидание с одним из них. Однако вы ездите на «форде», а не на «БМВ» или «кадиллаке». Вы благоразумны. Иными словами, не слишком богаты. И следите за своими расходами. Вам не нравится переплачивать. Не только за машину, но и за отели. Поэтому вы приезжаете с севера и останавливаетесь там, где цены будут не слишком высокими. Нет, вы не станете выбирать какую-нибудь дыру посреди пустыни. Вас устроит окраина Форт-Стоктона. Там вы найдете подходящие цены.

Ричер открыл глаза.

– Вот где бы вы остановились, Элис.

– Ты уверен?

Он кивнул.

– Вам нужно место, где полно серьезных, не слишком богатых семей среднего класса, приехавших в Техас отдохнуть. Такое место, которое рекомендуется в скучных журналах Американской автомобильной ассоциации. Место, где ваше появление никого не удивит. Где будет много таких же людей, как вы. И где никто вас не запомнит. И откуда легко добраться до Пекоса за тридцать – тридцать пять минут по быстрой дороге.

Элис пожала плечами и кивнула.

– Хорошая теория, – сказала она. – В ней видна логика. Вопрос только в том, следуют ли эти люди такой же логике?

– Надеюсь. У нас нет времени для серьезных поисков. У нас вообще очень мало времени. У меня плохое предчувствие. Мне кажется, что Элли грозит серьезная опасность.

Элис ничего не ответила.

– Может быть, остальные должны были регулярно с ним созваниваться, – предположил Ричер. – В таком случае третий может запаниковать.

– Значит, мы очень рискуем.

Теперь промолчал Ричер.

– Давай прикинем, – предложила Элис. – Круг радиусом в сорок пять миль имеет площадь более шести тысяч квадратных миль. И ты рассчитываешь отыскать в нем маленькую точку?

Он целую милю ничего не отвечал.

«Бросай кости, Ричер».

– Я считаю, что они умны и осторожны, – сказал он. – К тому же их приоритеты очевидны. И они изучали те же карты, что и мы. Полагаю, они пришли к таким же выводам.

– Так ты уверен?

Он пожал плечами.

– Никогда нельзя быть уверенным. Но я поступил бы именно так. В этом весь фокус, Элис. Нужно думать как они. Этот прием никогда не подводит.

– Никогда?

– Всякое бывает, – вздохнул Ричер.

Впереди появился перекресток со спящей деревушкой. Школа, бензоколонка, кафе. Прямо впереди Пекос. Старый Форт-Стоктон справа.

– Ну? – спросила Элис.

Ричер молчал.

– Ну? – повторила она.

Он смотрел вперед.

– Каким будет решение?

Он молчал. Элис затормозила, и «форд» остановился перед перекрестком.

– Куда?

«Черт побери, бросай кости, Ричер».

– Поворачивай, – сказал он.

Водитель решил сначала принять душ. Вполне объяснимая задержка. У него еще было время. Комната надежно заперта. Ребенок крепко спит. Он разделся и аккуратно сложил одежду на стуле. Шагнул в ванну. Задернул пластиковую занавеску и включил душ.

Потом он снял обертку с нового куска мыла. Он любил мыло в мотелях. Ему нравились новенькие бумажные пакеты и то, как они пахнут, когда ты их раскрываешь, нравился сильный приятный запах. Он взял маленькую бутылочку с шампунем, из которой пахло земляникой. Он прочитал наклейку. «Шампунь с кондиционером». Наклонившись вперед, он положил мыло в специальное углубление на стене, а бутылочку с шампунем поставил на край ванны. Потом встал под душ.

Дорога, ведущая из Эха на северо-восток, была узкой и извилистой. Она шла вдоль холмов, и громоздкий «форд» перестал быть идеальной машиной. Он казался слишком большим и неуклюжим. По асфальту текли потоки воды, смешанные с грязью и листвой, и Элис с трудом удавалось удерживать сорок миль в час. Она молча следила за дорогой, ей приходилось все время крутить руль.

Она заметно побледнела, словно замерзла.

– Ты в порядке? – спросил Ричер.

– А ты?

– А почему я должен быть не в порядке?

– Ты только что убил двух человек. А потом у тебя на глазах убили третьего и сгорел дом.

Он отвернулся. Ох уж эти гражданские!

– Дело сделано, – ответил Ричер, – Сейчас думать об этом бесполезно.

– Паршивый ответ.

– Почему?

– Разве такие вещи на тебя совсем не действуют?

– Я сожалею, что не сумел задать им пару вопросов.

– И больше ни о чем?

Ричер ответил не сразу.

– Расскажи мне о доме, который ты снимаешь, – попросил он.

– А какое он имеет отношение ко всему остальному? – удивилась Элис.

– Я полагаю, что твой дом люди снимают на небольшие сроки, поэтому содержится он не слишком хорошо. Предположу, что в доме было очень грязно, когда ты в него въехала.

– И что с того?

– Я прав?

Она кивнула, не сводя глаз с дороги.

– Первую неделю я занималась уборкой.

– Ты чистила плиту, драила полы?

– Да.

– В шкафах оказались жуки?

Она снова кивнула.

– А на кухне тараканы?

– Целая колония огромных тараканов, – сказала Элис.

– И ты от них избавилась?

– Конечно.

– Как?

– При помощи яда.

– Ну а теперь расскажи мне, как ты себя тогда чувствовала.

Она искоса посмотрела на Ричера.

– Ты сравниваешь этих людей с тараканами?

– Вовсе нет. Тараканы мне нравятся гораздо больше. Это всего лишь маленькие сгустки ДНК, бегающие по полу и делающие то, что они должны делать. Уокер и его приятели не должны были убивать. Они могли остаться людьми. Однако они сделали другой выбор. А потом они решили связаться со мной, что оказалось последней каплей, и они

получили то, что получили. Так что я не намерен не спать из-за них по ночам. И тебе не советую.

Они молча проехали еще одну милю.

– Ты жестокий человек, Ричер, – наконец сказала Элис.

– Мне кажется, я реально смотрю на вещи, – после некоторых раздумий ответил он. – И в целом я порядочный человек.

– Некоторые нормальные люди с тобой не согласятся.

Он кивнул.

– Многие из вас так думают, – сказал он.

Он стоял под теплой водой, пока не согрелся, а потом занялся волосами. Щедро вылив шампунь на ладонь, он принялся массировать кожу голову кончиками пальцев. Потом сполоснул руки и намылил лицо, шею и уши. Закрыв глаза, он позволил воде смыть мыло. Выдавил шампунь на грудь, заросшую темными волосами. Намылил спину, подмышки и ноги.

Потом долго и тщательно мыл руки и предплечья, как хирург, готовящийся к операции.

– Сколько еще осталось? – спросила Элис.

Ричер прикинул расстояние на карте.

– Двадцать пять миль, – ответил он. – Мы пересечем I-десять и поедем на север по двести восемьдесят пятому шоссе в сторону Пекоса.

– Но руины находятся на другой дороге. Той, что ведет в Монахан.

– Верь мне, Элис, они остались на двести восемьдесят пятом. Они хотели иметь возможность сразу же оказаться на нужном шоссе.

Она промолчала.

– Нам нужен план, – сказал Ричер.

– Чтобы разобраться с третьим убийцей? – спросила Элис. – Я понятия не имею, как это сделать.

– Нет, что нам делать дальше. Как освободить Кармен.

– Уверенности в себе тебе не занимать.

– Какой смысл рассчитывать на поражение?

Элис пришлось сильно притормозить на повороте, и машину занесло. Но затем дорога на сотню ярдов стала прямой, и Элис тут же увеличила скорость.

– Хабеас корпус,[28] – сказала она. – Мы пойдем к федеральному судье и внесем срочное ходатайство. Расскажем все как было.

– И у нас получится?

– Именно для этого и нужен хабеас корпус. Он работал в течение восьмисот лет. Нет никаких оснований считать, что сейчас будет иначе.

– Хорошо, – сказал Ричер.

– И еще одно.

– Что?

– Нам потребуются показания. Так что тебе придется оставить этого человека в живых. Если я не слишком многого прошу.

Он закончил мыться и остался стоять под теплыми струями воды. У него возникла новая мысль. Ему потребуются деньги. Его напарники не вернутся. Команда убийц закончила свое существование, и он снова стал безработным. Его этот факт совсем не радовал. Он не был лидером и не умел создавать выгодные для себя ситуации. Его вполне устраивала работа в команде. А теперь он вновь остался один. У него были спрятаны кое-какие деньги дома, под матрасом, но не слишком много. Ему потребуется еще, и очень скоро.

Он повернулся так, чтобы вода лилась на голову. Может быть, стоит взять девочку в Лос-Анджелес. Там он сможет ее продать. Он знал подходящих людей. Они занимались детьми – усыновлением и другими вещами, в которые он не собирался вникать. Сколько ей? Шесть с половиной. К тому же она белая. Кое-кто заплатит за нее много денег – у девчонки такие роскошные светлые волосы. Голубые глаза могли бы добавить пару тысяч, но она и так очень хорошенькая. Люди, которых он знал, могут дать за нее приличные деньги.

Но как ее туда доставить? «Форд-крауна» нет, но он мог взять напрокат другой автомобиль. Нужно немного подумать, ведь он делал такие вещи прежде. Он позвонит в Пекос или Форт-Стоктон, и утром ему привезут машину. У него полно фальшивых документов. Но тогда водитель, который доставит машину, увидит его лицо. И девчонку. Нет, он спрячет ее в комнате женщины, а парня пригласит к себе в номер. И все же это риск.

А еще можно украсть машину. Прямо здесь, на парковке мотеля. В молодости ему приходилось воровать автомобили. Он отодвинул занавеску и наклонился, чтобы посмотреть на часы, которые лежали рядом на стуле. Четыре тридцать утра. В пять они могут выехать. За два часа до того, как владелец обнаружит, что его машина исчезла, – к этому моменту они будут уже в сотне миль отсюда. У него есть запасные номера. Калифорнийские номера с машины, взятой напрокат, и техасские, которые он снял с «форд-крауна».

Он вернулся под душ и поправил занавеску. Решение принято. Если на парковке окажется белый седан, он его возьмет. Седан – самая распространенная машина на юго-западе, а белый цвет встречается чаще других из-за палящего солнца. Ребенка можно посадить в багажник. Никаких проблем. Лучше всего подойдет двухлетняя «королла» – как раз то, что надо. К тому же ее легко перепутать с «шевроле призм» или дюжиной других иностранных марок. Даже полицейские, регулирующие дорожное движение, не всегда отличают «короллу». Он сможет доехать на ней до самого дома. Там он продаст еще и машину, а не только ребенка, и заработает немного денег. Он кивнул. Улыбнулся и снова принялся намыливать руки.

В десяти милях юго-западнее Форт-Стоктона дорога свернула направо, спустилась вниз по склону холма и дальше шла параллельно лощине Большого Каньона. Потом она протянулась к развязке с I-10, которая имела на карте вид паука с восемью ногами-дорогами, сходящимися в одном месте. Северо-западное ответвление и было 285-м шоссе, ведущим в Пекос, что на карте соответствовало повороту налево на девяносто градусов. После этого оставалось около двадцати миль до окраины Форт-Стоктона и моста через Койаносу.

– Вот где мы должны их искать, – сказал Ричер. – Где-то на протяжении двадцати миль. Мы поедем на север к мосту, развернемся и двинемся обратно на юг. И увидим все так, как видели они.

Элис молча кивнула, и они помчались вниз по склону. Колеса подрагивали на неровной поверхности дороги, мощная машина раскачивалась на рессорах.

Элли проснулась из-за шума душа. Он стучал по кафелю за стенкой, напоминая дождь, который барабанил по крыше мотеля. Она натянула простыню на голову, а потом вновь спустила ее. Посмотрела в окно. Молний больше не было. Она напряженно прислушалась. Гром не гремел. Потом она сообразила, что это шумит вода в душе. Дома ее душ так не шумел, но у мамы он грохотал, как настоящий водопад.

Мужчина находился в душе.

Она опустила простыню до пояса и села. В комнате было темно, но сквозь незадернутые шторы проникал желтый свет. На улице было мокро. Она видела капли воды на окне.

Она находилась в комнате одна.

«Конечно, какая я глупая, – сказала себе Элли. – Он же в ванной».

Она спустила простыню до щиколоток. Ее одежда была сложена на стуле, стоящем возле окна. Элли выбралась из кровати, на цыпочках подошла к столу и взяла трусики. Быстро натянув их, надела футболку. Потом схватила шорты, проверила, где перед и где зад, и надела их. Заправив в шорты футболку, уселась на пол, чтобы завязать шнурки туфель.

Душ продолжал шуметь.

Она встала и тихонько прокралась мимо двери в ванную. Элли очень боялась, что ее туфли заскрипят, поэтому она старалась ступать на ковер, подальше от линолеума. Она остановилась и прислушалась.

Душ продолжал шуметь.

Она прошла по маленькому коридорчику мимо стенного шкафа до самой двери. Здесь было темно. Она постояла, изучая дверь. Ей удалось разглядеть ручку, рычаг и цепочку. Ручка – ну, тут все понятно. Рычаг – это замок. А вот зачем нужна цепочка, она не знала. Наверху была узкая щель, которая расширялась внизу. Элли представила себе, как дверь открывается. Цепочка помешает ей распахнуться, сообразила она. Элли принялась ее рассматривать. Цепочка находилась очень высоко. Она вытянула вверх руку, но не смогла до нее достать. Тогда Элли прижалась к двери, и ей удалось дотянуться до цепочки кончиками пальцем. Она даже сумела отодвинуть ее в сторону, пока кончик не вошел в большое отверстие. Однако вытащить ее у Элли не получилось.

Душ продолжал шуметь.

Тогда Элли уперлась в дверь ладонью левой руки и приподнялась на цыпочки. Вытянувшись вверх так, что заболела спина, она ухватилась пальцами за цепочку и потянула. Ничего. Опустившись на всю ступню, она снова прислушалась.

Душ все еще шумел.

Тогда она снова встала на цыпочки и вытянула обе руки вверх. На кончике цепочки имелся маленький кружок. Она немного покачала его. Цепочка слегка сместилась. Элли еще раз покачала его, приподняла вверх и потянула на себя. Цепочка выскользнула наружу и с грохотом ударилась о дверь. Элли затаила дыхание и прислушалась.

Душ все еще шумел.

Элли попыталась открыть рычаг: приложила к нему большой палец с одной стороны и указательный с другой и попробовала повернуть. Он даже не шевельнулся. Тогда она потянула в другую сторону. Рычаг стал понемногу поддаваться. Элли закрыла рот – а вдруг она дышит слишком громко? – и вцепилась двумя руками, приложив все свои силы. Рычаг немного переместился – металл полз по металлу. Она напряглась еще сильнее. Пальцам стало больно. Рычаг подвинулся еще чуть-чуть. А потом он пошел быстрее, и раздался…

Громкий щелчок.

Элли постояла, прислушиваясь.

Душ шумел по-прежнему.

Она нажала на ручку. Ручка легко пошла вниз. Элли посмотрела на дверь. Она показалась ей очень высокой и тяжелой. Наверху была штука, которая автоматически защелкивалась, когда дверь закрывали. Она была сделана из металла. Элли видела такие штуки. Они очень громко стучат. В кафе напротив школы была такая же.

Душ больше не шумел.

Элли замерла. Ее вдруг охватила паника. Дверь громко стукнет. Он услышит и побежит за ней. Она повернулась и посмотрела в комнату.

Развязка на автостраде I-10 представляла собой огромное бетонное сооружение, напоминавшее заживший шрам на мирном ландшафте. Оно было размером со стадион, а за ним тусклые оранжевые уличные огни Форт-Стоктона озаряли тучи. Значит, в Форт-Стоктоне аварии на линиях электропередач не произошло. Элис не стала притормаживать, и они на высокой скорости проскочили развязку и выехали на шоссе 285. Она миновала границу города на скорости девяносто миль в час. Промелькнул знак: до Пекоса 48 миль. Ричер наклонился вперед, его голова поворачивалась из стороны в сторону, чтобы контролировать обе обочины дороги. «Форд» проносился мимо невысоких зданий. Некоторые из них были мотелями.

– Возможно, мы приехали совсем не туда, – сказала Элис.

– Очень скоро узнаем, – ответил Ричер.

Мужчина выключил воду, отодвинул занавеску и вышел из ванны. Обернул одно полотенце вокруг пояса, а другим вытер лицо. Посмотрел на себя в запотевшее зеркало и причесал волосы пальцами. Надел на

запястье часы. Бросив оба полотенца на пол, снял два других с крючка. Из одного сделал набедренную повязку, а другое накинул на плечи как тогу.

Он вышел из ванны в спальню. Из распахнутой двери в комнату хлынул желтый свет. Мужчина застыл на месте. Постель была пуста.

В течение трех минут они проехали мимо трех мотелей, и Ричер подумал, что ни один из них не годится. Теперь все зависело от интуиции и догадки, он переместился в зону, где остался лишь тихий шепот его подсознания. Обычный анализ только испортит дело. Он мог привести кучу доводов против любого места. Он мог впасть в ступор. Поэтому Ричер прислушивался лишь к тихому шепоту, звучавшему в его мозгу. И всякий раз голос шептал: «Не этот. Нет. Нет».

Он невольно сделал шаг к постели, словно взгляд с другой точки мог вернуть ребенка на место. Однако ничего не изменилось. Он смотрел на смятую простыню и подушку, на которой остался след от ее головы. Он повернулся и посмотрел в окно. Оно было закрыто и заперто изнутри. Тогда он побежал к двери короткими быстрыми прыжками, огибая мебель. Цепочка болталась внизу. Замок был открыт.

Что?!

Он нажал на ручку. Открыл дверь. Табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» лежала в футе от двери.

Девчонка выбралась наружу.

Он закрепил дверь, чтобы она не захлопнулась, и побежал в ночь босиком. На нем по-прежнему было лишь два полотенца – одно на бедрах, другое на плечах. Он пробежал десять шагов до парковки и остановился. Он задыхался. Шок, страх, неожиданная нагрузка. Снова стало тепло. В воздухе сильно пахло влажной землей, цветами и листьями. С деревьев капала вода. Он сделал полный поворот на месте. Проклятье, куда она могла пойти? Куда? Ребенок ее возраста должен был просто бежать, не разбирая пути. Бежать изо всех сил. Скорее всего, в сторону дороги. Он сделал шаг, но потом решительно повернул обратно к распахнутой двери. Ему нужна одежда. Он не может бегать за ней, завернувшись в полотенце.

В трех или четырех милях от моста здания попросту исчезли. Их больше не было. Кругом расстилалась пустыня. Ричер смотрел сквозь ветровое стекло на открытые пространства, думал обо всех дорогах, которые ему доводилось видеть, и спрашивал себя: появятся ли дома снова? Или их

не будет до тех пор, пока они не окажутся в черте города? Ведь до Пекоса еще тридцать миль.

– Разворачивайся, – сказал он.

– Сейчас?

– Больше мы ничего здесь не увидим.

Элис резко затормозила и сумела развернуться сразу – от одной обочины до другой. Машину слегка занесло на мокрой дороге, но Элис легко ее выровняла, и они поехали обратно на юг.

– Теперь помедленнее, – сказал Ричер. – Теперь мы – это они. Мы смотрим на мир их глазами.

Элли лежала совершенно неподвижно на верхней полке стенного шкафа. Она хорошо умела прятаться. Все так говорили. И еще она хорошо умела лазить, поэтому старалась выбрать место повыше. Например, в конюшне ее любимым местом были груды сена, на самом верху. На полке стенного шкафа было совсем не так удобно. Полка оказалась узкой и ужасно пыльной. Над головой у Элли торчал длинный стержень, на который вешали куртки, а сейчас болтался большой пластиковый мешок с каким-то непонятным длинным словом. Но ей удалось здесь спрятаться. Хорошее место, подумала она. Сюда трудно добраться. Ей пришлось лезть по маленьким полкам, похожим на очень высокую лесенку. Но тут полно пыли. И она могла чихнуть. Элли знала, что чихать нельзя. Достаточно ли высоко она забралась? Мужчина был не слишком высоким. Она затаила дыхание.

Элис ехала со скоростью шестьдесят миль в час. Сначала они миновали мотель, который находился на левой стороне дороги. Невысокий кустарник окружал парковку. В центре находилось административное здание, по бокам от которого шли два одноэтажных крыла с шестью номерами в каждом. В офисе было темно. Рядом стоял автомат, продающий газированную воду. На парковке Ричер насчитал пять машин.

– Нет, – сказал он. – Мы не станем останавливаться в первом же месте, которое увидим. Скорее мы выберем второе.

Второй мотель стоял в четырехстах ярдах южнее.

Это вариант.

Мотель был удобно расположен по отношению к дороге. Офис находился рядом с шоссе, но номера уходили в глубину, а парковка

имела U-образную форму. Кроме того, парковку скрывали деревья, с которых капала вода.

Вполне возможно.

Элис замедлила ход, машина едва ползла.

– Въезжаем, – сказал Ричер.

Она свернула на стоянку и поехала вдоль ряда домиков. На парковке стояло три машины. Элис сделала разворот и оказалась с другой стороны. Еще восемь домиков. И еще три машины. Она притормозила возле офиса.

– Ну? – спросила она.

– Нет, – покачав головой, сказал Ричер.

– Почему нет?

– Слишком мало машин – шестнадцать домиков, всего шесть машин. Должно быть не менее восьми машин.

– Почему?

– Им не подходит место, где мало народа. Тогда их почти наверняка запомнят. Им нужен мотель, заполненный примерно на две трети, от десяти до одиннадцати машин на шестнадцать номеров. Они займут два номера, но у них сейчас нет ни одной машины, значит, нам нужно искать восемь или девять машин. Именно такое соотношение будет правильным. Две трети от общего числа минус два. Примерно так.

Элис искоса посмотрела на Ричера и пожала плечами. Свернув на шоссе, они поехали дальше.

Он сделал пару шагов и замер. На одной стороне парковки горел фонарь, который проливал тускло-желтый свет на мокрый асфальт. Мужчина увидел свои следы. Линия забавных отпечатков, оставшихся на влажном покрытии. Он даже смог разглядеть свои пятки и пальцы. В основном пальцы, поскольку он бежал. Следы получились отчетливыми, и едва ли они быстро исчезнут.

Однако он не видел ее следов.

Только его следы – и больше никаких. Тут не могло быть сомнений. Она не выходила из номера. Если только не сумела взлететь. Но это невозможно. Он улыбнулся.

Она прячется в комнате.

Он пробежал оставшиеся восемь шагов и нырнул внутрь. Аккуратно закрыл за собой дверь, вставил на место цепочку и задвинул засов. Негромко позвал:

– Выходи.

Ответа не последовало. Впрочем, он на это и не рассчитывал.

– Я иду за тобой, – сказал мужчина.

Он начал от окна, где стояло кресло, за которым могла спрятаться девочка. Но ее там не было. Он опустился на колени и заглянул под кровати. Тоже пусто.

– Эй, ребенок, – позвал он. – Уже хватит.

У кровати стояла тумбочка с маленькой дверцей. Пусто. Он выпрямился и поправил полотенца. В ванне ее не было, это он уже знал. Так куда же она могла деться? Он оглядел комнату. «Стенной шкаф. Ну конечно!» Он улыбнулся и подбежал к шкафу.

– Ну давай, выходи, милая!

Он раздвинул дверцы и посмотрел на пол. Там стояла сумка и больше ничего. Справа имелся ряд полок – пусто. Высокая полка наверху шла по всей ширине шкафа. Он протянул руку и проверил. Ничего. Только пыль, стержень для вешалок и пластиковый пакет с надписью «Сабрахамин в Кливленде».

Мужчина отвернулся и опустил руки.

У третьего мотеля оказалась необычная вывеска. Без всякого неона. На висевшей на цепях доске были написаны такие замысловатые буквы, что Ричер не сразу сумел их прочитать. Что-то вроде «Каньон», возможно по-испански.

– Мне нравится, – сказал он. – С большим вкусом.

– Заезжаем? – спросила Элис.

– Обязательно.

У въезда на территорию мотеля был разбит небольшой сад. Растения выглядели печальными и наполовину засохшими, но владелец пытался что-то сделать.

– Мне это место нравится, – повторил Ричер.

Форма мотеля была такой же, как у предыдущего. Офис с U-образной парковкой, идущей вдоль стоящих спина к спине домиков, развернутых

под углом в девяносто градусов к дороге. Элис сделала полный круг. Десять домиков в ряд, всего двадцать, двенадцать машин припарковано возле двенадцати дверей. Два «шевроле», три «хонды», две «тойоты», два «бьюика», старый «сааб», старый «ауди» и пятилетний «форд-эксплорер».

– Две трети минус два, – сказал Ричер.

– Это то место? – спросила Элис.

Он ничего не ответил. Она остановилась возле офиса и нетерпеливо спросила:

– Ну?

Он молча открыл дверцу и вышел из машины. Снова становилось жарко. Воздух наполняли запахи влажной земли. Он слышал, как журчит вода в канавах. В офисе было темно. Дверь заперта. Возле двери Ричер заметил аккуратную кнопку ночного звонка. Он надавил на нее большим пальцем и заглянул внутрь через окно.

Здесь не оказалось автомата для продажи газированной воды. Только аккуратная стойка, над которой были развешаны рекламные плакаты. Он не видел, что они рекламируют. Слишком темно. Ричер продолжал давить на кнопку звонка. Внутри загорелся свет, и к двери подошел мужчина, рассеянно проводя рукой по волосам. Ричер вытащил звезду помощника шерифа из кармана и приложил к стеклу. Мужчина включил свет в офисе и открыл дверь. Ричер сразу же прошел внутрь. На рекламных листках рассказывалось о самых интересных местах в радиусе ста миль. Среди них фигурировал и Старый Форт-Стоктон. Ричер также заметил что-то о кратере, оставшемся от упавшего возле Одессы метеорита. Все эти места стоило посетить. И никакой рекламы родео или недвижимости. Он помахал рукой Элис, приглашая ее войти.

– Это наше место, – сказал он.

– Ты уверен?

Он кивнул.

– Выглядит вполне подходяще.

– Вы полицейские? – спросил ночной портье, посмотрев на их машину.

– Мне нужно взглянуть на вашу регистрационную книгу со списком сегодняшних гостей.

Это невозможно. Совершенно невозможно. Ее не было снаружи, ее не было внутри. Он еще раз обвел глазами комнату. Кровати, мебель,

стенной шкаф. Ничего. Ее не было в ванной, поскольку он сам находился там.

Если только...

Если только она не пряталась под кроватью или в стенном шкафу, а потом успела перебраться в ванную, пока он выходил на улицу. Он шагнул к ванной и распахнул дверь. И улыбнулся себе в зеркало. Оно больше не было запотевшим. Мужчина резким движением отодвинул пластиковую занавеску.

– А вот и ты, – сказал он.

Девочка стояла в дальнем углу ванны, одетая в футболку, шорты и туфельки. Тыльная сторона правой ладони прижата ко рту. Глаза широко раскрыты. Они были темными и огромными.

– Я передумал, – сказал он. – Пожалуй, я возьму тебя с собой.

Элли ничего не ответила, только молча смотрела на него. Он протянул к ней руку. Она отпрянула в сторону.

– Четыре часа еще не прошло, – сказала она.

– Нет, прошло гораздо больше.

Она снова засунула руку в рот. Он вновь потянулся к ней, и она отскочила. Что мама говорила о таких ситуациях? «Если тебя что-то тревожит, кричи изо всех сил». Элли сделала глубокий вдох и попыталась закричать. Но ничего не вышло. Во рту у нее совсем пересохло.

– Регистрационную книгу, – повторил Ричер.

Портье колебался, словно существовали какие-то специальные правила. Ричер посмотрел на часы и мгновенно вытащил из кармана «хеклер-и-кох».

– Немедленно, – сказал он. – У нас нет времени на уговоры.

Глаза портье широко раскрылись, он наклонился под стойку, вытащил толстую кожаную книгу и молча подтолкнул ее к Ричеру. Ричер и Элис подошли, чтобы посмотреть.

– Какие имена нам искать? – спросила она.

– Понятия не имею, – ответил он. – Нужно смотреть марки машин.

На странице было пять колонок. Дата, фамилия, домашний адрес, марка автомобиля и дата отъезда. Двадцать строк на двадцать домиков.

Шестнадцать из них были заняты. На семи стояли стрелочки, показывавшие, что гости проводят здесь уже не первую ночь. В девяти домиках спали те, кто прибыл сегодня. Возле одиннадцати из них марки машин были написаны рядом. Четырем домикам соответствовало две машины.

– Семьи, – пояснил портье. – Или большие компании.

– Вы их записывали? – спросил Ричер.

Портье покачал головой.

– Я работаю только ночью. Прихожу сюда поздно вечером.

Ричер посмотрел на страницу и застыл в неподвижности. Потом он отвернулся.

– Что такое? – спросила Элис.

– Это не то место. Я ошибся.

– Почему?

– Посмотри на машины, – сказал он.

Он провел дулом пистолета по четвертой колонке. Три «шевроле», три «хонды», две «тойоты», два «бьюика», один «сааб». Один «ауди». И один «форд».

– Должно быть два «форда», – сказал он. – Их «форд-краун» и «форд-эксплорер», который есть в списке.

– Дерьмо, – пробормотала Элис.

Ричер кивнул. Дерьмо. Он был в полной растерянности. Если он ошибся, то у него не было ни малейшего представления о том, где они могут быть. Он все поставил на одну карту. Плана «Б» не было. Ричер посмотрел в книгу. «Форд». Представил себе старый «форд-эксплорер», стоящий возле одного из домиков. Потом снова перевел взгляд на книгу.

Почерк всюду одинаковый.

– Кто занимается регистрацией? – спросил он.

– Хозяйка, – ответил портье. – Она все делает по старинке.

Ричер закрыл глаза. Вспомнил, как Элис делала медленный круг по парковке. Вспомнил обо всех старомодных мотелях, в которых останавливался.

– Хорошо, – продолжал он. – Гости сообщают свои фамилии и адреса, хозяйка их записывает. Потом смотрит в окно и сама заносит в книгу марки машин. Если гости чем-то заняты или вытаскивают деньги.

– Вполне возможно. Я работаю только ночью. Меня никогда при этом не бывает.

– Хозяйка не слишком интересуется автомобилями, верно?

– Понятия не имею. А почему вы так думаете?

– В книге три «шевроле», а на парковке их только два. Похоже, она приняла «форд-эксплорер» за «шевроле». Это старый мотель. И хозяйка могла перепутать его с «блейзером»[29] или еще с чем-нибудь.

Он коснулся кончиком дула слова «форд».

– А это «форд-краун». Мы их нашли.

– Ты так думаешь? – спросила Элис.

– Я знаю. Я чувствую.

Они сняли два домика, не соседние, но в одном ряду. Номер пять и номер восемь.

– Хорошо, я пойду посмотрю.

Он посмотрел на ночного портье.

– Вы останетесь здесь и будете сидеть тихо. – Затем он обернулся к Элис. – Позвони в полицию штата и приготовься к встрече с федеральным судьей.

– Вам нужен ключ? – спросил портье.

– Нет, ключ мне не понадобится, – ответил Ричер.

Правый ряд домиков начинался с номера один. К каждой двери вела бетонная дорожка. Ричер двигался быстро и бесшумно, оставляя на дорожках влажные следы. Отсюда он видел только двери, окон на фасаде не было, они наверняка сзади. Обычные маленькие домики, каких миллионы. Стандартное расположение: короткий коридор от двери, с одной стороны ванная, с другой стенной шкаф, дальше единственная комната с двумя кроватями, двумя стульями, столом, небольшим шкафчиком, кондиционером возле окна и картинами, сделанными пастелью, на стене.

Возле домика номер пять на тротуаре лежала табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Ричер переступил через нее. «Если у тебя есть

похищенный ребенок, то ты будешь держать его подальше от офиса. Тут и думать нечего». Он подошел к номеру восемь и приложил ухо к двери. Там царила тишина. Ричер дошел до конца ряда мимо девятого и десятого домиков, обогнул парковку. Две группы домиков были расположены параллельно, лицом к лицу, их разделял лишь небольшой садик. Низкие колючие растения, пробившиеся сквозь гравий. Кое-где горели не слишком яркие желтые фонари. Кто-то тщательно расставил крупные булыжники, как в японском саду камней.

Гравий шуршал под ногами, и Ричеру пришлось идти медленно. Он прошел мимо окон десятого и девятого домиков, затем присел и прижался к стене. Осторожно переместился вперед, под окно восьмого номера. Кондиционер работал на полную мощность, заглушая все остальные звуки. Ричер осторожно поднял голову и заглянул в окно.

Ничего. Внутри было пусто. Возможно, сюда даже не входили. Совершенно чистый номер, приготовленный для приема гостей. Ричер ощутил, как на него накатывает паника. Может быть, они сняли номера в нескольких мотелях. В двух или даже трех похожих местах, чтобы иметь выбор. Всего тридцать или сорок долларов за ночь – почему бы и нет? Он выпрямился во весь рост и, не обращая внимания на шорох гравия, пробежал мимо окон седьмого и шестого домиков к пятому. Заглянул внутрь.

И увидел, как невысокий смуглый мужчина в двух полотенцах вытаскивает Элли из ванной. Мужчину заливал яркий свет, льющийся из распахнутой двери. Он держал оба запястья Элли в одной руке, а она отчаянно вырывалась. Ричер смотрел с четверть секунды – этого времени ему хватило, чтобы оценить расположение мебели в комнате и заметить черный пистолет с глушителем, лежащий на шкафчике. Ричер сделал глубокий вдох, шагнул в сторону и одним стремительным движением поднял с земли увесистый камень. Он был немногим больше баскетбольного мяча и весил около ста фунтов. Ричер швырнул его в окно. Во все стороны посыпались осколки, но Ричер уже прыгнул в комнату головой вперед. Сорванная рама оказалась надета на его плечи, словно лавровый венок победы.

Невысокий смуглый мужчина на мгновение замер, затем отпустил Элли, повернулся и метнулся к шкафчику. Ричер отбросил в сторону раму, легко опередил своего противника, схватил его за горло правой рукой, а левой нанес такой мощный удар в живот, что тот рухнул на пол. И еще один – ногой по голове. Глаза мужчины закатились. Ричер заставил себя глубоко дышать, сжимая и разжимая кулаки, стараясь преодолеть желание забить лежащего противника до смерти.

Потом он повернулся к Элли.

– Ты в порядке? – спросил он.

Она кивнула, а потом после короткого молчания сказала:

– Он плохой человек. Мне кажется, он хотел меня застрелить.

Ричер постарался успокоить дыхание.

– Теперь у него это не получится, – сказал он.

– Были гром и молнии, – сообщила Элли.

– Я слышал. Я был на улице и весь промок.

Элли кивнула.

– Да, был сильный дождь.

– Ты в порядке? – спросил он снова.

Она немного подумала и кивнула. Элли была очень сосредоточена. И очень серьезна. Никаких слез или криков. В комнате стало очень тихо. Все произошло за три секунды – от самого начала и до конца. Казалось, ничего и не случилось. Но камень из сада лежал посреди комнаты, а вокруг валялись осколки стекла. Ричер поднял камень, подошел к окну и выбросил его наружу. Он ударился о гравий и откатился в сторону.

– Ты в порядке? – спросил Ричер в третий раз.

Элли кивнула. Ричер взял телефон и набрал ноль. Ему ответил ночной портье. Ричер попросил его прислать Элис в пятый домик. Потом подошел к двери, снял цепочку и открыл замок. Он не стал закрывать дверь, и сразу же возник сквозняк из-за разбитого окна. Воздух снаружи был влажным и теплым.

– Ты в порядке? – спросил Ричер в четвертый раз.

– Да, я в порядке, – ответила Элли.

Через минуту в домик вошла Элис, и Элли с любопытством посмотрела на нее.

– Это Элис, она помогает твоей маме, – сказал Ричер.

– А где моя мама?

– Скоро она будет с тобой, – сказала Элис.

Потом она повернулась и посмотрела на маленького смуглого мужчину, который неподвижно лежал на полу.

– Он жив? – шепотом спросила Элис.

Ричер кивнул.

– Он потерял сознание, и все. Надеюсь, что так.

– Полиция штата скоро будет здесь, – прошептала Элис. – Я позвонила своему боссу домой. Подняла его с постели. Он готовит нужных людей для встречи с судьей. Однако он говорит, что нам потребуется признание этого типа, если мы хотим избежать проволочек.

– Мы его получим, – заверил ее Ричер.

Он наклонился, сделал из одного полотенца петлю и потащил мужчину в ванную.

Двадцать минут спустя он вышел из ванной и увидел в комнате двоих полицейских. Сержант и его напарник, оба латиноамериканцы, в безупречной форме. Он слышал, как работает двигатель стоящей неподалеку патрульной машины. Ричер кивнул им, подошел к стулу, на котором лежала одежда наемного убийцы, забрал ее и бросил в приоткрытую дверь ванной.

– Что скажете? – спросил сержант.

– Он готов говорить, – ответил Ричер. – Намерен сделать полное добровольное признание. Но он хочет, чтобы вы знали, что он исполнял функции водителя.

– Он не был стрелком?

– Однако он все видел, – заверил сержанта Ричер.

– А как насчет похищения?

– Его там не было. Он просто охранял девочку, и не более того. И ему есть что рассказать о том, что они делали в течение многих лет.

– Если он будет говорить, его посадят надолго.

– Он это знает. И готов к такому исходу. Он ищет искупления.

Полицейские переглянулись и вошли в ванную. Ричер услышал, как щелкнули наручники.

– Я должна уехать, – сказала Элис. – Мне нужно подготовить судебный приказ. С хабеас корпус предстоит много работы.

– Возьми «форд», а я подожду здесь с Элли, – сказал Ричер.

Полицейские вывели водителя из ванной. Он был одет, руки скованы наручниками за спиной. Полицейские поддерживали его за локти. Он едва шел, его лицо побелело от боли, но он уже что-то быстро говорил.

Полицейские сразу же посадили его в свою машину. Послышался звук захлопывающихся дверей и рев двигателя.

– Что ты с ним сделал? – прошептала Элис.

Ричер пожал плечами.

– Ты же сама сказала, что я жестокий человек.

Ричер попросил Элис прислать ночного портье с ключами, и она ушла в офис. Он повернулся к Элли.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Не нужно больше меня спрашивать, – ответила она.

– Устала?

– Да, – сказала Элли.

– Скоро сюда приедет твоя мама, – обещал Ричер. – Мы будем ждать ее тут. Но давай перейдем в другую комнату, ладно? Здесь разбито окно.

Элли хихикнула.

– Это вы его разбили. Камнем.

Ричер услышал, как включился двигатель «форд-крауна». Шины зашуршали по асфальту.

– Давай попробуем домик номер восемь, – предложил Ричер. – Там хорошо и чисто, никто туда даже не входил. Это будет наш домик.

Она взяла его за руку, и они вместе пошли по бетонной дорожке к домику номер восемь. Дюжина шагов для Ричера, и три дюжины – для Элли. За ними протянулась влажная дорожка следов. Портье дал Ричеру ключ, и Элли сразу же забралась в кровать, стоявшую возле окна. Ричер улегся на соседнюю и смотрел на Элли до тех пор, пока она не заснула. Потом он подложил руку под голову и попытался немного поспать.

Менее чем через два часа взошло солнце нового дня, жаркие лучи упали на крышу, и металл начал тихонько потрескивать. После недолгого тревожного отдыха Ричер открыл глаза и сел, потом тихонько подкрался к двери и вышел на улицу. Восточный горизонт виднелся далеко справа, за офисом мотеля. Над ним пылал ослепительно-белый свет. На небе остались обрывки вчерашних туч, но они быстро исчезали. Сегодня бури не будет. Все говорили о непогоде в течение недели, но ничего особенного так и не произошло. Ночной ливень, и не более того. Вышла осечка.

Он вернулся в комнату и снова лег на кровать. Элли продолжала спать. Она сбросила простыню, футболка слегка задралась, и Ричер видел полоску розовой кожи на животе. Ноги Элли были согнуты, словно она куда-то бежала во сне. Однако руки были закинуты за голову. Однажды военный психиатр сказал Ричеру, что это знак того, что человек чувствует себя в безопасности. «Если ребенок так спит, – сказал психиатр, – то он ничего не боится».

Не боится? Элли удивительный ребенок. Тут нет ни малейших сомнений. Многие взрослые, которых он знал, после таких переживаний долго находились в шоке. В течение нескольких недель. Или даже дольше. Но только не Элли. Может быть, она слишком мала, чтобы понимать, что произошло. Или она просто очень сильная личность. Одно из двух. Он не знал. У Ричера не было необходимого опыта. Он закрыл глаза.

Ричер вновь открыл их через тридцать минут, потому что Элли стояла рядом и трясла его за плечо.

– Я хочу есть – сказала она.

– И я, – ответил Ричер. – Чего бы ты хотела?

– Мороженого, – ответила она.

– На завтрак?

Она кивнула.

– Ладно. Но сначала мы съедим яичницу с грудинкой. Ты ребенок, тебе нужно правильно питаться.

Он снял с полки телефонный справочник и нашел кафе, расположенное в миле от мотеля. Ричер позвонил им и обещал двадцать долларов чаевых, если они привезут завтрак в мотель. Потом он отправил Элли мыться в ванную. Когда она вышла, завтрак уже привезли. Яичница с грудинкой, тосты, джем и кола для Элли, кофе для Ричера. И большая порция мороженого с шоколадным сиропом.

Завтрак все изменил. Ричер плотно поел, выпил кофе и почувствовал, как к нему возвращаются силы. Он видел, что еда оказывает такое же действие и на Элли. Они широко распахнули дверь домика, чтобы почувствовать аромат утреннего воздуха. Потом Ричер вытащил стулья на улицу, они уселись на них и стали ждать.

Им пришлось прождать больше четырех часов. Для Ричера ожидание уже давно вошло в привычку. Элли ждала так, словно это было важным делом, к которому следовало относиться со всей серьезностью. Ричер

еще раз позвонил в кафе, и они съели второй завтрак – меню осталось неизменным. Они посещали ванную. Немного разговаривали. Пытались выяснить названия деревьев, растущих вокруг парковки, прислушивались к гудению насекомых, разглядывали облака на небе. Но большую часть времени просто смотрели на шоссе. Земля высохла, словно дождя никогда и не было. Вновь появилась пыль. Она поднималась над асфальтом и висела в воздухе. Движение было довольно редким. Машины проезжали лишь каждые две минуты, не чаще. Иногда мимо проносилась целая группа машин – в тех случаях, когда им долго не удавалось обогнать грузовичок какого-нибудь фермера.

Около одиннадцати Ричер встал и сделал несколько шагов в сторону парковки – и увидел «форд-краун», приближающийся к мотелю с юга. Он медленно плыл, окруженный дымкой. Фальшивые антенны раскачивались из стороны в сторону. В воздухе клубилась пыль.

– Эй, детка, посмотри сюда, – позвал он.

Элли встала рядом с ним, прикрыв ладошкой глаза. Большая машина притормозила, свернула к мотелю и остановилась рядом с ними. За рулем сидела Элис. Рядом с ней Ричер увидел Кармен. Она выглядела бледной и усталой, но на ее губах играла улыбка, а глаза сияли от радости. Она распахнула дверцу прежде, чем машина остановилась, и выскочила наружу. Элли побежала к ней и бросилась в ее объятия. Они кричали, смеялись и плакали одновременно. Ричер наблюдал за ними несколько мгновений, а потом присел на корточки рядом с машиной. Он не хотел мешать. В такие мгновения людям нужно дать побыть одним. Элис, наблюдавшая за ним, опустила окно со своей стороны и положила руку ему на плечо.

– Все разрешилось? – спросил он.

– Для нас – да, – ответила Элис. – Но полицейским предстоит много бумажной работы. Им придется разбираться более чем с пятью десятками убийств в семи разных штатах. В том числе и с теми, что происходили здесь двенадцать лет назад при участии Юджина, Слупа и Уокера. Они намерены арестовать Расти за убийство Уокера. Впрочем, учитывая все обстоятельства, ее почти наверняка выпустят.

– А как обстоит дело со мной?

– Прошлой ночью они задавали множество вопросов, но я сказала, что это моих рук дело.

– Почему?

Она улыбнулась.

– Потому что я адвокат. Я назвала это самообороной, и они без колебаний приняли мои слова на веру. Пострадала моя машина, стреляли из моего пистолета. Никаких сомнений. А тебе бы пришлось долго давать объяснения.

– Значит, мы все свободны?

– В том числе и Кармен.

Он посмотрел на них. Элли сидела на коленях у Кармен, которая прижимала дочь к себе так, словно черпала в ней энергию, необходимую, чтобы жить дальше. Потом Кармен подняла голову, прищурилась под лучами солнца и улыбнулась с такой безудержной радостью, что Ричер не мог не улыбнуться в ответ.

– У нее есть какие-то планы? – спросил он.

– Она собирается переехать в Пекос, – ответила Элис. – Нам нужно будет разобраться с делами Слупа. Наверняка он где-то спрятал наличные. Она говорит о том, чтобы перебраться жить в дом вроде моего. Может быть, начнет работать. Может быть, даже поступит в юридический колледж.

– Ты рассказала ей о красном доме?

– Она смеялась от радости. Я рассказала ей, что дом сгорел дотла, а она лишь смеялась и смеялась. С ней все будет в порядке.

Элли соскочила на землю, взяла Кармен за руку и повела вдоль парковки, чтобы показать деревья, которые они уже изучили вместе с Ричером. Рот девочки не закрывался. Она была полна энергии, а Кармен казалась безмятежной и очень красивой. Ричер встал и оперся о машину.

– Хочешь перекусить?

– Здесь?

– Я уже навел контакты с кафе. У них наверняка есть овощи.

– Меня устроит салат из тунца.

Ричер вернулся в домик, позвонил в кафе, заказал три сэндвича и обещал еще двадцать долларов чаевых. Когда он вышел, Кармен и Элли его ждали.

– Я скоро пойду в другую школу, как ты, – сообщила Элли.

– Ты там отлично справишься, – сказал он. – Ты очень умная девочка.

Кармен отпустила руку дочери и подошла к нему. На мгновение она смутилась, потом широко улыбнулась, сделала быстрый шаг вперед и крепко обняла Ричера.

– Спасибо, – только и сказала она.

Он обнял ее в ответ.

– Сожалею, что это заняло так много времени.

– А моя подсказка помогла?

– Подсказка? – спросил он.

– Я оставила для вас подсказку.

– Где?

– В моем признании.

Он ничего не ответил. Кармен высвободилась из его объятий, взяла за руку и отвела в сторону, чтобы Элли их не услышала.

– Он заставил меня сказать, что я была шлюхой.

Ричер кивнул.

– Но я сделала вид, что ужасно нервничаю и все перепутала. Я сказала: «гулящая женщина».

Он кивнул.

– Я помню.

– Но правильнее сказать «уличная женщина», ведь так? И это было подсказкой. Вы должны были подумать: «Не гулящая, а уличная». Понимаете? Это Уокер.[30] Я хотела подсказать, что за всем этим стоит Хэк Уокер.

Ричер долго молчал и наконец со вздохом признался:

– Нет, я этого не понял.

– И как же вы во всем разобрались?

– Наверное, я выбрал кружной путь.

Она снова улыбнулась Ричеру, взяла его за руку, и они вместе подошли к машине, где Элли о чем-то весело болтала с Элис.

– С вами все будет хорошо? – спросил Ричер.

Она кивнула:

– Да. Но я чувствую вину. Многие люди умерли.

Он пожал плечами.

– Как сказал Клей Эллисон…

– Спасибо, – повторила Кармен.

– No hay de que, señora.

– Señorita, – поправила Кармен.

Кармен, Элли и Элис скрылись в домике, чтобы помыться перед едой. Ричер дождался, пока дверь за ними закроется, повернулся и пошел прочь. Такое решение показалось ему самым естественным. Он не хотел, чтобы его уговаривали задержаться здесь. Выйдя на шоссе, он зашагал на юг, и ему пришлось пройти почти милю по жаре, прежде чем его согласился подвезти беззубый старик на грузовичке. Ричер вышел на пересечении с автострадой I-10 и почти полтора часа ждал под палящим солнцем на западной развязке, пока мощный грузовик не затормозил рядом с ним. Ричер подошел к высокой кабине и заглянул в окно. Стекло опустилось. Он услышал музыку и мощное гудение дизельного двигателя. Он узнал Бадди Холли. Водитель наклонился к Ричеру. Это был полноватый мужчина лет пятидесяти, одетый в футболку «Доджерс», с лицом, заросшим четырехдневной щетиной.

– Лос-Анджелес? – спросил водитель.

– Куда угодно, – ответил Ричер.

Примечания

1

Один из каналов кабельного телевидения, по которому круглосуточно показывают только спортивные передачи.

2

Международный аэропорт, второй крупнейший аэропорт страны после аэропорта О'Хара.

3

Одна из крупнейших общенациональных фирм по прокату автомобилей.

4

Бадди Холли, настоящее имя Чарльз Хардин Холли (1936–1959) – американский певец, автор песен, пионер рок-н-ролла.

5

Ричард Стивен Валенсуэла, один из первых исполнителей рок-н-ролла, внесший в музыку латиноамериканский колорит. Талантливый певец, погибший в 17 лет.

6

Sloop *(англ.)* – шлюп, сторожевой корабль.

7

Плодородная долина на западе Калифорнии, крупнейший район виноделия в США.

8

Джонсон Линдон Бейнс (1908–1973) – 36-й президент США (в 1963–1969 гг.).

9

Куонсетский ангар – ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа. Первые строения такого типа были собраны в 1941 году в городке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд. Во время Второй мировой войны использовались в качестве временных армейских казарм или хозяйственных помещений.

10

Леонард Франклин Слай (1911–1998), прославившийся как Рой Роджерс, был певцом и актером, который играл в вестернах ковбоев.

11

Джон Уэйн – американский актер, которого называли королем вестерна. Снимался ежегодно примерно в пяти фильмах.

12

Инфилд – в бейсболе внутреннее поле; аутфилд – внешнее поле.

13

Дорожная развязка на разных уровнях; по своей конфигурации напоминает лист клевера.

14

Покрытый колючками съедобный плод опунции (род кактуса с желтыми цветами).

15

Уотерфорд – город в Ирландии, где находится знаменитый завод, производящий изделия из хрусталя.

16

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

17

Парадоксальная ситуация, положение, из которого нет выхода; заколдованный круг (по названию одноименной книги американского писателя Дж. Хеллера).

18

13-й президент США (1850–1853).

19

Рассечение промежности.

20

Вид траста, при котором учредитель не может менять структуру инвестиций.

21

Город в штате Канзас. Известен своей тюрьмой.

22

«Грейхаунд оф Америка». Национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородные, в том числе трансконтинентальные маршруты. На эмблеме компании изображена бегущая борзая.

23

Не хочу оспаривать *(лат. юр.)* – согласие обвиняемого понести наказание без признания им своей виновности.

24

Находящийся в самовольной отлучке.

25

Уайат Эрп (1848–1929) был судебным исполнителем в Додж-Сити (штат Канзас), принимал участие в знаменитой перестрелке в поселке Тумстоун (штат Аризона) в 1881 году.

26

Единица работы.

27

Особый вид боеприпасов, у которых в головной части пули присутствует выемка, благодаря чему при попадании в цель пуля «раскрывается». Подобные пули наносят обширные повреждения в мягких тканях, из-за чего данный вид боеприпасов признан негуманным.

28

Судебное предписание о представлении арестованного в суд для проверки законности ареста (от *лат.* Habeas corpus ad subjiciendum – «Ты имеешь доставить особу заключенного»).

29

«Шевроле C-10 Блейзер».

30

Walker (*англ.)* от walk – гулять.